

Николай Дубровин

ПЕРВАЯ ОБОРОНА
СЕВАСТОПОЛЯ
1854 - 1855

«РУССКАЯ ТРОЯ»

160 лет назад началась Первая оборона Севастополя. Европейские захватчики рассчитывали взять его за неделю, однако осада затянулась почти на год, так что город не зря величали «Чудотворной крепостью» и «Русской Троей», а на вопрос главнокомандующего: много ли вас на бастионе, братцы? – солдаты и матросы отвечали: «Дня на три хватит!» И таких дней в Севастопольской Страде было 349... Почему Россия осталась одна против европейской коалиции и как нас предали союзники, совсем недавно спасенные нами? Чем грозит военнотехническое отставание от Европы и правда ли, что наши потери в обороне оказались выше, чем у атакующего противника? Был ли шанс отстоять Севастополь и не поторопилось ли командование покинуть город? Следует ли считать Крымскую войну нашим поражением? И какие уроки должно вынести из Севастопольской Страды нынешнее руководство России?

- [Николай Дубровин](#)
 - [Битва за Ясли Господни](#)
 - [От автора](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Приложения](#)
 - [Участники обороны Севастополя\[32\]](#)
 - [Император Николай I](#)
 - [Император Александр II](#)
 - [Великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич](#)
 - [Великий князь Николай Николаевич](#)
 - [Великий князь Михаил Николаевич](#)
 - [Владимир Алексеевич Корнилов](#)
 - [Павел Степанович Нахимов](#)
 - [Эдуард Иванович Тотлебен](#)
 - [Светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков](#)
 - [Князь Михаил Дмитриевич Горчаков](#)
 - [Федор Михайлович Новосильский](#)

- [Владимир Иванович Истомин](#)
- [Александр Иванович Панфилов](#)
- [Александр Петрович Хрущев](#)
- [Степан Александрович Хрулев](#)
- [Вильгельм Христианович фон Буссау](#)
- [Граф Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен](#)
- [Князь Виктор Илларионович Васильчиков](#)
- [Константин Романович Семякин](#)
- [Карл-Мауриц Алексеевич Мартинау](#)
- [Мориц Христианович фон Шульц](#)
- [Князь Петр Дмитриевич Горчаков](#)
- [Онуфрий Александрович Квицинский](#)
- [Павел Петрович Липранди](#)
- [Николай Дмитриевич Тимофеев](#)
- [Федор Григорьевич Левуцкий](#)
- [Петр Андреевич Данненберг](#)
- [Федор Иванович Соймонов](#)
- [Прокофий Яковлевич Павлов](#)
- [Александр Иванович Шепелев](#)
- [Александр Осипович Асланович](#)
- [Леонард Онуфриевич Бялый](#)
- [Барон Павел Александрович Вревский](#)
- [Николай Андреевич Рead](#)
- [Карл Александрович Бельгард](#)
- [Александр Карлович Баумгартен](#)
- [Николай Козьмич Тетеревников](#)
- [Людвиг Иванович Драке](#)
- [Павел Евстафьевич Коцебу](#)
- [Федор Карлович Затлер](#)
- [Петр Кошка](#)
- [Архиепископ Иннокентий](#)
- [Арсений Гавриилович Лебединцев](#)
- [Иеромонах Никандр](#)
- [Михаил Антонов Романский](#)
- [Николай Иванович Пирогов](#)
- [Христиан Яковлевич Гюббенет](#)
- [Бронислав Сигизмундович Шёнфельд](#)
- [Антон Доминикович Миштольт](#)
- [Владимир Сергеевич Кудрин](#)
- [Андрей Алексеевич Лаврентьев](#)
- [Матросы](#)
- [Парижский трактат \(заключен 18/30 марта 1856 г.\)](#)
 -
 - [Конвенция касательно проливов Дарданелл и Босфора](#)
 - [Конвенция об Аландских островах](#)
- [М. П. Погодин\[34\] \(Комментарий к Парижскому трактату\)](#)

○ [Об авторе](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
-

Николай Дубровин

**Первая оборона Севастополя 1854–1855 гг. «Русская
Троя»**

Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна.

А. С. Пушкин (1834)

Россия ли проиграла Восточную (Крымскую) войну 1853–1856 годов?

Вопрос, сформулированный в подзаголовке данной статьи, все чаще задают себе сегодня все, кто исследует или осмысливает события войны, вступившей в эпоху своего 160-летнего юбилея.

Все больше людей убеждаются в том, что нет ничего более далекого от истины, чем привычное утверждение о якобы имевшем место поражении. Нет необходимости широко документировать абсолютное господство до последних лет в исторической литературе именно «пораженческой» точки зрения. Мы найдем ее в любой монографии или статье, в учебнике или учебном пособии, в публицистическом очерке или научных комментариях. До недавнего времени почти невозможной задачей было как раз обратное – отыскать иную оценку результатов Крымской войны. Такие мнения можно было высказывать только между строк.

Ограничимся одним примером. Академик Е. В. Тарле, фактически исповедовавший другую систему взглядов, внешним образом именно в русле «пораженческой» концепции вынужден был начинать разговор о Крымской войне в своей классической монографии: «Царизм начал и он же проиграл эту войну, обнаружив ... несостоятельность ... господства дворянско-феодалного крепостнического строя».

Невооруженным взглядом видно, что это утверждение является всего лишь обязательной калькой известных слов В. И. Ленина о Крымской войне. Весь последующий текст двухтомной монографии «Крымская война», опубликованной в годы Великой Отечественной войны с одобрения И. В. Сталина, фактически опровергает «пораженческий» тезис.

Другой характерной чертой советской историографии Крымской войны являлось абсолютное игнорирование православной составляющей этого глобального противостояния. Инспирированный Францией двухлетний спор с Россией о «святых местах» закончился тем, что накануне 1853 года ключи от Вифлеемского храма (церковь Яслей Господних) были демонстративно, с большим шумом отняты у православной общины, которой они традиционно принадлежали, и под давлением Парижа переданы турецкими властями Палестины католикам. Этот акт был совершен в стране, в которой православие исповедовало большинство подданных – десять миллионов человек. Нетрудно представить себе реакцию на эти события не только внутри Османской империи, но и за ее пределами, в первую очередь в православных странах. Было грубо и публично нарушено закрепленное договорами право России на покровительство православия в Турции.

Унижение православных святынь – постоянная черта поведения агрессоров в этой войне. Не случайно она получит также другое название – «битва за Ясли Господни». В этом ряду бомбардировка английскими фрегатами 18–19 июля ^[1] 1854 года Соловецкого монастыря. В этом ряду – избрание главной мишенью для нападения именно Крыма и Севастополя, который являлся не только военной базой России на Черном море, но и колыбелью русского православия. Показательно, что французы «возьмут в плен» херсонесский колокол, который почти 60 лет будет висеть в соборе Парижской Богородицы и возвратится на свое место только после неоднократных настоятельных требований русского правительства.

Не только сегодня, но даже в XIX веке многим представителям образованной России, испытавшим «просвещенное» влияние атеистической Европы, вопрос о ключах казался лишенным всякой важности и значения. Раскол между «ретроградным» правительством и «образованным» обществом, жертвой которого оказывался русский народ, углублялся все больше и больше. Вопросы веры многим казались архаическим пережитком, препятствующим столь желанному прогрессу. Об этой опасности в книге «Россия и Европа» пророчески предупреждал современников Н. Я. Данилевский: «Этот спор о ключе, который многие даже у нас представляют себе чем-то ничтожным, недостойным людей, имеющих счастье жить в просвещенный девятнадцатый век, имел для России, даже с исключительно политической точки зрения, гораздо более важности, чем какой-нибудь вопрос о границах, спор о более или менее обширной области...».

Современники предупреждению мыслителя не вняли. «Счастье» жить в просвещенный XIX век оказалось для «образованного» русского общества важнее вопросов веры, за что мы и заплатили страшными испытаниями века XX. Может быть, на пороге XXI столетия мы заново постараемся определить, в чем же все-таки наше истинное счастье: в приобщении к общечеловеческим ценностям, которые каким-то странным образом все время поворачиваются к нам своим звериным, а не гуманным обликом, или в сохранении верности традициям наших непросвещенных предков и их такой несовременной тысячелетней вере?

Истинные идеологи Восточной войны отчетливо осознавали подлинное значение событий, их сакральный смысл. Архиепископ Парижский прелат Сибур подчеркивал: «Война, в которую вступила Франция с Россией, не есть война политическая, но война священная. Это не война государства с государством, народа с народом, но единственно война религиозная. Все другие основания, выставляемые кабинетами, в сущности, не более как предлоги, а истинная причина, угодная Богу, есть необходимость отогнать ересь... укротить, сокрушить ее. Такова признанная цель этого нового крестового похода и такова же была скрытая цель и всех прежних крестовых походов, хотя участвовавшие в них и не признавались в этом».

Предки наши на агрессию врага, помимо воинского сопротивления, ответили сплочением вокруг православной веры. «Битва за Ясли Господни» породила целый мир православных героев, легенд и преданий. 150 священнослужителей были награждены за отличия в Крымской войне. Героическое воинское священство получило достойное художественное отражение на эпическом полотне легендарной севастопольской Панорамы. Первое имя в этом ряду – архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов), спустя полтора столетия причисленный к лику святых. Крымский «Златоуст», неутомимый вдохновитель защитников города, именно он 27 июля 1854 года освятил закладку храма Святого князя Владимира, ставшего усыпальницей выдающихся русских адмиралов – М. П. Лазарева, В. А. Корнилова, В. И. Истомина, П. С. Нахимова и других. В своей речи «при заложении храма» архиепископ Иннокентий осмыслял оборону Севастополя именно как защиту православных основ государства Российского: «Здесь купель нашего крещения, здесь начало нашей священной истории и народных преданий. Уступить после сего страну эту кому бы то ни было значило бы для России отказаться от купели своего крещения, изменить памяти Св. Владимира... Такова, говорю, сила и таков смысл нынешнего нашего священнодействия по отношению к врагам нашим!».

В ряду православных героев – священники самого старого на территории России Георгиевского монастыря на мысе Фиолент, основанного, по преданию, в 891 году (в 1820 году в обители останавливались на ночлег генерал Н. Н. Раевский и молодой Пушкин). В монастыре была смонтирована телеграфная станция, связывавшая командование союзных сил с Лондоном и Парижем через Варну посредством подводного кабеля. Пренебрегая присутствием врага,

объявившего их пленниками, монахи ни на день не прекращали молитвы о победе русского оружия.

С началом боевых действий Николай I отправил в Севастополь список с иконы Божией Матери «Умиление», перед которой всю жизнь молился и скончался преподобный Серафим. Главнокомандующий войсками князь А. С. Меншиков в лучших традициях «образованного» общества оставил ее в каком-то чулане. Только после запроса государя о судьбе иконы ее разыскивали, но на Южную сторону Севастополя, в сражающуюся армию так и не отправили, оставив на Северной стороне. Именно Северная сторона города, как известно, так и не была взята неприятелем.

30 марта 1856 года подписывается Парижский мирный договор. 12 июля последние войска союзников покидают Крым, а уже 14 июля Александр II учреждает в Таврической губернии (как свидетельство победы духа над материальным злом) Космо-Дамиановский монастырь на чудотворном источнике – одну из любимых обителей русских самодержцев, особенно царя-мученика Николая II. Учреждение монастыря вполне естественная форма ознаменования финала для войны, которую современники называли «битвой за Ясли Господни».

В советское время своеобразное табу на полное и подробное освещение истории Крымской войны наложили, с одной стороны, резко отрицательная оценка К. Марксом и Ф. Энгельсом военной политики Николая I, с другой – известные слова В. И. Ленина о том, что война «показала гнилость и бессилие крепостной России». Ясно, что в советской историографии Россия просто обязана была проиграть Крымскую войну.

Основоположники марксизма, в полном согласии с новоявленными европейскими крестonosцами и либеральными демократами, были сторонниками полного поражения царизма как «главной силы реакции». Они видели в этом путь для свободного развития революционного движения в Европе. Оценивая европейскую буржуазию как «реакционную», Маркс и Энгельс соглашались, тем не менее, принести Россию ей в жертву только на том основании, что Англия и Франция находились на более высокой ступени экономического развития, имели сформировавшийся рабочий класс, передовые политические учреждения, а значит, возглавляли общественный прогресс.

Жизнь жестоко накажет «прогрессистов». XX век и история Германии наглядно продемонстрируют, как легко «передовой рабочий класс» превращается в ударную силу фашизма. Хребет этим крестonosцам XX века (даже на солдатских бляхах они выбьют клятву верности своему богу) ценой огромных жертв придется ломать полукрестьянской, такой не передовой и совсем не либеральной Советской России. Именно в годы Великой Отечественной войны Страна Советов впервые помирится с православной церковью и принесет ей первое покаяние. Именно в годы войны Сталин одобрит и напечатает монографию о Крымской войне академика Е. В. Тарле.

В 20-е годы мы с каким-то остервенением поснимаем в Севастополе памятники русским адмиралам. Ведь они же служили царю! Только после Великой Отечественной памятники вернутся в город, но православная составляющая Восточной войны так и останется под спудом. В результате ни в Свято-Никольский храм-памятник, ни на Севастопольское братское кладбище (не совсем точно, но зато выразительно называемое в народе «стотысячным») за весь XX век никто из советских лидеров – ни Сталин, ни Хрущев, ни Брежнев, ни Горбачев – так ни разу и не придет. А ведь на братском «стотысячном» лежат русские воины самых разных национальностей, о чем говорят уже названия тех десятков полков, в боевых порядках которых они сражались, – Московский и Киевский, Минский и Эриванский, Литовский и Люблинский, Камчатский и Житомирский, Вологодский и Якутский, Полтавский и Тобольский...

Еще в марте 1854 года лорд Пальмерстон вручает членам британского кабинета

меморандум, который он сам определял как «прекрасный идеал войны». Вот основные идеи этого плана: Аландские острова и Финляндия возвращаются Швеции, которая должна быть втянута в войну против России. Литва, Эстония, Курляндия и Лифляндия на Балтике уступаются Пруссии. Польское королевство восстанавливается как барьер между Германией и Россией, поглощая земли Белоруссии и Украины. Валахия, Молдавия, Бессарабия и устье Дуная передаются Австрии. Крым, Черкесия и Грузия отбираются у России: Крым и Грузия передаются Турции, Черкесия объявляется независимой или соединяется с султаном узам сюзеренитета. Отчетливо видно, что по этому сценарию Россия должна была быть отрезана от Черного и Балтийского морей и фактически прижата к Уральскому хребту.

Но даже этим не ограничивались замыслы агрессоров. Судя по тому, что театр военных действий охватывал огромные пространства от Балтики до Тихого океана и от северных морей до Кавказа, их планы шли еще дальше. Нападению и бомбардировкам на территории России подверглись Ганге, Аландские острова и Бомарзунд, Або, Свеаборг и Кронштадт на Балтике, Соловки и сожженный архангельский городок Кола на Белом море, Петропавловск-Камчатский и устье Амура на Тихом океане, Одесса и Кинбурн на Черном море, Бердянск, Геническ, Мариуполь, Ейск и Таганрог на Азове, Новороссийск и Анапа, Екатеринодар, Фанагория и Тамань, крепость Св. Николая, Зугдиди и Сухуми на Кавказе, наконец, Евпатория, Балаклава, Севастополь, Инкерман, Керчь и Еникале в Крыму. А сколько еще потенциально опасных направлений нужно было закрывать войсками, которых так не хватало на театре боевых действий!

Таким образом, высмеиваемый в русских карикатурах и народных сатирических песнях той поры «воевода Пальмерстон» в воинственном азарте «поражал Русь» не только «на карте» и совсем не «указательным перстом».

Крымская война была первой в новое время попыткой насильственного расчленения России, задуманной и спланированной в Европе. Против России объединенным фронтом выступили, по сути, все европейские государства. Каждое из них тем самым совершило грех предательства и клятвопреступления, так как все эти государства (включая и Турцию!) в недавнем прошлом были чем-то жизненно важным обязаны России. В общественных потрясениях и революционных бурях 1848–1849 годов, которые пронесли над Англией, Францией, Италией, Австрией и государствами Германии, Россия выступала как оплот стабильности и последней надежды на выручку. Каких только слов благодарности и уверений в вечной преданности она не выслушала в это время! Уговаривая Россию спасти Австрию от венгерской революции, фельдмаршал Кабога в прямом смысле валялся в ногах у князя Паскевича. Потом в знак признательности за оказанную помощь юный император Франц-Иосиф будет публично целовать руку Николаю I. Но не пройдет и года, как «благодарная» просвещенная Европа начнет готовиться к войне со своей спасительницей – «варварской» Россией.

Когда мы сегодня пишем о том, что в Крымской войне участвовала Турция, мы вводим в заблуждение современного читателя. Наш современник со словом «Турция» ассоциирует средней величины государство, располагающееся между Черным и Средиземным морями. В середине XIX века с Россией воевала не Турция, а Высокая Порта, или Оттоманская империя, основанная турками-османами. В ее состав входили громадные пространства практически от Гибралтара до Персидского залива и от Балкан до Сирии, Палестины, Египта и Судана. То же самое следует иметь в виду, говоря о Французской империи той поры (север Африки и другие колонии), о Британской империи, над которой «никогда не заходило солнце» (территории от Канады до Китая), и империи Австрийской (достаточно напомнить о ее председательстве в Германском союзе, не говоря уже о Венгрии, итальянских землях и других территориях). Эти

империи уже прошли тогда зенит своего могущества, а Российская империя своих территориальных пределов, которые в XX веке будут образовывать государственные границы СССР, достигнет только к концу XIX столетия. Территориальные и людские ресурсы напавших на Россию государств-империй фактически включали в себя преобладающую часть современной Европы (помимо собственно Великобритании, Франции, Австрии и Турции это Молдавия, Румыния, Болгария, Сербия, Албания, Босния, Герцеговина, Черногория, Хорватия; Мальта, значительная часть Италии, а не только одна Сардиния; Чехия, Словакия, Венгрия, Пруссия, государства Германского союза и др.), большие территории в Африке и Северной Америке (Канада), азиатские пространства, включая часть не принадлежавшего на тот момент России Кавказа (Батум, планы поддержки Шамиля и др.), Индию, Австралию и Новую Зеландию, а также другие земли.

В результате в армиях напавших на Россию государств господствовал полный антироссийский интернационал: рядом с англичанами и ирландцами, шотландцами и французами, итальянцами и турками воевали австралийцы и новозеландцы, поляки и венгры, немцы и швейцарцы, египтяне и тунисцы, казаки-некрасовцы, горцы и североамериканцы. Французы привезли в Крым экзотических зуавов. Инструкторами турецких военных и даже командирами их кораблей чаще были англичане (вспомним тот же позорно бежавший из Синопского сражения пароход «Таиф» и его командира Мушавера-пашу, который на самом деле был английским капитаном Адольфусом Слэдом). Полковник Роберт Каделл, офицер из индийских колоний, сначала командовал турецкой артиллерией под Евпаторией, а затем отличился на Кавказе в сражении на реке Ингури. Командующим турецкими войсками на Балканах, в Крыму, а потом на Кавказе был генерал Омер-паша – бывший австрийский офицер, хорват по происхождению Михаэл Латтас. Революционный венгерский генерал Клапка чуть не был назначен командующим турецкой армией в Малой Азии. Его соплеменник – венгр Георгий Кмети – под именем Исмаила-паши стал турецким героем в обороне от русских войск Карса. Черкес Сефер-бей, ставший турецким офицером, возглавлял отряд из двухсот горцев. Польский ренегат М. Чайковский создал из венгров и своих соплеменников целый батальон (не менее 4000 человек), принял ислам и воевал в Европе со вчерашними единоверцами-христианами под именем Садык-паша. Хозяйкой отеля и медсестрой была в Балаклаве Мэри Сикоул – темнокожая дочь Ямайки...

Европейская историография настойчиво убеждает общественность, что именно Россия стала инициатором Крымской войны, отвергнув мирные предложения Великобритании и Франции. Даже академик Е. В. Тарле, следуя оценкам классиков марксизма, вынужден был повторить этот тезис в уже цитированных словах: «Царизм начал ... эту войну». Правда, буквально на следующей странице своего капитального труда историк опровергает это откровенно пропагандистское утверждение: «Не выпускать Россию из войны», изо всех сил бороться против всяких запоздалых попыток русского правительства – когда оно уже осознало опасность начатого дела, – отказаться от своих первоначальных планов; непременно продолжать и продолжать войну, расширяя ее географический театр, – вот что стало лозунгом западной коалиции».

Обратимся к фактам. Турция объявляет войну России 16 октября 1853 года, Россия Турции через две недели – 1 ноября.

Великобритания объявляет России войну 27 марта, Франция – 28 марта 1854 года. Россия опять же объявляет им войну двумя неделями позже – 11 апреля того же года.

Нам возразят, что в Дунайские княжества русские войска вошли за три месяца до объявления войны Турцией – 4 июля 1853 года. Это правда, но опять неполная. Полная правда состоит в том, что Дунайская кампания была ответом на притеснение православной церкви на

«святой земле». Полная правда состоит в том, что еще 27 февраля 1853 года Англия и Франция заключают секретное соглашение о координации действий против России. Наконец, полная правда состоит в том, что 23 марта Наполеон III отдает приказ об отправке французской эскадры под командованием адмирала Гамлена в Архипелаг, а в конце мая британское адмиралтейство отдает такой же приказ адмиралу Дондасу. 14 июня 1853 года обе эскадры уже стояли у входа в Дарданеллы.

План лорда Пальмерстона провалился.

Россия не проиграла Крымскую войну.

Во-первых, она выстояла в страшном противостоянии со всей Европой (фактически – со всем миром) и не допустила своего расчленения. Во-вторых, она успешно и уверенно выдержала натиск на востоке, на западе и на севере. В целом Россия практически в неизблемости сохранит свои территориальные пределы. В-третьих, она заставит выступить с предложениями о мирных переговорах саму Европу.

На юге на относительно неудачу обороны Севастополя (мы сдадим Южную сторону города, оставив за собой Северную) Россия ответит необыкновенными успехами, достигнутыми на кавказском театре боевых действий. Русская армия выиграет все сражения с турками, дойдет до Карса и заставит эту ключевую и «неприступную» крепость капитулировать (уже второй раз в истории русско-турецких войн!), открывая себе дорогу на Босфор. Это заставит похолодеть европейских вождей, понимавших, что они стоят перед реальной опасностью оказаться запертыми в черноморском «мешке».

Об этом напоминает Европе в самом начале своей знаменитой циркулярной ноты от 2 сентября 1856 года новый министр иностранных дел России князь Александр Горчаков, говоря о «борьбе, размах которой грозил еще более расшириться (!), а исход не поддавался предвидению (!!))».

Крепость Карс падет 25 ноября 1855 года, а буквально несколькими днями позже тогдашний посол России в Вене А. М. Горчаков через конфиденциальные источники получит от французских представителей предложение для Александра II начать мирные переговоры...

Позднее военные успехи на Кавказе станут беспроблемными козырями в руках наших дипломатов. Россия возвратит Турции обширные территории в Малой Азии, разменяв их на Парижском конгрессе на захваченную союзниками ценой больших потерь Южную сторону Севастополя.

В целом Парижский мирный договор был настолько выгодным для России, что французский посол в Вене барон де Буркне отозвался на него высказыванием, превратившимся едва ли не в поговорку: «Никак нельзя сообразить, ознакомившись с этим документом, кто же тут победитель, а кто побежденный».

«Чудотворная крепость» оборонялась 349 дней. Но самое удивительное, что город в лучшем случае можно было назвать морской крепостью. С суши, откуда его штурмовали, он не имел оборонительных укреплений. Общеизвестно, что в начале кампании враг рассчитывал на очень скорую и легкую победу. Нет никакого другого аналога столь долгой обороны города в новой истории. Обычно города (в том числе крепости) сопротивлялись самое большее от трех до пяти месяцев. «Севастопольская страда» продолжалась практически год. Именно поэтому город позднее будет назван современниками «новой Троей».

Е. В. Тарле и Сталин размышляют о ходе Крымской войны на фоне войны Великой Отечественной, в которой врагу были сданы весь Севастополь (а не только Южная его сторона) и весь Крым. Чем в итоге обернулось это для захватчиков, знают все. Именно поэтому мы с полным правом сегодня поём о «неприступном для врагов» Севастополе. Так же, как и мы сегодня, думали о городе русской славы 160 лет назад «непоколебимые» (Л. Н. Толстой)

матросы Нахимова. Так думали 70 лет назад солдаты Победы маршала Жукова. С ними и в одном, и в другом случае были не согласны «прогрессисты», для которых европейская (а лучше – американская!) оккупация (военная, экономическая, информационная или духовная) всегда была высшей ценностью и целью.

Кстати, вопрос о «святых местах» был решен Крымской войной в полном объеме и по сегодняшний день. Христианские святыни в наше время находятся в ведении православной церкви.

Странное дело, но именами крымских городов и деревень, рек и полей «победители» на всех континентах, откуда они прибыли на войну, в каком-то молитвенном преклонении будут снова и снова называть свои улицы, площади, скверы, мосты, селения и города, возводить один за другим памятники, устанавливать памятные знаки, учреждать награды, открывать музеи и мемориальные комплексы. Крымских наименований по всему миру чрезвычайно много. Города и поселки с названиями Севастополь, Балаклава, Инкерман, Альма и другими мы встретим в Англии и Франции, Италии и Канаде, США, Австралии и Новой Зеландии. Принцесса Диана погибнет в Париже не где-нибудь, а в тоннеле под мостом Альма. Французы назовут этот мост и прилегающий к нему сквер в честь первого кровавого сражения Крымской войны в долине маленькой речки Альма. В Англии появится новое женское имя – Alma. А вязаные головные шлемы с прорезями для глаз, придуманные англичанами для защиты от холода, будут увезены ими к себе на остров, где их долгое время будут носить зимой дети младшего возраста. Сегодня шлемы «Балаклава» (именно в бухте этого города они когда-то родились) встретишь в экипировке людей самого разного профиля – от спецназовцев до террористов.

Так кто кого в таком случае победил? Кто кому старается подражать? Кто делает культ из самого факта своего участия в этой войне, поразившей сознание и души ее участников навсегда? Погрязший в суеверии западный мир, уподобляясь язычникам, словно пытается этими поименованиями напитать себя духом непобежденной и непобедимой армии и страны. Он греет себя в отблесках чужой славы, которую сам же официально не признает и всячески порочит.

Если Россия была так слаба и ничтожна, как писала западная пресса, какой доблестью могла быть победа над нею? Но западный мир и ведет себя не как победитель, а как преступник, которого тянет вернуться на место преступления. Что он хочет там найти? Утраченную честь и славу? Свое испуганное восхищение противником? Может быть, самого себя?..

Давайте задумаемся: целый год лучшие полки Европы, стянутые со всего мира, штурмуют обыкновенный город, ценой необыкновенных усилий и потерь берут только часть его, и после этого, измотанные до предела, в каком-то угаре панического восторга объявляют себя победителями, практически прекращают всякие боевые действия и предаются безудержным грабежам.

А «побежденная» Россия между тем войну продолжает. Готовы к выполнению приказов войска, перешедшие по понтонному мосту на Северную сторону. Ведется регулярный и успешный обстрел Южной стороны, совершаются локальные военные операции, осуществляются захваты пленных. Победоносно сражаются полки на Кавказе: «несокрушимый» Карс будет взят через два с половиной месяца после падения Малахова кургана! Еще через месяц после этого состоится успешная оборона Екатеринодара от нападения горцев.

В Европе самым воинственным и близоруким становится ясно, что выиграть войну у этой страны и у этого народа нельзя. Почувствовав, что коалиция рассыпается, Австрия поспешит выступить посредником и предложит России сесть за стол переговоров в Вене. После достаточно долгого молчания, явно заставившего Европу понервничать, новый император Александр II дал согласие начать мирный диалог. Но не в Вене, а в Париже. Наступил момент торжества русской дипломатии.

Да, Парижский договор лишил Россию права иметь военный флот на Черном море. Но этого же права была лишена по договору и Турция. Мало того, любым военным судам было запрещено проходить через проливы. Черное море фактически стало демилитаризованным. Чего еще было желать России, которая приступала к строительству своих броненосных кораблей?! На два флота сил все равно не хватало. Договор давал ей необходимую передышку на юге.

Почему о поражении России в Крымской войне упорно говорят ее современники?

Самые прозорливые из них все время осознавали особый характер этого «поражения». Своими комментариями они раскрывали глубинный смысл того, что видели все, но лишь немногие понимали. В их числе декабрист М. А. Бестужев, друг юности П. С. Нахимова, которому в сибирском заключении, освобождаясь от влияния политической суеверности, многое виделось яснее и отчетливее: «...Севастополь пал, но пал с такою славою, что каждый русский ... должен гордиться таким падением, которое стоит блестящих побед».

В этом ряду и знаменитая, обошедшая Европу фраза князя А. М. Горчакова из уже упомянутого циркуляра по внешней политике от 2 сентября 1856 года (через год после падения Малахова кургана!), отвергающая упрек в том, что Россия «изолируется и молчит», что она «сердится». Ни то, ни другое, ни третье: «Россия сосредоточивается».

Но в большинстве своем современникам Крымской войны не был виден истинный масштаб и смысл пережитого страной испытания. Восточную войну не случайно называют протомировой. Она унесла жизни более 1 000 000 человек. Наибольшую часть составило гражданское население, ставшее жертвой эпидемий. Для Европы той поры это страшные потери. Но только сегодня мы понимаем, началом какой цепи событий была эта схватка: в XX веке в этом ряду две мировые войны, две революции, война Гражданская и война холодная. Все это понадобится врагам России именно потому, что Крымскую войну они проиграют. Они не смогут добиться главного – остановить мощный, пугавший их рост этого непонятного исторического феномена, именовавшегося Россией. Она пленяла сердца и умы громадного количества лучших сынов и дочерей Франции, Англии, Германии, Италии, Скандинавии и других стран, которые столетие за столетием шли служить ей верой и правдой в самых разных областях науки, культуры, хозяйства, военного дела, государственного строительства.

Развитие империи – «это наводящее ужас движение» (Н. В. Гоголь) – не знает остановок. Сразу после Парижского мира Россия завершит освоение Дальнего Востока, окончательно подчинит Кавказ и приступит к присоединению Средней Азии, блистательно его осуществив выходом к границам Афганистана и Персии. В следующей войне с Турцией она вернет себе завоевания в Малой Азии, после чего Карская область более чем на сорок лет войдет в состав Российской империи. Руками Пруссии, разгромившей Австрию и Францию, Россия накажет за предательство Европу. Объединение Германии навсегда подарит головную боль Англии и денонсирует Парижский договор.

Крымская война дала мощный толчок развитию России во всех сферах: состоялась отмена крепостного права, были осуществлены военная, судебная и другие реформы, начался быстрый промышленный подъем, больших успехов добилась внешняя политика страны. На службу государству пришла блестящая плеяда великолепных чиновников. Помимо министра иностранных дел князя А. М. Горчакова можно назвать военного министра графа Д. А. Милютина, руководителя крестьянской реформы графа Н. А. Милютина, председателя Комитета министров графа П. А. Валуева, графа С. С. Ланского, генерал-адъютанта Я. И. Ростовцева и многих-многих других.

В России рождаются совершенно новые литература и искусство. «Сыновьями» Крымской войны одинаково являются и Л. Н. Толстой, и Ф. М. Достоевский. Один воюет под Севастополем, другой отбывает наказание на каторге, но оба они – выражение нового

национального самосознания, которое Россия выносит из величайшего испытания – Крымской войны.

Ярко и убедительно сказал об этом автор «Севастопольских рассказов»: «Чувство пылкой любви к отечеству, восставшее и вылившееся из несчастий России, оставит надолго следы в ней. Те люди, которые теперь жертвуют жизнью, будут гражданами России и не забудут своей жертвы. Они с большим достоинством и гордостью будут принимать участие в делах общественных, а энтузиазм, возбужденный войной, оставит навсегда в них характер самопожертвования и благородства».

***В. П. Казарин, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы,
профессор, доктор филологических наук.***

Севастополь – Симферополь

2003–2013 гг.

получив приглашение написать общедоступную историю трехсотсорокадевятидневной защиты Севастополя и сознавая всю трудность такого исполнения, я изъявил согласие принять на себя этот труд только при том условии, чтобы мне дозволено было читать рукопись по мере ее составления лицам, принимавшим участие в защите славного города.

Изъявив согласие на выраженное мной желание, председатель севастопольского отдела на политехнической выставке генерал-адъютант Александр Алексеевич Зеленый, под непосредственным своим председательством, пригласил к слушанию следующих лиц: адмирала Панфилова, генерал-лейтенантов: Баумгартена, Менькова и Гарднера; вице-адмирала Керна; контр-адмиралов Перелешина и Воеводского; генерал-майоров Леера, Шварца и Фролова; полковников Крыжановского и Дельсаля и капитана 1 ранга Асланбекова.

Считаю долгом настоящим заявлением принести хотя слабую, но искреннюю мою благодарность всем этим лицам за те замечания, которые были мне сделаны. Вместе с тем нахожу необходимым сказать, что при составлении этого труда я пользовался следующими источниками: «Описанием обороны Севастополя», составленным под руководством генерал-адъютанта Тотлебена; «Походными записками» П. Алабина; «Записками об осаде Севастополя» Берга; «Севастопольскими воспоминаниями артиллерийского офицера»; «Материалами для истории обороны Севастополя», собранными А. Жандром и многими другими статьями, разбросанными по разным книгам, журналам и газетам. Если при цитировании я не указывал источника и имени автора, у которого мной заимствован рассказ, то это потому только, что в подобном сочинении всякие ссылки признаны неудобными.

К книге приложено два плана: один с обозначением самого города и окружающих его укреплений, другой – окрестностей Севастополя. Оба они необходимы для лучшего ознакомления как со славной защитой Севастополя, так и с происходившими в окрестностях его полевыми сражениями.

Не веселую, братцы, вам песню спою,
Не могучую песню победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

Я спою вам о том, как от южных полей
Поднималось облако пыли,
Как сходили враги без числа с кораблей,
И пришли к нам, и нас победили,

А и так победили, что долго потом
Не совались к нам с дерзким вопросом,
А и так победили, что с кислым лицом
И с разбитым отчалили носом...

Я спою, как росла богатырская рать,
Шли бойцы из железа и стали.
И как знали они, что идут умирать,
И как свято они умирали.

Как красавицы наши сиделками шли
К безотрадному их изголовью.
Как за каждый клочок нашей русской земли
Нам платили враги своей кровью.

Как под грохот гранат, как сквозь пламя и дым
Под немолчные, тяжкие стоны —
Выходили редуты один за другим,
Грозной тенью росли бастионы...

И одиннадцать месяцев длилась резня,
И одиннадцать месяцев целых
Чудотворная крепость, Россию храня,
Хоронила сынов ее смелых...

Пусть не радостна песня, что вам я пою,
Да не хуже той песни победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды!

Алексей Апухтин

Причины войны России с Англией, Францией и Турцией. – Деятельность черноморского флота. – Адмиралы Нахимов и Корнилов. – Синопское сражение

Часть Палестины, в которой находятся Вифлеем и Иерусалим с их окрестностями, известна под именем Святых Мест.

Находясь в середине турецких владений, Святые Места всегда были и останутся священными для каждого христианина. Там родился Господь наш Иисус Христос, там проповедовал Он свое учение, там Он страдал и умер за грехи рода человеческого, и, наконец, там впервые появились последователи Христа, Его ученики-апостолы, распространившие христианство во всех концах вселенной. Понятно, что каждый истинный христианин высоко чтит те места, где протекла земная жизнь нашего Искупителя.

Православный русский народ издавна отличался более других своей набожностью и благоговением к Святым Местам. Отцы и деды наши считали за великое счастье побывать в Иерусалиме и поклониться Гробу Господню. Многие из них, ввиду такого высокого блаженства, предпринимали трудные и продолжительные путешествия: шли пешком несколько тысяч верст, плыли по морю, претерпевали голод и холод на чужой стороне, подвергались насмешкам, но все-таки достигали этого высокого счастья. Таких верующих русских всегда было много в Иерусалиме. Отовсюду стекались они: с севера и юга, с востока и запада, чтобы хоть раз в жизни взглянуть на колыбель христианства, чтобы у подножия Гроба Христова принести теплую молитву и посильное пожертвование от трудов своих на украшение святого места. Пожертвования эти шли на содержание основанного здесь монастыря и устроенного возле него странноприимного дома, где богомольцы находили приют и отдохновение.

Почитание Святых Мест сохранилось и у католиков, которые также приходили поклониться Гробу Господню и имели там свои монастыри и заведения для богомольцев.

Исповедуя христианскую религию греческого закона, которую исповедует большая часть христианских подданных Турции (греки, сербы, молдаване и пр.), Россия всегда пользовалась большими преимуществами относительно Святых Мест, чем все прочие государства Европы.

Ей издавна принадлежало право покровительствовать и защищать от притеснений турок более 14 миллионов христианского населения Турции.

Россия не искала этого права – оно пришло само собой.

Подчинив своей власти христианское население, турки, исповедуя магометанскую религию, стали преследовать христиан до такой степени, что им было запрещено строить свои церкви, а в тех, которые были построены, разрешалось отправлять богослужение с большими ограничениями: не звонить в колокола, не совершать крестных ходов и пр. С течением времени притеснения эти еще более увеличились. Христианам не дозволялось собираться большими толпами для молитвы; во время службы в церквях присутствовали турки, которые смотрели на церковь с пренебрежением: входя во храм, не снимали шапок, усаживались где хотели, смеялись над образами и пр.

Христиане не смели противиться таким поступкам, потому что турки считали себя господами, а христиан рабами. Каждый христианин при встрече с турком обязан был первый поклониться, дать ему дорогу; если христианин ехал, то должен был сойти с телеги или лошади для того, чтобы сделать обычный поклон. Турок имел право отнять у каждого христианина понравившуюся ему жену или дочь и отправить их в свой гарем, или помещение, где живут многочисленные его жены. Словом сказать, каждый турок, не считая христианина человеком таким же, каков сам он, смотрел на него с презрением и называл словом гяур – «собака».

Испытывая такие притеснения, христиане неоднократно обращались к единоверной им России с просьбой о защите.

Внимая просьбе несчастных, Россия принимала горячее участие в облегчении их страданий. После каждой войны и победы над турками русское правительство всегда выговаривало в пользу христиан такие условия, которые служили к облегчению христиан в Турции.

Такое преобладание России не нравилось другим государствам Европы, и в особенности Франции как главной католической державе. Франция завидовала, что православное население Турции, а вместе с ним и Россия господствовали в Святых Местах перед всеми другими державами, завидовали тому, что в распоряжении одних только православных были такие места, куда не допускались католики.

В начале пятидесятых годов по подговорам Франции произошла ссора между православными и католиками за обладание и пользование Святыми Местами. Причиной тому было искательство о допущении католиков в Гефсиманскую пещеру и требование выдачи им ключа от главных дверей Вифлеемского храма. В распоряжении католиков был ключ от малых дверей этого храма, но они не довольствовались этим и требовали от больших. Турецкое правительство уступило этим требованиям и, приказав передать ключ католикам, лишило тем Россию и все православное население Турции тех прав, которыми они издавна пользовались. Иерусалимский патриарх немедленно написал письмо к Всероссийскому Правительствующему Синоду с просьбой о защите церкви и прав православных. Император Николай I как покровитель христианского населения Турции не мог отказать в этой просьбе. По требованию его султан издал объявление, по которому все права и преимущества православных оставались на прежнем основании, но, опасаясь неудовольствия со стороны Франции, приказал своему губернатору в Иерусалиме не приводить этого объявления в исполнение.

В силу такого приказания ключ от больших дверей храма Вифлеемского оставался по-прежнему в руках католиков, завладевших храмом и удаливших из него православного священника, более ста лет стоявшего стражем у дверей этой святыни. Узнав о таком двуличии турецкого правительства, император Николай для разрешения вопроса о Святых Местах отправил князя Меншикова чрезвычайным послом в Константинополь.

Христианское население Турции с нетерпением ожидало приезда русского посла, в котором оно видело защитника их веры от притеснений иноязычников. Толпы любопытных ежедневно собирались перед домом русского посольства в ожидании прибытия князя Меншикова.

Утром 16 февраля 1853 года, в день желанного приезда, толпа еще более увеличилась. Все пространство от пристани до дома русского посольства было занято любопытными. Толкам и пересудам о цели приезда князя Меншикова не было конца.

Но вот вдали показался пароход, за ним другой, и гром почетных выстрелов послу смешался с восклицаниями собравшихся зрителей. Всегда сонные, ленивые и равнодушные жители Востока теперь восторженно приветствовали князя Меншикова громким криком радости. Сойдя на берег, князь сел в коляску и поехал в дом посольства в сопровождении толпы, бежавшей за поездом и окружавшей его со всех сторон. По мере того как он подвигался вдоль улицы, его всюду встречали те же радостные крики. Большинство зрителей снимало шапки и осеняло себя крестным знамением, как бы прося у Бога успеха в исполнении его поручения.

Князь Меншиков въехал во двор дома. Толпа окружила дом со всех сторон, и долго стояла она в таком положении, будто прикованная, как будто угадывая будущее...

Встревоженное приездом русского посла, турецкое правительство с нетерпением ожидало, какого рода требования будут заявлены князем Меншиковым.

Русский посланник, указав на двуличие турецкого правительства и на неисполнение обещаний султана, требовал обеспечения прав православного населения Турции под покровительством России. Он требовал, чтобы турецкое правительство разрешало строить православные церкви везде в Турции, где бы ни пожелали наши единоверцы; чтобы в окрестностях Иерусалима было отведено приличное место для построения русской церкви и под устройство госпиталя для бедных больных и богомольцев.

Турецкое правительство долго затруднялось, как отвечать на это требование. Боясь отказом оскорбить Россию, а согласием Францию и другие католические державы, оно не знало, на что решиться. Затруднительное положение Турции прекратилось только тогда, когда Франция и Англия, желая унижить Россию, обещали защищать Турцию своими войсками. Получив такое обещание, правительство Порты приняло более решительное поведение. Князю Меншикову объявлено, что султан издаст такое постановление, которым бы обеспечивались за христианами в Турции все их привилегии, духовные и светские. Этим постановлением утверждались такие преимущества католиков, которых они прежде не имели, и уменьшались вековые права православных – словом сказать, ублажалась Франция и оскорблялась Россия.

Очевидно, светлейший князь Меншиков не мог согласиться на это и настаивал на своем. Турецкое правительство отказалось исполнить его требование, и русский посол уехал из Константинополя, не получив удовлетворения. Султан, опасаясь разрыва с Россией, искал помощи у Франции и Англии, которые и двинули свои флоты к пределам Турции для ее защиты.

В свою очередь, император Николай I, получив отказ в своих требованиях и узнав о движении англо-французского флота, приказал русским войскам занять Придунайские княжества, прилегавшие к русским границам и находившиеся во власти Турции.

«Известно любезным нашим верноподданным, – писал император в изданном манифесте, – что защита православия была искони обетом блаженных предков наших.

С того самого времени, когда Всевышнему Промыслу угодно было вручить нам наследственный престол, охранение сих святых обязанностей, с ним неразлучных, было постоянно предметом заботливости и попечений наших; и они, имея основанием Кючук-Кайнарджийский договор, подтвержденный последующими торжественными трактатами с Оттоманской Портой, всегда направлены были к обеспечению прав церкви православной.

Но, к крайнему прискорбию, в последнее время, вопреки всех усилий наших защищать неприкосновенность прав и преимуществ нашей православной церкви, многие самопроизвольные действия Порты нарушили те права и грозили, наконец, совершенным ниспровержением всего увековеченного порядка, столь православию драгоценного.

Старания наши удержать Порту от подобных действий остались тщетными, и даже торжественно данное нам самим султаном слово было вскоре вероломно нарушено.

Истощив все убеждения и с ними все меры миролюбивого удовлетворения справедливых наших требований, признали мы необходимым двинуть войска наши в Придунайские княжества, дабы доказать Порте, к чему может вести ее упорство. Но и теперь не намерены мы начинать войны; занятием княжеств мы хотим иметь в руках наших такой залог, который бы во всяком случае ручался нам в восстановлении наших прав.

Не завоеваний ищем мы: в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного. Мы и теперь готовы остановить движение наших войск, если Оттоманская Порта обяжется свято наблюдать неприкосновенность православной церкви. Но если упорство и ослепление хотят противного, тогда, призвав Бога на помощь, Ему предоставим решить спор наш, и, с полной надеждой на Всемогущую Десницу, пойдем вперед за веру православную».

Как только русские войска вступили в княжества, Турция тотчас же первая объявила войну

России и открыла неприязненные действия на Дунае. Россия отвечала ей тем же.

И так, говоря словами Высочайшего манифеста (20 октября 1853 года), Россия вызвана была на брань: ей оставалось, возложив «упование на Бога, прибегнуть к силе оружия, дабы понудить Порту к соблюдению трактатов и к удовлетворению за те оскорбления, коими отвечала она на самые умеренные наши требования и на законную заботливость нашу о защите на Востоке православной веры, исповедуемой и народом русским».

Война с Турцией была объявлена – и заколыхалась Русь на призыв царский.

От Перми и до Тавриды,
От хладных Финских скал
До пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Восстала русская земля!

Вскоре после объявления войны турки, переправившись через реку Дунай, заняли Калафат и флот их появился в Черном море. Для наблюдения за его движением выслано было из Севастополя несколько наших военных судов – и рассыпались черноморцы по своему родимому морю. Повсюду шныряли они, отыскивая неприятеля, с которым сражались неоднократно, и всегда выходили победителями.

Да и как было не быть им победителями, когда во главе их стояли такие адмиралы как Михаил Петрович Лазарев, Нахимов и Корнилов.

Вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов был начальником штаба черноморского флота, и потому в руках его находилось почти все высшее управление этим флотом. Отличаясь сам неутомимой деятельностью, В. А. Корнилов умел внушить своим подчиненным любовь к делу, усердие к службе и доверие друг к другу. Проникнутый чувством высокой любви к отечеству, он вселял то же чувство и в своих подчиненных. Человек храбрый, самоуверенный и решительный, Корнилов в минуты опасности становился еще деятельнее и казался спокойнее обыкновенного. В его присутствии унынию не было места: он всегда умел ободрить подчиненных и внушить им уверенность в самих себя, в свою силу и могущество. Хорошо зная все, что касалось до морской части и до управления флотом, Корнилов приобрел в морях такую к себе доверенность, что, как увидим ниже, в минуту опасности они, руководимые своим адмиралом, заслужили бессмертную славу в истории русского народа.

Другим предводителем Черноморского флота и представителем его славы был вице-адмирал Нахимов.

Павел Степанович Нахимов был вполне лихой моряк. Это был человек на удивление храбрый, необыкновенно деятельный, неограниченно преданный своему делу, любивший своих подчиненных как родных братьев и детей и, в свою очередь, обожаемый ими.

Совершив в молодости кругосветное путешествие под начальством М. П. Лазарева, Павел Степанович приобрел опыт в морском деле и, едва только возвратившись в Россию, принял участие в Наваринском сражении, за которое получил чин и орден Св. Георгия. Скоро опытность в управлении кораблем, храбрость в сражении и преданность морской службе обратили на себя внимание, и Павел Степанович, имея от роду только 24 года, был уже штаб-офицером. Человек высоких душевных качеств, прямой, откровенный и любящий, он с первых же дней командования отдельными судами приобрел себе любовь и уважение своих

подчиненных.

Одной из самых достойных черт Павла Степановича была простота, доступность и терпение, с которым он выслушивал нужды своих подчиненных. Каждый матрос шел к нему смело, говорил откровенно, случалось, просил и помощи. Павел Степанович никогда не отказывал. Получая довольно значительное содержание, но не имея семейства и живя очень скромно, Нахимов почти никогда не имел денег, потому что раздавал их бедным, и в особенности на пособие матросам и их семействам. Эта заботливость о матросе не укрылась от внимания тех, о которых всю свою жизнь хлопотал Нахимов.

– Ребята! Вот отец матросов идет, – говорили солдаты, завидя издали Нахимова.

Высокое уважение к личности каждого и строгое исполнение служебных обязанностей ставили Павла Степановича образцом для всех его подчиненных.

Сам служа примером неутомимой деятельности, он, как знаток дела, требовал того же и от вверенной ему команды. Подчиненные, видя, что Павел Степанович трудится более их, исполняли тяжелую работу без ропота, вполне уверенные, что, если можно в чем сделать облегчение, командиром не будет забыто. Эта любовь к делу и умение внушить его своей команде сделали Нахимова одним из лучших командиров Черноморского флота.

Суда, которыми командовал Нахимов, считались образцовыми; многие офицеры приезжали посмотреть на них и поучиться чистоте, порядку и вооружению. Как примерный командир и знаток дела, Нахимов приобрел такое уважение со стороны своих сослуживцев, что каждый старался заслужить его похвалу или одобрение – так велико было нравственное влияние этого человека.

Плавая по всем морям двадцать два года, Павел Степанович изучил морское дело в совершенстве; он перенес на море все роды службы от простого плавания до громадных битв, решавших судьбу народов. Понятно, что при подобной деятельности Нахимов был опытным наставником и отличным вожатым Черноморского флота. Каждый моряк, будь то офицер или матрос, плавая под флагом Нахимова, знал, что начальник сам зорко следит за всем, что он взвешивает каждое обстоятельство и если решится на что-либо, то с несомненной надеждой на успех. Вот причины, почему подчиненные Павла Степановича готовы были идти с ним в огонь и воду. Нахимов сознавал свое сильное влияние и слепую преданность к нему сослуживцев от капитана до матроса, и, когда встретилась нужда, он, как сейчас увидим, воспользовался ею самым блестящим образом.

В октябре 1853 года вице-адмирал Нахимов получил приказание со своей эскадрой выйти в море для наблюдения за неприятелем на всем пространстве между Крымом и Анатолией. Перед выступлением в поход Нахимов отдал приказ, в котором писал, что при встрече с турецкими судами первый неприязненный выстрел должен быть сделан неприятелем, но зато если турки на это решатся, то должны быть уничтожены.

Чуть свет 11 октября эскадра наша тихо и торжественно снялась с севастопольского рейда. Как рано ни было, но жители Севастополя толпились на возвышениях, напутствуя уходящих желанием славы и победы.

Стояла бурная осень, когда Нахимов оставил Севастополь и вышел в море. Непрестанные порывистые ветры, туманы, штормы и шквалы составляют особенность Черного моря в это время года. Нахимов, несмотря на бури, постоянно держался в море, испытывал со своей эскадрой все невзгоды от сильной качки, дождя и холода и неутомимо сторожил турецкий флот, который, по сведениям, должен был выйти с десантом^[2] из Босфора, для того чтобы овладеть нашим городком Сухумом, высадить там свои войска, привезти боевые припасы на кавказский берег к непокорным горцам и возмутить их против России.

Не получая манифеста с объявлением войны, Нахимов находился в лихорадочном

состоянии, не зная что делать в случае встречи с неприятельским флотом. Наконец 1 ноября он поднял эскадре радостный и короткий сигнал: «Война объявлена! Турецкий флот вышел в море; отслужить молебствие и поздравить команду!» На следующий день, 2 ноября вечером, Нахимов отдал замечательный приказ.

«Не имея возможности, – писал он, – за крепким ветром и большим волнением два дня передать на суда вверенного мне отряда копию с манифеста объявления войны с Турцией, я передаю их теперь и предлагаю гг. командирам приказать священникам прочесть их при собрании всей команды. Имею известие, что турецкий флот вышел в море с намерением занять принадлежащий нам порт Сухум-Кале и что для отыскания неприятельского флота отправлен из Севастополя с шестью кораблями генерал-адъютант Корнилов. Неприятель не иначе может исполнить свое намерение, как пройти мимо нас или дав нам сражение. В первом случае я надеюсь на бдительный надзор гг. командиров и офицеров; во втором, с Божией помощью и уверенностью в своих офицерах и командах, я надеюсь с честью принять сражение. Уведомляю, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело».

Прошло три дня. Часов в 11 утра 5 ноября издали были слышны выстрелы с некоторыми промежутками. Предполагая, что адмирал Корнилов, встретив турецкий флот, имеет с ним дело, Нахимов со своей эскадрой двинулся по направлению слышанных выстрелов. В десятом часу вечера вдали показались сначала огни, а за ними ясно обозначилась эскадра вице-адмирала Корнилова, который, обойдя весь турецкий берег и не встретив неприятеля, пересел на пароход «Владимир», чтобы навестить эскадру Нахимова. На пути «Владимир» встретил турецко-египетский пароход «Перваз-Бахри» и пустился его преследовать. После трехчасового упорного боя противник, потеряв начальника, спустил свой флаг и сдался военнопленным.

Взяв свой победный трофей, Корнилов отправился с ним в Севастополь, а Нахимов по-прежнему оставался в море для наблюдения за неприятелем.

Выдержав сильнейший шторм 8 ноября, Нахимов принужден был отправить два корабля в Севастополь для исправления повреждений. В его распоряжении осталось только три корабля, когда получено было сведение, что на синопском рейде под защитой шести береговых батарей стоит отряд турецких судов из семи фрегатов, двух корветов, одного шлюпа и двух транспортов.

В ожидании подкреплений Нахимов подошел весьма близко к берегу с той целью, чтобы постоянно наблюдая за неприятелем, не пропустить его выйти из порта и бежать обратно в Константинополь. Несмотря на весьма дурную погоду, на беспрестанный дождь с сильным ветром, эскадра держалась в море до тех пор, пока не присоединились к Нахимову еще три корабля и два фрегата под начальством контр-адмирала Новосильского. Сознывая, что с такими силами можно с успехом атаковать неприятеля, Павел Степанович 16 ноября пригласил к себе всех командиров судов, сообщил им план действий и отдал по эскадре приказ, в котором заранее было все предусмотрено и соображено. В десяти небольших пунктах адмирал сказал все, что следовало делать при различных обстоятельствах боя. Он предписал не стрелять даром по судам, которые признают себя побежденными, и не вредить консульским домам, на которых будут подняты национальные флаги. Не желая, однако же, стеснять своими правилами командиров судов, особенно при перемене обстоятельств боя, которые предвидеть заранее нет возможности, Павел Степанович предоставил каждому действовать по своему усмотрению, но непременно исполнить долг свой. «Государь Император и Россия, – прибавил он в заключение своего приказа, – ожидают славных подвигов от Черноморского флота; от вас зависит оправдать ожидания».

Утром 18 ноября дул сильный ветер, и едва он стал стихать, как в 9.30 русская эскадра приготавлилась к бою так же спокойно, как бы приготавлилась к обыкновенному учению. В

одиннадцать часов на всех судах был отслужен молебен, и около полудня эскадра построилась в две колонны, спустила гребные суда, чтобы сберечь их от выстрелов, и, по щегольскому обычаю, принятому во флоте, помчалась на синопский рейд под национальными флагами на брам-стенгах. Впереди всех шли адмиралы: Нахимов на корабле «Императрица Мария» и Новосильский – на корабле «Париж».

Эскадра шла двумя колоннами для того, чтобы развернуться веером против турок, стоявших лунообразно под прикрытием своих береговых батарей. Бывшие при эскадре два фрегата, «Кагул» и «Кулевчи», получили приказание остаться под парусами для наблюдения за неприятельскими пароходами в случае, если бы, пользуясь парами, они вздумали вредить кораблям или бы предприняли бежать из бухты. Увидав сигнал на корабле «Императрица Мария», команды ожидали приказа своих командиров приготовиться к бою, но вместо того на адмиральском корабле, как в обыкновенное мирное время, показан был полдень.

Несмотря на дождь и пасмурную погоду, неприятель заметил приближение русской эскадры; над его пароходами клубился дым, остальные суда готовились к бою.

В половине первого, по первому выстрелу с турецкого фрегата, Нахимов бросился на синопский рейд, и тогда закипел тот ожесточенный бой, который кончился совершенным истреблением турок, взятием в плен раненого начальника турецкой эскадры и двух командиров судов. Шедшие впереди всех корабли «Императрица Мария» и «Париж» были засыпаны неприятельскими снарядами, но, несмотря на свои повреждения, храбро продвигались вперед, действуя батальным огнем по неприятельским судам, мимо которых проходили. Приблизившись к неприятелю не далее ружейного выстрела, эскадра действовала как на ученье; срыла батареи, сожгла, взорвала на воздух суда – одним словом, истребила своего врага.

Во время боя особенно отличились корабли: «Императрица Мария» под начальством капитана 2 ранга Барановского и под флагом Нахимова, «Константин» под командою капитана 2 ранга Ерюмшева и «Париж» под командой капитана 1 ранга Истомина и под флагом контр-адмирала Новосильского. Нахимов хотел изъяснить этому последнему кораблю свою благодарность во время самого боя, но не на чем было поднять сигнал – все фалы были перебиты.

Почти в самом начале боя 20-пушечный неприятельский пароход «Танф» вышел из-за линии сражавшихся и помчался в Константинополь. Наши фрегаты «Кагул» и «Кулевчи» бросились за ним в погоню, но быстрый пароход скоро вышел из-под выстрелов наших фрегатов. В это время из-за мыса показался пароход «Одесса», на котором был вице-адмирал Корнилов; за «Одессой» следовали еще два парохода, «Херсонес» и «Крым», где находился начальник пароходного отряда контр-адмирал Панфилов. Корнилов тотчас же поднял сигнал: пароходам атаковать неприятеля, поставить его в два огня. «Крым» бросился в погоню и открыл огонь по убегающему пароходу. Его примеру последовали «Одесса» и «Херсонес», но «Таиф» имел гораздо больший ход, так что выстрелы наши не достигали до него. Заметив это, В. А. Корнилов остановил преследование и поворотил со своими пароходами к Синопу.

В половине третьего часа пополудни на синопском рейде все было кончено и уничтожено 30 неприятельских судов со всем их экипажем. Командовавший эскадрой Осман-паша и два командира фрегатов были взяты в плен и привезены в Севастополь. Поразительно было зрелище гибели турецких судов: прибитые волнением к берегу, суда горели, и по мере того, как раскалялись бывшие на них орудия, они стреляли ядрами по рейду, не нанося, впрочем, никакого вреда нашим судам. Наконец, когда огонь достигал до места хранения пороха, суда взлетали на воздух и горящими обломками своими осыпали город. Синоп горел; никто не приходил тушить пожара, и ветер, свободно переносил искры с одного места на другое, усиливал пожар города, все жители которого искали спасения в окрестных горах.

С самого начала боя синопский губернатор, начальник береговых батарей и все начальство города бежало в горы. Солдаты гарнизона и все те, которые могли спастись с кораблей, бежали туда же. Около полуночи все пространство, обнесенное каменной стеной, было охвачено пламенем пожара; часть же города, населенная греками и христианами, осталась невредимой. Город был совершенно пуст, и долго после боя в прибрежных волнах и на берегу валялись трупы убитых и видны были уничтоженные батареи. В уцелевших домах, по свидетельству австрийского консула, найдены только раненые и умирающие. Вместе с кораблями и пушками неприятель потерял почти весь десант, и высадка турецких войск на кавказский берег сделалась невозможной. По собранным сведениям, в синопском сражении погибло до 4 тыс. человек турок; наша же потеря состояла в 37 человек убитых и 229 – раненых.

Всю последовавшую за тем ночь пароходы отводили наши корабли от берега из опасения, чтобы с переменой ветра горящие турецкие суда не снесло на нашу эскадру.

Победители-черноморцы тотчас же после сражения начали исправлять повреждения в корпусах кораблей, потерпевших немало. Более всех пострадал от выстрелов корабль «Императрица Мария», у которого почти все мачты были перебиты. Только неутомимая деятельность, ревность к службе и знание морского дела офицеров и нижних чинов дали возможность в продолжение 36 часов поставить эскадру в такое состояние, что она могла предпринять обратное плавание в глубокую осень и среди осенних бурь через все Черное море. Утром 19 ноября был отслужен на эскадре благодарственный молебен, после которого весь день работали над исправлением. В 8 часов утра 20 ноября эскадра снялась с якоря, за исключением корабля «Императрица Мария», повреждения которого по своей значительности не могли быть так скоро исправлены.

Пересев на корабль «Великий князь Константин», Нахимов поручил контр-адмиралу Панфилову остаться с пароходом «Крым» и фрегатами «Кагул» и «Кулевчи», исправить повреждения в корабле «Императрица Мария» и привести его в Севастополь. Снявшись с якоря только в три часа пополудни, контр-адмирал Панфилов явился в Севастополь ранее эскадры, за что и получил благодарность адмирала. Сам Павел Степанович Нахимов с потерпевшей от боя эскадрой совершил свой путь без всякого затруднения и, на удивление всей Европы, 22 ноября был уже в Севастополе.

«Часть русского флота, – писали в английских газетах, – держалась в море несколько дней в такую ужасную непогоду, в которую ни турки, ни австрийские пароходы на противоположном берегу не смели показываться в море. Неужели эти русские матросы те самые трусливые новобранцы, о которых нам натолковали? Боевой их порядок в деле удивительный. Расстояние, в котором они дрались, конечно, было очень близкое, потому что один спасшийся турок рассказывает, что он, взглянув наверх, увидел целую стену пушек, и тотчас же после того весь бок корабля был истрелен, как решето. Такого совершенного истребления и в такое короткое время никогда еще не бывало. Русские показали, что им известны все улучшения новейшего артиллерийского искусства, осыпая неприятеля беспрестанным дождем бомб. Турецкий вице-адмирал Осман-паша взят был в плен с кораблем его, но последний был так избит, что принуждены были пустить его ко дну^[3], как равно и прочие суда турецкой эскадры».

Среди всеобщего ужаса, распространенного в Турции, русская эскадра пришла в Севастополь, где была встречена радостными приветствиями всего остального флота и всех жителей города.

«Ура!», самое громкое, какое только гремело когда-либо на крымских берегах, грянуло навстречу победителям громче синопских пушек. Севастополь ликовал несколько дней неподдельным восторгом и приветствовал победителей горячей любовью.

За синопский бой, один из блистательнейших в новейшее время, Павел Степанович

Нахимов получил орден Св. Георгия 2-й степени, при следующей Высочайшей грамоте от 28 ноября 1853 года: «Истреблением турецкой эскадры при Синопе вы украсили летопись русского флота новой победой, которая навсегда останется памятной в морской истории.

Статут военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия указывает награду за ваш подвиг.

Исполняя с истинной радостью постановление статута, жалуем вас кавалером Св. Георгия 2-й степени большого креста, пребывая к вам Императорской милостью Нашей благосклонны».

Россия ликовала. Все, кому только дорога слава отечества, заявляли свой восторг и удивление подвигу П. С. Нахимова и его сподвижников, моряков Черноморского флота. Истинно русские люди, скрывая свое имя, посылали Павлу Степановичу лики святых, и в числе их образ Николая Чудотворца, как бы благословляя тем доблестного адмирала на будущие подвиги. Отовсюду, со всех концов России, посыпались к Нахимову поздравительные письма и стихи, которых, по своей врожденной скромности, Павел Степанович не хотел обнародовать. Признательность царя, восторг и уважение соотечественников, слава и известность осенили доблестного адмирала, горячо любимого всеми сослуживцами.

Синопская победа, доказавшая отличное состояние Черноморского флота, возбудила у всех живейшую радость, и имя Павла Степановича Нахимова стало известно каждому – оно сделалось народным.

Тысячами разошлась между русскими людьми изданная в Москве картина, изображающая синопское сражение и подвиги Черноморского флота. Как радость, как подарок детям, покупал эту картинку мужичок, вез домой и, повесив ее на видном месте избы, рассказывал семье про подвиг Павла Степановича так: «Как в Азии было, не в Европе, при городе было при Синопе, что стоит на Черном море, отведали турки лютого горя, и доселе не образумятся мусульмане, все ходят словно в тумане. Дело было этак далеко за ночь; как наш родной Павел Степаныч вздумал по морю поплавать, паруса у корабликов поправить, и посмотреть хозяину не мешает: все ли на море в порядке пребывает, не мутят ли его воды вражьи корабли и пароходы. Вот видит он вдали в тумане, что по морю гуляют мусульмане, в облаках играют их ветрила, а их несметная сила! Иной бы от чужого флагу дал поскорее тягу или наострил бы лыжи, а он кричит: подходи ближе! Добро пожаловать, непрошеные гости, быть вам сегодня на погосте. Вперед вы у меня без спросу не покажете в море носу. Вас сила велика, а у нас вера крепка. У вас кораблей супротив нашего втрое, а мы согнем вас вчетверо; мы силе вашей дивуемся, а все на вас вблизи полюбуемся, уж назад не отступим и вас на обе корки отлупим. Стой-равняйся, на якоре укрепляйся! Турецкие канониры палят в пушки и мортиры: только из-за дыма все палили мимо; море волнуется, турки беснуются. Наши все крепились, да молчали, да вдруг разом отвечали, как грохнули с корабля «Константина»: погибла турок половина, а как начали палить остальные, стали турки словно шальные; со страху взмолились Аллаху, звали Магомета с того света, а Магомет их самих зовет на тот свет. Важно гостей угощали, много кораблей у них взорвали! Одни полетели на воздух за птицами, другие на дно морское за рыбами, а люди разбежались в дремучий лес зверье ловить; и от всего турецкого флота остались сита да решета; а сам их адмирал Осман-паша сидит едва дыша: наши же его приютили да с собой захватили. Турок отщелкали, отхлопали и пошли домой к Севастополю. Кораблики потешились, начальники орденами обвешались, матросам милости-подарки, вина пенного по чарке, да еще денежное царское жалованье! Чарка нам не диво, пивали вино и пиво, а любо царское угощение, и рубль недорог, добудем их целый ворох, – нам дорого царское пожалованье».

Победа Нахимова при Синопе наделала много шума в европейских государствах. Подвиг Павла Степановича разнесся с необыкновенной быстротой во все концы вселенной, и через семь дней он достиг завистливой Англии; еще раньше слышали о нем во Франции. Выстрелы

Синопа очень неприятно отзывались в сердцах французов и англичан. Им стыдно было за себя, стыдно потому, что, обещаясь защищать Турцию от нападений России, они позволили Нахимову под носом своим уничтожить турецкий флот и несколько тысяч турецких солдат. Сначала они не верили в возможность такого погрома и отправили в Синоп несколько пароходов, чтобы убедиться собственными глазами в справедливости столь печального происшествия. Один за другим бежали англо-французские пароходы в Синоп и обратно; один за другим приносили они печальные известия, что в водах Синопа плавают только щепки от кораблей и что гладко то место, где были укрепления, пытавшиеся остановить русскую эскадру. Известия эти все более и более раздражали англичан и французов. Чтобы заглушить стыд, они двинули свой флот в Черное море и, потребовав, чтобы русские заперлись в своих портах и не показывались в море, объявили, что станут препятствовать русским военным судам в свободном плавании для обороны своих берегов.

Итак, Англия и Франция стали рядом с врагами христианства против России, сражающейся за православие. Сбросив с себя всякую личину, наши противники объявили теперь, что несогласие между Россией и Турцией есть дело в глазах их второстепенное, что главная цель их «обессилить Россию, отнять от нее часть областей и низвести Отечество наше с той степени могущества, на которую оно возведено Всевышней десницей».

Православной ли России было опасаться сих угроз? Готовая сокрушить дерзость врагов, «она не уклонилась от священной цели, промыслом всемогущим ей предназначенной. Нет! Россия не забыла Бога! Она ополчилась не за мирские выгоды, она сражается за веру христианскую и защиту единоверных своих братьев, терзаемых неистовыми врагами.

Да познает же все христианство, что как мыслит Царь Русский, так мыслит, так дышит с Ним вся Русская семья – верный Богу и Единородному Сыну Его, искупителю нашему Иисусу Христу, православный русский народ.

За веру и христианство подвигаемся! С нами Бог, никто же на нас!»

Верная святому своему призванию, всегда готовая встретить врага с твердостью, завещанной нам отцами и дедами, Россия приняла вызов, и 11 апреля 1854 года была объявлена война трем державам: Франции, Англии и Турции.

– Трое так трое – все одно, – говорил русский народ, идя на защиту православия и своей родины.

Ура! на трех ударим разом,
Недаром же трехгранен штык!
Ура! отгрянет над Кавказом,
В Европу грянет тот же клик!

И двадцать шло на нас народов,
Но Русь управилась с гостями:
Их кровь замыла след походов,
Поля белелись их костями.

Тогда спасали мы родную
Страну, и честь, и царский трон;
Тогда о нашу грудь стальную
Расшибся сам Наполеон.

Теперь же – вздрогни вся природа!

Во сне не снилось никому:
Два христианские народа
На нас грозятся за чалму!!!

Не удивила эта троица русского человека.

«Бывали мы, – говорил он, – во всех землях при всех королях, видали туретчину-неметчину, мы же пировали и в Париже. Во время оно били Наполеона, а теперь приходится бить другого, его племянника родного. Сам вооружается, на беду называется, да еще с англичанином съединяется. Пришли времена тяжки, француз с англичанином на пристяжке, а турку в корень впрягли, – только их тройка не пойдет бойко. Француз летит по-птичьему, англичанин плывет по-рыбьему, а турка идет по-куриному.

А вот турецкий султан Абдул-Меджид на боку лежит, трубку покуривает, думу крепкую подумывает. Как ономясь в ночь ему мало спалось, много грезилось: ему слышалось, будто на матушке каменной Москве гудел колокол, ему виделось море Черное, словно кровью очервленное... Он зовет к себе хитрецов-мудрецов и велит себе сон рассказывать, правды праведной не утаивать. Ты, султан, силен, а твой сон мудрен – не добро тебе предвещает он. Как ты слышал, звон в Москве звонит, православный люд он во храм манит, там поют в храмах песни хвалебные, служат обедни с молебнами, Бога прославляют, что победы посылает».

«Нет на свете сильней, нет народу дружней Царства Русского, сильна крепка вера православная, а и дружен народ за Царя умрет». Стоит белому Царю клич кликнуть, восстанет Русь, как один человек, от старого до малого, от убогого до богатого, и скажет она врагам:

...Знайте ж, ваши все мытарства,
Расчет и вычет – все мечта!
Вам Русского не сдвинуть Царства —
Оно с Христом и за Христа!

Положение Севастополя. – Его значение в истории русского народа. – Черноморский флот. – Высадка союзников на берега Крыма. – Сражение на реке Альме. – Первая помощь раненым. – Дарья Севастопольская

Возвратившись в Севастополь, победители-черноморцы знали, что победа при Синопе не пройдет даром, что европейские державы, союзницы Турции, постараются так или иначе нанести удар одному из прибрежных пунктов нашей обширной границы. Таким наиболее важным пунктом был, конечно, Севастополь – средоточие Черноморского флота и главный военный порт на Черном море.

С другой стороны, Франция и Англия, объявив войну России, хорошо понимали, что, плавая по морю, ничего не сделаешь, что можно сжечь два-три прибрежных города, но для России это капля в море. Поэтому они решили сначала отправить свои войска в Турцию на помощь султану, а потом предприняли высадку на берега Крыма, где они могли более всего нанести вреда уничтожением Севастополя и Черноморского флота.

Крымский полуостров, имея вид четырехугольника, вдается в Черное море тремя углами, а четвертым соединяется с землей и образует узкий проход, известный под именем Перекопа. В самом дальнем углу этого четырехугольника расположен город Севастополь, обладающий обширной и удобной гаванью, справедливо считаемой одной из лучших в мире. Имея около шести верст в длину, почти везде около версты в ширину и от пяти до десяти саженей в глубину, гавань эта была известна с древнейших времен как отличное безветренное и вполне удобное место стоянки для многочисленного флота. Еще до Рождества Христова на берегу этой бухты процветал известный в наших летописях под именем Корсуни город Херсонес, имеющий огромное значение в жизни русского народа.

Из древнего Херсонеса Таврического, находящегося и поныне в развалинах неподалеку от города Севастополя, воссиял свет веры православной на всю землю русскую. Здесь русский великий князь Владимир принял святое крещение.

Желая наказать византийских императоров за нарушение мирного договора, Владимир осадил Херсонес в 988 году. Прибыв к городу на судах, с многочисленными войсками, Владимир расположил свои суда в той самой бухте, которая впоследствии названа Севастопольской, и приступил к осаде.

Жители защищались упорно: сделав под стеной, окружавшей город, подкоп, они уносили к себе всю землю, которой русские хотели засыпать ров. Херсонесцы сдались только тогда, когда были разрушены трубы, снабжающие город пресной водой. Вступив победителем в осажденный город, Владимир принял там христианскую веру, на месте своего крещения построил храм и, возвратив побежденный город византийским императорам, отправился восвояси.

Примеру своего князя последовала и вся Русь, привыкшая с тех пор считать Херсонес своей колыбелью, своей второй родиной.

Прошло с той поры 800 лет. Херсонес, попав под власть татар и турок, лежит ныне в развалинах, но дорог нам по духовной жизни народа православного.

С Херсонесом Таврическим русский человек соединял воспоминания о славном пребывании в этом городе св. апостола Андрея Первозванного. Он помнил, что в Херсонесе была колыбель христианства, за которое положили душу свою наши приснопамятные священномученики херсонесские; здесь, уже на наших глазах, легла славная рать русская, подвизавшаяся на защиту веры православной и святости Креста Христова. На этих родных нам полях возник и Севастополь, впоследствии прозванный городом многострадальным.

Как только в 1783 году Крым был присоединен к России, императрица Екатерина Великая приказала осмотреть Херсонесскую бухту и указом 10 февраля 1784 года основала здесь город, названный греческим словом «Севастополь», что по-русски означает «знаменитый город». В том же году был устроен здесь военный порт и положено основание Черноморскому флоту, начальником которого был назначен контр-адмирал Мекензи.

Когда Мекензи прибыл в Херсонесскую бухту, тогда города не существовало, а виднелись только там и сям развалины древних башен и стен, разбросанных в беспорядке. Владея Крымом, турки и татары не обращали внимания на удобства гавани и не заботились о распространении торговли. Вытеснив христианство и разрушив все христианское, магометане оставили берег моря в запустении. На месте некогда цветущего города, полного жизни, образовалась дикая необитаемая местность, покрытая лесом и кустарниками. Русские люди усиленно трудились над устройством города, над рубкой леса и очищением дорогого им места. Скоро появились здесь храмы Божии, казармы, дома, адмиралтейство и магазины.

На одной из высот, близ впадения Черной речки в бухту, основатель Севастополя построил себе хутор и назвал его Мекензиевым. Хутор этот давно исчез, но гора, на которой он был построен, и до сих пор называется Мекензиевой.

Через три года после основания императрица Екатерина II лично посетила возникший город, где был уже представлен ей флот, состоявший из трех кораблей, 12 фрегатов и 25 мелких судов. С отъездом императрицы Севастополь рос не по дням, а по часам. Удаленный от больших дорог, расположенный на окраине русского царства, на самом конце Крымского полуострова, Севастополь был передовым сторожем и сберегателем могущества России на водах Черного моря.

Для обеспечения Севастополя от покушения неприятеля с моря были устроены по обеим сторонам рейда береговые батареи.

Приближаясь к Севастополю с сухопутной стороны, вы прежде всего встретите значительных размеров укрепление, известное под именем Северного. За Северным укреплением лежит севастопольский рейд, а правее его – беспредельное Черное море. На мысу, служащем как бы рубежом между морем и северным берегом рейда, была построена Константиновская батарея, левее и на том же берегу в глубине рейда сооружены были батареи Михайловская и № 4.

На противоположной южной стороне рейда виднеются три бухты: правая и ближайшая к морю Артиллерийская, средняя и самая большая – Южная с вдавшейся в нее Корабельной бухтой, а затем левее всех – Килен-бухта. Для защиты рейда с южной стороны были сооружены: далеко выдававшаяся в море батарея № 10, левее ее Александровская и № 8. По обоим берегам Южной бухты были расположены две сильные батареи – Николаевская и Павловская. За линией этих укреплений расстился город, раскинутый по обеим сторонам Южной бухты. Вся часть города, расположенная на левой, или восточной, части Южной бухты, называлась Корабельной слободой, а на правой, или западной, ее стороне, на узком и длинном холме, идущем между Артиллерийской и Южной бухтами, раскинут был амфитеатром самый город с расположенной на его окраине Артиллерийской слободкой.

Большая часть севастопольских улиц были недлинные и, хотя правильно расположены, но, имея крутые подъемы и спуски, представляли неудобство в сообщении. Только две улицы, Екатерининская и Морская, почти параллельные между собою, были ровны, широки, тянулись вдоль всего города и сходились вместе в самом конце его, у Театральной площади.

Вся южная часть города была окружена хребтами гор и отдельными возвышениями, на которых еще с 1837 года находили необходимым построить ряд укреплений, опоясывающих город со всех сторон и обеспечивающих его от нападения с сухого пути. С этой целью

предполагалось построить полукругом семь бастионов, начиная от Килен-бухты и до Артиллерийской бухты.

Возле самой Килен-бухты было положено основание бастиону № 1, в 260 саженях правее и несколько впереди первого бастиона обозначено место для бастиона № 2, еще правее, на высоком Малаховой кургане, была устроена средствами жителей города башня, получившая название Малаховой. Правее Малахова кургана близ вершины Южной бухты, на левом ее берегу, основан бастион № 3, а на правом – бастион № 4. Затем правее следовали по порядку бастионы № 5, № 6 и наконец № 7, примыкавший к береговой батарее № 8. Таким образом, четыре укрепления предназначались для защиты Корабельной слободы и четыре – для защиты города.

Вследствие усиленных работ по устройству береговых батарей, обеспечивавших порт от атаки с моря, постройка сухопутных укреплений была отложена и производилась в самых ограниченных размерах. Так, начаты были только некоторые работы по возведению бастионов № 1, 5 и 6; остальные же бастионы были только намечены, и места их обозначены лишь небольшими выемками.

Приморские укрепления и батареи были готовы еще до Синопской битвы.

Теперь же, ввиду возможного появления неприятеля, принимались все меры к обороне как порта, так и города.

В городе и по берегу моря до мыса Лукулла устроены телеграфы и расставлены пикеты для наблюдения за приближавшимися судами, установлены особые ночные и дневные сигналы. На крайние к морю батареи – Константиновскую, № 10 и 8, назначены флотские офицеры, которые, дежуря там, обязаны были следить за судами, идущими к городу, останавливать их и, в случае подозрения, опрашивать.

Севастопольское адмиралтейство приняло самый оживленный вид; оно превратилось в огромный муравейник, в котором деятельность не прекращалась ни днем ни ночью; одни рабочие сменяли других, чинили корабли, и, исправленные, они выходили на рейд один за другим.

В то время когда порт неусыпно трудился, вице-адмирал Корнилов обдумывал меры к ограждению его от нечаянного нападения. Для этого некоторые корабли приготовлены были к снятию с якоря и могли по первому требованию выйти в море. Всему флоту приказано быть постоянно готовым на случай тревоги; экипажам, бывшим по какому-либо случаю на берегу, при общей тревоге указаны места, на которых они должны были собираться, имея нижних чинов в полной походной амуниции, с ружьями и положенным числом патронов в сумках. Для усиления сухопутной обороны были розданы ружья даже музыкантам и писарям всех ведомств. Все они, составляя отряд под командой старшего адъютанта лейтенанта Обезьянинова, должны были собираться на Театральной площади. Впоследствии, для образования резерва, были сформированы из матросов эскадра гребных судов и два десантных батальона.

Производя маневры примерной атаки и обороны с моря, Корнилов заметил, что некоторые места остаются необстрелянными с наших батарей, что неприятельские корабли, расположившись на этих местах, могут громить город и укрепления, не подвергаясь сами действию выстрелов. Для устранения этого недостатка приступлено было к постройке трех земляных батарей, двух на северной стороне рейда и одной на южной. Экипажи с кораблей «Двенадцать Апостолов» и «Париж» строили две первые батареи, а экипаж с корабля «Святослав» – третью, на южной стороне рейда. По именам кораблей и сами батареи названы Двенадцатиапостольской, Парижской и Святославской. Постройка этих батарей шла так успешно, что 6 января 1854 года они были освящены и салютовали при обычном освящении знамен на Екатерининской пристани.

Вслед за тем для обеспечения тыла Константиновской батареи на высокой скале, к северу от этой последней батареи, была построена Волохова башня^[4], а в промежутке между башней и Константиновской батареей была сооружена батарея Карташевского. Все эти батареи 26 апреля были окончены и освящены.

По мере того как постройка укреплений приходила к концу, их вооружали орудиями, назначали прислугу, обучали людей прицеливанию орудий и два раза в неделю делали тревогу, при которой каждая команда собиралась на назначенное ей место.

Наступление весны дало возможность заняться оборонительными работами и с сухого пути. Более тысячи человек матросов работали над сооружением 4-го, 5-го и 6-го бастионов. Трудом тех же войск между 4-м и 5-м бастионом был построен редут Шварца.

Хотя большая часть укреплений были далеко не окончены, но если бы в конце мая месяца неприятель предпринял атаку Севастополя одним флотом, то должен был встретить значительное сопротивление. Он должен был преодолеть: плавание длинной, узкой, окраенной каменными рифами бухтой; должен был встретить сопротивление 40 000 народонаселения, составленного из моряков и военных команд разных войск, и притом людей русских, непривычных к уступкам; он должен был встретить огонь 700 орудий большого калибра, расставленных на приморских батареях, и 13 больших кораблей, занимающих позиции, недоступные атаке иначе как равными силами. «Я не упоминаю уже, – писал Корнилов в своей инструкции, – о пяти больших фрегатах, пароходах и других судах, которые в русских руках, конечно, не останутся праздными зрителями в побоище за их родные дома».

Будучи главным военным портом на юге империи, Севастополь был в изобилии снабжен всем необходимым для флота. Там было прекрасное адмиралтейство, арсенал, деловые дворы, значительный склад орудий, пороха и прочих боевых припасов; там был сухарный завод, казармы для морских чинов и два госпиталя. Словом сказать, Севастополь мог собственными средствами выпечь 86 000 пудов сухарей, поместить в своих магазинах более 92 000 четвертей хлеба, имел помещение на 2000 больных и мог в своей обширной гавани поместить весь Черноморский флот. Сам по себе город был очень красив. В Севастополе насчитывалось до 2000 домов, почти все каменные, и до 40 000 жителей, преимущественно служащих.

Севастополь был город исключительно военный. Главное население его составляло дружное общество лихих моряков, привыкших к необыкновенной деятельности. Там жила огромная семья родных братьев, крепких своим духовным родством и сильных своим единодушием. Преданный одной цели, одному делу, каждый член этой семьи старался перещеголять друг друга: не из одного самолюбия стать выше своего товарища-сослуживца, а из-за того, чтобы принести наибольшую пользу службе и содействовать улучшению Черноморского флота. Под рукой опытного начальника адмирала Лазарева в Севастополе все так и кипело, вращалось, двигалось и крепили удивительные силы.

Тут люди ценились по заслугам, бесспорно признанным всеми сослуживцами. Тут престарелый ветеран небольших чинов, смиренно доживающий свой век, но принесший пользу флоту, пользовался бóльшим уважением, чем иной чиновный любимец счастья, имеющий сильных покровителей. Поэтому Черноморский флот был силен не одними величественными кораблями и большими пушками: корабли гниют, пушки ржавеют – а силен он был нравственной, живой силой, тем, что называлось черноморским духом. Этот дух не зависит ни от места, ни от времени, а зависит он от дружбы и единства семьи и проявился во всем блеске тогда, когда кораблей не было, когда на стенах севастопольских храбрый матрос сделался еще более храбрым солдатом. Здесь все дышало отвагой и любовью к родине. Даже женщины Севастополя, рыночные бабы, отличались смелостью и сознанием собственного достоинства.

Городок рос, мужал и выработал в себе тот непоколебимо стойкий характер, который

говорил: меня не тронь, а тронешь – доволен останешься.

За границей давно трубили про Севастополь, что надо взять его и что возьмем мы его непременно. Привыкнув господствовать на всех морях, англичане с завистью смотрели на успехи наших черноморских моряков, на их порядок, знание дела и быстроту движений; о храбрости мы не говорим – вся Европа хорошо помнила Чесму, Наварин и Синоп.

Уничтожить этот флот со всеми его запасами они могли только с сухого пути, потому что с моря он защищался сильными фортами и, скрывшись в гавань, был недоступен для выстрелов неприятельских кораблей. И вот, после нескольких совещаний, союзники решились посадить свои войска на суда, переплыть через Черное море, высадить их в Крыму и атаковать Севастополь с сухого пути.

Собрав большую часть своих сил в турецком городе Варне, лежащем также на берегу Черного моря, англо-французы деятельно готовились к отплытию к берегам Крыма. Главнокомандующий французскими войсками маршал Сент-Арно отдал приказ, в котором объявлял войскам о предстоящем им путешествии в землю Русскую. Он не скрывал, что их ожидают труды, лишения, болезни и встреча с врагом стойким, крепким и могучим, готовым на всевозможные пожертвования и жизнью, и имуществом – словом, встреча с русским народом и русским солдатом, про которого между чужестранцами сложилось убеждение, что в бою с ним двойная работа: сначала надо убить, а потом толкнуть, чтобы он повалился.

Мирно жили и деятельно трудились севастопольцы в ожидании вторжения неприятельского.

Праздник Пасхи проведен был всеми, как говорится, начеку: получено было известие, что 9 апреля сильный неприятельский флот появился в виду Одессы и бомбардировал город. Ожидая появления его и у Севастополя, князь Меншиков выслал на крейсерство пароход «Владимир», который и оставался в море в течение всей ночи. В час пополудни 15 апреля «Владимир» донес, что видит неприятельский флот из 18 кораблей и 7 пароходов. Полавировав в виду Севастополя, неприятель скрылся, не предпринимая ничего решительного и даже не подходя близко к берегу. Появление этой эскадры не вызвало среди севастопольцев ни страха, ни удивления. Своим появлением неприятельские корабли возбудили только простое любопытство. Толпа зрителей стекалась на возвышенных местах, откуда было видно море, чтобы посмотреть на неприятельские суда, стоявшие в отдалении и не решавшиеся приблизиться к берегу. С уходом их в море и в Севастополе все пришло в обычный прежний порядок: никто не думал о предстоящей опасности, городская жизнь и увеселения шли по-прежнему. Ежедневно с шести часов вечера на кораблях, на пристани и на бульваре играло несколько хоров музыки. Толпы гуляющих любовались, как на рейде стройно и величаво стояли наши суда Черноморского флота, как между ними, на гладкой поверхности моря, извивались гребные суда, перевозившие команды с кораблей на берег и с берега на корабли.

Среди такой жизни севастопольцев не поразило новое появление утром 3 июня трех неприятельских пароходов. Шесть пароходов под начальством контр-адмирала Панфилова были посланы навстречу неприятелю. После небольшой перестрелки наши пароходы вернулись обратно. На рассвете 14 июля неприятельский флот опять показался близ Севастополя. Не обращая на него внимания, жители в виду его праздновали торжество закладки соборного храма во имя св. равноапостольного великого князя Владимира. Построение храма в том месте, где принял крещение св. Владимир, а в лице его и вся Россия, в виду неприятеля имело огромное значение.

– Кто не знает, – говорил при заложении храма преосвященный Иннокентий в своей проповеди, – кто не знает, что у врагов наших одно из самых задушевных желаний теперь состоит в том, чтобы каким бы то ни было образом отторгнуть здешнюю страну от состава

России? Это было бы, по собственному признанию их, верхом их успеха против нас. А мы в это самое время, как бы в ответ на их безумную дерзость, полагаем ныне здесь основание храма во имя святого Владимира!.. Тем самым сильнее и внятнее всяких слов мы говорим врагам нашим как бы так: непростительно, грубо ошибаетесь вы, воображая, что полуостров Таврический составляет для России только недавнюю добычу меча и плод побед: нет, это древнее и родовое достояние наше; это наследие еще святого Владимира!.. Здесь купель нашего крещения, здесь начало нашей священной истории и народных преданий. Уступить после этого эту страну кому бы то ни было значило бы для России отказаться от купели своего крещения, изменить памяти святого Владимира... Возможно ли это? Скорее не останется во всех горах здешних камня на камне, нежели луна заступит здесь место Креста Христова!.. Такова, говорю, сила и таков смысл нынешнего нашего священнодействия по отношению к врагам нашим! И надобно же было им вчера явиться в таком множестве пред лицом этого града, как бы нарочно для присутствия при заложении этого храма и для выслушания урока, в нем заключающегося!..

Между тем английские и французские пароходы стали показываться в виду Севастополя все чаще и чаще; они осматривали берега и делали промеры, определяя глубину воды. По всему видно было, что союзники приготавливались к высадке. Многие говорили о том, что неприятель собирается высадиться на берега Крыма, что он непременно высадится близ Севастополя, но все эти разговоры были не более как предположения: достоверно никто не знал о намерениях неприятеля. Гроза войны, висевшая над Севастополем, разразилась только 1 сентября и призвала жителей к усиленной и торопливой деятельности.

Часу в десятом утра 1 сентября 1854 года в Севастополе заметили приближавшиеся со стороны моря два корабля, а за ними густое облако дыма от большого числа пароходов. Находившийся в нескольких верстах от города телеграф в шесть часов вечера насчитывал до 100 неприятельских судов, а вслед за тем прискакавший в город казак объявил, что судов «видимо-невидимо, такая сила, что и пересчитать нельзя». В самом деле, издали казалось, что к берегу подходит большой движущийся город со множеством дымных труб, фабрик и заводов. Это был союзный флот с посаженными на суда пехотой, кавалерией и артиллерией. На нем перевозились войска трех держав: Франции, Англии и Турции числом более 63 000 человек; все они были размещены на 389 судах, больших и малых.

Часов в восемь с половиной вечера жители города узнали, что флот становится на якорь. В это время русские войска только в числе 38 с половиной тысяч человек были разбросаны по всему Крымскому полуострову, так что командующий войсками в Крыму князь Меншиков мог собрать вокруг Севастополя не более 35 000 человек.

О намерении союзников высадиться в Крыму давно говорили и даже писали в иностранных газетах, но всем этим слухам не придавали особенного значения. Приближавшееся осеннее время и неразлучные с ним бури на Черном море убеждали многих, что высадка в такое время невозможна. Разделяя это убеждение и не принимая никаких мер к сосредоточению войск, князь Меншиков совершенно неожиданно получил известие, что неприятель появился в виду Евпатории и производит высадку.

Это известие пробудило лихорадочную деятельность по всему Крымскому полуострову. Князь Меншиков тотчас же телеграфировал главнокомандующему Дунайской армией князю М. Д. Горчакову, что неприятель высаживается на берегах Крыма, и просил помощи. Последний, не ожидая никаких приказаний свыше, тотчас отправил в Крым 12-ю пехотную дивизию. Меншиков, между тем, предоставив неприятелю беспрепятственно высаживаться на берег, стал стягивать войска на реку Альму с той целью, чтобы заградить дорогу к Севастополю, уничтожение которого составляло главную цель неприятельских действий.

На рассвете 2 сентября неприятельский флот подошел к берегу и остановился против

старого укрепления, верстах в 15 от города Евпатории.

Растянувшись с лишком на четырнадцать верст в длину и расположившись в четыре линии, он стал готовить войска к высадке. Спустив с судов боты, лодки и другие гребные суда, союзники начали садиться в них в 7 часов утра, и к вечеру было высажено на берег 45 000 человек с 83 орудиями. Они тотчас же заняли Евпаторию, где взамен гарнизона было 200 человек слабосильных Тарутинского егерского полка. С приближением неприятеля тарутинцы оставили город и отступили по дороге в Симферополь. Многие из жителей последовали за ними, и в городе не оставалось ни одного человека, способного к защите. Союзники успели захватить там в плен только нескольких чиновников и доктора. Выгрузка остальных войск, тяжестей и снарядов продолжалась до 7 сентября.

Нигде на берегу русских войск не было видно. Французы и англичане высаживались беспрепятственно, и лишь только впереди их да по бокам горели стога сена и хлеба, зажженные нашими казаками.

Тяжело было первое вступление неприятеля на русскую землю. В первом часу дня пошел дождь, продолжавшийся всю ночь без перерыва. Не успев свезти на берег свои палатки, генералы, офицеры и солдаты, поливаемые дождем, сопровождаемым довольно сильной бурей, оставались всю ночь под открытым небом и не имели другой постели, кроме грязи. Они принуждены были спать в болоте или в потоках воды, не имея чем прикрыться, чем согреться и с сознанием, что наутро им нечем будет перекусить, так как за неимением дров нельзя было сварить пищу. От недостатка пищи и неудобства отдыха под открытым небом между солдатами оказалось множество больных и появились случаи холеры.

Высаженные лошади спали с тела, болели и околевали. Как людям, так и лошадям не доставало пресной воды для питья: ее приходилось возить верст за 12 от места высадки, и потому лошади оставались тридцать часов непоеными.

Пока высаживался неприятель, наши войска собирались поодиночке с разных концов Крымского полуострова и располагались на левом, гористом берегу речки Альмы, впадающей в море. Бивуаки их тянулись верст на восемь, по хребту гор, вдоль которых, внизу, протекала речка, а далее за рекой была местность довольно ровная, открытая и только слегка всхолмленная.

Вдали виднелась Евпатория, и возле нее возвышался целый лес мачт на неприятельских судах.

С левой стороны нашего расположения синело море и устье речки Альмы. Правее моря виднелось селение Альма-Тамак, в середине деревня Бурлюк, а за ней Тарханлар – все три расположенные в одну линию, вдоль наших бивуаков, на противоположном правом берегу речки Альмы.

Между деревнями разбросано было множество татарских строений, окруженных садами, рощами и виноградниками; некоторые дома были обнесены каменными оградами. Правее средней деревни Бурлюка, на дороге, шедшей из Евпатории к Севастополю, был устроен деревянный мост, перекинутый через речку Альму и занятый нашими войсками.

Хотя мост этот был единственным, но неприятель мог легко перейти речку вброд везде, где бы ему ни вздумалось.

Место, на котором расположились наши войска, было очень высоко. Под ногами вдоль всего фронта извивалась речка Альма, а за ней как на ладони видна была верст на шесть в окружности равнина, местами заставленная стогами сена и разных хлебов. Равнина эта была настолько открыта, что всякое движение неприятеля на этой местности было видно. Только с левой стороны версты на две от моря он мог подойти скрытно, пользуясь высоким и обрывистым берегом реки. Местность эта по крутости подъемов считалась труднодоступной, и

потому для защиты подъема был поставлен только один батальон Минского полка, стоявший левее всех войск.

Правее Минского полка в разных местах между бивуаками пехоты были разбросаны батареи артиллерии. Снятые с передков орудия своими дулами смотрели в сторону неприятеля. Сзади орудий стояли передки, еще сзади виднелись коновязи и толпы артиллеристов. Правее места через речку Альму, на покатости горы, обращенной к неприятелю, строилось укрепление, еще правее и несколько сзади, на самой вершине, строилось другое. Несколько сот солдат, как муравьи, копошились в этих укреплениях; из-за насыпи невидимо кем выбрасывались ежеминутно лопаты земли. Работа, сопровождаемая смехом, шумом и остротами, шла успешно.

Весь хребет гор, составлявших левый берег речки Альмы, был усыпан толпами пехотинцев, сновавших взад и вперед; одни тащили дрова к ротным котлам, другие собирали хворост для костров. Со всех сторон виднелись солдаты, несшие из деревни двери, колья, заборы и доски. Там и тут, составив ружья в козла и растянув на них свои шинели, сидели кучки людей, скрывавшиеся от солнца. Все были спокойны. Солдаты, кто стоя, кто лежа, кто сидя, толковали, острили, рассказывали. В стороне фельдфебель рассчитывал роту. В задней линии бивуаков, у дымящихся котлов, стояла толпа в ожидании обеда. Там раздавали винные порции; солдаты, перекрестившись, подносили манерки ко рту, цедили сквозь зубы водку и, утершись рукавом шинели, отходили в сторону в ожидании обеда; толпа народу окружала кашеваров и по очереди подставляла деревянные чашки.

Около трех часов пополудни в полки Бородинский и Тарутинский пришло приказание от всякого взвода взять по полувзводу, а прочим оставаться на своем месте.

– Идем встречать французов, – говорили солдаты остающимся товарищам.

Действительно, около этого времени в виду наших войск появилось два полка английской кавалерии.

Окончив высадку, союзники 7 сентября двинулись вдоль морского берега по направлению к Севастополю. Рядом с ними, вдоль того же берега, двигался и флот. Они шли по местам безводным и пустынным: кое-где виднелись разрушенные хижинки с почерневшими от дыма стенами. Впереди перед ними виднелись густые и беспрестанно увеличивавшиеся облака дыма, а затем зарево, служившее признаком пожара татарских селений.

Там и тут шныряли черные массы казаков, издали наблюдавших за движением неприятеля. Казаки то показывались на высотах, то скрывались за ними; длинные пики их, блестевшие на солнце, указывали союзникам, что русские зорко следят за их движением.

К двум часам пополудни неприятель подошел к речке Булганак, переправился на левый ее берег и остановился близ речки Альмы, в шести верстах от места, занятого нашими войсками. Союзники тотчас же выслали для наблюдения за нашими войсками два полка кавалерии. Это-то и были те полки англичан, которые появились в виду наших войск около трех часов пополудни.

Для наблюдения за ними был выслан сначала один эскадрон гусар, а потом для поддержания его и для обозрения расположения неприятельских войск составлен особый отряд под начальством генерала Кирьякова. В отряд этот назначены были части полков Бородинского, Тарутинского с 4-й батареей 17-й артиллерийской бригады, два полка гусар, девять сотен казаков и 12-я конная батарея.

Перейдя речку Альму, бородинцы и тарутинцы двинулись вперед, имея впереди себя батарею пешей артиллерии, а с правой стороны несколько взводов гусар.

Подходя к неприятелю, гусары опередили пехоту и, рассыпавшись в цепь, завязали перестрелку с англичанами. Перестрелка эта, продолжавшаяся около 20 минут, не принесла никакого вреда ни нам, ни неприятелю. Обе стороны двигались по разным направлениям: то взад, то вперед, то в сторону; наши войска строились лицом то к морю, то к стороне Евпатории

и, наконец, стали отступать.

В это время со стороны неприятеля показался посланный раньше других эскадрон наших гусар. Они медленно приближались к нашим войскам. Одеты в белые кителя, противно приказанию быть в серых шинелях, гусары были приняты за отряд неприятельской кавалерии. Пешая артиллерия, находившаяся впереди пехоты, засуетилась, на батарее задымились фитили, а гусары все ближе и ближе подходили к нашим войскам. Оставшиеся на бивуаках полки высыпали на гребень хребта и, притаив дыхание, смотрели, как передовые их товарищи будут драться с французами. Вдруг из одного орудия блеснул огонек, появился клуб дыма и вслед затем раздался выстрел.

Когда дым рассеялся, наши солдаты с удивлением увидели, что эскадрон марш-маршем бросился на правый фланг наших, где стояли гусары. Последние подались назад, и скакавшие были приняты в свои ряды.

Скоро загадка разъяснилась: своих гусар мы приняли, по их кителям, за неприятельских кавалеристов. Им пришлось выдержать, хотя и безвредно, первый выстрел «для почину», как говорили, смеясь, солдаты.

Возвратившийся эскадрон захватил на дороге французского офицера генерального штаба. Это был первый пленный, взятый у союзников после высадки их на берег.

С отступлением наших войск неприятель сделал то же самое, и на правом берегу речки Альмы осталась только казачья цепь, следившая за движением союзников.

Два противника стояли теперь лицом к лицу и могли свободно осматривать друг друга; их разделяла речка Альма да полсуток времени, прежде чем они сошлись и померились силами.

На одной из вершин, и почти в середине расположения наших войск, видна была башня, на которой стояло несколько человек.

На башне этой был устроен телеграф, откуда князь Меншиков со своей свитой смотрел на бивуаки и корабли союзников, стараясь определить силу неприятеля и угадать цель его движения. Число неприятеля было вдвое более, чем наших войск. Союзников было 63 тысячи с 128 орудиями, у нас только около 35 тысяч и 84 орудия.

Невдалеке от башни была разбита серая палатка главнокомандующего, возле которой стояли хор музыкантов и песенники Тарутинского полка. Музыканты, сменяясь песенниками, играли марши и русские песни. Песенники пели:

Вы, французы, англичане,
Что турецкий глупый строй!
Выходите, бусурмане!
Вызываем вас на бой!
Вызываем вас на бой!

Начинало смеркаться. Батальон моряков и 6-й стрелковый переправлены на противоположную сторону и рассыпаны в цепь в садах за речкой Альмой и за аулом Бурлюк. С наступлением ночи как у неприятеля, так и у нас загорелось две линии костров.

Темна и холодна была ночь перед альмским сражением; для многих она была последней в жизни. Среди мрака мелькали бивуачные огни, а левая часть моря, ближайшая к берегу, была усеяна ярко освещенными судами. На нашей позиции горели редкие, тусклые огни. В оставленном жителями ауле были голодные собаки. Вдали и кругом раздавались говор, лошадиный топот, ржание, и все это, сливаясь в один гул, наводило тоску. К полуночи шумный говор стих и наступило всеобщее молчание. Тихо было в воздухе, еще тише на бивуаке.

Расположившись небольшими кучками, в полной боевой амуниции, наши солдатики готовились к бою: кто горячо молился, кто вспоминал родных и близких сердцу, иной чистил ружье, а были и такие, которые, предоставив себя воле Божией, спали крепким сном. По временам начальство, обходя бивуак, отдавало приказание, назначались перевязочные пункты, доктора, лазаретная прислуга, повозки для раненых – словом, отовсюду веяло смертью, увечьем и болезнями.

Костры догорели... Кое-где мелькал еще огонек, а вдали занималась заря. Перед рассветом с французского адмиральского корабля раздался выстрел зоревой пушки. Во французском лагере послышался бой зари, вслед за ней заиграли зарю в английском лагере, а потом и в нашем, с духовным гимном «Коль славен наш Господь в Сионе».

Содержание этого гимна вполне соответствовало настроению слушавших и было лучшим выражением их желаний. Вот слова этого гимна:

Коль славен наш Господь в Сионе,
Не может изъяснить язык;
Велик Он в небесах на троне,
В былинках на земле велик.
Везде, Господь, везде Ты славен,
В ночи, во дне сияньем равен.
О Боже, во Твое селенье
Да внидут наши голоса,
И взыдет наше умиление
К Тебе, как утрення роса!
Тебе в сердцах алтарь поставим,
Тебя, Господь, поем и славим.

Прекрасные музыкальные звуки этой молитвы, прославляя Творца вселенной, переносили слушателей в иной мир, в мир горний, и как бы служили примирением с предстоящей кровавой сценой. Пробужденные молитвой, наши войска встретили утро 8 сентября, день Рождества Богородицы. С появлением первых лучей солнца и при блеске утренней росы в полках служили молебны, священники обходили ряды, осеяли солдат крестом и окропляли святой водой. Горячо молились солдаты; многие офицеры становились на колено. Был уже девятый час утра, когда со стороны нашего правого фланга послышались звуки полкового марша, а за ними стали видны две колонны, приближавшиеся к нашим войскам. То были первый и второй батальоны Московского полка, втягивавшиеся на позицию после утомительного и длинного перехода из Керчи.

Батальоны эти, расположенные в 40 верстах от Керчи, в селении Аргин, получили приказание двинуться на Альму только 4 сентября в восемь часов вечера. На другой день, после солдатского обеда, они выступили в поход и менее чем в трое суток, как соколы, пролетели 220 верст, явившись утром в день сражения на выручку товарищам.

Несмотря на столь большой переход, лихие батальоны прошли мимо полков, стоявших на позиции, с бубнами, песнями и плясунами и огласили воздух хором музыки.

Не успели московцы прилечь-отдохнуть и даже зарядить ружей, как, голодные и томимые жаждой, тотчас же посланы были, как увидим ниже, в самый жаркий бой, где и отслужили свою службу царю-батюшке и России-матушке так, как дай Бог каждому из нас отслужить, если хватит силы.

Еще в семь часов утра стало заметно движение и в неприятельском лагере. С левой стороны

нашего расположения показался флот, подходивший к устью Альмы. Правее флота видны были широко раскинувшиеся французские войска, еще правее против моста стояли в несколько линий англичане в красных мундирах. Союзные главнокомандующие решили начать атаку французской дивизией, находившейся под начальством генерала Боске и расположенной возле морского берега, против нашего левого фланга. Восемь пароходов своим огнем должны были помогать этой колонне. Одновременно с Боске и англичане должны были двинуться против правого нашего фланга и стараться обойти его.

Под прикрытием пароходов Боске около пяти с половиной часов утра двинулся вдоль морского берега. С места расположения наших войск видно было, как французы начали спускаться в ложину и, следуя затем по волнистой береговой местности, то показывались на возвышенной части дороги, то вновь скрывались за возвышениями. Между тем англичане оставались на месте. Французский главнокомандующий, маршал Сент-Арно, послал спросить лорда Раглана (английского главнокомандующего) о причинах промедления. Раглан отвечал, что часть войск его слишком поздно прибыла ночью на реку Булганак и потому требует отдыха. Вследствие такого ответа движение колонны Боске было остановлено и час атаки отложен. Спустя долгое время, часов около одиннадцати утра, стало опять заметно движение вдоль всей неприятельской линии. Союзники длинным строем, в две линии, приближались к месту расположения наших войск. Передовые полки наши стояли в ружье, готовые к бою. Творя крестное знамение, солдаты различали уже цвет неприятельских мундиров и рассуждали между собой о том, кто идет против них, француз или англичанин.

В то время когда отряд Боске подошел уже к речке Альме, остальные войска союзников находились от нее не ближе двух пушечных выстрелов. С телеграфной башни видно было все расположение неприятеля. Возле морского берега, при подходе к речке Альме, находилась дивизия Боске, правее ее и несколько назад приближалась французская дивизия Канробера, еще правее – дивизия принца Наполеона. Впереди, против середины каждой из дивизий, двигалось по одной батарее артиллерии, прикрытых густой цепью стрелков.

Правее французов тянулись английские батальоны развернутым фронтом в две линии. Середина их приходилась как раз против селения Бурлюк.

Против французов, вдоль по хребту гор, были раскинуты наши полки 2-й бригады, 17-й пехотной и резервные батальоны 13-й пехотной дивизии^[5] под общим начальством генерала Кирьякова; на гребне горы, против селения Бурлюк, стояли 1-я и 2-я батареи 16-й бригады. Правее их, против англичан, в укреплении, насыпанном на скат горы против Бурлюкского моста, находилась батарейная № 1 батарея 16-й артиллерийской бригады, а правее и несколько позади ее, точно так же в укреплении, расположилась № 3 о батарея 14-й бригады. Позади этих двух батарей стояли полки 16-й пехотной дивизии^[6] под общим начальством генерала князя П. Д. Горчакова 1-го. В общем резерве, близ евпаторийской дороги, стояли два полка 14-й пехотной дивизии, Минский^[7] и Волынский.

Заметив прежде всего движение неприятеля с левой стороны, князь Меншиков послал в помощь батальону Минского полка четвертый батальон Московского. Между тем Боске, подойдя к реке Альма и видя, что противоположный берег нами не занят, тотчас же стал переправляться вброд и взбираться на высоты.

За одним из холмов этих высот лежало две роты усталого Московского полка. Два ротных офицера взошли на вершину холма, чтобы проследить за движением врага. Они видели, как французы собирались переходить морскую отмель, как некоторые, лежа на песке, отдыхали в ожидании переправы, а другие, полураздетые, бродили по воде.

Стоявшие на вершине холма офицеры, из коих один был подпоручик Перов, скоро заметили появление зуавов на высотах нашего берега реки. В это время неприятельские

пароходы, подтянувшиеся к устью Альмы, открыли самый убийственный огонь вдоль расположения наших войск. Целая туча снарядов пронеслась на наши полки, за ней другая – и началось дело...

– Опускайся на землю, – крикнул товарищ подпоручику Перову.

Они опустились. Огненными языками вылетали выстрелы из дула орудий, и ядра, один за другим, так и грохотали по вершине холма.

– Мимо! – прокричал Перов и поднялся.

Товарищ советовал ему не показываться, не жертвовать собой напрасно, но тот не слушал. Выстрелы гудели; ядра со всех сторон шлепались на землю и летели далее. Не прошло и пяти минут, как среди грохота выстрелов послышался стук, похожий на тот, какой происходит от падения ранца, брошенного с солдатских плеч. Сидевший за вершиной холма товарищ выглянул – Перова уже не было на свете. Это была одна из первых жертв альмского сражения. Перов плотно прилег своей грудью к земле, клочок которой, по своему росту, отвоевал на вечные времена. Оторванная от плеча рука его валялась невдалеке и указывала, что храбрый отошел в вечность.

– Ребята, Перов убит, – крикнул его товарищ солдатам.

При этих словах обе роты москвичей, лежавшие в шесть шеренг, как один человек вскочили на колени и стали креститься. Множество чистых молитв слились в одну за упокой души убитого; молитвы эти были искренни, и солдатская панихида по Перову была отслужена на месте происшествия, под открытым небом, при звуках вражьих выстрелов.

Таким образом, первые выстрелы послышались с левой стороны, со стороны моря, там, где за горой неприятель не был виден. Стрелки его лезли в гору и, рассыпавшись по вершине, охватили значительное пространство. Стоявший скрытно в лощине второй батальон Минского полка вдруг очутился лицом к лицу с неприятелем. Французские стрелки (зуавы) охватили его с фланга и появились в тылу. Они тотчас же открыли самый убийственный огонь по батальону, стоявшему одиноко, в нескольких верстах от прочих войск. Поражаемый тучей снарядов, летевших с пароходов, и пулями стрелков многочисленного неприятеля, батальон этот долгое время отстаивал то место, защищать которое был назначен. То выстрелами, то штыками он удерживал натиск врага, ежеминутно усиливавшегося. Видя, однако же, что одному батальону нет возможности устоять против напора целой дивизии, подполковник Ракович стал отступать и дошел до селения Орта-Кисек, когда заметил приближение резервов: на подмогу ему был отправлен Московский полк с легкими № 4 и 5 батареями 17-й артиллерийской бригады.

– Помогите вам Боже, – кричали тарутинцы проходившим сзади их москвичам.

Быстро вынесшись вперед, четвертая батарея открыла огонь по неприятелю, но в самое короткое время потеряла половину прислуги и большую часть лошадей.

Вскоре после Московского получили приказание следовать туда же из резерва и остальные три батальона Минского полка. Минцы и москвичи, как два родных брата, несколько раз бросались в штыки, но принуждены были отступать с большой потерей. Неприятель избегал штыкового боя: как только приближались к нему наши колонны, он отступал, разделялся на две стороны, а в очищенное им место влетали батареи и осыпали наших градом картечи и тучей пуль развернутых батальонов. После двух-трех таких схваток ряды минцев и москвичей значительно опустели.

Не будучи в состоянии без огромных потерь пройти густой град пуль, прежде чем принять неприятеля в штыки, минцы и москвичи принуждены были отказаться от штыкового дела и заботиться только о том, чтобы огнем батарей и своими ружейными выстрелами удержать напор многочисленного неприятеля. Обстреливаемые батареями и меткими выстрелами неприятельских стрелков, они твердо стояли под смертоносным огнем, смыкали ряды, замещали

убитых и раненых и поддерживали живой ружейный и артиллерийский огонь, наносивший значительный вред неприятелю. Видя малочисленность нашего отряда, французы напирали пуще прежнего, и когда свежие их войска стали обходить справа минцев и московцев, то они подались несколько назад.

Это было в то время, когда главные силы союзников, двигавшиеся на деревню Бурлюк, атаковали сады, занятые батальоном моряков и шестым стрелковым батальоном. Под прикрытием густой стрелковой цепи шли французы, а правее их англичане. В полдень неприятель подошел к противоположному берегу реки с намерением переправиться вброд. Наши два батальона, рассыпанные по садам на протяжении пяти верст, не могли остановить наступления многочисленного неприятеля. Они отступили, зажгли деревню Бурлюк и приступили к уничтожению моста, но уничтожить его не успели. Заняв сады, неприятель выдвинул батареи и открыл огонь по нашим войскам, стоявшим в первой линии. В это время англичане двинулись к мосту с намерением овладеть этой переправой. Пожар селения Бурлюк значительно замедлял их движения. Несмотря на то они, свернувшись в колонны, смело шли к мосту, осыпаемые пулями полков Бородинского и Великого Князя Михаила Николаевича и картечью наших батарей, поставленных против моста за укреплениями и на возвышениях. Под таким огнем не было возможности перейти мост, и неприятель, потерпев значительную потерю, должен был отступить.

Бывшие в садах неприятельские стрелки стали поодиночке переправляться через реку вброд и, скрывшись за виноградниками, своими выстрелами опустошали батареи и стоявшие ближе других колонны Бородинского полка. Чтобы уменьшить потерю, генерал Кирьяков отвел войска несколько назад. Заметив это, англичане тотчас же двинулись на мост. Ядра и гранаты наших батарей проводили кровавые борозды в рядах врагов; англичане ложились рядами, но, при своей многочисленности, смыкались и с новой силой, под прикрытием густой цепи стрелков, стремились к мосту. После нескольких попыток, через груды тел своих товарищей, они успели переправиться на наш берег. Тогда князь Горчаков 1-й приказал двум батальонам егерского Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Николаевича полка ударить в штыки. Егеря бросились вперед, но неприятель и на этот раз избегал рукопашного боя.

Поспешно отступив назад, за мост, он встретил наших егерей ужасным огнем всего фронта. Осыпанные пулями нескольких тысяч стрелков, наши егеря в самое короткое время лишились своего командира полка полковника Селезнева, двух батальонных командиров, большей части офицеров и почти половины нижних чинов. Не видя неприятеля на своем берегу, егеря принуждены были отступить. Пользуясь этим, свежие колонны англичан перешли мост и, преследуя отступавших, заняли укрепление, за которым стояла батарея. Последняя, потеряв половину людей и почти всех лошадей, отступила вместе с егерями. На валу укрепления развевалось уже английское знамя... Задело оно за живое русское сердце нашего солдата. Минута была решительная; медлить было нельзя.

Князь Горчаков, как только увидел отступление егерей, отправил к ним на помощь два батальона Владимирского полка. Не обращая внимания на град пуль, осыпаемых выстрелами неприятельской батареи, владимирцы молодецки, как на ученье, шли вперед, взяв ружья на руку и не делая ни единого выстрела. Страшна была для врага такая живая стена штыков,двигающихся в глубоком молчании. Не успел оглянуться неприятель, как владимирцы стремительным ударом в штыки выбили его из укрепления и сами заняли его. Скрывшись за укреплением, они открыли губительный огонь по неприятелю, бежавшему к мосту.

В это время бой происходил на двух главных пунктах; против моста дрались владимирцы с англичанами, а левее их минцы и московцы с французами. Поддерживавшие минцев и московцев и понесшие жестокий урон людьми и лошадьми, батареи 17-й артиллерийской

бригады были заменены двумя донскими и 12-ю конной батареей. Прискакавшие на место боя свежие батареи открыли самый частый огонь по неприятелю.

Боске, несмотря на всю многочисленность своих сил, не мог преодолеть сопротивления минцев и москвичей. Он ни шагу не подвинулся вперед до тех пор, пока к нему не пришла на помощь целая французская дивизия Канробера, появившаяся с правой стороны Московского полка. Минцы и москвичи, боясь быть отрезанными и имея сбоку и против себя две дивизии, стали отступать. Тогда французы всеми своими силами переправились через реку и, преследуя отступавших, заняли высоты и овладели телеграфом. Левая половина наших войск отступала тогда, когда владимирцы, выбившие англичан из укрепления, все еще держались в нем. Расстроенные и потерпевшие значительную убыль батареи наши, поддерживавшие владимирцев, производили редкую стрельбу; заменить их было нечем, так как вся артиллерия была уже введена в дело. Оставшись одни в укреплении, владимирцы перестреливались с неприятелем.

Выйдя из-под выстрелов, англичане стали уstraиваться. Пользуясь их замешательством, владимирцы, ободряемые примером начальников и своих офицеров, с криком «Ура!» бросились вторично в штыки. Рядом с ними с одной стороны шел корпусной командир князь Горчаков 1-й, а с другой – начальник дивизии генерал Квицинский. Владимирцы быстро выскочили из-за укрепления, частью перелезли через вал и без выстрела кинулись на неприятеля с такой решимостью, что первая линия английских батальонов дрогнула и стала отступать, но в это время загремел против наступающих частый огонь французской батареи, успевшей переправиться через Альму на наш берег. Поддержанные французами, англичане остановились и открыли огонь тем более убийственный, что пространство, разделявшее двух противников, не превышало ста сажень. Несмотря на столь сильный огонь, владимирцы с новым криком «Ура!» рванулись вперед, в то время когда к англичанам стали подходить новые подкрепления, переправлявшиеся вброд правее и левее моста.

Наступил перелом боя; одному храброму трудно бороться против десяти. Перекрестные выстрелы нескольких тысяч штуцеров и французской батареи поражали спереди, сбоку и прочищали ряды владимирцев, потерявших в одно мгновение многие сотни храбрых. Лишившись почти всех своих офицеров и не видя близкой помощи, горсть храбрых отступила к укреплению. По пятам за ними двинулись англичане, надеясь на легкую победу. Владимирцы употребляли последние усилия, ряды их редели; начальники пали или смертью храбрых или отнесены тяжело ранеными. Остатки храброго полка из-за укрепления открыли такой убийственный огонь, что многочисленный неприятель принужден был остановиться. Был один миг, когда колонны англичан, вдесятеро сильнейшие, казалось, не смели атаковать горсти храбрых. Они остановились в недоумении и молча раздумывали, что бы предпринять. Прошло несколько мгновений, как бы похожих на продолжительный вздох перед последним напором. За этим мгновением, за этим кратковременным вздохом последовал залп всего английского фронта. Владимирцы отвечали тем же, и посыпались с обеих сторон новые и частые выстрелы. Французская батарея действовала продольно по укреплению, за которым скрылись храбрецы, и дорого заплатили владимирцы за те десять-двадцать минут, в продолжение которых они пытались удержать натиск более чем целой дивизии англичан. Владимирцы не считали павших за родину, не считали и оставшихся в живых, они сильны были не числом, а духом. Полк не дрогнул даже и тогда, когда полковой, батальонные и ротные командиры были перебиты. Последние вздохи героев были тяжелы для неприятеля; дорого покупал он каждый шаг земли русской, за которой богатыри – сыны ее – стояли грудью до тех пор, пока справа и слева не появились свежие неприятельские войска. Дать себя окружить и потом быть расстрелянным многочисленным неприятелем было бы крайне неблагоприятно; поэтому генерал Квицинский,

бывший все время с полком, приказал владимирцам отступить. «Едва генерал, – пишет Енишерлов, – успел отдать это последнее приказание, как три штуцерные пули повергли его с лошади. Подняв раненного в бок, руку и ногу начальника, владимирцы стали отходить от укрепления, отстреливаясь». Горсть храбрых отступила, оставив на месте сражения 47 офицеров и 1260 человек нижних чинов. Имея в своих рядах только одного штаб-офицера и девять обер-офицеров, владимирцы могли насчитать в каждом из своих батальонов оставшимися в строю не более как 200 человек рядовых. Неприятель не преследовал остатки храброго полка и медленно стал подыматься в гору, как бы утомленный геройским сопротивлением этой горсти богатырей России. Под прикрытием Углицкого полка отступали остатки полков Владимирского и великого князя Михаила Николаевича, сопровождаемые выстрелами неприятельских батарей. Как только полки вышли из-под выстрелов, неприятель прекратил огонь.

В 7 часов пополудни кончилось сражение; войска наши потянулись к реке Каче, оставив на Альме убитыми и ранеными 4 генералов, 23 штаб-офицеров, 170 обер-офицеров и 5511 человек нижних чинов. Поле битвы было покрыто ранеными и умирающими, которые посреди стонов просили кто лекаря, кто хоть немного воды, чтобы обмыть раны и утолить жажду.

Повсюду видны были обломки оружия, изорванные на части тела и кучки людей и лошадей, плавающих в крови. Все поле сражения изборозжено было ядрами, и не было на нем ни одного места, где бы глаз не увидел искаленного трупа своего или неприятельского. Счастлив был тот, кто не узнавал в убитых брата, родственника или друга. Сотни хищных птиц, привлеченные запахом трупов, слетались отовсюду, и пронзительные крики их мешались со стоном раненых.

А между тем речка Альма, равнодушная к событию, но приобретшая известность в сердце русского народа, катила по-прежнему свои мутные воды в море, под кущами зелени и виноградников, измятых и поломанных проходившими войсками, под деревьями, обезображенными и расщепленными ядрами и гранатами.

Смотря на эту картину разрушения, как не сказать о святости призвания воина, который идет на страдания, увечье и полагает жизнь свою в защиту родины для блага и счастья остающихся в живых соотечественников. Не лежит ли на совести каждого из мирных граждан обязанность почтить павших теплой молитвой, изувеченных и раненых успокоением и присмотром, а оставшихся в живых – низким поклоном и уважением? Благо тому, кто, сознавая эти обязанности, спешит на помощь страдающему за него брату – привет ему и благодарность.

Есть люди на Святой Руси, которые, делая доброе дело, не ищут благодарности. Напротив того, поступая так из любви к ближнему, они делают свое дело втихомолку и часто, не болтая о своих заслугах, жертвуют всем своим имуществом. Такие люди вдвойне почтенны перед лицом своего отечества и перед лицом всего народа русского. К числу таких истинных христиан-благотворителей принадлежит Дарья Севастопольская.

Дарья была дочерью матроса Черноморского флота и жила в Севастополе. Пятнадцати лет от роду осталась она круглой сиротой, без опоры и всяких средств к жизни. Бедно жила Дарья в своем полуразвалившемся домике, когда до нее дошел слух, что неприятель ступил на крымскую землю. Войска Крымской армии потянулись на речку Альму. Многие встревожились и призадумались, услышала и Дарья, что скоро ждут большого сражения. Недолго думая собрала она какие были пожитки – и к жиду. Добро у Дарьи было незавидное: купил жид всю худобу Дарьи без чего-то за 20 рублей да дал ей в придачу куртку да штаны матросские, положенные в заклад какой-то буйной головушкой.

Оделась Дарья в наряд матроса, обрезала себе косу, захватила торбу, положила в нее тряпки и ножницы, купила себе коня татарского – да и марш на Альму. Около полудня 8 сентября началось кровавое дело, в котором Дарья приняла горячее участие. Под деревом среди поля, оглашаемого выстрелами, привязала Дарья своего коня и, не обращая внимания на

неприятельские выстрелы, начала свою христианскую работу – учредила свой перевязочный пункт для раненых. Развязав свою торбу, она достала тряпки и ножницы и стала, как умела, омыwać и перевязывать раны офицеров и солдат. Свято было ее дело – и не одна благодарная слеза воина молила потом о здравии христианки-благодетельницы.

Кончилось дело. Велики были наши потери, много было увеченных и раненых. Дарья не покинула больных: она переселилась с ними в севастопольский госпиталь, где покоила и лелеяла их. Умиравшие страдальцы благословляли бесстрашную Дарью и завещали ей кто часы, кто деньги.

Узнал об этом царь, прислал Дарье медаль, царица пожаловала ей крест с надписью «Севастополь», а старослуживые общей складчиной благословили Дарью образом Спасителя. С тех пор все стали называть Дарью Дарья Александровна^[8], и жила она с утехой, что послужила отечеству, что утешила многих страдальцев.

Около полуночи отступившая армия собралась на реке Каче и расположилась здесь бивуаком. Вплоть до самой Качи тянулись раненые за отступавшими войсками. Многие из них, пройдя несколько шагов, падали на землю, другие скрежетали зубами, плакали, стонали так, что надрывалось сердце и привычного человека. Там плелся солдат, опираясь на ружье, как на костыль; здесь другой подвигался ползком, преодолевая страшную боль, чтобы только не попасть в плен бусурману; третий, проползя несколько шагов, падал в изнеможении, предоставляя свою участь воле Божией. Многие солдаты имели по нескольку ран, по шесть и по семь, и все-таки тащились за войсками, кто как мог, издавая страшные крики и перенося ту жгучую боль и невыносимую жажду, которую трудно изобразить, но которую испытывает почти каждый раненый. Желание не отстать от своих заставляло многих двигаться через силу. Так, один из них шел с оторванной рукой, на месте которой оставались только обрывки рукава шинели, в другой руке тащил он ружье и еще помогал товарищу, труднее его раненному; другой, с раздробленной ногой, болтавшейся по произволу, бодро тащился, опираясь на свое ружье; иной, с помощью того же ружья, подвигался вперед на пятах, так как пуля прошла через ступни обеих ног и оторвала на них пальцы; иной, раненный в голову, с запекшейся на лице кровью, облепившей его как корой, с помутившимися от боли глазами, направлял свои шаги ощупью, по слуху, беспрестанно спотыкаясь и падая, он страшно вскрикивал, но, снова поднявшись, все-таки тащился вперед и кое-как добирался до бивуака товарищей.

Невесел был бивуак после такого ужасного побоища. Русский солдат не любит отступать даже и тогда, когда не в силах преодолеть заведомо многочисленного врага; он предпочитает сложить свою молодецкую голову, чем уступить врагу клочок родной земли. Так было и теперь. Хотя каждый и видел во время самого боя, что на одного приходилось более чем по два неприятеля, а все-таки наши солдаты были недовольны отступлением. Сознывая, что дрались, как Бог и государь велел, полки шли молча на реку Качу, молча они и расположились на бивуаке.

Бивуак представлял мрачную картину.

Нигде не было слышно ни говора, ни шума и не видно было зажженных костров. Бледный свет луны, по временам показываясь сквозь тучи, освещал на короткое время унылые лица и кучки солдат, собравшихся не для говора, а для совершения молитвы над только что умершим товарищем. Там, в стороне, слышался голос грамотного солдата, читавшего отходную над земляком и другом. Пробегавший по временам ветер разносил по бивуаку звуки молитвы, предсмертные стоны раненых да шепот фельдфебелей, проверявших свои роты, считавших оставшихся в живых.

В эту торжественную ночь было не до разговоров; никто не решался говорить, а если и говорил, то шепотом. Самый разговор состоял только в расспросах о товарищах-земляках, за

несколько часов живых и здоровых, а теперь отошедших в вечность славной смертью праведных. Никто, однако же, не падал духом, и каждый готов был снова вступить в бой, с жаждой отомстить врагу. Угрюмые лица и затаенная злоба в сердцах солдат свидетельствовали, что эти войска можно заставить отступить, но победить их – невозможно.

– погоди, брат! – говорил один из героев Минского полка. – Не тот, говорят, молодец, который повалил, а тот кто вывернулся. Вот что! Еще увидим!..

И увидел враг одиннадцатимесячную защиту Севастополя, еще небывалую в истории мира, с тех пор как живут на свете люди.

Положение Севастополя после сражения на речке Альме. – Укрепление города и горячее участие в том всех жителей. – Военный совет, созванный Корниловым. – Затопление кораблей на фарватере севастопольского рейда. – Появление союзников на Северной стороне города. – Меры к отражению их покушений овладеть укреплениями Северной стороны. – Неприятель переходит на Южную сторону города. – Укрепление города с Южной стороны. – Освящение укреплений. – Действия союзников. – Первое бомбардирование Севастополя. – Смерть Корнилова

С уходом войск на речку Альму, в Севастополе оставлено было для защиты города четыре резервных батальона пехоты, разные морские команды и флотские экипажи, из которых были сформированы пехотные батальоны.

Неприступный и отлично защищенный с моря, Севастополь с сухого пути не только не был защищен, но даже и не окопан. Теперь, в ожидании скорого приближения неприятеля, в городе закипела необыкновенная деятельность по приведению города в оборонительное положение. Необходимо было опоясать город целой линией укреплений. По распоряжению генерал-адъютанта Корнилова, было немедленно приступлено к исправлению старых и возведению новых укреплений. Решено было производить работу по всей линии, чтобы, куда ни пришел неприятель, можно было бы везде дать ему отпор. Надо было работать так, чтобы укрепление, сегодня насыпаемое, завтра могло попотчевать непрошеного гостя и оказать сопротивление при его нападении. Необходимо было с этой целью поставить по всей линии орудия, которые приходилось брать с кораблей, свозить на берег и тащить на себе несколько верст, чтобы поставить их на батарее. Работы было много, но не задумывались над ней защитники города. Все рабочие, какие только были в городе, отправлены с инструментами на земляные работы: писаря, вахтеры, музыканты, певчие и рота карантинной стражи – все были высланы на работу. Такого-то люду насчитывалось не более 800 человек. Часть из них была отделена для конвоирования арестантов, также высланных на работу. Арестанты работали неутомимо; трудясь до кровавого пота, они вместе с конвойными насыпали 5-й и 6-й бастионы. Жители города – старый и малый, богатый и бедный, чиновный и простой, – все спешили туда, где строились укрепления, где устанавливались преграды неприятелю. Телеги, лошади и волы, тачки и носилки, принадлежащие частным людям, без всякого требования, по доброй воле – все употреблено было для переноски и перевозки различных предметов. Полиция, обходя дома, приглашала обывателей на работу и, случалось, долго стучалась в дверь для того, чтобы услышать от ребенка, что отец и мать давно ушли туда без всякого приглашения. Таких работников разного звания, пола и возраста собралось около 5000 человек.

Работа кипела; шум и всеобщее движение заметно усилились в Севастополе. Звуки медных рогов и бой барабанов в разных частях города призывали рабочих к деятельности после кратковременного отдыха, звучно гремели якорные цепи кораблей, переводимых с места на место для лучшего поражения подступающего к городу неприятеля. Склянки, или морские часы, через каждые полчаса указывали время бесчисленным звоном, но за ними некогда было следить, да и некому, исключая часовых.

Объезжая работы по несколько раз в день, адмирал Корнилов радовался успеху, видя, что в неделю сделано столько, сколько в другой раз не сделаешь в целый год. И действительно, в самое короткое время перед глазами неприятеля вырастали твердыни севастопольские, мощные не толщиной и крепостью своих стен, а силой духа русского, безусталью народа православного. Выше всякой похвалы и достойно всякого уважения та необыкновенная деятельность, которую

выказали севастопольцы, как мужчины, так и женщины. Батареи и укрепления насыпались по всей линии, тянувшейся верст на девять, и повсюду кипела работа с одинаковым успехом: мужчины долбили каменистый грунт, а женщины таскали, иногда издали, землю в своих подолах. Появилась и такая батарея, которая без участия мужчин насыпана была только одними женщинами. Батарея эта до конца осады Севастополя сохранила название Девичьей и осталась свидетельницей их любви к родной стране и неутомимой посильной деятельности.

Лишь только укрепление приходило к концу, как оставшиеся в городе матросы стаскивали с кораблей свои огромные орудия и перевозили их на батареи. Люди, человек по сто, впрягались в тяжелую пушку и где с припевом дубинушки, а где и просто с криком «Ура!» встаскивали ее на гору и ставили на батарею. Из порта тащили на укрепления станки под орудия, орудийную принадлежность, снаряды и мешки от провианта для насыпки их земель и ускорения устройства амбразур. Под руководством инженер-подполковника Тотлебена работа кипела день и ночь. Тысяч пять человек с рассветом начинали работу по укреплениям и продолжали ее без перерыва целый день. Ночью работали при свете факелов и фонарей. Всякий работал от души, понимая ясно, что работа эта необходима и что он должен работать. Многие батареи были уже насыпаны и на них поставлены пушки, когда вдали города показались наши войска, отступавшие после сражения на реке Альме. С огромным транспортом раненых тянулись они 9 сентября по направлению к Севастополю. Около полудня полки наши подошли к Бельбеку. Здесь они расположились на привале, который необходим был людям, уставшим после горячего боя и измученным южным жаром. За войсками следовали и жители деревень, лежавших на пути отступления армии. Покидая свои жилища, они с огромными узлами на спине тянулись длинной вереницей к Севастополю, где надеялись найти приют и защиту.

Главкомандующий князь Меншиков, приехав в Севастополь, удивлялся быстроте, с которой росли укрепления. По ходатайству неутомимого распорядителя обороны вице-адмирала Корнилова князь Меншиков разрешил выдавать по две чарки водки всем работавшим на укреплениях.

Утром 9 сентября Корнилов собрал военный совет из адмиралов и капитанов. Он объявил им, что армия отступает и что неприятель, подойдя к городу и расположившись на Северной стороне, может открыть огонь по кораблям, защищающим вход в севастопольский рейд, или сжечь их, или заставить отойти на другое место. С удалением кораблей рейд не имел бы столь сильной защиты, и доступ союзному флоту к Севастополю значительно облегчался. Генерал-адъютант Корнилов предлагал выйти в море и атаковать союзный флот. При удаче мы могли уничтожить неприятельские корабли и лишить союзников продовольствия и подкреплений, а при неудаче Корнилов предлагал взорвать себя и часть неприятельского флота на воздух и умереть со славой. Члены совета не согласились с предложением вице-адмирала Корнилова как с совершенно не обещающим никакого успеха. Число наших кораблей было вдвое менее, чем неприятельских; наши суда все были парусные, и движение их вполне зависело от ветра, тогда как неприятель, имея много судов на паровой тяге, мог располагать движениями по произволу. Даже если бы часть союзного флота при удаче и была взорвана на воздух, то и это немного бы помогло делу, так как другая его часть могла ворваться в Севастополь и гибель флота все-таки не спасла бы города.

На основании всех этих соображений капитан 1 ранга Зарин предложил затопить несколько старых кораблей на фарватере, а людей с них и прочих кораблей обратить на усиление гарнизона. Прискорбно было представителям славного Черноморского флота выслушать подобное предложение, и у многих из них навернулись на глазах слезы. Запрудить порт и запереться в нем безвыходно значило отказаться от славной встречи нашего флота с неприятельским в открытом море, значило отказаться от звания моряка, столь высоко чтимого

черноморцами.

Своей любовью к делу, своим единоклубным стремлением на общую пользу черноморцы довели свои корабли до того высокого совершенства, которому завидовали иностранные державы. Теперь, когда они могли справедливо гордиться своим созданием, приходилось собственными руками потопить эти корабли в волнах родимого моря. Решаясь на такую меру, моряки отважились уничтожить сразу то, к чему они стремились более полувека, в чем видели свое призвание, свою будущность. Громкий говор, оживлявший совет, перешел теперь в безмолвие. Все молчали, но Корнилов видел, что большинство одобряет предложение Зарина и согласно с ним он видел, что все члены совета затопление кораблей признают единственным средством к спасению Севастополя, но что ни один из них не решился произнести этого рокового слова.

Не соглашаясь с таким мнением совета, Корнилов вызвал тем самые оживленные споры. В это время ему доложили, что приехал главнокомандующий, князь Меншиков, и находится на четвертом номере (так называлась одна из батарей Северной стороны). Корнилов, распустив совет, отправился к главнокомандующему.

– Готовьтесь к выходу, – сказал он, уходя, членам совета, – будет дан сигнал, что кому делать.

Явившись к главнокомандующему, Корнилов изложил ему мнение совета и объяснил свое намерение выйти в море. Меншиков согласился с советом и приказал затопить корабли на фарватере. Корнилов отказывался исполнить это приказание.

– Ну так поезжайте в Николаев к своему месту службы, – сказал Меншиков, рассерженный таким упорством Корнилова, и приказал своему ординарцу позвать к себе вице-адмирала Станюковича.

– Остановитесь, – вскричал Корнилов, – это самоубийство... То, к чему вы меня принуждаете... Но чтобы я оставил Севастополь, окруженный неприятелем, невозможно! Я готов повиноваться вам.

Затопление кораблей было действительно необходимо. Жертвуя несколькими старыми судами, мы преграждали неприятелю всякую возможность ворваться на рейд и вместе с тем усиливали Севастополь более чем 10 000 человек матросов испытанной храбрости.

Вечером 10 сентября суда, назначенные для потопления^[9], были поставлены на указанные им места.

В течение ночи приказано было свезти на берег все, что можно, а на рассвете следующего дня погрузить корабли на дно.

В восемь часов вечера на этих кораблях, по морскому обычаю, сыграли зорю и опустили флаги. Ничто не напоминало их близкой гибели, и только тогда, когда уже совершенно стемнело, экипажи их съехали на берег. Большинство матросов и многие из офицеров были грустны: им было жаль, что корабли, на которых они служили, с которыми сроднились, должны погибнуть, не померившись силами с врагами отечества в честном и горячем бою.

В полночь 11 сентября глухой треск и клочкотание воды возвестили, что потопление кораблей совершилось. Поутру над поверхностью моря плавали обломки мачт шести судов. Один только корабль «Три святителя», оставаясь на поверхности, долго сопротивлялся, не желая расставаться с жизнью. С шумом лилась вода в отверстия, прорубленные в подводной его части, но кораблю все-таки не хотелось погружаться в воду. Тогда приказано было пароходу «Громоносец» подойти и пустить несколько бомб в корпус несчастного корабля. После нескольких выстрелов обреченный на гибель корабль «Три святителя» зашатался, волны расступились перед ним, и он после долгой борьбы, как герой, отстаивающий самого себя, свое величие и славу, медленно опустился на дно, предназначенное быть его могилой... Шум воды,

треск ломающихся мачт вместе с грохотом пушек, скатывающихся с одного борта на другой, сопровождали эту борьбу с морем корабля, владыки моря. Не одна горячая слеза скатилась с ресниц зрителей этой печальной сцены.

Выстрелы «Громоносца» болезненно отзывались в сердцах моряков. Смотри, как тонул корабль «Три святителя», многие из них горько плакали. Грустный и задумчивый стоял и вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов, но когда корабль, шатаясь, стал опускаться на дно, Корнилов восторженно, лицо его оживилось, он обратился к собравшимся со словами утешения:

– Товарищи! – писал он вслед за тем в приказ. – Войска наши, после кровавой битвы с превосходным неприятелем, отошли к Севастополю, чтобы грудью защищать его.

Вы пробовали неприятельские пароходы и видели корабли его, не нуждающиеся в парусах? Он привел двойное число таких, чтоб наступить на нас с моря. Нам надо отказаться от любимой мысли – разразить врага на воде! К тому же мы нужны для защиты города.

Главкомандующий решил затопить 5 старых кораблей на фарватере: они временно преградят вход на рейд, и вместе с тем свободные команды усилят войска.

Грустно уничтожать свой труд! Много было употреблено нами усилий, чтобы держать корабли, обреченные жертве, в завидном свете порядка. Но надо покориться необходимости!

Москва горела, а Русь от этого не погибла! Напротив, стала сильнее. Бог милостив! Конечно, Он и теперь готовит верному Ему народу русскому такую же участь.

Итак, помолимся Господу и не допустим врага сильного покорить себя! Он целый год набирал союзников и теперь окружил царство Русское со всех сторон. Зависть коварна! Но царь шлет уже свою армию; и если мы не дрогнем, то скоро дерзость будет наказана и враг будет в тисках!

С затоплением кораблей Севастополь перестал быть портом. Чувство долга и любовь к родине обращали город в крепость, а моряков-матросов – в солдат-пехотинцев. Это крутое превращение, возможное только в России, совершилось на глазах многочисленного неприятеля.

Получив сведение, что неприятель двигается от Альмы к Севастополю, князь Меншиков собрал войска и оставил город с тем, чтобы сохранить сообщение с остальными губерниями России, дожидаться подкреплений и зайти неприятелю в тыл, если бы он вздумал остановиться на Северной стороне и атаковать город. Князь Меншиков оставил в Севастополе одних моряков, саперов и несколько резервных батальонов. Перед отъездом своим он приказал сформировать из корабельных команд батальоны для защиты города и поручил заведывание обороной северной части города генерал-адъютанту Корнилову, а южной его части – вице-адмиралу Нахимову. Корнилов отдал тотчас же приказ, по которому было сформировано из флотских экипажей семнадцать батальонов, одна часть которых назначена для защиты северных укреплений, другая – для защиты города с южной стороны. Оба адмирала горячо принялись за дело, когда неприятель показался в виду Севастополя и приближался к Северной его стороне. С высоких мест города видно было, как союзники спускались в Бельбекскую долину и как в то же время правее их сходили наши войска в долину Черной речки.

12 сентября неприятель остановился на ночь на Бельбеке с намерением атаковать на следующее утро северную часть города. Корнилов деятельно готовился к защите. По его распоряжению в укреплениях Северной стороны заготавливали запасы воды, провизии, устраивались перевязочные пункты. Для перевязки раненых доставлено с каждого судна по бочонку уксуса, смешанного с водкой. Подполковник Тотлебен всю ночь провел на работе укреплений, которые приводились к окончанию.

Корнилов успел собрать под свою команду не более 10 000 человек разных команд, свезенных с кораблей, которым приходилось бороться с шестидесятитысячной армией

неприятеля. «У меня десять тысяч наших моряков, взятых с кораблей, – писал Корнилов своей супруге. – Укрепления в надежном виде, и я, если армия сделает свое, надеюсь отдохнуть. Берег этот, кроме войска, защищается кораблями и пароходами; с моря же мы недосыгаемы».

Защитники не унывали, они ожидали встречи с неприятелем с уверенностью дорого продать свою жизнь и не уступить врагу ни шагу русской земли.

– Отступление Северной стороны невозможно, – говорил Корнилов. – Мы все тут ляжем. Смерть меня не страшит, но быть взятому в плен – это ужасно!

Утром следующего дня не видно было никакого движения союзников к северному укреплению. В полдень, напротив того, было замечено, что неприятель оставляет Северную сторону и тянется вдоль бухты в правую сторону. Первое движение неприятеля замечено было с башни, устроенной на крыше морской библиотеки, расположенной на одной из самых высоких гор города. С башни открывался обширный и прекрасный вид на все окрестности, и можно было видеть множество красных мундиров, которые двигались по опушке леса на Мекензиеву гору и спускались потом в долину Черной речки. То были английские войска, тянувшиеся длинной вереницей вдоль северных наших укреплений. За ними следовали французы в темных шинелях. Тысячи штыков блестели в полуденном солнце; казалось, что весь лес был в движении. Нельзя было сомневаться, что это было за шествие. Все видели, что союзники переходили на Южную сторону Севастополя, и Северная сторона, ожидавшая скорого нападения, вздохнула спокойнее; она была избавлена от опасности, но зато Южная часть очутилась в худшем положении, чем была Северная.

Под начальством Нахимова на Южной стороне было не более 3000 человек, которым приходилось защищать пространство около восьми верст в окружности, защищаться в укреплениях, только начатых, но еще не оконченных. Нахимов находился в самом мрачном расположении духа: он знал, что слабый гарнизон его, раздробленный на части и разбросанный по всей линии, не в состоянии противиться столь многочисленному неприятелю. В этой крайности он видел один честный исход: собраться всем вместе и лечь костями до единого.

«Неприятель подступает к городу, в котором весьма мало гарнизона, – писал адмирал в своем приказе, отданном в семь часов утра 14 сентября. – Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться, как герой; нас соберется до трех тысяч; сборный пункт на Театральной площади».

Между тем вице-адмирал Корнилов, как только убедился в том, что Северная сторона безопасна от нападения, тотчас же бросился на Южную, куда и перевел с собой одиннадцать батальонов моряков и других команд. Приняв там общее начальство над всеми войсками, он стал неутомимо трудиться над возведением укреплений.

Для лучшего успеха работ и защиты бастионы и батареи, охватившие город с Южной стороны, как построенные, так и вновь строящиеся, были разделены на три части, или дистанции. Линия укреплений, начиная с правой стороны от рейда до 5-го бастиона, была поручена защите шести пехотных батальонов, начальство над которыми поручено генерал-майору Аслановичу; всеми же батареями этой линии начальствовал капитан 1 ранга Иванов. Начальником войск, защищавших дистанцию от 5-го до 3-го бастионов, был назначен вице-адмирал Новосильский, имевший под своим начальством восемь морских батальонов. Батареями этой линии командовал контр-адмирал Юхарин. Наконец начальником войск, защищавших укрепления от 3-го бастиона до Килен-бухты, был назначен контр-адмирал Истомин, под командой которого находилось шесть флотских батальонов. Начальником батарей этой части был назначен контр-адмирал Вукотич 2-й. Всеми работами по устройству укреплений заведовал деятельный помощник Корнилова, подполковник Тотлебен.

При совокупном усилии этих лиц по всей линии укреплений работа закипела пуще

прежнего.

Теперь малочисленному гарнизону для защиты обширной местности приходилось окончить бастионы, связать их непрерывной линией батарей, укрепить местность множеством новых построек и вооружить их огромными корабельными пушками. Словом сказать, приходилось создавать огромную линию таких преград, которые не допустили бы неприятеля взять город открытой силой, а заставили его приступить к правильной осаде и приближаться медленно, шаг за шагом.

В Севастополе в эти дни проявилась необыкновенная деятельность: по улицам тащили орудия, станки, снаряды, бревна, доски, плотничьи инструменты, железные оковки, гвозди, мешки пустые и наполненные землей. Все это спешили доставить к укреплениям, где рабочие рыли рвы, насыпали укрепления и утрамбовывали землю. Тысячи тружеников, выкидывая из рвов землю, насыпали тот непрерывный семиверстный вал, для овладения которым союзники употребили почти год времени.

Работы производились днем и ночью; в них участвовали все, кто только мог: солдаты, вольные мастеровые, городские жители, женщины и дети. Двери арсенала растворились настежь; из сараев вытаскивали орудия, там же раздавали желающим инструменты: ломы, лопаты, заступа и проч. Кто имел тачку или лошадь с телегой, тот спешил на укрепления, зная, что им найдется работа; даже водовозные бочки были употреблены в дело: в них развозилась вода для утоления жажды трудившихся. Словом сказать, все средства города были обращены на содействие рабочим. Граждане образовали род ополчения для содержания городских караулов. Здесь любовь к отечеству проявилась в полном своем величии. Пользуясь тем, что неприятель, заняв Балаклаву, потратил много времени на свое устройство и не предпринимал никаких действий против Севастополя, наши защитники значительно подвинулись в постройке укреплений.

С утра 14 сентября неприятельские пароходы явились в виду Севастополя. Они делали промеры, заглядывали в разные бухты, отыскивая поудобнее места для стоянки своего флота. Наш гарнизон, число которого простиралось только до 15 000 человек, был размещен на назначенных ему местах. Войско, несмотря на свою малочисленность, кипело отвагой, и каждый положил стоять, пока хоть искра жизни останется в теле. У многих из защитников позади укреплений, на которых они стояли, был дом – его родина, жена, дети, всё-всё, что свято и драгоценно в жизни. Здесь, на бастионах, собрались не пришельцы из разных стран, а родные братья, труженики на общую пользу своей огромной и родной семьи матушки-России: здесь были не союзники, а одного поля ягоды, дети русского царя. Деятельность внутренней жизни приняла иные размеры, иные образы. Пришло время отстаивать родное пепелище, наступила минута решительной борьбы, когда каждый стал стражем заветных берегов родной земли, сберегателем ее славы, защитником мест, близких русскому сердцу.

Жители, матросы и солдаты сразу, без всяких толкований, поняли свое положение: они рылись в земле, воздвигая линию батарей, они же носили землю туда, где не хватало ее для насыпки укреплений, и ставили на батареи свои огромные пушки. Все это делалось «так просто и естественно, как задушевная мысль, как светлая жизнь, вся отданная за веру и отечество». Одинаково вскормленные, все они составляли часть одного народа русского, подвластного одному монарху, принадлежащего одной вере, имеющего один язык, одушевленного и проникнутого одной волей. Стойкий и решительный народ решился защищать город от нашествия иноплеменников и встретить врага без ключей и хлеба-соли, а по-русски – штыками, рогатинами да чугунными пирогами.

К вечеру 14 сентября постройка укреплений подвинулась настолько, что одни из них были окончены и вооружены, другие приходили к окончанию; во многих местах поделаны были

засеки и порывы ямы для воспрепятствования противнику быстро двигаться, если бы он захотел атаковать укрепления. Осмотрев работы, Владимир Алексеевич Корнилов решился на следующий день, по русскому обычаю, начать защиту города крестом и молитвой, знаменующими начало всякого желанного дела на православной Руси.

– Пусть прежде всего напомним войскам слово Божие, – говорил Корнилов, – а потом я передам им слово царское.

С раннего утра стали наши войска на свои боевые позиции в ожидании торжественной процессии. Духовенство с образами, хоругвями и крестами совершало крестный ход, медленно подвигаясь по всей оборонительной линии. Почти в каждом укреплении процессия останавливалась, чтобы отслужить молебен, окропить войско святой водой и осенить крестным знаменем.

Все в кресте – и жизнь, и сила,
С ним родишься в мир земной,
С ним живешь, и на могиле
Он же станет над тобой.

Помни это – и молиться
Перед ним не забывай;
За него идешь ты биться —
За него и умирай.

Что жалеть солдату жизни?
Всем лежать в земле сырой;

А кто отдал жизнь отчизне,
Тот бессмертен как герой!

Горячо молились защитники не о спасении собственного живота, а о спасении родного им города, о спасении славы отечества. Тысячи теплых молитв возносились к небесам, молитв чистых, солдатских – бесслезных, бессловных, но горячих и искренних. По окончании крестного хода вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов объезжал войска. Одетый в блестящую генерал-адъютантскую форму, окруженный многочисленной свитой, он ехал вдоль линии, приветствуемый громкими криками.

– Царь надеется, – говорил он войскам, – что мы отстоим Севастополь; да нам и некуда отступать: позади нас море, впереди неприятель. Помни же, не верь отступлению. Пусть музыканты забудут играть ретираду – тот изменник, кто протрубит ретираду! – и если я сам прикажу отступить – коли и меня!

Громкое неумолкаемое «Ура!» было ответом войск на слова любимого начальника.

– Ваше дело, – говорил Корнилов, подвигаясь далее и обращаясь к одному из пехотных батальонов, – ваше дело сначала строчить неприятеля из ружей, а если ему вздумается забраться на батареи, так принимайте его по-русски; тут уж знакомое дело – штыковая работа.

Стоявшие на укреплениях матросы, завидя издали приближение своего начальника, приветствовали его громким «Ура!».

– Я давно знаю вас за молодцов, – говорил им Корнилов, – а с молодцами говорить долго нечего.

Одушевление войск и желание, постояв за себя, отмстить врагу сделались всеобщими.

Смотря в это время на пропеченные южным солнцем, загорелые лица стоявших на укреплениях, можно было видеть, что они готовы в огонь и воду, что

От дедовской науки,
От прапрадедов своих
Не отстали наши внуки,
То же сердце бьется в них;

Тот же воин православный,
Так же сильный, как и встарь
В нашей родине державной —
Русский Бог и русский Царь!

Уверенность в своей силе солдат и радостные крики их закончили этот величественный день в жизни севастопольского гарнизона.

На следующее утро в виду города появились передовые войска неприятеля, а спустя два дня, 18 сентября, стали подходить к Северной стороне города и главные силы князя Меншикова. Гарнизон Севастополя, надеясь на подкрепление, вздохнул свободнее и радостно встретил полки, прибывшие в город.

Увеличение гарнизона позволило приступить к более правильному размещению войск. Имея в виду растянутость участка вице-адмирала Новосильского и контр-адмирала Истомина, Корнилов разделил всю оборонительную линию укреплений вместо трех на четыре дистанции. Первая от рейда до редута Шварца, построенного между 4-м и 5-м бастионами, поручена генералу Аслановичу; вторая, заключающая в себе 4-й бастион с боковыми батареями до городского бульвара, вверена вице-адмиралу Новосильскому; третья дистанция, в которую входил 3-й бастион с его боковыми батареями, от городского бульвара до морского госпиталя, поступила под начальством контр-адмирала Панфилова; все же остальное пространство до Килен-балки, составляя четвертую дистанцию, находилось в ведении контр-адмирала Истомина.

Неприятель стоял в отдалении и как бы смотрел с раздумьем и удивлением, что вот-де перед его носом растут как грибы севастопольские укрепления.

Был полдень 22 сентября. Вице-адмирал Корнилов, объезжая линию укреплений, подъехал к 4-му бастиону. Матросы, работавшие на бастионах, собирались «пошабашить», как вдруг сигнальщик, смотревший в трубу возле насыпи, крикнул: «Неприятель идет на приступ!» На бастионе все пришло в движение, кто хватал ружье, кто бежал к орудию, и задымились фитили, готовые по первому приказанию пустить ядро по наступающим колоннам. Между тем несколько офицеров подошли к сигнальщику; каждый смотрел в трубку и делал свои замечания.

— В самом деле, — говорил один, — видны французские войска.

— У них, — прибавлял другой, — что-то в руках блестит на солнце. Должно быть, штуцера.

Вдали видна была колонна человек в тысячу. Подойдя ближе к нашим укреплениям, она остановилась; солдаты, казалось, начали копать землю.

— Не закладывают ли они траншею? — спрашивали друг друга присутствующие.

Все стали всматриваться попристальнее. При помощи зрительных труб можно было видеть, что только немногие солдаты имели ружья, остальные несли ломы, лопаты, кирки и другие инструменты для копания земли. Не было сомнений, что неприятель боится атаковать

укрепления открытой силой и намерен устроить батареи и громить ими наш родной город и укрепления.

Работы союзников подвигались очень медленно; с большим затруднением выгружали они с судов свою артиллерию, медленно тащили ее на назначенные места. Постройка укреплений подвигалась еще медленнее: копая землю, они встречали под тонким пластом ее камень, который с трудом пробивали их самые лучшие инструменты. Непривычные к такой трудной работе, солдаты их болели, и в рядах союзников появилась холера в значительных размерах, так что в день умирало по 150 человек и более. Недостаток в продовольствии и жизнь под открытым небом еще более увеличивали потери и смертность. С удивлением смотрел неприятель на наши войска и на выраставшие укрепления севастопольские. Точно так же живя под открытым небом, трудясь день и ночь над постройкой укреплений, русские войска находили еще время и средства беспокоить неприятеля своими выстрелами, уничтожавшими их работы или разгонявшими рабочих.

По мере того как постройка укреплений приходила к концу, бастионы и батареи покрывались орудиями и тотчас же открывали огонь против неприятеля и его работ.

«Русские батареи, – писали англичане в своих газетах, – не дают покоя ни днем ни ночью войскам, расположенным под прикрытием возвышений, окружающих Севастополь. Ядра и гранаты непрерывно перелетают через возвышения и падают вблизи наших солдат. Едва только покажутся два-три солдата, как русские выстрелы напоминают им самым ощутительным образом, чтобы они убрались подобру-поздорову и что им лучше оставаться под прикрытием».

Благодаря этой меткости выстрелов неприятельским солдатам было запрещено показываться перед севастопольскими укреплениями, кроме тех команд, которым необходимо было это по службе.

Ночные вылазки из Севастополя еще более замедляли работы неприятеля. С наступлением ночи наши охотники пробирались тайком к земляным постройкам союзников, нападали на них врасплох, уничтожали, насколько можно, их работы и, произведя всеобщую тревогу в лагере, возвращались домой, забрав в добычу оружие, одежду, инструменты и пр. Случалось, что несколько десятков солдат, отправившихся ночью распотешить свою удаль, поднимали на ноги всю неприятельскую армию. С первым криком «Ура!» наших охотников, бросавшихся в штыки, союзники, не рассмотрев числа их, были тревогу по всему лагерю. Проходило несколько часов после того; наши удальцы давно уже отступили и, сидя в кругу товарищей, рассматривали кто захваченную у неприятеля шапку, иной ружье, либо одеяло, а в неприятельском лагере солдаты все еще стояли под ружьем, ожидая нападения русских.

Беспокоя день и ночь противника и замедляя его работы, севастопольский гарнизон успел построить укрепления, сделать необходимые запасы снарядов, поставить на укреплениях морские орудия, расставить корабли так, чтобы они могли обстреливать рвы и овраги, спускавшиеся к городу, и устроить несколько мостов для свободного сообщения. Словом сказать, наши успели укрепить город настолько, что когда неприятель открыл первую стрельбу по Севастополю, то мы были совершенно готовы встретить его должным образом по-русски.

Эта необыкновенная деятельность севастопольского гарнизона не укрылась от глаз монарха. Достоинство оценив заслуги защитников, император писал князю Меншикову: «Благодари всех за усердие; скажи нашим молодцам-морьякам, что я на них надеюсь на суше, как на море. Никому не унывать, надеяться на милосердие Божие, помнить, что мы, русские, защищаем родимый край и веру нашу, и предаться с покорностью воле Божией! Да хранит тебя и вас всех Господь; молитвы мои за вас и наше правое дело, а душа моя и все мысли с вами».

На рассвете 5 октября сильный туман закрыл весь город и бухту до такой степени, что в двух шагах ничего не было видно. В половине седьмого утра, как только туман стал редеть,

французы, бросив три бомбы одну за другой, подали тем сигнал к началу стрельбы по осажденному городу. Вслед за тем с удивительной быстротой заревело 53 орудия французских и 73 английских. В ответ на этот погром посыпались частые выстрелы с наших укреплений с такой меткостью, которая заставила союзников понять, что нелегко им будет сладить с укреплениями, выросшими на их глазах.

Стрельба по городу и окружавшим его укреплениям с каждым часом увеличивалась, и в самое короткое время все пространство, разделяющее двух противников, покрылось таким густым пороховым дымом, что и на близком расстоянии не было возможности видеть предмета. Несколько раз отдавалось приказание стрелять пореже, чтобы дать рассеяться дыму, но моряки, по увлечению и из желания нанести больший вред врагу, продолжали вести самую частую стрельбу. Тучи порохового дыма, носясь над городом, скрывали от глаз не только все батареи и всю окрестность, но даже и само солнце. Свет его померкнул, и казалось оно раскаленным шаром или кровавым кругом, медленно опускавшимся на горизонт.

С первыми выстрелами неприятельских батарей оба адмирала, Корнилов и Нахимов, были на конях и скакали первый на 4-й бастион, а второй на 5-й. Восторженные крики войск, стоявших в укреплении, приветствовали Владимира Алексеевича Корнилова, когда он взошел в укрепление в сопровождении нескольких офицеров своего штаба.

4-й бастион по своему положению обратил на себя особенное внимание союзников. Все усилия французов были направлены к тому, чтобы уничтожить и скрыть с лица земли это укрепление. Внутри бастиона скрещивались французские бомбы с английскими ядрами, через него же летели и русские снаряды с двух батарей, расположенных позади бастиона. Владимира Алексеевича Корнилова просили, чтобы он поберег себя и оставил бастион, но он отвечал, что теперь не время думать о безопасности, и продолжал наблюдать за действиями батарей своих и неприятельских. Разговаривая с солдатами, наводившими орудия, указывая им куда целить, Корнилов переходил от одного орудия к другому. Покойно и строго было выражение его лица, легкая улыбка едва заметно играла на устах, глаза его светились ярче обыкновенного; высоко он держал голову, смотря на творения своих рук – севастопольские укрепления. Сухощавый и несколько согнутый стан Корнилова, казалось, в этот день выпрямился, и весь он как будто сделался повыше ростом.

Поговорив с командиром 4-го бастиона, вице-адмиралом Новосильским, и отдав ему некоторые приказания, Корнилов отправился на 5-й бастион. Проезжая мимо Тарутинского полка, адмирал был радостно приветствуем солдатами.

– Вот этот так молодец! – говорили между собой солдаты, смотря на адмирала.

На 5-м бастионе всей стрельбой распоряжался Павел Степанович Нахимов, он сам наводил орудия и следил за полетом снарядов. Одетый в сюртук с эполетами, Нахимов хозяйничал на батарее, как на корабле. Принимая самое живое и горячее участие в защите, презирая опасность, Павел Степанович в самом начале боя чуть было не погиб, он был ранен в голову, но, к счастью, легко.

– Вы ранены, Павел Степанович, – сказал один из приближенных к нему офицеров.

– Неправда-с! – отвечал он с неудовольствием, желая скрыть свою рану от любивших его матросов, с тем чтобы не расстроить их.

Спустя некоторое время, проведя рукой по окровавленному лбу, он прибавил: «Слишком мало-с, чтоб об этом заботиться, слишком мало-с!»

Разговаривая с Павлом Степановичем, Корнилов долго следил вместе с ним за тем разрушением, которое производили наши снаряды в неприятельских укреплениях. Оба они стояли открыто, под самым сильным огнем союзников; ядра свистели около, обдавая их землей и кровью убитых, бомбы лопались вокруг, поражая своими осколками прислугу у орудий.

Трудно себе представить что-либо ужаснее этой борьбы. Гром выстрелов слился в один страшный гул над головами сражающихся. Тысячи снарядов бороздили землю, бороздили укрепления и разносили смерть и увечья повсюду.

Происходивший от этого ужасный оглушительный треск и гул увеличивался еще от выстрелов с неприятельских кораблей по нашим приморским укреплениям. Расположившись перед ними полукругом, неприятельские корабли открыли непрерывную и частую стрельбу из 1500 орудий. Наши укрепления отвечали тем же, и застонала земля, задрожали окрестные горы, заклокотало синее море.

Прекрасна и величественна была картина боя для тех, кто мог любоваться ею издали, не подвергаясь опасности быть убитым. Неприятельские корабли стреляли целым бортом, зараз из всех пушек. Густой пороховой дым начал постепенно закрывать корабли. При совершенно тихой погоде, чистом и ясном небе, при свете полуденного солнца густые клубы дыма, заколыхавшиеся сначала по темно-синей поверхности моря, стали подыматься все выше и выше и наконец совершенно закрыли корабли с их мачтами и снастями. Непроницаемая завеса эта по временам прорезывалась, как молнией, отблесками выстрелов, за которыми слышалась частая дробь града снарядов, лопавшихся в воздухе, прыгавших по земле или ударявшихся в стены укреплений.

Бомбы, картечь, ракеты и прочие снаряды кучами летели на защитников. Треск и взрывы были повсеместны.

В продолжение нескольких часов люди, сражавшиеся в облаках дыма, ежеминутно ожидали смертельного удара. Пусть каждый поставит себя в этот день на место русского солдата, и тогда только он оценит его заслуги родине, честь и достоинство которой он отстаивал своей грудью. Проникнутый святым долгом, под столь сильным огнем неприятеля он бесстрашно заряжал орудия, исправляя наскоро повреждение в укреплениях, тушил огонь, смело лез на пороховой погреб, чтобы спасти его от взрыва, могущего разнести в клочки все укрепления с его защитниками, и в то же время убирал убитых и раненых, утешая страдальцев словом и молитвой.

Несколько часов сряду длилась с обеих сторон усиленная стрельба на всех пунктах. Оба противника, казалось, не хотели уступить друг другу, как вдруг наша бомба взорвала пороховой погреб на одной из французских батарей. Взрыв этот был встречен громким «Ура!» севастопольского гарнизона. Через полчаса после этого взрыва последовал другой, и затем огонь с французских батарей стал постепенно слабеть, а потом и вовсе прекратился.

Английские батареи были счастливее. Будучи сильнее и устроены прочнее французских, они действовали успешнее и продолжительнее. Англичане открыли самую усиленную стрельбу, направляя ее преимущественно на Малахов курган и на 3-й бастион, пострадавший более других. Расположенные на горе английские батареи засыпали его снарядами спереди и сзади, так что сообщение с бастионом сделалось чрезвычайно опасным. К трем часам пополудни на 3-м бастионе треть орудий была испорчена и сбита, а перед остальными были разрушены амбразуры.

Потеря в людях на 3-м бастионе и Малаховом кургане была огромная, и числа оставшихся едва хватало для действия при орудиях. Между тем неприятельские выстрелы разрушали наши укрепления, построенные наскоро, из сухой земли, не успевшей слежаться. Отверстия в укреплениях (амбразуры), сквозь которые стреляли орудия, поддерживаемые досками, загорались, и для тушения их необходимо было назначить особых рабочих. В таких затруднительных обстоятельствах Корнилов поскакал к острогу, где содержалось много арестантов.

– Всех арестантов, не прикованных к тачкам, – сказал он караульному офицеру, – отведите

на Малахов курган. Я сейчас сам буду и распоряжусь работой.

Прикованные к тачкам просили, как милости, и их пустить туда же. Им стало совестно за самих себя, совестно за то, что им не доверяют даже и в такие минуты.

– Нет, мы не останемся здесь, простите нас, – кричали они, – пустите сражаться с врагами, мы умрем на батареях.

Кандалы при содействии товарищей вмиг были сняты, и арестанты выстроились в три шеренги.

– Ребята! – сказал им Корнилов. – Марш за мной на Малахов курган, там самоотвержением и храбростью заслужите прощение нашего милостивого Государя за прежние ваши проступки.

С криком «Ура!» тысячная толпа арестантов хлынула за лошадью Корнилова, поскакавшего вперед. Высоко оценили арестанты доверие к ним адмирала, и отслужили они свою службу верой и правдой. Многие из них были убиты на бастионах севастопольских, а оставшиеся в живых заслужили полное прощение, переменили свое поведение и, став честными людьми, удостоены наградой.

На Малаховом кургане Корнилов, как и везде, был встречен громким «Ура!» 44-го флотского экипажа.

Распоряжаясь на кургане, адмирал появлялся в самых опасных местах. Слыша постоянные просьбы своих приближенных возвратиться домой, Корнилов хотя и соглашался их исполнить, но не вполне.

– Постойте, мы поедem еще к тем полкам, – сказал он, указывая на Бородинский и Бутырский полки, – а потом госпитальной дорогой домой.

Постояв еще несколько минут, он в половине двенадцатого часа произнес: «Ну теперь поедem», но не успел сделать и трех шагов, как ядро оторвало ему левую ногу у самого живота. Адмирал упал; его подняли, перенесли за насыпь и положили между орудиями.

– Ну, господа, предоставляю вам отстаивать Севастополь! Не отдавайте его, – сказал В. А. Корнилов окружавшим его и скоро потерял память, не испустив ни одного стопа. Он пришел в себя только на перевязочном пункте и причастился Св. Таин. Заметив, что его хотят переложить на носилки, но затрудняются приподнять, чтобы не повредить рану, Владимир Алексеевич сам через раздробленную ногу перекатился в носилки и был отнесен в морской госпиталь. Чувствуя приближение смерти, он ожидал минуту эту с совершенным спокойствием.

– Скажите всем, – говорил он окружающим, – как приятно умирать, когда совесть спокойна. Благослови, Господи, Россию и Государя, – прибавил он, – спаси Севастополь и флот.

В половине четвертого часа пополудни доблестного адмирала не стало, и войска, верившие в его счастье и необыкновенные способности, с грустью узнали о его кончине.

На том месте Малахова кургана, где убит В. А. Корнилов, был сложен крест из неприятельских бомб и ядер, а сама батарея, по высочайшему повелению, была названа бастионом Корнилова.

Между тем борьба с английскими батареями продолжалась. Наша артиллерия действовала отлично. Состязание двух противников поддерживалось с особой живостью, как вдруг, в 3 часа 17 минут пополудни, одна из неприятельских бомб пробила пороховой погреб – и страшный взрыв потряс весь 3-й бастион. Начальник артиллерии третьего отделения, капитан 1 ранга Ергомышев, упал замертво, контуженный в голову; начальник бастиона, капитан-лейтенант Лесли, пропал бесследно, и множество нижних чинов разорваны на части. Обезображенные трупы их валялись повсюду, во рву и между орудиями: там груда рук, тут одни головы без туловища. Бастион представлял картину полного разрушения. Вся передняя половина насыпи была сброшена в ров, многие орудия и станки опрокинуты, так что несколько минут бастион не мог производить выстрелов. Затем убыль прислуги была пополнена и выстрелы загремели

ожесточеннее прежнего. Соседняя с бастионом батарея Будищева с громкими криками «Ура!» открыла самый частый огонь, наносивший жестокий вред англичанам.

На Малаховом кургане около четырех часов пополудни взлетел на воздух зарядный ящик, не причинивший, впрочем, значительного вреда. Не обращая внимания на взрыв, защитники продолжали вести самую ожесточенную стрельбу, ободряемые примером офицеров и пастырем церкви. Посреди ядер и бомб расхаживал по кургану священник в епитрахили, с крестом в руках и благословлял прислугу. Более двух часов достойный пастырь не оставлял места боя и не выходил из огня. Одушевляемые его примером, матросы удвоили усилия, и не более как через полчаса после взрыва на 3-м бастионе бомба с Малахова кургана взрывает пороховой погреб на той английской батарее, на которой развевался английский флаг. Взрыв этот был так губителен, что все остальное время англичане могли стрелять только из двух орудий.

Отличное действие нашей артиллерии заставило союзников прекратить бомбардирование города. Выстрелы их становились все реже и реже, а потом и совсем смолкли. Спустя немного времени прекратили свою стрельбу и неприятельские корабли. Выпустив 150 000 снарядов, ядер и бомб, союзный англо-французско-турецкий флот отошел, сам поврежденный, но без всяких результатов, не причинив большого вреда нашим приморским укреплениям.

Так кончился день 5 октября, называемый днем первого бомбардирования Севастополя. Несмотря, однако же, на успех нашей артиллерии, день этот дорого стоит русской армии. До тысячи человек солдат было убитых и раненых; мы потеряли много офицеров, потеряли адмирала Корнилова, но зато доказали врагу, что нелегко будет ему бороться с храбрыми защитниками Севастополя.

Много было совершено в этот день отдельных подвигов, мы приведем некоторые из них:

1. 29-го экипажа боцман Алфимов состоял комендором при бомбическом орудии на 4-м бастионе и неустанно наводил свою пушку на 2-ю амбразуру французской батареи. Неприятельское ядро оторвало ему ногу; Алфимова понесли на носилках. «Стой! – крикнул он. – Эй, Семен, поди-ка сюда». Подбежал матрос, занявший место комендора. «Слушай! – говорил раненый. – Если ты мне к вечеру не подобьешь второго орудия, я приду и поссорюсь с тобой... Ну, теперь пошел, неси на перевязку».

2. Бутырского пехотного полка денщик Федор Аверьянов нес во время бомбардирования полную миску со щами для своего офицера, у которого собралось несколько товарищей. Аверьянову надо было пройти через большую площадь у Корабельной слободы, на которой лежало такое множество неприятельских снарядов, что еще долго после бомбардирования все это пространство было усеяно ядрами и нелопнувшими бомбами и гранатами. Бомбы и ядра падали со всех сторон, но усердный денщик устремил все внимание на миску и только искоса поглядывал на падавшие снаряды. Дойдя до землянки, в которой сидели офицеры, он тщательно поставил щи на лавку и, перекрестившись, сказал: «Ну, слава богу, не пролил».

3. 5 октября утром капитан 1 ранга Керин крикнул своему денщику: «Михайло, чая!» «Ваше высокоблагородие, – отвечал денщик, – чая не будет, ядро снесло трубу с самовара». «Пошел, – сказал капитан, – и как хочешь, а чтоб был чай!» В это время летела мимо корниловского бастиона неприятельская ракета. Увидев ее, денщик сказал: «Сейчас будет!» – и бросился бежать по направлению ее полета. Через несколько минут исполнительный матрос устанавливал железную гильзу ракеты на пораненный самовар своего капитана.

4. На 3-й бастион упала огромного размера английская бомба и, крутясь, грозно шипела возле собравшейся толпы матросов. «Не сердись, толстуха, – сказал один из них, – никого не испугаешь. У меня теща сердитее тебя, а я и ее не боюсь», – и с этими словами залепил трубку бомбы грязью.

Последствия бомбардирования 5 октября. – Исправление укреплений. – Деятельность Севастопольского гарнизона. – Балаклавское и Инкерманское сражения

Умолк гул выстрелов, рассеялся пороховой дым, и наступила всеобщая тишина.

Некоторые из нижних чинов, истомленные продолжительным боем, бросились в изнеможении на землю тут же, в нескольких шагах от орудий, чтобы перевести дух и отдохнуть хотя несколько минут. Другие, еще не выбившиеся из сил, пошли утолить голод и жажду, потому что с самого утра, с открытием стрельбы, никто не брал в рот ни куска хлеба, ни капли воды. Подкрепив себя пищей, матросы и солдаты с чувством довольства и гордости вспоминали о небывалом в их жизни дне, который казался им страшным, тяжелым сном. Страшен сон, говорит русский человек, да милостив Бог. И действительно, после столь горячего боя, взрывов, шума ядер, гранат, ракет и рева нескольких тысяч пушек поразителен был переход к тихой прохладе, небу, усыпанному блестящими звездами, отражавшимися в зеркальной поверхности моря. Поразителен был переход от всеобщего шума и жара к тихой и довольно прохладной ночи.

Не отдых и спокойствие принесла она защитникам, а, напротив того, призывала их к величайшей деятельности – к исправлению всех повреждений, к замене подбитых орудий и к пополнению израсходованных снарядов. Малочисленному гарнизону приходилось в одну ночь исправить то, что разрушали сотни тысяч снарядов в течение целого дня. Единодушное желание удивить врага и расстроить его расчеты сделали то, что в течение ночи гарнизон уничтожил все следы разрушения, и на следующее утро перед глазами изумленного неприятеля наши батареи явились сильнее прежних.

Получившие значительные повреждения 3-й бастион и Малахов курган (Корнилов бастион) были исправлены и усилены. Всю ночь кипела на них самая деятельная работа: заваленные землей орудия отрывали, строили пороховые погребки, исправляли насыпь, очищали засыпанные рвы, насыпали взорванную часть 3-го бастиона и ставили новые орудия большого калибра.

Для вооружения батарей большими орудиями приходилось снимать их с кораблей, выгружать на пристани, тащить несколько верст до оборонительной линии и затем ставить на укрепление. Только беспримерное усердие и деятельность войск могли совершить в одну ночь столь значительные работы.

Самое раннее утро застало 3-й бастион и Малахов курган совершенно готовыми опять бороться с английскими батареями. Такая же точно деятельность кипела и по всей оборонительной линии: все повреждения были исправлены и все орудия по возможности были заменены другими, более дальнего полета, так что к утру следующего дня мы готовы были по всей линии отвечать неприятелю с большей силой, чем накануне.

С рассветом 6 октября англичане снова открыли жестокий огонь по 3-му и 4-му бастионам и по Малахову кургану. Французы молчали. Сильно пострадавшие накануне, они исправляли еще свои повреждения, строили две новые батареи и траншею против 4-го бастиона. Несмотря на усиленное действие английских батарей в течение целого дня, повреждения в бастионах были незначительны. В следующую ночь повреждения эти были снова исправлены и заложены новые батареи. В 6.30 утра 7 октября с обеих сторон закипел такой же ожесточенный бой, как и 5 октября. В это время на улицах Севастополя проходящих почти не было; одни только носильщики таскали раненых да убитых. Изредка кто-нибудь спешил на бастионы, и то только с экстренным приказанием. Для уменьшения убыли в войсках ротам приказано было

располагаться за закрытиями. Кучками сидели солдаты у стен, положив ружья перед собой из предосторожности, чтобы неприятель не заметил войска и составленных в козла ружей. Ядра свистели со всех сторон, но нестрашны были они русскому солдату. Шутки, прибаутки и разные присловья сыпались со всех сторон. Иногда, по большей части ночью, говорились сказки с применением их к окружающей обстановке.

– Вот летит Змей Горыныч, шумит, гремит, точь-в-точь, как эта бомба, – говаривал рассказчик, указывая на пролетавшую над головами бомбу.

В это время некоторые из молодых солдат, заслыша свист снаряда, невольно приклонились. Хладнокровный рассказчик замечал и это.

– Не наклоняйся, – подшучивал он над молодыми. – Всякому ядру станешь кланяться – свихнешь шею; погоди, коли попадет – само сломит.

Несколько взрывов на французских батареях заставили их замолчать, и к вечеру канонада прекратилась по всей линии. В оба эти дня нашими батареями было выпущено 24 000 артиллерийских снарядов.

После двух столь сильных бомбардирований союзные главнокомандующие убедились, что Севастополь нет возможности взять открытой силой, и потому решили приступить к правильной осаде. Французы повели свои подступы против 4-го бастиона, англичане – против 3-го бастиона и Малахова кургана. С этого времени началась та однообразная, тяжелая и утомительная жизнь севастопольского гарнизона, которую он нес в течение одиннадцати с половиной месяцев. Ежедневно тысячи снарядов, наших и неприятельских, бороздили воздух с раннего утра до поздней ночи. С наступлением сумерек противники принимались за работы: севастопольцы исправляли повреждения, возводили новые укрепления, а неприятель с каждым днем хотя и медленно, но все-таки ближе подвигался своими подступами к нашим бастионам.

Чтобы отвратить внимание неприятеля от города, необходимо было действовать наступательно, но незначительность сил заставила князя Меншикова выждать прибытия новых войск. В начале октября стали подходить к Севастополю давно ожидаемые подкрепления. Прежде других явилась в Крым 12-я пехотная дивизия под начальством генерал-лейтенанта Липранди. Двинувшись из Кишинева в полном составе, она быстро достигла Севастополя, совершив этот длинный путь по-суворовски. Как только князь Меншиков узнал, что передовые полки этой дивизии появились у Перекопа, он тотчас же решился атаковать неприятеля с тыла, со стороны деревни Чоргун, по направлению к Балаклаве, где находились все склады английской армии.

С утра 11 октября войска стали спускаться в долину Черной речки и располагались бивуаком у селения Чоргун. Перед ними на возвышениях находились небольшие неприятельские кавалерийские пикеты, а за ними виднелось несколько укреплений, расположенных в одну линию. Приходившие полки составляли ружья в козлы, разбивали коновязи, расседывали лошадей, и скоро между солдатами завязалось обширное знакомство. Пехотинцы сновали между коновязями, кавалеристы бродили между бивуачными кучками, отыскивая земляков и знакомых. Через четверть, а много через полчаса все было в самых приятельских отношениях, и разговорам не было конца. Прибывавшие на бивуак войска встречались как давно знакомые и родные. К вечеру собралось здесь 16 батальонов пехоты, 22 эскадрона кавалерии, 8 сотен казаков и 52 орудия полевой артиллерии, всего до 16 000 человек.

Бивуак наш был расположен на правом берегу Черной речки и представлял живописную картину. Небольшая котловина, обставленная со всех сторон крутыми горами, где в другое время не мог бы разместиться и один полк с батареей артиллерии, теперь была переполнена войсками.

А между тем всем было довольно места, всем казалось удобно. В таких случаях, как канун

боя, человек становится менее требователен и примиряется со всеми неудобствами, сознавая, что они слишком ничтожны в сравнении с той торжественной и величественной минутой, к которой он готовится. Канун сражения связывает всех узами боевого родства. Каждый видит в товарище нечто родное, близкое и готов поделиться с ним всем, что есть под рукой, лишь бы не нарушить того благоговейного и высокого настроения, с которым воин, вступая в бой, жертвует своей жизнью по долгу и по совести...

Был тихий прекрасный вечер, такой, каким изобилует Крым во время ранней осени. Повсюду были видны составленные в козлы ружья, орудия, зарядные ящики, лошади и самые разнообразные группы солдат, с шумом разговаривавших или дремавших у дымящихся костров. Там, у опушки небольшого кустарника, расселось несколько кавалерийских юнкеров, которые забыли о покое и отдохновении в пылу дружеской беседы, среди воспоминаний прошедшего и мечтаний о предстоящем сражении. Некоторые из них тихо беседовали между собой, другие делали различные распоряжения: сжигали письма, которых не желали в случае смерти видеть в руках посторонних, и писали духовные завещания об имуществе, передавая их одному из близких друзей или товарищей. Подле этой кучки молодежи, в полумраке, около леса, освещенного отблеском разложенных костров, виднелись коновязи и кучки солдат, группировавшихся около старых служивых. С живым любопытством слушали они рассказы о битве, о первом впечатлении, которое производят на человека свист пули и шум летящих артиллерийских снарядов.

Но вот постепенно все стихло, и воцарилось глубокое молчание, прерываемое иногда ржанием лошадей, бряцанием оружия дежурных да тихим шепотом незаснувших. Как-то таинственно блистали штыки на ружьях, посеребренные едва мерцающим огоньком потухающих костров.

Наступило раннее утро 13 октября. Едва зарделась заря, как лагерь стал просыпаться. Солдаты копошились около лошадей и орудий; старые служивые, готовясь на смерть, надевали чистое белье, другие молились; начальство хлопотало у своих частей, делая различного рода распоряжения. Через час каша была готова и солдат звали к винной порции. Около пяти часов утра пехота разобрала ружья, кавалерия села на коней, артиллерия взяла орудия на передки. Вдали показался начальник отряда генерал Липранди, который, объезжая войска и обращаясь к полкам своей дивизии, выразил уверенность, что они будут драться так же храбро, как и на Дунае. Он прибавил, что не сомневается в победе. Неумолкаемым криком «Ура!» отвечали солдаты на уверенность своего начальника. Это не был тот крик, который так протяжно и ровно раздается на ученьях, — это был крик уверенности в своей силе, победный крик, вырвавшийся из могучей груди нашего богатыря-солдата.

Перед глазами собравшегося отряда тянулись высоты, освещенные утренним солнцем. С левой стороны виднелось селение Комары, занятое неприятельскими аванпостами, правее его, на высотах и в одну линию, было расположено четыре неприятельских укрепления, левее всех № 1, затем по порядку № 2, 3 и 4. Укрепления эти были заняты частью турками, частью англичанами. За линией укреплений, вдали, на тех же высотах, рисовалось, как бы в тумане, селение Кадыкёй, а несколько правее его — лагерь английской кавалерии.

Сообразно с расположением неприятеля и войска наши двинулись тремя колоннами; левая, под начальством генерал-майора Грибе (в составе 3 с половиной батальонов, 4 эскадронов, сотни казаков и 10 орудий), направлена на селение Комары. Средняя колонна, под начальством генерала Семякина (13 с половиной батальонов с 28 орудиями), двигалась по направлению к селению Кадыкёй и должна была атаковать первые три редута. Против четвертого редута направлена правая колонна под начальством полковника Скюдери (состоявшая из 4 с половиной батальонов, 3 сотен казаков и 8 полевых орудий). В то же самое время генерал-майор

Жабокритский должен был со своим отрядом (7 с половиной батальонов, 2 эскадрона и 2 казачьи сотни) спуститься с Инкерманских высот и, присоединившись к отряду генерала Липранди, с правой стороны обеспечить его от обхода.

Около получаса двигались колонны в самом глубоком молчании, даже лошади не ржали, как бы опасаясь обратить на себя внимание неприятеля.

Но вот вдаль послышался выстрел, за ним другой, потом третий – и дело началось.

Колонна генерал-майора Грибе прежде всех достигла места назначения. Полсотни казаков бросились на стоявший у монастыря Ионы Постного неприятельский пикет, который быстро отступил. Вслед за тем пехота заняла селение Комары. По окраине селения, лицом к неприятелю, рассыпались наши штуцерные, а правее их, на гребне возвышения, стала артиллерия для действия вправо против редута № 1. Между артиллерией, примыкая к левому боку средней колонны генерала Семякина, стали три эскадрона сводного уланского полка.

В начале восьмого часа утра наши батареи открыли огонь по неприятельским укреплениям, а вслед за тем полковник Криднер повел своих азовцев на приступ против крайнего левого редута № 1.

Перед глазами всего отряда, как бы на удивление оставшимся позади товарищам, шли азовцы в атаку, не обращая внимания на град пуль и артиллерийских снарядов. При всякой убыли смыкая ряды, они в стройном порядке подошли к подошве горы. Раздался протяжный крик «Ура!», и вся покатость высоты покрылась густой толпой атакующих. В одно мгновение азовцы, как шмели, облепили укрепление: кто обежал с концов, кто просто перелез через вал, и пошла штыковая потеха русского солдата. Бывшие в редуте турки хотя и дрались весьма упорно, но принуждены были отступить, и укрепление осталось в наших руках.

Азовцы решили участь победы – они вынесли ее на своих плечах.

С падением редута № 1 турки, защищавшие соседние два редута (№ 2 и 3), не выждали удара и поспешно обратились в бегство; точно так же неприятель бежал и из укрепления № 4, против которого шел Одесский егерский полк. Редут этот, как слишком выдвинувшийся вперед к неприятелю, был тотчас же срыт, колеса у лафетов перерублены, и сами орудия сброшены с горы. Оставив укрепления и бывшие в них орудия, турки бежали к селению Кадыкёй и присоединились к стоявшим впереди селения шотландскому полку и бригаде английской кавалерии.

Выстрелы на Кадыкёйских высотах встревожили союзников. В Балаклаве ударили тревогу. Бывшие там английские и турецкие войска выступили из города и остановились посередине между городом и селением Кадыкёй. Таким образом, неприятель расположился перед нами в две линии: в первой, ближайшей к нам, стоял шотландский полк, турки, бежавшие из укреплений, и бригада английской кавалерии, а во второй – собравшийся балаклавский гарнизон.

Для атаки первой линии неприятеля генерал Липранди выдвинул вперед гусарскую бригаду, девять сотен казаков и две батареи конной артиллерии (легкую № 12 и донскую № 3). Быстро вынеслись батареи на позицию и открыли огонь. По первым выстрелам шесть эскадронов веймарских гусар и три сотни казаков бросились на шотландский полк, а восемь эскадронов лейхтенбергских гусар и шесть сотен казаков атаковали английскую кавалерию. Встреченные на обоих пунктах сильным огнем неприятеля и встречной атакой английской кавалерии гусары и казаки принуждены были отступить и начали устраиваться правее пехоты. В это самое время правее нашей кавалерии появились колонна отряда генерал-майора Жабокритского, который, выдвинув вперед свою артиллерию, прикрыл с правой стороны отступавших гусар.

Между тем английский главнокомандующий, заметив успешное действие своей кавалерии,

приказал ей двинуться вперед. Англичане бросились в атаку. Несмотря на сильный перекрестный огонь нашей артиллерии и штуцерных, они налетели на выдвинутую вперед донскую батарею, изрубили прислугу, наскочили на гусар и казаков, смяли их и пронеслись далеко за линию занятых нами укреплений. Отсюда им не было возврата, и блестящая атака эта слишком дорого стоила англичанам. Когда неприятельская кавалерия надела на нашу батарею, тогда в тыл ей выдвинуты были казаки, а когда она промчалась еще далее за линию редутов, то была атакована во фланг (сбоку) тремя эскадронами сводного уланского полка. Находясь сверх того под перекрестным артиллерийским и ружейным огнем пехоты, англичане смешались, повернули коней и поскакали тем же путем назад под самым сильным огнем пехоты. Англичане отступали, сохраняя возможный порядок, хотя потеря их была огромная. Все поле было усеяно трупами людей и лошадей. Бригады английской кавалерии не существовало; из 800 человек, бросившихся в атаку, вернулось не более 200 человек, да и из них многие были ранены. 17-й английский уланский полк был почти совершенно уничтожен, только весьма немногие из его всадников, спасшиеся от общего истребления, неслись в одиночку по открытой равнине, преследуемые нашими уланами.

Поражение английской кавалерии закончило Балаклавское сражение, так как союзные главнокомандующие не решились предпринять наступательных действий против отряда генерала Липранди. Наши войска остались в занятых ими укреплениях, в которых нам досталось в добычу одно знамя, 11 орудий, турецкий лагерь, 60 патронных ящиков и разный инструмент. Многие солдаты щеголяли также чем-нибудь английским или турецким: на одном была надета английская шинель, на другом фуражка с английской высечкой, у третьего прекрасная походная баклажка через плечо. Вечером, когда собрались к кострам, рассказам не было конца, каждый старался, наперерыв друг перед другом, рассказать те случаи, которым он был очевидцем. Много было в этом сражении отдельных подвигов храбрости, ловкости и находчивости, и потому разговаривавшие находили чем делиться друг с другом.

Вот некоторые из этих подвигов.

Азовского пехотного полка поручик Эйнзидель (принятый из саксонской службы), разговаривая накануне сражения в кругу товарищей, обещался непременно отличиться и сказал им: «Вы увидите завтра – где я буду». Эйнзидель сдержал свое слово: в числе первых был он на укреплении, где получил три тяжелые раны.

Рядовой Иван Заровный защищал израненного поручика Эйнзиделя и пал жертвой своей преданности начальнику.

Днепровского пехотного полка рядовой Клим Ефимов, при взятии Комарских высот находясь в цепи штуцерных, был ранен осколком гранаты в бровь, после сделанной перевязки он просил доктора отпустить его на место сражения и, по разрешении, прибыл к своей роте, при которой и находился до конца сражения.

Во время атаки редута № 4 штуцернику 5-й егерской роты Одесского егерского полка Дементию Комиссарову оторвало осколком гранаты концы среднего и указательного пальцев левой руки; долго он не оставлял своего штуцера, стараясь еще зарядить его; но лившаяся кровь мочила патрон и ружье; выведенный из терпения, Дмитрий Комиссаров обратился к офицеру: «Ваше благородие, позвольте мне сбегать завязать руку; а пока не угодно ли самим пострелять из моего штуцера: знатно попадает! Я же сейчас ворочусь». И действительно, через несколько минут Дементий Комиссаров явился опять между стрелками и, хотя с перевязанной рукой, не переставал стрелять из своего любимого штуцера до конца сражения.

Когда разбитая наголову неприятельская кавалерия в беспорядке и во весь дух мчалась назад, лежавший на земле раненный в ногу штуцерной 4-й карабинерной роты Цверковский, которого не успели еще отвести на перевязку (а сам идти был не в состоянии), увидел

скакавшего впереди на лихой лошади англичанина. «Ах, батюшки! – сказал он. – Не дайте ему выскочить! Он славно напирал, пусть же хоть на отъезд попробует русского свинца!» С этими словами он перевернулся, приподнялся, прицелился, выстрелил – и славный английский наездник свалился с коня. «Теперь хоть и на перевязку!» – сказал Цверковский.

В одно время с горнистом 1-го батальона Денегой, принесенным с оторванной рукой на перевязочный пункт, принесли туда же английского гусара, истекавшего кровью и совершенно ослабевшего от сабельных ран. Видя это, Денега забыл о собственных страданиях и обратился к полковому штаб-лекару с просьбой: «Ваше высокоблагородие, погодите еще смотреть меня, помогите вот этому прежде, а то он пить попросить не может. Пусть знает, что мы христиане и люди добрые!»

Гусарского Его Императорского Высочества герцога Лейхтенбергского полка вахмистр Гуров, несмотря на полученную им рану, видя, что эскадронный командир майор Майдель, раненный в голову, упал, слез с лошади под убийственным огнем пехоты и вывел своего начальника.

Унтер-офицер Кисленко, раненный в локоть пулей, отправился на перевязочный пункт, но едва услышал перестрелку, как, не окончив перевязку, возвратился на фронт и остался до конца боя.

Гусарского гросс-герцога Саксен-Веймарского полка унтер-офицер Захаров, когда убита была под генералом Рыжовым лошадь, подал ему свою, а сам остался под сильным огнем неприятельских батарей снимать седло с убитой лошади. Он исполнил это хладнокровно, без суеты и принес седло на плечах до перевязочного пункта.

Храбрый ротмистр Хитрово, командир 1-го эскадрона Веймарского полка, раненный пулей и несколькими сабельными ударами и окруженный неприятелем, дрался отчаянно. Эскадрон бросился на выручку своего любимого начальника, но ротмистр Хитрово, видя неизбежную гибель своих людей, приказал им воротиться. Уже спешенный, он продолжал драться, пока не пал под ударами неприятеля.

Сводного уланского полка эскадрона Его Высочества эрц-герцога Австрийского Альберта рядовой Марко Зиноватый, будучи ранен и сбит с коня, схватил бежавшую неприятельскую лошадь, сражался на ней до конца дела, а после дела, отыскав свою лошадь, явился, раненный, в эскадрон и находился в рядах.

Конно-легкой № 12 батареи фейерверкер 3-го класса Максим Федоров, видя, что ящичный ездовой донской батареейной батареи был убит неприятельским уланом и что ящик был уже захвачен неприятелем, бросился туда, убил саблей улана, готовившегося сесть на подседельную лошадь, и сам, успевши вскочить на нее, доставил ящик на батарею.

Гибель лучшей английской кавалерии в глазах целой армии союзников была таким ударом, что они, и в особенности англичане, долго не могли опомниться и оставили нас спокойно владеть редутами. Известие о победе, одержанной нашими войсками в Балаклавском сражении, принято с восторгом гарнизоном Севастополя. Защитники осажденного города со дня высадки не имели ни одного спокойного дня и были изнурены усиленными работами, ежедневным бомбардированием и ежеминутным ожиданием штурма. Балаклавская победа, радостно отозвавшись в сердце каждого из стоявших на бастионах, возбудила в них новые усилия к сопротивлению многочисленному неприятелю. В Севастополе закипела еще более деятельная земляная работа: некоторые батареи усиливались, другие исправлялись, третьи вновь строились. Перед третьим бастионом вырыли ровик для штуцерных, чтобы выстрелами их препятствовать англичанам подвигаться к нам своими подступами. На случай атаки неприятеля дома, ближайшие к линии укреплений, приводились в оборонительное положение: в них закладывали лишние двери и окна и заменяли их бойницами или небольшими отверстиями для ружейной

стрельбы. Многие из продольных улиц заграждены кучами камней – баррикадами, за которыми поставлены орудия. Дома, приведенные в оборонительное положение, были заняты войсками, которым приказано запастись продовольствием и водой на несколько дней. Они должны были защищаться до последней крайности и не допустить неприятеля ворваться в город. В Севастополь были введены новые полки: Екатеринбургский, Тобольский и Волынский.

Первые два полка прибыли в Крым форсированным маршем и совершили свой путь необыкновенно скоро; следуя то пешком, то на подводах, они, случалось, делали до 132 верст в сутки и лишь только появились в Севастополе, как тотчас же были переведены на Южную часть города на смену полков Бородинского и Тарутинского, отправленных в селение Чоргун.

В осажденном городе канонада с обеих сторон гремела по-прежнему, и наши батареи выпускали ежедневно от 5 до 6 тысяч снарядов и несколько десятков тысяч пуль.

Несмотря, однако же, на усиленный огонь с наших батарей, французы все-таки продвигались вперед своими подступами, так что на 21 октября они приблизились к 4-му бастиону не далее как на 65 сажень. С наступлением утра с обеих сторон был открыт самый сильный огонь. Хотя наша артиллерия действовала так успешно, что повредила значительно четыре французские батареи, из коих две принуждены были замолчать, тем не менее усиленный огонь французских батарей, направленный на 4-й бастион, произвел в нем значительные разрушения, так что исправлять их было крайне затруднительно. Перебежчики из неприятельского лагеря доносили, что французы собираются штурмовать бастион. Мы деятельно готовились к отражению нападения, но повреждения в бастионе были так велики, что трудно было рассчитывать на успех. Хотя все разрушения тотчас же исправлялись под огнем неприятеля, хотя подбитые орудия непрерывно заменялись новыми, а редевший строй защитников пополнялся, но при всем том оборона бастиона, видимо, истощалась.

Чтобы сколько-нибудь отвлечь внимание союзников от Севастополя, главнокомандующий решил еще раз перейти в наступление и атаковать правый фланг неприятеля с тем, чтобы в случае успеха занять высоты, на которых был расположен английский лагерь и, утвердившись на них, заставить союзников снять осаду города.

Для атаки составлено два отряда: один под начальством генерала Соймонова, другой под начальством генерала Павлова. Соймонов должен был двинуться из Севастополя прямо в лицо англичанам, а Павлов, спустившись с Инкерманских высот, ударить в правый их бок. У Соймонова было 29 батальонов, одна казачья сотня и 38 орудий, всего числом 18 929 человек; в отряде Павлова – 20 с половиной батальонов и 96 орудий, всего 15 806 человек. Для лучшего успеха действий оба отряда должны были соединиться между собой, и тогда общее начальство над ними поручено было командиру 4-го корпуса генералу Данненбергу.

Войска, назначенные для атаки, стали собираться еще с 20 октября. Некоторые полки были выведены для этого из Севастополя и отправлены частью на Федюхины, частью на Инкерманские высоты. Федюхины высоты находились ближе к неприятелю; позади их и несколько правее лежат высоты Инкермана. Между высотами пролегает Инкерманская долина, орошаемая Черной речкой, впадающей в Севастопольскую бухту. Еще дальше за высотами виднелся дымящийся Севастополь, налево – горы, а направо – часть беспредельного моря.

Собиравшиеся на Федюхиных высотах полки видели перед собой ту местность, которая несколько дней назад оглашалась победным кликом отряда генерала Липранди. Они видели еще следы отступления неприятеля: изломанное оружие, разрушенные неприятельские укрепления, испорченные орудия, остатки подбитых колес, лафетов и других военных принадлежностей. В самом воздухе не исчезли еще следы недавнего столкновения двух врагов – в нем слышался и переносился с одного места на другое тот особенный запах, который долго держится на полях битв, – запах крови.

Смотря на все это, войска приобретали уверенность, что и предстоящее столкновение с врагом будет так же удачно для русского оружия. Весело подходили они к назначенным местам, весело располагались на бивуаке, хотя канун битвы не представлял ничего привлекательного. С самого раннего утра 23 октября шел холодный дождь, насквозь пронизывавший ветхие солдатские шинели. Солдаты не горевали об этом. Приходя на бивуак, они устраивали себе помещения: таскали хворост, ветви, листья и, вырыв яму, мастерили шалаш для нескольких человек, где, разложив огонь, обогревались и обсушивались. На гладком и пустынном месте образовалось нечто вроде цыганского табора, ряды землянок и шалашей, разбросанных без всякого порядка по разным направлениям. Здесь солдат-балагур рассказывал сказку, и окружающие его слушатели простодушно хохотали, хотя в рассказе не было ничего особенно смешного. Там и тут виднелись кучки, собравшиеся вокруг самодельщины-свирели или доморощенного кларнета. Во всех концах слышались песни с присвистом и с подыгрыванием самоучки-музыканта. В промежутках между шалашами сновали солдаты в самых разнообразных костюмах: одни в рубахах, другие в шинелях внакидку или в рукава. Они, видимо, сторонились только от шалашей, возле которых подогревались чайники и стояли погребцы с вынутыми принадлежностями для закуски, состоявшей из солдатских сухарей, лука и селедки. То были землянки «ротного» или «батальонного», около которых копошились денщики, приготовлявшие незатейливую закуску. Проходившие мимо солдаты осыпали вполголоса денщиков остротами, на которые те отвечали громкой и крупной бранью. В задней линии бивуака видны были ряды солдат, игравших в карты. Как парные часовые, усевшись на земле и поджав под себя ноги, они усердно играли в носики. Хлопанье по носам, сопровождаемое счетом раз-два и смехом окружающих, разносилось по бивуаку. Шум и говор, песни и смех смешивались с гулом отдаленных выстрелов в Севастополе, глухо замиравшим в окрестных горах.

На правом фланге бивуака послышалось громкое и продолжительное «Ура!». Вдали показалась огромная толпа солдат, продвигавшихся вдоль фронта. Крики их становились сильнее, летевшие кверху шапки видны были яснее. Посреди этой толпы двигалась коляска, а в ней два царских сына, присланные отцом разделить с войсками боевые труды, опасности и лишения. Великие князья, Николай и Михаил Николаевичи, объезжали войска накануне битвы.

– Драться будем, ребята! – говорили великие князья.

– Рады стараться... готовы умереть! – слышались повсюду крики.

– Государь Император кланяться приказал вам, ребята, – говорили князья.

– Ура! Ура! – бороздило воздух в ответ на эти слова.

Конечно, если бы к этим самым войскам пришло еще несколько полков на помощь, то пришедшие не произвели бы между ними такого восторга и не вселили бы той уверенности в солдатах, какую вселило присутствие посреди их великих князей.

Усилившийся к ночи дождь против воли загнал всех под плохие крыши землянок, и бивуак мало-помалу успокоился. Изредка слышался отдаленный звук выстрелов в Севастополе. Часу в первом ночи выстрелы становились чаще и чаще, и вдруг среди непроницаемого мрака укрепления Севастополя осветились блеском выстрелов из нескольких сот орудий. Бомбы и ядра посыпались в неприятельский лагерь и вызвали со стороны осадных батарей столь же усиленное действие артиллерии. Вслед за тем засвистали пули и сделана была небольшая вылазка из города – потом все утихло.

Около двух часов ночи между бивуаками пробирались скачущие жандармы и казаки, отыскивавшие землянки полковых командиров. Разбуженные полковые командиры потребовали фельдфебелей, приказали готовить в ротах поскорее обед и быть готовыми к выступлению. На бивуаке все зашевелилось. Солдаты с заспанными глазами тащились к ротному котлу, где

раздавались винные и говяжьи порции. Поднялся шум и спор: одному казался мал кусок, другой был недоволен, что ему попалась кость. Капральный ефрейтор мирил обоих.

– Ну что ж, что кость тебе попалась, – говорил он, – смотри, брат, кабы и этого-то в брюхе не ощупал француз штыком...

– В ружье! – послышались команды полковых командиров, и все споры прекратились.

Неприветливо было утро в день Инкерманского сражения. Дождь шел по-прежнему; глинистая почва окрестностей Севастополя распустилась и покрыла все дороги непроходимой грязью. Было еще совершенно темно, когда войска наши двинулись с бивуака. Тихо подвигались они вперед, не было слышно ни говора, ни шума. Всякий думал свою думу – думу крепкую, и, конечно, не один чувствовал, что наступающее утро будет последним в его жизни.

Англичане, не подозревая никакой опасности, спокойно спали в лагере. Промокшие от дождя и продрогшие от пронзительного холодного ветра, измученные передовые посты их дремали от усталости, не обращая особенного внимания на то, что делалось в нашем лагере. Хотя они и слышали отдаленный шум и скрип колес, но не придавали ему никакого значения.

Около четырех часов утра в Севастополе раздался звук церковного колокола, но и он не пробудил особенного внимания неприятеля. День 24 октября был воскресный, и англичане приняли его за обыкновенный призыв к ранней обедне.

Рано утром английский генерал Кодрингтон выехал из лагеря для осмотра своих аванпостов. Объехав их, он собирался уже возвратиться домой, как в это время послышались выстрелы по направлению от Севастополя. Вслед за тем к нему прибежало несколько часовых с объявлением, что русские наступают. Генерал поскакал в лагерь, где поднялась всеобщая тревога. Англичане становились в ружье и двигались по тому направлению, откуда были слышны выстрелы – колонны генерала Соймонова.

Собравшись у второго бастиона, отряд генерала Соймонова выступил за полчаса до рассвета.

Густой туман и серые шинели наших солдат скрывали их долгое время от взоров англичан. Под прикрытием цепи 6-го стрелкового батальона шли два полка, Томский и Колыванский, а в середине между ними продвигались 22 батарейных орудия. Подойдя на близкий ружейный выстрел, наши полки открыли огонь, и перестрелка завязалась.

В то время, когда послышались первые выстрелы, в английском лагере все было тихо, спокойно, и солдаты приготавливались развести огни, чтобы обсушиться после проливного дождя. Посреди лагеря внезапно раздался крик: «Русские идут!» – и поднялась всеобщая суматоха. В лагере ударили тревогу. Все суетились, но никто не мог понять, откуда грозит опасность. Кругом слышались выстрелы: спереди – колонны генерала Соймонова, справа – колонны Павлова, слева – извергали дым и пламя укрепления Севастополя, даже с тылу слышны были выстрелы русских войск, стоявших у Чоргуна. Густой дым и туман, не позволявшие видеть в нескольких шагах, препятствовали обозрению. Англичанам приходилось гадать, откуда угрожает наибольшая опасность, или быть готовыми к отражению со всех сторон.

Среди всеобщего замешательства в неприятельском лагере войска отряда Соймонова быстро взбирались на высоты. Там они увидели два неприятельских укрепления, за которыми собирались английские войска. Батальоны Томского и Колыванского полков, поддержанные частью Екатеринбургского, стремительно атаковали англичан, опрокинули их и овладели правым небольшим укреплением, бывшим впереди английского лагеря. В это же самое время Екатеринбургский полк, обойдя своих товарищей справа, взял с боя часть неприятельского лагеря, причем заклепал четыре орудия. Натиск наших войск был так силен, что союзные главнокомандующие, не надеясь устоять против напора русских, отправили приказание своим кораблям развести пары и приготовиться к принятию войск. Союзники решились в случае

потери сражения сесть на суда и оставить берега Крыма, но скоро, заметив, что против них направлено только три русских полка, англичане двинули против них почти все свои силы.

Более полутора часов храбрые полки эти дрались против всей английской армии, пока наконец на поддержку их не явились новые силы из отряда генерала Павлова.

Поднявшись с бивуака гораздо позже отряда Соймонова, Павлов хотя и спешил к нему на помощь, но разницу во времени выступления было сократить трудно, тем более что шедшие во главе его колонны полки, Бородинский и Тарутинский, встречали большое затруднение при подъеме на гору, на местности глинистой и размытой дождем. Взобравшись на возвышения, полки Бородинский и Тарутинский, под прикрытием цепи штуцерных и двух рот четвертого стрелкового батальона, атаковали правый фланг англичан. Стремительный их натиск заставил неприятеля податься назад. Тогда наши егеря бросились на ближайшее неприятельское укрепление левее занятого Томским и Колыванским полками. Подпустив атакующих на весьма близкое расстояние, англичане дали залп. Несмотря на значительные потери от этого убийственного огня, бородинцы и тарутинцы, сомкнув ряды, бросились на укрепление. Закипел страшный рукопашный бой; укрепление несколько раз переходило из рук в руки; то натиск сменялся пальбой, то пальба уступала место натиску, то англичане вытесняли бородинцев и тарутинцев, то наши снова овладевали укреплением и наносили штыками жестокое поражение англичанам. Укрепление было взято, несмотря на все старания одного из английских офицеров, который, по словам очевидца, в белом плаще носился по рядам и подгонял своих нагайкой. Недолго он скакал, как был убит, и нестройная толпа англичан отступила в беспорядке.

Выдвинутые вперед батареи отряда Соймонова (22 батарейных и 16 легких орудий), заняв выгодную позицию, поражали отступавших англичан. Ядра и гранаты их пролетали далеко в лагерь, распространяя там страх и беспорядок. Со своей стороны англичане выдвинули против нас не полевую, а осадную артиллерию, которая производила страшное опустошение как среди пехоты, так и в особенности в артиллерии. Большая часть лошадей под орудиями были перебиты, но батареи вынуждены были остаться на позиции, чтобы поддержать наши полки, теснимые свежими силами англичан. Артиллерия действовала с удивительной храбростью, ее усилия и меткость принесли значительную пользу изнемогавшим полкам.

В то время, когда бородинцы и тарутинцы так настойчиво боролись за укрепление, правее их полки Колыванский, Томский и Екатеринбургский, понеся страшные потери, принуждены были приостановить наступление. Потеряв в самое короткое время большую часть своих ближайших начальников, войска эти лишились и генерала Соймонова. Постоянно одушевляя войска и являясь всюду, где ход боя требовал его присутствия, генерал Соймонов пал, смертельно раненный почти в самом начале боя. Несмотря на всеобщее воодушевление войск, на геройское их мужество, быстроту и стремительность атак, они несли страшные потери. Неприятельские стрелки и артиллерия, отступая перед натиском наших солдат, наносили им огромный вред своими выстрелами и, дождавшись подкреплений, переходили в наступление.

Частая ружейная стрельба противника опустошала ряды наших егерей, и они принуждены были отступить. Под прикрытием Бутырского и Углицкого полков и двух батарей 17-й бригады колыванцы и томцы спустились в овраг, чтобы устроиться и ударить с новой силой на неприятеля. С отступлением их англичане обратили часть своих полков против бородинцев и тарутинцев, все еще боровшихся в укреплении. Расстроенные продолжительным боем, огнем английской артиллерии и стрелков и видя приближение свежих сил неприятеля, оба полка оставили укрепление, дорого продавая каждый шаг отступления. Англичане преследовали остатки храбрых полков до тех пор, пока не были остановлены губительным огнем нашей артиллерии. Тогда они остановились, выдвинули впереди свои орудия и открыли огонь по нашим батареям.

Бородинцы и тарутинцы спустились в Инкерманскую долину, потеря их была столь значительна, что они не могли уже возвратиться на поле сражения.

Было еще только 8 часов утра, когда первый акт боя уже кончился и сражение обратилось в артиллерийскую канонаду. Два противника стояли лицом друг к другу, но ни та, ни другая сторона не предпринимала наступательных действий. Стрельба с обеих сторон велась с необыкновенным усилием и настойчивостью, а густые цепи стрелков поддерживали непрерывный ружейный огонь. Артиллерийские снаряды и пули ложились далеко за боевыми линиями и достигали того места, где стоял главнокомандующий с Их Высочествами Великими князьями Николаем и Михаилом Николаевичами, принимавшими самое живое участие в сражении.

Среди выстрелов обе стороны деятельно готовились к новой схватке, к новому удару. К англичанам подходили новые войска и торопились на помощь французы; свежие полки наши взбирались на высоты. Как только часть их поднялась на гору, генерал Данненберг, принявший начальство над всеми войсками, тотчас же двинул их в атаку против правого фланга английской армии. Впереди всех шел Охотский полк, построенный в две линии, а за ним следовали полки Якутский и Селенгинский. Для облегчения наступления были выдвинуты с левой стороны 32 батарейных орудия.

Поддерживаемые огнем нашей артиллерии, охотцы стремительно бросились в атаку и, оттеснив английских стрелков, достигли той батареи, которая за несколько минут перед тем была орошена кровью бородинцев и тарутинцев. Жаркий и упорный бой снова закипел на батарее. Охотцы лезли через насыпь, проникали несколько раз внутрь укрепления; обе стороны сражались врассыпную, в одиночку, кому как и чем пришлось. Тут бились всем, что попадало под руку: стреляли друг в друга в упор, дрались штыками, прикладами, когда ломался штык – кулаками, когда приклады разлетались на части – камнями и даже обломками оружия. Туман делал эту борьбу еще более мрачной и смертельной. Ни та, ни другая сторона, казалось, не хотела уступить, но наконец после долгих усилий и кровопролитного боя, охотцы выбили англичан из укрепления и овладели им. Девять орудий достались победителям: из них три тотчас же сброшены в овраг, а остальные испорчены. Более 200 тел англичан лежало на валу и внутри укрепления, но и охотцам недешево досталась эта победа. Они лишились своего полкового командира, почти всех офицеров и большей части своих товарищей нижних чинов.

Не успели остатки храброго полка вздохнуть, как против них двинулась целая дивизия англичан и в то же время другая дивизия стала обходить их с левой стороны. Англичане бросились отбивать потерянное укрепление и своей многочисленностью давили засевших в нем. Охотцы отступили на Якутский полк, который одновременно с Селенгинским, повернутым налево, атаковал англичан. Якутцы ударили на неприятеля, преследовавшего охотцев, а селенгинцы – на обходившего их с левой стороны.

Обе эти атаки были чрезвычайно удачны, и неприятель потерпел поражение. Якутцы, отбросив англичан, завладели снова укреплением. Селенгинцы, преследуя своего противника, гнали его по направлению к укреплению, которое перед тем только было занято с боя Якутским полком. Англичане отступали, не подозревая, что в тылу их стояли русские войска. Едва они приблизились на хороший ружейный выстрел, как якутцы открыли в тыл их частый и убийственный огонь. Англичане остановились в замешательстве. Осмотревшись, они увидели, что были окружены со всех сторон Охотским, Якутским и Селенгинским полками. Положение их было незавидно и крайне опасно, пули со всех сторон так и пронизывали ряды англичан, солдаты упали духом. В смущении они открыли беспорядочную и частую стрельбу, но скоро должны были прекратить ее по недостатку патронов.

– У нас нет патронов! – кричали солдаты.

– Но у вас есть штыки! – отвечал им отважный начальник генерал Каткарт.

Ободрив и устроив свои войска, Каткарт сам в главе их пошел в атаку. Два раза англичане наступали на селенгинцев, но каждый раз были отбиваемы с жестоким уроном, а между тем пули наши со всех сторон так и прочищали их ряды. Тогда Каткарт решился броситься в другую сторону. Сомкнув ряды, он кинулся на якутцев, но был также отбит, причем сам смертельно ранен. Потеряв любимого начальника, остатки англичан употребили последние усилия и, в отчаянии бросившись вперед, прорвались наконец через ряды якутцев.

Только теперь на помощь англичанам явились французы и приняли на себя русские войска, преследовавшие отступавших. Огонь французских батарей наносил значительный вред нашим войскам, но одушевление их не знало предела. Опрокидывая все встречавшееся на пути, полки наши гнали перед собой французов, и в то время, когда охотцы и якутцы наступили с фронта, стрелки Селенгинского полка появились у них в тылу. Еще несколько усилий – и блестящая победа была бы за нами, но, к сожалению, истощение наших войск дошло до крайности. Утомленные более чем двухчасовым боем, они изнемогали, поддержки не было... Это была критическая минута для обеих сторон. Вдруг около 11 часов утра поле огласилось пронзительным звуком рожка, возвестившего прибытие новых сил французов.

В то время, когда Охотский и Якутский полки теснили французов с фронта, а селенгинцы обходили их с правой стороны, на помощь неприятелю бежали зуавы, алжирские стрелки и африканские конные егеря. Англичане приветствовали своих союзников радостным криком, пролетевшим по всему английскому лагерю. Прибежавшие французы тотчас же были введены в дело, перелом сражения перешел на сторону неприятеля. Встреченные свежими войсками, наши полки, измученные продолжительным боем, принуждены были отступить. Отступление это совершалось в порядке, медленно и с большим упорством.

По свидетельству одного из англичан, бывшего очевидцем отступления наших войск, «невозможно было поверить, чтобы какое-либо войско в свете могло отступить под столь убийственным огнем в таком стройном порядке», в каком отступали наши полки.

Несмотря на то что неприятель, подойдя на близкое расстояние, осыпал градом картечи, полки отходили шаг за шагом и отбивались до тех пор, пока не были прикрыты выдвинутым из резерва Владимирским полком и действиями пароходов «Херсонес» и «Владимир», открывших огонь по высотам, на которых показались англо-французские войска. Построившись в ротные колонны, Владимирский полк принял на себя всю силу наступающего неприятеля и задерживал его до тех пор, пока расстроенные продолжительным боем полки не отступили. С отступлением Владимирского полка кончилось и Инкерманское сражение, одно из кровопролитнейших в ту эпоху.

Солнышко осветило на мгновение окровавленные высоты Инкермана. Картина всеобщего разрушения открылась перед глазами каждого, кто имел случай оглянуться на место недавнего побоища. Множество убитых людей и лошадей, обломки оружия были разбросаны в беспорядке и в различных направлениях; там, где стояла артиллерия, валялись ящики, разбитые лафеты, колеса, лошади и кучами лежали обезображенные тела артиллеристов. Небольшой кустарник был сильно помят проходившими войсками и во многих местах изломан пролетающими снарядами. Между кустами и по всему полю шевелились и ползли раненые. По временам некоторые из них порывисто вскакивали на ноги, бессмысленно озирались вокруг и опять падали на землю, истекая кровью. Обе стороны сражавшихся стреляли редко. Все были утомлены.

Союзники ограничились тем, что, выдвинув своих штуцерных и новые батареи, громили нашу артиллерию. Обессиленные убылью людей и лошадей, батареи медленно отступали. В это время неприятель успел подбить несколько впереди шедших повозок, которые загородили

дорогу. Пользуясь этим, стрелки его, прикрываясь кустарником, так близко подступили к орудиям, что готовы были захватить их. Заметив это, полковник Тотлебен, находившийся на поле сражения, взял роту Углицкого полка, рассыпал ее в цепь, а Бутырский полк поставил в резерв и послал на ближайшее из севастопольских укреплений за рабочими для расчистки пути. Вместе с тем, чтобы ободрить войска, были выдвинуты четыре орудия, которые и открыли огонь.

Только в половине девятого при содействии матросов 36-го и 39-го экипажей артиллерия отступила в Севастополь, а вслед за ней отступили и прикрывавшие ее войска.

Великие князья Николай и Михаил Николаевичи, доказав уже на поле сражения свое мужество и хладнокровие, пожелали в тот же день посетить бастионы и батареи, чтобы передать храбрым защитникам царское спасибо. В это время почти все батареи действовали, и в особенности на Малаховом кургане огонь был неумолкаемый; во всю дорогу гром ядер и свист штуцерных пуль провожали великих князей. На Малаховом кургане почти к их ногам упали два неприятельских ядра, а третьим засыпало прислугу в то время, когда они передавали войскам благодарность императора. По ходатайству и донесению князя Меншикова о доблести великих князей, государь император пожаловал их высочествам орден Св. Георгия четвертой степени.

Смолкли выстрелы на Инкерманских высотах, и наступил вечер 24 октября.

Медленно и невесело подходили наши солдатики к оставленным утром бивуакам. За ними тянулась, оставляя кровавый след, непрерывная цепь раненых, не желавших идти в госпиталь. Измученные ранами, голодом, жаждой и усталостью, они садились кучками близ дороги. В среде их очутилась старушка-матроска, пришедшая неизвестно откуда. У нее было готовое тесто в горшке, сковородка, немного дровец и постное масло в пузырьке. В одну минуту раздула она огонь, запалила свою походную печь, заворчало масло на горячей сковороде, и жареные оладьи подкрепляли силы раненых. Старуха оделяла всех, пока было тесто. Солдатики пробовали рассчитываться, но благодетельная женщина отказывалась от платы и обижалась, говоря: «Разве не хотите принять от меня трудов?»

Вышло все тесто – скрылась и старуха. Никто не знает ее имени, но знает ее Всеведущий и, услышав искреннюю солдатскую молитву, пошлет ей Свое благословение.

Измученные и расстроенные, пришли наши полки на позицию, грустна и пустынна показалась она им. С каким-то тяжелым чувством всматривались они в шалаши, в которых так весело проводили канун битвы. «В трепетанье засохших веток, – говорит один из участников боя, – покрывавших наши жилища, будто слышались упрек и вопрос: где же ночевавшие здесь? разве они не возвратились? Вчера в этих самых шалашах раздавалась свирель, громкие песни – сегодня в них и кругом слышны одни молитвы. Вчера здесь было тесно: во всяком шалаше помещалось по четыре, по пять и даже по семь человек – сегодня в них два-три человека, да и те угрюмо выглядывали оттуда. Вчера были здесь говор, шум, игра – сегодня грусть, пустота, скука...

Наступила ночь; на бивуаке шла перекличка наличным людям и расчет. В эту минуту послышалось невдалеке, где-то на высоком дубу, заунывное кукованье кукушки, дополнившее печальную картину нашего бивуака после Инкерманского сражения».

Много было совершено в этот день никем не замеченных отдельных подвигов мужества и храбрости. Тарутинцы долго говорили о подвиге прапорщика своего полка Соловьева и капрального унтер-офицера Яковлева. Они рассказывали, что, бросившись на штурм укрепления, солдаты, добежав до рва его, остановились и стали перебрасываться камнями с англичанами.

– Друзья, за мной! – крикнул прапорщик Соловьев, видевший нерешительность солдат, и бросился на вал вместе с унтер-офицером Яковлевым.

Оба они были заколоты англичанами, но вслед за ними ворвались солдаты и перекололи всех засевших в укреплении, мстя за смерть двух храбрых.

Немало было и других случаев самоотвержения, оставшихся неизвестными, и можно сказать, что весь бой состоял из ряда героических подвигов полков, принимавших в нем участие. Многие из нижних чинов получили за свои подвиги ордена Св. Георгия, которые и раздавались на следующий день царскими сыновьями, Их Императорскими Высочествами Великими князьями Николаем и Михаилом Николаевичами.

Инкерманское сражение произвело такое сильное впечатление на неприятеля, что сгоряча союзные главнокомандующие хотели снять осаду, посадить войска на суда и оставить Крым. Правда, оправившись, они оставили свое намерение, остались по-прежнему под Севастополем, но из атакующих перешли в обороняющихся и стали окапываться со всех сторон из боязни, чтобы подобное сражение не повторилось снова.

Кровопролитный бой 24 октября дорого стоил как нам, так и союзникам. Обе стороны недосчитывались нескольких генералов, сотнями офицеров и тысячами нижних чинов. Все поле было усеяно убитыми и ранеными.

Между английскими палатками лежали целые кучи трупов, посреди которых находилось большое, слишком большое число тел зуавов и солдат французской линейной пехоты. «Все наши раненые были уже перевезены, – говорит один из очевидцев-англичан, – раненых русских также подбирали. Наши солдаты приносили им воды, клали ранцы под голову, доставали одеяла, чтобы прикрыть их от сырого ночного воздуха. Несколько выше ряда палаток находилось возвышение, господствующее над инкерманской гористой местностью. На этом месте союзная артиллерия померилась силами с неприятельской артиллерией. Зрелище здесь было невыносимое. Ничего не может быть ужаснее вида тел, изуродованных ядрами и гранатами...

Но оставим эти страшные подробности; довольно сказать, что здесь, посреди каких-нибудь 200 убитых и раненых лошадей, лежат тела наших английских и французских артиллеристов, которые все более или менее страшно изувечены. У одних оторваны головы по самую шею, как будто отрублены топором, у других ноги, руки, другие поражены в грудь или живот и казались как будто сплюснутыми в машине. Пробираясь между грудями убитых по дороге, ведущей к Севастополю, вы подходите к тому месту, где гвардейцы принуждены были отступить от защищаемых ими укреплений, находящихся над Инкерманской долиной. Здесь число наших убитых было так же велико, как у неприятеля. Вдоль дороги, один подле другого, лежали пять гвардейцев, убитых одним и тем же ядром, когда они шли в атаку против неприятеля.

Часов в девять вечером я вошел на бруствер (насыпь) батареи, и, когда взглянул на окружающее меня кровавое зрелище, сердце мое сжалось. Месяц стоял в полном блеске; было светло как днем. Передо мной расстилалась Инкерманская долина, речка Черная медленно катила серебристые свои волны между возвышениями, которые по разнообразию своему и живописности могут соперничать с любой из самых красивых местностей в свете... Вокруг того места, на котором я стоял, лежало до 5 тысяч тел. Между ними находилось также множество смертельно раненных. Малейшие их стенания в предсмертной агонии долетали до слуха со страшной ясностью, но еще ужаснее было хрипение и отчаянная борьба со смертью тех, которые умирали в конвульсиях. Вокруг возвышения виднелись группы в несколько человек, отыскивающих с носилками раненых, в других местах мелькали фонари, которые подносили к лицам убитых, отыскивая тела офицеров. Были здесь и английские женщины, мужья которых не возвратились. Они оглашали воздух своими громкими рыданиями, обращали лица наших убитых к свету луны, торопливо отыскивая то, что боялись найти. Как скоро походные лазареты явились, они тотчас же нагружены были страдальцами. Даже одеяла были употреблены в дело,

чтобы переносить раненых. В некоторых местах поля убитые лежали целыми грудами. Многие из них перешли в вечность с улыбкой на устах, и, казалось, только что заснули; напротив того, лица других были страшно искривлены, глаза открыты. Некоторые лежали как бы приготовленные к погребению, другие находились в полустоячем положении или на коленях. Лунный свет придавал их лицам неестественную бледность».

Деятельность Севастопольского гарнизона после Инкерманского сражения. – Рескрипт Императора. – Икона Спасителя, присланная Императрицей. – Буря 2 ноября. – Сидение в ямах и завалах. – Назначение генерала барона Остен-Сакена начальником гарнизона, Нахимова его помощником и князя Васильчикова начальником штаба

После Инкерманского сражения жизнь севастопольского гарнизона тянулась по-прежнему: ежедневная стрельба и земляные работы составляли занятия гарнизона.

Моряки не оставляли своих орудий: при них они были день и ночь, здесь они обедали, ужинали – тут же и дремали. Когда было сделано распоряжение, чтобы прислуга, бывшая в течение дня при орудиях, сменялась на ночь для отдыха, то матросы, от первого до последнего, просили позволения оставаться при орудиях бессменно, говоря, что будут защищаться и умрут, не сходя со своих мест.

«Ни ежедневные потери, – доносил князь Меншиков государю императору, – ни тягость службы на бастионах, ни воздвигающиеся перед их глазами новые неприятельские батареи, ни неумолкаемый гром орудий, денно и ночью потрясающих воздух и землю, – ничто не в состоянии заставить их умалить хоть на минуту исполнение своего долга; напротив, все это только усиливает их рвение, и они соперничают друг перед другом в мужестве и отваге, весело отстаивая столь близкий их сердцу Севастополь».

Эта стойкость, неутомимость и самоотвержение вызвали всеобщее удивление героям и благодарность царя и России.

«Меня счастливит, – писал покойный император Николай I в рескрипте князю Меншикову, – меня счастливит геройская стойкость наших несравненных моряков, неустрашимых защитников Севастополя. Господь воздаст им за все их доблестные подвиги, которым и примеру еще не было.

Я счастлив, что, зная Моих моряков-черноморцев с 1828 года, был тогда очевидцем, что им никогда и ничего нет невозможного, был уверен, что эти несравненные молодцы вновь себя покажут, какими всегда были и на море, и на суше. Скажи им всем, что их старый знакомый, всегда их уважавший, ими гордится и всех отцовски благодарит, как своих дорогих и любезных детей».

Отправив этот рескрипт с флигель-адъютантом князем Голицыным, государь поручил ему обойти все бастионы и батареи и лично передать морякам благодарность императора. С восторгом и слезами на глазах приняли герои восторженные и душевные слова императора и, как бы в еще большее подкрепление себя, спешили поклониться образу Спасителя, привезенному тем же князем Голицыным от имени Императрицы как дар и благословение севастопольскому гарнизону.

В шесть часов утра 28 октября на площади перед Николаевской батареей было совершено молебствие при собрании войск и огромном стечении народа – всего, сколько еще оставалось в Севастополе. По окончании молебна протоиерей Лебединцев обратил внимание предстоявших на изображение лика Спасителя. Благословляя одной Своей десницей, Господь в другой руке держал Евангелие, раскрытое на словах: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11, 28).

– Видите ли, – сказал проповедник, – как утешительны слова Господа Вседержителя и как прямо идут они к прискорбным, даже до смерти, сердцам нашим... Господь Вседержитель, во власти Коего судьбы царств и народов, обещает покой всем приходящим к Нему... Он обещает покой всем труждающимся – тем паче труждающимся, как вы теперь, до крови и смерти, на

поле брани за веру, царя и отечество. Господь Вседержитель обещает покой обремененным – тем паче тем, кто, подобно нам, обременены несправедливо, не какой-либо обыкновенной в мире скорбью, а ужасным и едва не беспримерным по самому продолжению бременем огня, меча и смерти... Итак, будем туждаться с живой верой, и Господь подаст нам покой и радость; будем нести тяжкое бремя наше с благодушием и упованием, и Он, Всемогущий, снимет с нас те любые иго и бремя, кои так долго тяготееют над нами.

С наступлением сумерек икона была обнесена по всей оборонительной линии и затем поставлена на приготовленном для нее месте у входных ворот Николаевской батареи. Встречая икону, защитники горячо молились. Прикладываясь к святому образу, они принимали благословение Спасителя на новые беспримерные подвиги, которые предстояли севастопольскому гарнизону не только в борьбе с неприятелем, но и с самой природой.

Наступила глубокая осень. Сильные ветра давно уже чередовались с холодными проливными дождями, и, наконец, с рассветом 2 ноября поднялась такая сильная буря, какой не запомнят старожилы побережья Черного моря. Накануне, 1 ноября, пошел проливной дождь с порывистым ветром. К вечеру погода сделалась еще хуже: дождь не прекращался, ветер свежел и, постепенно усиливаясь, к утру перешел в жестокий ураган. Море волновалось и пенилось, как кипящий котел. В этот день оно было действительно черным, темные тучи, пробегаая над поверхностью мрачных волн моря, изливали потоки дождя, смешанного с мелкими хлопьями снега и града. Ветер срывал верхушки волн и разбрасывал их на берег такой мелкой и густой пылью, что корабли, стоявшие в глубине бухты, исчезали в этой морской пене. Сквозь стену водяной пыли виден был только лес мачт, наклонявшихся от качки в разные стороны, видны были разорванные снасти и болтающиеся в воздухе лоскутья парусов. Ветер ломал деревья, срывал черепицу и железные листы с крыш, унося их как лист писчей бумаги. Свет затемнялся то градом, то крупой, то снегом.

Волнение в море достигло необыкновенных размеров. Среди неприятельского флота появилось всеобщее смятение. Корабли и прочие суда, бросаясь из стороны в сторону, сталкивались между собой, цеплялись своими снастями и наносили друг другу важные повреждения. Некоторые из них потонули, другие сели на мель. Повсюду слышались сигнальные выстрелы, свидетельствовавшие о гибели неприятельских судов. Сквозь сероватый туман видны были исполинские волны, покрытые обломками кораблей, которые с ужасным треском разбивались о прибрежные скалы и камни. При каждом отливе волны следующая загибалась огромным пенистым свитком и, как водопад, скрывалась в глубине беспредельного моря, унося с собой все встречающееся на пути. Посреди всеобщего хаоса видны были носящиеся в беспорядке части и остовы кораблей, пробитые бочки и раздробленные мачты. Неприятель потерял в этот день более 30 купеческих кораблей и транспортов, частью разбитыми, частью севшими на мель. Многие из погибших были нагружены зимней одеждой для войск.

В неприятельских лагерях было заметно большое смятение. Палатки и бараки, унесенные одним порывом ветра, перепутались с бочками, связками фуража и различными тюками. Все это катилось по скату холмов и перемешивалось с одеялами, фуражками, шинелями и с летающими в воздухе сеном и сухими листьями. Удивленные столь неожиданным явлением, англичане и французы бегали по всем направлениям: кто искал разнесенные ветром пожитки, кто собирал разорванные части полотна, кто мастерил себе новое жилище из уцелевших кусков или искал досок и камней, чтобы при помощи их устроить себе кое-какое закрытие от дождя и холодного ветра. Многие солдаты, не в состоянии будучи держаться на ногах, ложились на землю, пережидая окончания бури. По всему лагерю союзников бегали испуганные лошади, катились барабаны и летели по воздуху штабные бумаги. Так, списки 3-й английской дивизии

найденны были в 4 верстах от палатки, в которой они хранились.

По всей линии севастопольских укреплений рвы и канавы были наполнены водой, грязь и вода покрывали все пространство земли, охватываемое глазом. Как тени бродили неприятельские солдаты, не зная куда преклонить голову и не имея возможности разложить костров и обогреться. Около полудня ветер переменял направление, но пошел снег, и сделалось еще холоднее. К вечеру ветер стал слабеть, но буря прекратилась только утром следующего дня.

Буря настолько расстроила союзников, что они почти прекратили свои осадные работы. Занятые устройством лагеря французы и англичане строили, кроме того, целый ряд укреплений на правой стороне своего расположения, чтобы отвратить повторение Инкерманского сражения.

Положение наших солдат было также далеко не завидное и, можно сказать, тягостное. С прекращением бури наступили холода. Погода с этих пор сделалась суровой и ненастной, дожди шли попеременно со снегом. Грунт земли размягчился до того, что повсюду была топкая и непроходимая грязь. Сообщение укреплений с городом сделалось весьма затруднительным от множества ям, вырытых бомбами и наполненных теперь водой. Находившиеся на укреплениях войска не имели ни крова, ни теплой одежды и подвергались вредному действию непогоды. В то время солдаты не имели еще полушубков и довольствовались мундиром и шинелью. В ненастную погоду они мастерили себе такие башлыки из рогожи, смотря на которые дивовались и свои, и французы. Рогожи эти выдавались для того, чтобы солдаты подстилали их под себя в землянках, бараках или сараях, где им случалось ночевать. Обыкновенно один куль выдавался на двоих, его резали вдоль на две части, так что каждому доставалось по готовому сшитому углу. Отправляясь в цепь или на часы, солдат захватывал с собой и принадлежащую ему половину куля. Надев его на голову, он защищал себя от дождя и непогоды.

Защитники Севастополя, офицеры и солдаты, положительно валялись в грязи, на открытом воздухе в дождь и бурю, в мороз и метель. Единственной защитой их от холодных ветров были сложенные насухо из камней стенки, ямы или рвы, кое-как прикрытые сверху. Командиры бастионов помещались в землянках столь малых, что едва можно было вытянуться в рост человека. Если на батарее бывала еще одна такая землянка для нескольких офицеров, то такая батарея считалась роскошным помещением. Ни офицеры, ни солдаты не могли раздеться, ноги прели, потому что по месяцу и более никто не снимал сапог. Иной пробовал прилечь на голой земле, но холод и сырость гнали его прочь. Хорошо, кому удавалось пристроиться под навесом насыпи или прислониться к станку, на котором лежало орудие, – положению такого счастливца все завидовали.

Жизнь, которую не выносит ни один каторжник, была обыкновенной жизнью каждого из защитников родной земли и отечества.

Эта обстановка не крушит русского солдата, когда совесть его чиста да уверен он, что делает святое дело. Находясь бессменно днем и ночью под открытым небом, солдаты наши сверх того исполняли усиленные и тяжелые работы; только смерть и раны полагали конец их тяжким трудам и лишениям. Несмотря на все это, ропота не только не было слышно, но, напротив того, все как бы желали продолжения ненастной и холодной погоды. Часто видя, как неприятельские часовые бегали вдоль своего поста, чтобы согреться, наши солдатики, глядя на них, посмеивались.

Холодное время производило значительные опустошения в рядах неприятеля; больные переполняли лазареты, и перебежчики ежедневно стали появляться у нас в значительном числе. Они рассказывали, что союзные войска упали духом, изнурены работами и много терпят от стужи и непогоды.

Пользуясь расстройством врага, гарнизон Севастополя еще более усиливал свои укрепления. Повсей оборонительной линии закипела работа: возвышали и утолщали насыпи,

углубляли рвы, исправляли пороховые погреба, устраивали прикрытия для прислуги, выравнивали внутреннее пространство бастионов, батарей и даже чинили дороги для лучшего сообщения укреплений с городом. Особенное внимание обращено было на 4-й бастион, к которому ближе других подошел неприятель своими подступами.

Чтобы иметь возможность следить за неприятельскими работами с близкого расстояния, обыкновенно высылались на ночь цепь охотников, которым приказано было для предохранения от выстрелов устраивать себе прикрытия или завалы. Эти завалы не имели никакого правильного расположения, они устраивались там, где лежали ночью охотники, и из материалов, которые те находили возле себя. От этого в ином месте завал состоял из груды наскоро собранных камней, в другом из простой и даже неглубокой ямы. Неприятель скоро понял, что как ни мелки эти ямки, как ни ничтожны эти сероватые кучки камней, но соседство их крайне опасно. Стычки и схватки за обладание этой линией мусора были ежедневны, завалы переходили из рук в руки и стоили немало крови. Неприятель или нападал на эти закрытия, или уничтожал их выстрелами из орудий. Так как завалы были сложены наскоро, то они и представляли небольшое сопротивление неприятельским выстрелам.

Ямки эти были в большом употреблении во все время защиты Севастополя. Под конец они располагались в 5 или 7 саженьях от неприятельских траншей, и случалось нередко, что наши солдаты, бросаясь занимать их, встречали там французов, которых приходилось выбивать штыками. Ямки занимались днем стрелками по наряду, а на ночь охотниками от разных полков. Быть охотником было дело нелегкое. Охотничья служба происходила ночью: их дело было с заката и до восхода солнца залегать в ямках и ложбинах впереди батарей и укреплений Севастополя.

Охотники помещались в особых зданиях отдельно от прочих солдат, обыкновенно днем отдыхали, их не требовали ни на какую работу, а с наступлением сумерек шли на службу. Рядовые ходили каждую ночь, а унтер-офицеры через сутки. С закатом солнца вся команда охотников разделялась на части по два, по три и по четыре человека.

В общем сарае, где жили охотники, было очень много образов. Каждый, отправляясь на службу, ставил копеечную свечку перед иконами Спасителя, Богоматери и преимущественно перед образом Николая Чудотворца. В шесть часов вечера команда ужинала. После ужина немного времени назначалось на молитву. Помолившись Богу, многие из охотников надевали чистую рубашку, вымытую в течение дня, так как каждый из них, не будучи уверен, что вернется живым, приготавливался к смерти. Перед отправлением никто не решался выпить чарку водки, потому что плохой тот храбрец, говорили они, который думает набраться бодрости из стакана, а опять же и не такая минута!

Перекрестясь и с непокрытой головой выходили охотники из сарая на двор и там уже надевали фуражки. За воротами на улице выстраивались и ожидали очередного офицера. С наступлением сумерек, пока еще не совсем стемнело, охотники собирались на той батарее, впереди которой приходилось им лежать, и затем под градом пуль бросались бегом в назначенные им ямки. Бывало, лишь только солдатик бросится вперед, как в ту же минуту раздастся ружейный треск с неприятельской стороны, и пули как горох посыпятся на смельчака. Кто успевал вскочить в яму, тот счастлив, а кого встречала неприятельская пуля, о том молились оставшиеся на батарее и относили на Северную, на общее кладбище защитников, получившее впоследствии название братских могил.

Залегши в ямках, охотники бодрствовали всю ночь и зорко следили за неприятелем.

Ямка, как мы сказали, была небольшим углублением, едва закрытым со стороны неприятеля несколькими лопатами земли или камней, набросанных как попало. Ямки эти не имели ни определенного вида, ни величины: какую успели выкопать, такая и стала. В одной с

трудом мог поместиться только один человек, а в иной помещались два и даже три человека. По двое залегать было легче, чем поодиночке, вдвоем, в соседстве опытного товарища, было не так томно – по пословице, на людях и смерть красна, – но сидеть в одиночку куда как жутко!

Вскочит стрелок или охотник в ямку и сидит там, не смея пошевелиться, он знает, что в 20, много в 30 шагах, лежит перед ним или сбоку такой же неприятельский сторож, который стережет его и при первом шорохе или звуке оружия посылает пулю.

Над головой засевших днем и ночью летают свои и неприятельские пули, слышен гул выстрелов, падение снарядов, обсыпаящих землей, песком и осколками камней. Не успеешь прочистить глаз, засыпанных землей, как слышно, гудит где-то далеко осколок лопнувшей бомбы и шлепнется вдруг подле ямки с такой силой, что даже земля дрогнет! Это самое вздрагивание передастся и сидящему в ямке, и не знает он сам, как задрожат челюсти, как застучат его зубы и холодный пот как стрела промчится от головы до пят.

О пулях никто не думает: к ним привыкли в Севастополе не только охотники и все солдаты, но женщины и дети. Повсюду их летит так много, что они уже не пугают, но своим свистом жестоко надоедают. Где-нибудь невдалеке, ударившись о камень и сплуснувшись, она летит далее и зальется таким голосом, что не знаешь, кошка ли мяучит, ребенок ли плачет или она, непрошенная, жалуется в гости.

Просидит охотник в ямке час, а кажется он ему за месяц, и ждет он не дождется, когда наступит время смены и вместе с ней кончится его лихорадочное состояние.

С наступлением утра охотники оставляли ямки точно так же, как занимали их – под сильным ружейным огнем неприятеля. Места их замещали штуцерные, сидевшие там в течение целого дня. Собравшись на батарею, охотники отправлялись в свой сарай, забирая с собой и убитых в ночь товарищей. Солдаты всегда с особым уважением отдавали последний долг павшим героям. Сложив тела на дворе сарая, они заботились о досках, непременно сколачивали гроб, обмывали покойников и, надев на них чистое белье, относили в часовню. За обедом, бывавшим в 10 или 11 часов, поминали павших, и тем дело кончалось. После обеда охотники ложились спать, а вечером снова отправлялись на службу.

Польза ямок была осознана всеми, и в том виде, в каком они существовали, ямки были существенно необходимы как места наблюдения за неприятелем и как средство к замедлению его работ. Впоследствии, располагая ямки по известной системе и придавая им значительную силу в сопротивлении выстрелам, думали придать им большее значение. Расширяя и усиливая ямки, наши инженеры мало-помалу пришли к системе ложементов, или небольших отдельных ровиков, располагаемых впереди линии укреплений к стороне неприятеля.

Ложементы располагались в две линии: передняя занималась стрелками, которые, наблюдая за ходом работ неприятеля, поражали его своими выстрелами, а во второй линии помещался резерв для поддержания стрелков в случае нападения. В ночь с 20 на 21 ноября был заложен первый ложемент. С наступлением сумерек было выслано два секрета, за ними шла цепь из восьми пар часовых, а за цепью следовали рабочие с инструментами, земляными мешками и бочонками. Все люди, назначенные на работу, получили приказание зачернить свою амуницию, чтобы белым цветом амуничных ремней не обратить на себя внимания неприятеля. Придя на назначенные места, рабочие поставили бочонки в два ряда, засыпали их землей из вырываемого рва и сверху положили земляные мешки с промежутками, через которые можно бы было стрелять в неприятеля. Работа эта была произведена так тихо, что, несмотря на близость неприятеля и лунную ночь, он ничего не подозревал и вовсе нам не препятствовал.

К утру работа была окончена и ложемент занят 20 штуцерными Минского полка. Французы были немало удивлены, когда увидели перед собой эту смелую постройку. Они открыли сильнейший огонь по ложементу, но безуспешно, по малой цели, которую он представлял

неприятельским выстрелам. В следующие затем ночи были устроены новые ложементы, так что в течение трех ночей перед глазами неприятеля явилось семь ложементов. Мало-помалу система ложементов была значительно распространена, и в особенности перед 3-м и 4-м бастионами и перед Малаховым курганом.

К половине декабря было построено в разных местах 26 ложементов.

Служба в ложементах была чрезвычайно тяжела для войск, в особенности под конец осады. Ложементы были удалены от некоторых укреплений на значительное расстояние, сажений на 200, и вначале не имели никакого сообщения между собой. Засевшие в ложементах героиструженики проводили в них почти целые сутки, среди тысячи смертей, в ежеминутной опасности быть атакованными неприятелем в превосходных силах.

Союзники крепко были злы на эти стрелковые ямы, как они называли наши ложементы, и громили их изо дня в день своими выстрелами. Но ни пули, ни ядра, ни гранаты не в состоянии были поколебать смелых защитников ложементов, являвших собой пример героической стойкости.

Военная доблесть проявляется не в одних только полевых битвах, где иногда бывает достаточно минутного увлечения, чтобы совершить блистательный подвиг, — она проявляется гораздо более в том непоколебимом перенесении трудов и лишений, когда для каждого защитника дни без отдыха сменяются тревожными ночами и когда неделя за неделей, месяц за месяцем не изменяют нисколько положения воина.

Государь император в ознаменование признательности своей за беспримерное мужество, усердие и труды всех войск, как сухопутных, так и морских, вполне оценил такую доблесть севастопольского гарнизона и 6 декабря 1854 года всемилостивейше повелеть соизволил: «Чинам этих войск каждый месяц пребывания их в составе означенного гарнизона зачесть за год службы по всем правам и преимуществам».

В конце декабря начальником севастопольского гарнизона был назначен генерал-адъютант барон (впоследствии граф) Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен 1-й.

С любовью и надеждой встретил гарнизон это новое назначение. Как солдаты, так и офицеры знали, что строгая справедливость издавна была отличительной чертой барона Остен-Сакена, его храбрость, военная опытность, твердость также были известны. Приняв почетное звание начальника гарнизона осажденного города, Остен-Сакен неутомимо трудился во все время осады. Он везде бывал сам: верхом и пешком он обходил бастионы, хлопотал об улучшении солдатского быта, снабжал укрепления боевыми припасами, заботился об облегчении раненых и проч.

С назначением барона Остен-Сакена усугубилась кипучая деятельность севастопольского гарнизона: она обнаруживалась постоянно, как усилением укреплений, так и частыми ночными вылазками, заставлявшими неприятеля держать много войск в траншеях и тем утомлявшими их до крайности, в особенности англичан, привыкших к удобствам жизни.

При содействии деятельного своего помощника Павла Степановича Нахимова и начальника штаба князя Васильчикова барон Остен-Сакен значительно улучшил во всех отношениях положение осажденного города.

Павел Степанович Нахимов был неистощим: что бы ни потребовалось для гарнизона, стоило только сказать адмиралу Нахимову, и требование было тотчас же удовлетворяемо. Широко растворив двери всех складов и открыв доступ к богатым запасам Черноморского флота, Павел Степанович удовлетворял с полной готовностью все нужды как людей, так и укреплений. У него не было отказа, если только требование шло на пользу и славу обожаемого им отечества.

Другим сподвижником барона Остен-Сакена был его начальник штаба флигель-адъютант

полковник князь Виктор Илларионович Васильчиков. Князь Васильчиков почти с первых дней назначения начальником штаба заслужил всеобщую любовь и уважение своей безустанной деятельностью, своей энергией и заботливостью о нуждах гарнизона. Кто не видал в Севастополе, как князь Виктор Илларионович всякий день, а зачастую и по два раза в день, объезжал всю оборонительную линию! Князь бывал везде, где грозила опасность; проводил под открытым небом ночи там, где ожидалось нападение; изобретал средства, где, по-видимому, не было никаких средств, и при всех своих многочисленных занятиях, руководимый сердечной теплотой, находил время и средства облегчать стоны раненых и увечных. Скоро он так сроднил себя с каждым защитником Севастополя, что, казалось, и сама оборона без него невозможна. Вот пример тому, рассказанный генералом Меньковым на одном из севастопольских обедов.

«Был разгар осады. Над Севастополем стояли непроглядные тучи порохового дыма, повсюду градом сыпались вражьи снаряды – было бомбардирование, предшествовавшее славно отбитому штурму...

Доблестный Павел Степанович (Нахимов) возвращался с бастионов...

Один из севастопольцев, идя навстречу доблестному адмиралу, заметил ему, что он не бережет себя и при всякой тревоге подвергается опасности...

– Что будет, – заключил он, – если Севастополь вас утратит!..

Нахмурилось чело адмирала...

– Не то вы говорите-с, – возразил Павел Степанович, – убьют-с меня, убьют-с вас-с, это ничего-с!.. а вот если «израсходуют» князя Васильчикова или генерала Тотлебена – это беда-с; без них не сдобровать-с и Севастополю!..

Истина слов, произнесенная устами доблестного представителя храбрых моряков, была прочувствована и признана севастопольцами... Да и не только гарнизон, но и войска, раскиданные по северным побережьям севастопольской бухты, с именем князя Виктора Илларионовича Васильчикова сочетали свое доверие, свои надежды!..»

Надежды оправдались. Севастопольский гарнизон отслужил свою службу верно и сверхъестественно, точно так же, как начальник штаба этого смелого гарнизона исполнил долг свой самым блестящим образом.

Севастополь после трех месяцев осады. – Жизнь в городе и на бастионах. – Ночные вылазки и ложные тревоги

Прошло три месяца осады, но и теперь, точно так же, как вначале, над Севастополем висит гул непроглядных выстрелов и шлепанье снарядов. Обитатели города привыкли ко всему этому настолько, что не обращают на них никакого внимания, лишь только пробитые крыши, разбитые стекла и рамы да разрушенные дома свидетельствуют, что это не мирный город, а город брани и тревог.

С пристани на Северной стороне видно уже, что там, за бухтой, в самом городе, совершается что-то особенное, не похожее на обыкновенную мирную жизнь. Здесь у пристани народ кишмя кишит; здесь люди, скот и повозки толкуются на набережной, преимущественно возле пароходов, на которые нагружают вещи, отсылаемые на Южную сторону. По бухте непрерывно снуют суда разных видов: весельные большие и малые, парусные и паровые с бездной вещей самых разнообразных видов. На палубах судов видны солдаты, рогатый скот на порции войскам, возы сена, бочки, кули, лошади, орудия, крепостные станки, окровавленные мешки с резаным сырым мясом и возле них женщины и дети. Тут же причаливают один за другим баркасы с печальным грузом. На одном доверху наложены простые неокрашенные гробы с телами умерших смертью праведных, на другом лежат кучи тел без гробов, прикрытые рогожей. Сев в лодку, перевалившись через бухту и выходя на пристани южной части города, вы встречаете на первых ее ступенях кучи заржавевших уже ядер, бомб и картечи. Подвигаясь далее, видите большую площадь, на которой лежат пушки разных калибров на станках и без станков, огромные брусья и опять кучи ядер, бомб и картечи. За ними стоят лошади, повозки, спящие идвигающиеся солдаты, офицеры, женщины и дети. В стороне бабы продают булки и пироги, русские мужики с самоваром кричат: «Сбитень горячий!»

Направо улица, загороженная баррикадой, налево дом, у дверей которого стоят солдаты с окровавленными носилками. За баррикадой стоит несколько пушек, и при них сидит матрос, покуривая трубочку. По всей площади разбросаны телеги с сеном, с кулями и бочками; кое-где между толпой пробирается офицер верхом либо генерал на дрожках. Повсюду слышен шум и говор. Здесь рынок, здесь место отдыха утомленных продолжительной службой на бастионах, здесь смех и горе.

За баррикадой начинается самая оживленная часть города. С обеих сторон улиц, по дороге к оборонительной линии, виднеются еще уцелевшие вывески лавок и трактиров, на пути встречаются офицеры, купцы, женщины в шляпках и платочках. Каждый день, при закате солнца, здесь играет хор военной музыки и на бульваре собирается большая толпа гуляющих.

Суда Черноморского флота величественно покачиваются в родных им волнах, но грустно моряку видеть ряд мелких судов, исполняющих обязанность мостовых флашкоутов.

В этой части города еще сохранилась вся обстановка мирной жизни. Тут еще можно было видеть людей, заботящихся об удобствах жизни; дам, разряженных и спокойно прогуливающих по бульвару; детей, бегających, катающих ядра и бомбы и весело играющих в войну рядом с настоящей войной и в нескольких стах саженьях от смерти со всеми ее ужасами...

Гул выстрелов, падающие и катящиеся по земле снаряды, приковывая к себе внимание детей, поражали их молодое воображение. В ту пору начинавший лепетать ребенок вместо родных слов «папа», «мама» или «няня» явственно говорил: «ядро», «бомба» или «граната». Бегавшие по улицам дети проявляли еще более воинственное настроение в своих играх. Разделившись на две партии, они затевали потешную войну. Одна партия представляла русских,

другая – союзных врагов. Сначала комки грязи и камни заменяли сражающимся бомбы, но потом шуточная возня скоро переходила в действительную драку, и часто обе окровавленные партии оставляли место сражений только при появлении квартального надзирателя или внушительной казачьей нагайки.

В это время Севастополь еще делился на две половины: мирную, с тихими ее привычками, и совершенно военную – грозно-боевую.

Баррикады в дальнем конце Морской и других улиц разделяли эти две половины, не похожие друг на друга. Пройдя одну из этих баррикад, встречались уже дома, по большей части оставленные жителями, частью занятые войсками, а частью стоящие пустыми. Здесь уже не было вывесок, двери закрыты досками, окна выбиты, у некоторых домов отбит угол стены, у других пробита крыша. Улица, вымощенная ядрами, испещрена ямами с водой, вырытыми в каменистом грунте бомбами. На улице видны были команды проходящих солдат, встречались и женщины, но реже и не в шляпках, конечно, а в старой шубейке и солдатских сапогах. Все это двигалось, спешило, но без суеты и без всякого опасения. Севастопольцы как будто не знали, что такое опасность, и не признавали ее. Они не видели страха и опасности в самых ужасных местах, там, где не проходило минуты, чтобы не взвизгнула пуля, не пролетело ядро, не разорвалась бомба.

Вся северная и западная сторона Малахова кургана были покрыты домиками матросов, наполненными их семьями. Женщины мыли белье офицерам, торговали не только в городе, но даже и на самом Малаховом кургане. Сидя около ворот укрепления, они продавали булки, пироги, квас, закуску и всякую всячину, которую солдаты тут же, у кого бывала лишняя копейка, запивали сбитнем. Дня не проходило, чтобы не было несчастного случая с кем-либо из подобных торговек, между тем остальные спокойно продолжали свои занятия, не обращая на это никакого внимания. Убьет такую бабу, два тут же закусывавших солдата подхватят убитую и понесут в часовню.

– Откуда, землячки, несете? – спросит одна из торгующих.

– С Малахова, – ответят они.

– Что же так?

– Да вот грех-то ноне поутру случился: осколок в брюхо воткнулся – ну и померла. Баба ведь: много ли ей надо!

– Ишь оказия! – проговорит равнодушно торговка и станет сзывать покупателей, как будто ей не угрожает точно такая же опасность.

В Севастополе подобные сцены повторялись ежеминутно и к ним все привыкли.

На местах, можно сказать, засыпаемых штуцерными пулями неприятеля, люди ходили день и ночь без всякой торопливости, не удостаивая даже взглядом места, откуда сыпались выстрелы. Перед проходящим солдатом идет товарищ, глядь – и повалился; солдат равнодушно или пройдет мимо, или, подняв товарища, понесет куда следует, долго преследуемый докучливым свистом пуль.

Среди оставшихся жителей не было заметно ни отчаяния, ни беспокойства. Правда, с наступлением утра они не справлялись о здоровье соседа, а старались узнать, цел ли его дом, жив ли он сам.

– Дунька, а Дунька! Жива ли ты? – слышался женский голос, кричавший из окна и через узкую улицу выкликивавший соседку.

– Жива, – отвечает голос из избенки. – Только ночью, слышь, осколок крышу провалил.

– Хорошо, что не голову.

– Вестимо хорошо, – отвечает от же голос.

– Пойдешь за водой?

– Пойдем.

И поплетутся они вдоль улицы под градом всякого рода снарядов.

Там, в конце этой улицы, видны все более и более разрушенные дома, а впереди рисуется черное, грязное и изрытое пространство, нечто вроде укрепления. Приближаясь к нему, встречаются не дома, а груда развалин, куча камней, всякого мусора, глины и бревен. Здесь меньше народу, солдаты ходят ускоренным шагом, на дороге видны следы крови и непременно попадаются носилки с убитыми или ранеными.

Над вами, в воздухе, кружатся, слегка посвистывая, несколько бомб. Медленный и приятный на вид полет их, по-видимому, не сулит никакой опасности, но стоит только ей лопнуть – или разрешиться, как говорят солдаты, – и множество осколков с визгом и звоном разлетятся во все стороны, разнося с собой по всем направлениям смерть и увечья.

Морская улица выходила на Театральную площадь. В начале осады на этой площади происходила смена полков, назначенных на бастионы и возвращающихся на отдых. Неприятель, заметив скопление на площади войск, направлял туда свой огонь, поддерживая его даже и в то время, когда войск там не было. В короткое время площадь сделалась непроходимой, и полки стали строиться вдоль Морской улицы.

Было утро. Тобольский полк шел на смену Тарутинского, сидевшего на 4-м бастионе и соседних батареях. Подвинувшись к театру, тобольцы выстроились продольно по одной стороне Морской улицы. Роты Тарутинского полка частичками пробегали опасное пространство и строились насупротив тобольцев по другой ее стороне. Снаряды с шумом один за другим ложились на улицу и знакомили тобольцев с предстоящей им жизнью. На левом фланге была уже жертва нового их знакомства с Севастополем – рослый молодой солдат лежал на спине с разбитым животом... Спокойно и угрюмо стояли тобольцы. Облокотившись на ружья, они толковали между собой о посторонних предметах, не обращая внимания ни на падавшие снаряды, ни на лежавшего возле них павшего товарища...

Разорвавшаяся граната не замедлила проститься и с тарутинцами, вырвав на память выступления одного солдатики. Солдаты бросились было к убитому, но командир батальона, подполковник Горев, остановил их. Солдаты перекрестились.

– Царство ему небесное, – послышалось несколько голосов. – Вишь, какая смерть... сразу... и не пикнул... Бог скорей грехи отпустит, райская теперь душа будет...

Оставив на площади по одному товарищу, тарутинцы и тобольцы разошлись в разные стороны. Первые пошли на Северную, вторые – на бастион.

Под свистом ядер и пуль пришлось им спуститься в траншею, или ров, по которой ходят люди, идущие на бастион и возвращающиеся с него. В траншее этой еще чаще попадаются носилки, встречаются матросы с окровавленными лицами, бредущие на перевязочный пункт, и солдаты с лопатами и другими рабочими инструментами. По бокам траншеи видны проводники мин, землянки, в грязи которых, согнувшись, могут поместиться только два человека. В таких убогих помещениях живут пластуны-черноморцы. Высунув из дверей ноги, они переобуваются, едят, курят трубочки и подсмеиваются друг над другом. Поодаль от них разместились носильщики, поприуставшие под своей невеселой ношей. Один из них предложил привалить:

– Отдохнем брат: успеем еще – в другой раз не умрет.

Проходивший мимо солдат отпускает насчет носильщиков острое словцо и отправляется своей дорогой.

Не обращая внимания на проходящего, носильщики садятся: один накладывает трубку, другой рубит огня; вдоль по гребню траншеи прыгает ядро и обдаёт всех грязью, но не смущают никого из присутствующих ни свист пуль, ни разрыв бомб. Хладнокровно и равнодушно смотрят они на валяющийся и вновь падающий чугун во всевозможных видах. Поотдохнув

немного, носильщики отправляются своим путем, а пластуны готовятся в секреты впереди оборонительной линии.

Пройдя траншею, вы входите в изрытое грязное пространство, окруженное со всех сторон насыпью, – это-то и есть то, что называется бастионом. Небольшая площадка бастиона задавлена постройками и переполнена народом. Она перерезана в разных местах насыпями (траверсами), землянками, пороховыми погребами, на которых стоят большие чугунные орудия, а возле них лежат ядра, сложенные правильными кучами.

Вся площадка бастиона кажется покрытой буграми; там и тут чернеются отверстия – это входы в блиндажи. Повсюду валяются орудия, черепки, неразорванные гранаты, куски дерева, изломанные колеса – все это нагромождено или затоплено в жидкой и вязкой грязи. Грязь на земле и духота в воздухе висит над бастионом. Он постоянно окружен и покрыт или облаком порохового дыма, или тучей пыли, поднимающейся одинаково и днем и ночью: днем от падающих и прыгающих снарядов, а ночью от исправления батарей и насыпки укреплений.

Крошечная землянка служит жилищем начальника бастиона. Это небольшое углубление в насыпи, огражденное от выстрелов с трех сторон и сверху. Четвертая сторона составлена из заржавленных жестянок и кусков плитняка, наскоро накиданных. Небольшая дверца, с отверстием в ней, прилажена кое-как, на скорую руку. Устроенная из нескольких досок постель и небольшой столик возле занимают все пространство конуры бастионного начальника или одного из офицеров. У дверей ее пытит самовар, которому вместо трубы служит корпус французской ракеты. Войдя в такую конуру, по необходимости приходилось садиться на постель, потому что другого места, где бы можно было приткнуться, не было. В конуре грязно и душно, миллионы самых несносных насекомых атакуют каждого вошедшего в землянку, но, несмотря на все это, она составляет единственное место для отдыха. Землянки для солдат устраивались более вместительные, на несколько человек. Человек пять могли сидеть на общих нарах, там они отдыхали и общивались. В углу висел образ, на стенах картинки. Такой же точно образ на столбике под навесом находился и в одном из углов каждого бастиона или батареи.

В некоторых бастионах можно было встретить два и три образа с кисейным или даже шелковым покрывалом. Множество свечей, а иногда и лампада, теплились у образов, в особенности вечером. Все, проходя мимо того места, где стоял образ, снимали шапки и набожно крестились, творя молитву. В блиндажах многих бастионов были устроены походные церкви.

Стоит только взойти на площадку – и однообразная бастионная жизнь вся перед вами. На батарее, возле образа, сидят кучки матросов и пехотных солдат: одни играют в карты, другие слушают рассказчика. Посередине укрепления виден пехотный солдат, проходящий через батарею и с трудом вытаскивающий ноги из липкой грязи. Поместившись в амбразуре и поставив перед собой котелок, солдаты едят кашу. Приютившись на платформе у орудия, сидит матрос с женой, принесшей ему домашний обед. Она ждет, пока муж поест, чтобы взять посуду и отправиться домой под градом пуль; возле них, на другом орудии, сидит флотский офицер и свертывает папироску, изредка поглядывая в амбразуру, сквозь которую виден белый каменистый вал неприятельских траншей, лентой протянувшихся перед нашими укреплениями. Во многих местах, как, например, перед 4-м бастионом, неприятельские траншеи расположены были не далее 40 саженей.

4-й бастион в это время считался самым опасным местом в Севастополе. Когда кто-то говорил: «Я иду на 4-й бастион», он говорил это с особым ударением; когда хотели подшутить над кем-нибудь, то говорили: «Тебя бы отправить на 4-й бастион»; если встречались носилки и спрашивали откуда, говорили: «С 4-го бастиона». Все, не бывавшие или случайно бывшие на бастионе, были уверены, что 4-й бастион – верная могила каждого, кто появится на нем. А между тем защитники бастиона, люди, сроднившиеся с ним, никогда не хвалились, что живут

день и ночь на бастионе. На вопрос, что на 4-м бастионе, они отвечали, грязно или сухо там, тепло или холодно в их незатейливых землянках.

На бастионах, несмотря на близость неприятеля, все казалось спокойно, точно как в мирном городе. Люди не бегали, не суетились, каждый занят был своим делом. Полет снаряда не производил в них замешательства. Проводя день и ночь под открытым небом, защитники не знали прикрытия, не знали безопасного места, где бы можно было скрыться. Для них единственной защитой от неприятельских снарядов был сигнальщик.

Живя долго на батареях и прислушавшись к выстрелам, солдаты до того поднаторели в звуках, что, сидя в закрытом месте или зажмурив глаза, могли верно определить, с каких батарей стреляют, какие летят снаряды и где они лягут.

– Вот пролетела молоденькая^[10], а вот и лебедушка^[11] к нам жалует, – говорили солдаты, отличая различные пули по звуку, который они издают при полете.

Более храбрый и опытный в умение распознавать снаряды исполнял должность сигнальщика.

Сигнальщик зорко следит за неприятельскими орудиями, и преимущественно за теми, которые действуют по его батарее.

– Пушка! – кричит он, и вслед за тем слышен свист ядра и видны брызги, обозначающие место его падения.

– Мортира! – провозглашает он снова, и присутствующие на бастионе слышат равномерное посвистывание бомбы, вертящейся в воздухе. Сигнальщик еще раз успеет оповестить о ней; люди это знают и продолжают работу.

Днем по звуку, ночью по полету и огоньку дымящейся трубки сигнальщик определяет направление снаряда, и, если, по его расчету, он упадет на батарею, он кричит «Бомба!», и тогда люди ложатся на землю, спасаясь от осколков.

Бомба упала на батарею, она вертится, шипит и дымится; приникнув к земле, лежат солдаты, ожидая разрыва. Быстрая вспышка огня, небольшой клуб дыма, выстрел и звон осколков поднимают тех, кто остался цел, и вызывают стоны раненых.

– Носилки! – крикнет несколько голосов, быстро, но без замешательства кидаясь к упавшему товарищу.

– Простите, братцы! Умираю, – говорит слабым голосом раненый.

Его бережно кладут на носилки, он хочет сказать еще что-то, и видно, что хочет сказать что-то трогательное, но повторяет только еще раз «простите, братцы». Товарищ-матрос надевает раненому упавшую с головы фуражку и, не сказав ни слова, равнодушно возвращается на свое место.

– Это каждый день этак человек двадцать или тридцать, – скажет вам поселившийся на бастион со дня осады морской офицер, хладнокровно свертывая папиросу из желтой бумаги.

Смеркается. Полный месяц давно плавает дозором по небу, освещая враждебно размежеванное пространство окрестностей Севастополя. Море, окутанное мраком ночи, плещется о скалистый берег. Далеко на воде виднеется линия огоньков на неприятельском флоте. Глухо отдаются выстрелы во влажном и сыром воздухе. В темной вышине над бастионами, как светящиеся во мраке звезды, пролетают бомбы, то переkreщивая свои полеты, то одна другую нагоняя. Оставляя за собой огненный след, они вдруг вознесутся стрелой, потом плавно подымутся до крайней высоты своего полета и там будто остановятся на несколько мгновений, словно выбирая себе место падения. Вслед за тем, шатаясь со стороны в сторону, они опускаются все быстрее и быстрее и, наконец, стремглав, как падучая звезда, падают на землю.

– Лахматка (бомба), – слышится в темноте голос сигнальщика.

Привычные к таким сценам, люди бросаются на землю.

– Не наша! – крикнет сигнальщик. – Армейская! – И прилегшие было к земле матросы приподнимаются, зная, что бомба полетела за батарею в прикрытие или в город.

– Э, да неприятели никак раскутились, – заметит командир батареи или бастиона и, выйдя из блиндажа, прикажет послать прислугу к бомбической пушке.

– Есть! – по морской привычке отзовется комендор, и несколько человек матросов мигом подбегут к орудию.

– Чем заряжено: бомбой или картечью?

– Бомбой, на стропке (т. е. с веревочкой, чтобы в случае надобности можно было вытащить бомбу из канала орудия).

– Ну, валяй.

Чугунная махина, с лишком в 300 пудов, разом отпрыгнет назад, клубы горячего порохового дыма охватят прислугу, грянет выстрел, и тяжелая бомба, шипя и гудя по воздуху, понесется к неприятелю. Вслед за тем не одно, а несколько ответных ядер пролетят над головами стоящих на бастионе.

Сигнальщик то и дело кричит: бомба, пушка, берегись, граната!

– Не части, Михеич! – крикнут ему товарищи.

– С ноги собьешься! – подхватят со смехом другие.

На звуки выстрелов, своих и неприятельских, отзовутся соседние бастионы, и пошла потеха! 3-й бастион угостит неприятельские траншеи темной, т. е. картечью, а 4-й пошлет капральство или штук 30 гранат, вложенных за раз в мортиру. Букетом светлых звезд рассыпятся гранаты над неприятельской траншеей, и с перекатным треском они разорвутся у него в гостях.

– Пали через каждые четверть часа, пока я не прикажу перестать, – скажет командир батареи или бастиона, уходя в свою землянку.

С наступлением темноты на бастионы вводят прикрытие и рабочих. Пехотные роты размещаются у насыпи, кто где найдет себе место; матросы сидят у своих орудий. Никто почти не спит, люди курят и разговаривают вполголоса. Пехотные офицеры обходят от времени до времени свои ряды.

– Смена! Пошел на саперные работы! – слышится голос в темноте.

Очередные люди собираются в стороне. Является саперный офицер и, собрав несколько десятков, отправляет на работу при своем унтер-офицере. На бастионе, во рву и в амбразурах слышны работающие. Неприятель открывает учащенную стрельбу. Слышны требования носилок, но работающие так привыкли к этому крику, что не обращают на него внимания, как будто дело это до них не касается.

Возле рабочих по-прежнему сидит сигнальщик и следит за неприятельскими выстрелами.

– Бережись! – кричит он, и бомба упала возле самого сигнальщика и посреди работающих.

Все бросаются в разные стороны, но сигнальщик не трогается с места. По счастью, трубка погасла и бомбу не разорвало.

– Не ховайся! Померла! – протянет он, и работа закипит с новой силой.

Изо дня в день тянулась такая однообразная жизнь на севастопольских бастионах. Она разнообразилась только изредка фальшивыми тревогами да почти ежедневными ночными вылазками.

Осеннее время и ненастье были чрезвычайно губительны для неприятельских войск. Трудно переносили они жизнь в траншеях, залитых водой и переполненных грязью. В такие дни союзники держали в своих подступах войска менее обыкновенного, и, чтобы показать нам, что всегда готовы к бою и что нечаянное нападение на них невозможно, они нередко прибегали к

различного рода хитростям. Вдруг среди всеобщей тишины французы или англичане откроют самый сильный огонь из своих траншей и в темноте ночи, не вылезая из своих нор, забьют наступление, кричат «Ура!» с таким одушевлением, что так и кажется, что вот целые тучи их бросаются на штурм какого-либо пункта нашей оборонительной линии. Батальный огонь из траншей заставит отступить наши секреты. Расположенная за секретами стрелковая цепь, за темнотой не видя ничего, кроме выстрелов, и слыша наступление, начнет стрельбу по воображаемому противнику; ближайшие батареи для поддержки цепи также откроют огонь, их примеру последуют соседние – и загорится пальба по всей оборонительной линии, пока не успеют осветить местность светящими ядрами и не узнают, что это только фальшивая тревога.

Такие тревоги повторялись весьма часто, и хотя они изнуряли гарнизон, но к ним были всегда внимательны и относились весьма серьезно, зная, что во время военных действий весьма часто случается, что ложная тревога обращается в действительную, а фальшивая атака или штурм без достаточной осторожности обороняющего может кончиться падением укрепления.

Чтобы отучить неприятеля от подобных выходов, защитники предпринимали почти ежедневно ночные вылазки, в которых проявлялись русская удаль и молодечество.

Вылазки – превосходное средство к утомлению противника и к задержанию его движения вперед. Заставляя неприятеля в течение целой ночи быть готовым к отражению атаки по всей линии, защитники вынуждали его содержать в траншеях большое число войск, которые, находясь под выстрелами наших батарей, несли значительную потерю. Независимо от этого кучки храбрых, врываясь в неприятельские подступы, производили в них возможную порчу: срывали насыпи, разбрасывали туры, фашины, мешки и пр.

Частые вылазки составляли особенность защиты Севастополя. В руках славного гарнизона это было могущественное средство наносить вред неприятелю и даже на время останавливать его работы.

Бывало, в темную ночь собиралось несколько десятков охотников из различных пехотных полков, отправлявшихся на стук неприятельских кирок и лопат. Местность хорошо известна морякам: неприятельские батареи построены на земле и из земли, им принадлежащей. Имея при себе проводником одного из матросов, смельчаки тихо подползают к траншеям... Вдруг вдали раздастся громкое протяжное «Ура!». Французы бросают кирки и лопаты, хватаются за оружие, а мы уже в траншее. Что происходит там, описать трудно: там душно и тесно, там звук оружия и скрещивание штыков, там русское «Ура!», там стоны и проклятия, с которыми часто сливается молитва умирающего.

Натешившись вдоволь, наши молодцы возвращаются на батареи. Французы густой цепью двинутся их преследовать... Секреты дают знать, что двигается неприятель, на бастионе раздается крик «К орудиям!», и тучи картечи запрыгают по темному полю. С первыми выстрелами орудий в прикрытии батарей и бастионов раздается гром барабанов – и закипит деятельность оборонительной линии. Все небо изборождено огненными следами от бомб и гранат; глухой гул от бегающих по своим местам войск, скок лошади промчавшегося ординарца, треск лопающихся снарядов – все это сливается в один общий и продолжительный стон, висящий над Севастополем.

Чудно величественную картину представляют в эти минуты бастионы севастопольские с их гарнизоном, по временам освещаемым пламенем выстрела. Везде видны толпы солдат, то стоящих опершись на ружья, то лежа с шанцевым инструментом, ожидающих, что делать. Там у бруствера прислуга хлопочет у своих орудий и посылает выстрел за выстрелом, здесь видна уходящая в ворота команда, идущая на подкрепление караулам, охраняющим передовые ложементы...

Там, впереди, в ложементах и ямах залегли пластуны, дерзко подкравшиеся и

присматривающие за неприятелем. Сотни пуль свистят подле их на разные лады, десятки бомб ложатся в одну и ту же траншею, в один и тот же ложемент. Вот одна из них с шумом грохнулась на окраине траншеи. Все пригнулись и прижались к стенке... Через секунду бомба лопнула, бросив несколько осколков в траншею... За разрывом ее ни стопа, ни крика не было слышно, но кто-то крякнул и заскрежетал зубами... Взглянул сосед на старика-пластуна и видит: ноги перебиты, спина вся вскрыта.

– Э, диду! Родненький! Что мы будем делать? – вскричал земляк.

– Что? Ничего!.. Что вы кричите, бесовы дети! – хладнокровно отвечал старик, посматривая то на пластунов товарищей, то на свои перебитые члены.

– Давай бинтов: старик изойдет кровью! – кричали оторопевшие солдаты.

– Крови нет, – говорил упрямый старик.

– Да ты, старичок, умрешь! – заметил какой-то офицер.

– Ну что, умру. Я и без вас вижу, что умру.

Раненый видимо ослабевал... С полчаса дожидались носилок, беспрестанно бывших в расходе. Старик их не дождался. Чувствуя приближение смерти, он перекрестился, захрипел и отдал Богу душу.

В севастопольском гарнизоне одним богатырем стало меньше...

Новый год в Севастополе. – Ночная вылазка с 19 на 20 января. – Подвиг матроса Шевченко. – Атака против Малахова кургана. – Заложение Селенгинского редута. – Генерал Хрущев. – Отбитие французов от Селенгинского редута. – Заложение Волынского редута и Камчатского люнета. – Кончина императора Николая. – Назначение князя М. Д. Горчакова главнокомандующим в Крыму

Приближался новый год, а с ним вместе наступала и холодная зимняя погода. Еще с 12 декабря начало сильно морозить, только изредка выпадали ясные и тихие дни, но большей частью шли проливные дожди, сменявшиеся градом и снегом. Целыми толпами передавались к нам французы и англичане, которые часто приходили с отмороженными руками и ногами и вызывали к себе истинную жалость и сожаление. Они голодали и холодали в своем лагере и искали спасения в великодушии неприятеля. С появлением перебежчиков на наших бастионах и батареях их принимали радушно, по-русскому обычаю вели в баню, тут же устроенную, обмывали и одевали, поили и кормили и затем отправляли на Северную сторону.

К довершению несчастья союзников, морозы достигали до 10 градусов, а 3 января выпал такой снег, что в некоторых местах доходил до аршина глубины. Пасмурен и угрюм казался день нового года. Сырые, мглистые облака застилали небо, а волнующаяся даль моря грозно чернелась, перекатывая свои мрачные свинцовые волны. Ветер дул по всем направлениям, принося то сильные метели, то оттепель с проливными дождями.

Над Севастополем висели двойные тучи: одни, изливающие потоки дождя, а ниже их тучи снарядов, сыпавшие потоки осколков и пуль. Преодолевая препятствия природы, враждовавшие боролись друг с другом и сходились, однако же, все ближе и ближе.

Французы, выбив наших стрелков из ложементов перед 4-м бастионом, засели в них, окопались и своими выстрелами наносили значительный вред прислуге, стоявшей у орудий бастиона. С целью прогнать неприятеля и вновь завладеть ложементами решено было произвести вылазку в значительных размерах.

19 января около четырех часов пополудни начальник 3-го отделения оборонительной линии и 3-го бастиона контр-адмирал Панфилов потребовал к себе лейтенанта Бирюлева и предложил ему быть руководителем вылазки.

Назначенный для этого отряд в 250 человек из полков Охотского, Волынского и 45-го флотского экипажа с 80 рабочими без ружей собрался на 3-м бастионе к десяти часам вечера.

Стояли лунные ночи. В этот вечер, как нарочно, было особенно светло, точно днем. Предпринимать вылазку в такую светлую ночь было бесполезно, и потому пришлось отложить ее на несколько часов, пока стемнеет. Около трех часов ночи месяц склонился к горизонту, небо заволокло небольшими тучками и стал перепархивать снежок. Медлить было нечего: до восхода солнца оставалось времени немного, а охотникам предстояло пройти взад и вперед около двух верст и поработать еще около ложементов. Отряд был собран. Солдатам объявлена цель вылазки и то, чего ожидает от них начальство. По команде офицеров все сняли фуражки и, набожно перекрестившись, двинулись за линию укреплений. Не прошли охотники и двадцати шагов, как из английской траншеи раздался выстрел.

– Завидели, проклятые, – говорили солдаты. – Снежок-то выпал порядочный, так отряд наш чернеется на дороге.

Охотники продвигались, однако же, вперед даже и тогда, когда из английских траншей взвилась сигнальная ракета, а затем по всей линии затрещал батальонный огонь. В это время к отряду прибежал унтер-офицер, посланный с бастиона.

– Адмирал приказал сказать вашему благородию, – насилу проговорил запыхавшийся посланный, – ой! мол, не воротиться ли назад.

Наши прошли уже с полверсты, возвращаться назад было жаль, тем более что усилившийся снег стал скрывать нас от неприятеля и во всем отряде не было еще ни одного раненого.

– Скажи его превосходительству, – отвечал лейтенант Бирюлев посланному, – что у нас пока все благополучно, а что молодцы, мол, вперед просят. Так ли, братцы? – заключил он, обращаясь к солдатам.

– Точно так! – отвечало несколько голосов.

Охотники продвигались все ближе и ближе к ложементам. Потерял ли неприятель их из виду за снегом или собирал войска, только вдруг все замолкло и водворилась могильная тишина, от которой становилось более жутко, чем от ружейной трескотни. Наконец, подойдя к подошве горы, на которой были расположены ложементы, отряд остановился. Сняв снова фуражки и трижды перекрестившись, солдаты стали взбираться на гору.

– Кто идет? (Qui vive?) – окликнул французский часовой наших охотников, когда они находились шагах в пятидесяти от ложементов. Ответа не было. Часовой повторил вопрос, но солдаты двигались молча.

– Кто идет? – спросил часовой в третий раз.

– Русские, – ответил лейтенант Бирюлев и крикнул «Ура!».

– Вперед, ребята, в штыки! – крикнули офицеры, бывшие с охотниками, и наши с размаху врезались в ложементы. Неприятель, оставив на месте восемнадцать тел, отступил в свои траншеи. Наши бросились за ним, и пошла потеха. Из первой траншеи, по пятам французов, охотники пробрались во вторую, и только слышно было, как скрещивались штыки да ломались приклады...

Пока в траншеях длился бой, ложементы были приспособлены для действия против неприятеля. Цель вылазки достигнута, и потому нашим приказано отступить из траншей и занять ложементы. При отступлении французы напали на охотников и вместе с ними ворвались в ложементы, тогда наши снова рванулись вперед и прогнали их в траншеи. В это время лейтенант Бирюлев подвергся опасности быть убитым: несколько человек неприятельских стрелков прицелились в него на самом близком расстоянии. Заметив это, матрос Шевченко, бывший ординарцем у Бирюлева и постоянный спутник его на всех вылазках, перекрестился, кинулся вперед и заслонил начальника своей грудью. Пораженный несколькими пулями, он упал, не сказав ни слова. Лейтенант Бирюлев бросился к Шевченко, но он был мертв.

– Не время теперь, ваше благородие, останавливаться, – сказал лейтенанту матрос Болотников. – Наши молодцы в третью траншею прочесались, как бы беды не вышло.

Бирюлев бросился вперед и приказал отступить. Охотники отступили в порядке; французы преследовали. Для отражения их наши несколько раз переходили в наступление и с криком «Ура!» снова врывались в траншеи, заваленные неприятельскими телами. Видя, однако же, что к неприятелю подошли подкрепления, лейтенант Бирюлев решил прекратить схватку и приказал отступить к городу. Охотники стали уже спускаться с горы, как к Бирюлеву подошел один из пехотных унтер-офицеров.

– Неладно, ваше благородие, – сказал он, – кажись, кто-то из наших остался в неприятельской траншее, слышно, по-нашему ругается, выручить следует!

– Разумеется, следует, – отвечал Бирюлев.

Бросившись в шестой раз в траншею, охотники выручили своего и отступили к 3-му бастиону, захватив в плен двух офицеров и 7 человек нижних чинов. Наша потеря состояла в этот день из одного убитого офицера, прапорщика Кондратьева и нижних чинов 3 убитых и 34 раненых. В числе убитых стояло и славное имя матроса Шевченко. Рассказ о его подвиге и

самоотвержении быстро облетел по севастопольскому гарнизону, и имя его осталось навсегда памятным русскому народу.

«Товарищи! – писал главнокомандующий князь Меншиков в приказе по войскам. – Каждый день вы являете себя истинно храбрыми и стойкими русскими воинами; каждый день поступки ваши заслуживают и полного уважения, и удивления; говорить о каждом отдельно было бы невозможно, но есть доблести, которые должны навсегда остаться в памяти нашей, и с этой целью и объявляю вам:

30-го флотского экипажа матрос Игнатий Шевченко, находившийся во всех вылазках около лейтенанта Бирюлева, явил особенный пример храбрости и самоотвержения в вылазке, бывшей на 20 января. Когда молодцы наши штыками вытеснили уже неприятеля из траншей, пятнадцать человек французов, отступая, прицелились в лейтенанта Бирюлева и его спутников; Шевченко первый заметил, какой опасности подвергается его начальник, перекрестясь, кинулся к нему, заслонил его и молодецкой своей грудью принял пулю, которая неминуемо должна была поразить лейтенанта Бирюлева. Шевченко упал на месте, как истинно храбрый воин, как праведник.

Сделав распоряжение об отыскании его семейства, которое имеет все право воспользоваться щедротами Всемилостивейшего Государя нашего, я спешу, мои любезные товарищи, сообщить вам об этом, поздравить вас, что вы имели в рядах своих товарища, которым должны вполне гордиться».

Вылазки, устройство ложементов и подземные работы впереди 4-го бастиона остановили работы союзников.

Напрасно неприятель истощал на земле и под землей все средства осады и все усилия ума человеческого. Все его труды уничтожались неутомимой деятельностью нашего славного инженера штабс-капитана Мельникова, недаром прозванного обер-кротом Севастополя. День и ночь сидел Мельников под землей, жил в духоте, сырости, без сна, но зорко следил, чутко прислушивался к подземным работам неприятеля. Как только неприятель своей подземной галереей приближался к 4-му бастиону, Мельников спускался ниже, подкапывался под неприятеля и взрывал его на воздух.

Долго боролись оба противника, наконец союзники должны были сознаться, что не перехитрить им нашего крота, не пересилить его неусыпной деятельности.

Огромные затруднения в приближении к 4-му бастиону заставили союзников предпринять новую атаку против Малахова кургана. Местность от Малахова кургана шла к стороне неприятеля, понижаясь до небольшого изволога, от которого опять, возвышаясь, заканчивалась небольшим пригорком, или курганом. Французы думали занять этот курган, построить на нем свои батареи и при содействии их вести свою осаду и подступы на Малахов курган.

Предвидя такое намерение неприятеля, заведовавший всеми укреплениями инженер-полковник Тотлебен составил смелый и решительный план, небывалый в летописях прежде бывших осад. Обороняющийся стал действовать наступательно. Мы положили предупредить неприятеля, занять пригорок и близлежащие около него высоты и тем отдалить работы союзников от Малахова кургана.

Для исполнения этого важного предприятия избрана была ночь с 9 на 10 февраля. Для постройки укрепления был назначен Волынский полк и три батальона Селенгинского полка. При батальонах Селенгинского полка находился лихой командир их полка полковник Сабашинский.

Общее начальство над отрядом было вверено начальнику 1-й бригады 16-й пехотной дивизии генерал-майору Александру Петровичу Хрущеву, человеку испытанной храбрости и хладнокровной распорядительности. Александр Петрович давно выказал свои блестящие

военные дарования и был всегда там, где труднее и опаснее. Человек до чрезвычайности скромный, он никогда не напрашивался ни на какой подвиг, но зато, как бы трудно и опасно ни было назначение, он никогда от него не отказывался.

– Я приму на себя исполнить то или другое предположение, – говорил в таких случаях Александр Петрович, – только позвольте мне познакомиться с местностью, дайте оглядеться и сообразиться с обстоятельствами.

Эта необыкновенная скромность и добросовестность, привычка обсудить предприятие со всех сторон доставили Александру Петровичу ту скромную, но завидную репутацию, с которой он вышел из Севастополя. Про генерала Хрущева говорили немного: говорили, что, командуя много раз отдельными отрядами и в самых трудных случаях, он не проиграл ни одного сражения с неприятелем, а, напротив того, всегда выходил победителем.

Этот высоколестный отзыв вполне соответствовал заслугам и достоинствам Александра Петровича. Краткость характеристики генерала вполне соответствовала той скромности и молчаливости, которые всегда сохранял А. П. Хрущев относительно своих заслуг и своей деятельности.

Александр Петрович никогда не говорил, а все знали, что при отступлении армии после альмского сражения он один со своим полком прикрывал ее отступление, шел сзади всех и был всегда готов принять на себя врага, если бы он стал преследовать нашу армию. Всем известно было, что с переходом союзников на Южную сторону Севастополя Хрущев следил за ними и произвел осмотр правого берега реки Черной; что в течение трех месяцев, с октября по январь, он просидел со своим полком на 4-м бастионе – месте, наиболее опасном в Севастополе; что он пробыл там в такое время, когда на небольшую площадку бастиона в одну ночь падало до 700 неприятельских бомб.

Всем были известны подвиги Хрущева, но казалось, что только ему самому они неизвестны – так велика скромность этого человека. Все видели, однако же, достоинства Александра Петровича и пользовались ими, поручая ему исполнение самых важных предприятий. К числу таких принадлежит и ночь с 9 на 10 февраля.

К вечеру 9 февраля приготовлены были все материалы, необходимые для постройки укрепления, и на случай нападения приказано пароходам «Владимир», «Херсон» и «Громоносец» расположиться так, чтобы они своими выстрелами могли поражать неприятеля.

С наступлением сумерек полковник Тотлебен с штабс-капитаном Тидебелем под прикрытием секрета из пластунов произвели разбивку укрепления на один батальон пехоты. Скоро затем подошел Волынский полк, назначенный в прикрытия, и батальоны Селенгинского полка – для работы.

Четвертый батальон Волынского полка, построившись в ротные колонны, рассыпал перед собой стрелковую цепь, впереди которой, еще ближе к неприятелю, залегли наши черноморские пластуны. За ротными колоннами стали три остальных батальона, один правее, а два – левее вновь строящегося укрепления. Селенгинцы принялись за работу, имея при себе ружья, чтобы в случае нападения неприятеля быть готовыми к его отражению. Одновременно с этим каждая рота Волынского полка на том месте, где стояла, строила ложемент на 25 человек стрелков.

Таким образом началась эта смелая работа в глазах неприятеля, не далее как на ружейный выстрел от него. Несмотря на каменистый грунт, постройка укреплений производилась так успешно, что неприятель заметил нашу работу только с рассветом, тогда, когда рабочие были защищены уже от его огня.

Дружно работали селенгинцы и волынцы, ожидая ежеминутного нападения. Укрепление строилось на каменистом грунте, едва прикрытом тонким слоем земли. Почти вся работа производилась кирками, искры летели от усиленных ударов о каменистый грунт, но без этого

ничего нельзя было сделать. Ни стук инструментов, ни появление предательских искр не пробудили неприятеля. Все думали, что если неприятель не обращал внимания на нашу работу ночью, то с наступлением утра он окрестит вновь родившееся укрепление целой тучей свинца и чугуна, но и эти предположения оказались неверными. Правда, неприятель завязал перестрелку с нашими стрелками в ложементах, но перестрелка эта была незначительна и производилась весьма вяло.

Вновь построенное укрепление названо Селенгинским редутом, и в нем оставлены были три роты этого полка. Остальные войска отведены частью к бухте, частью на 2-й бастион. К вечеру 11 февраля пришли к редуту те же самые войска, какие были накануне при его заложении, и стали: Волынский полк в прикрытие, а селенгинцы для работы. Впереди их залегли пластуны черноморского пешего казачьего батальона № 8 под командой есаула Даниленко. Работа началась. Селенгинцы работали не переводя духа, желая к утру привести укрепление к концу.

С вечера стояла прекрасная лунная ночь и весело трудились солдатики, офицеры разговаривали, сидя в кружках и досадуя, что не велено разводить огни. Наступил второй час ночи, месяц спрятался, стемнело, и работать стало труднее. Вскоре темнота еще более увеличилась от набежавшей тучки, совершенно заставшей горизонт. В двух шагах нельзя было различить предметов.

Селенгинцы трудились до кровавого пота; впереди, в неприятельских траншеях, слышна была усиленная работа, но и та к полуночи прекратилась. Казалось, все успокоилось, «не только вся окрестная природа, но и сами люди, враждой сюда созванные из далеких стран. Ночная тишина прерывалась выстрелом одного из последних нумеров наших батарей, еще отдаленнейшим взрывом бомбы, говором работавших в редуте, смешанным с шумом их инструмента, гулом падения подброшенной земли да звонким хохотом веселого солдата, вызванным какой-нибудь незамысловатой шуткой его товарища...»

Французы, решившиеся во что бы то ни стало уничтожить нашу работу, собрали в своих траншеях пять батальонов лучших своих войск и 90 охотников, вызванных из всей французской армии. Позади этих войск стояла целая английская дивизия и рабочие, готовые в случае успеха уничтожить наши работы. Около двух часов ночи французы быстро и в безмолвии бросились на наших пластунов и успели многих из них вырезать. Сам сотник Даниленко был окружен и схвачен зуавами.

– Я и шашки вытянуть не успел, – говорил потом Даниленко, – сорвали ее с меня, отбросили, за горло хватили и тянут; я упираюсь, борюсь, кликнуть некого... Приколоть-то, видите, им нечем меня, один меня за горло держит, а я его одной рукой схватил за ружье, другой рукой держу другого за грудь, а прежде еще вышиб из рук ружье... Он рвется у меня к ружью своему, а я их обоих подтягиваю к шашке, зная, где они ее бросили; вот и возимся... Тут-то я вспомнил, что при мне кинжал. Я как брошу того, которого за грудки держал, тот полетел, а я выдернул кинжал, да и в брюхо тому, что меня за горло держал... он так и затрепетался... Чуть стало светать, говорю своим: глядите, нет шашки! Ступайте, чтобы была, а то и служить не хочу, если не будет моей шашки! Ребята нашли и принесли.

Пока возился Даниленко с зуавами, французы бежали мимо него целыми толпами и атаковали наших рабочих.

С первым выстрелом в цепи генерал Хрущев приказал зажечь фальшфейер – сигнал тревоги – и вместе с тем построил Волынский полк левее редута. По приказанию инженер-штабс-капитана Тидебеля работавшие в укреплении селенгинцы разобрали ружья и стали за валом в ожидании неприятеля. Правее редута стал полковник Сабашинский с батальоном селенгинцев, работавшим во рву. Построившись вогнутым фронтом, волынцы молча бросились в штыки. В

темноте ночи закипел ожесточенный бой. Небольшое пространство, на котором боролись противники, освещалось на мгновение ружейными выстрелами, но затем тотчас же погружалось в еще больший мрак; только звук оружия, крики «Ура!» и возгласы неприятеля указывали место побоища. Сам генерал Хрущев был окружен неприятелем, один из зуавских офицеров бросился с обнаженной саблей на генерала, но полковой горнист Павлов выбил саблю из рук офицера, а рядовой Белоусов заколол его. Завязалась всеобщая свалка. Волынцы смешались с французами, французы с нашими. Там французы звали к себе на помощь, здесь громко раздавалось: «Ребята, сюда!» Повсюду происходила самая жестокая схватка: резались, кололись, стреляли в упор, с трудом отличая впотьмах друг друга. Вдруг над головами волынцев и селенгинцев пронеслись целые десятки светящихся ядер с наших батарей. Упав на землю, они осветили окрестность – и враги взглянули в лицо друг другу. Пользуясь этим временным светом, наши батареи открыли частый огонь по наступающему неприятелю. Целый град снарядов и бомб сыпался на французов с Малахова кургана и соседних батарей. Пароходы «Владимир», «Громоносец» и «Херсонес» извергали потоки чугуна, опустошавшего ряды наступающего неприятеля.

Презирая смерть, французы смело шли в атаку на свернувшихся в колонны неподвижных волынцев. Батальон за батальоном, как волна за волной, напирала она на несокрушимую скалу штыков храброго полка, молчаливо отражавшего все удары. Среди сильного огня, порой все озарявшего, можно было отличить массы сражавшихся. В нескольких местах видны были две черневшиеся стены, напиравшие одна на другую, сталкивавшиеся и смешивавшиеся. Крики каждой толпы, набегавшей вперед, при каждом наступлении были полны воодушевления, но потом ослаблялись и покрывались наконец стонами и болезненными возгласами раненых.

Синие мундиры французов заметно отделялись от наших серых шинелей. Видимо, редели их стены, колебались, сгущались, бросались вперед, и вслед за тем громче и сильнее раздавалось русское «Ура!», от которого устоять врагу было невозможно – и французы отступали.

Одновременно с этим другая неприятельская колонна, с охотниками впереди, бросилась на редут, казавшийся им издали небольшим и только что начатым укреплением. Подойдя к нему ближе, они увидели свою ошибку. Вместо начатого небольшого укрепления они нашли перед ним ров глубиной аршина в два, а шириной в сажень, нашли довольно высокую насыпь, из-за которой посыпались на них целые тучи пуль селенгинцев, стоявших в укреплении. Сгоряча неприятель бросился в ров, и смельчаки полезли на бруствер, хватаясь за туры, еще не насыпанные землей; многие скатывались вместе с ними в ров, другие кое-как взбирались на вал. Первым взобрался на вал командир охотников, но был поднят на штыки. За ним взбирался другой офицер. Он чувствовал, что ему помогают в этом трудном деле, но вслед за тем кто-то схватил его за ворот, вышиб саблю и потащил в глубь укрепления. За офицером лезло много солдат, но все они или были взяты в плен, или сброшены штыками в ров, где нашли себе могилу.

Видя расстройство неприятеля, генерал Хрущев приказал ударить сбор – и заколыхалась неподвижная дотеле стена волынцев. С барабанным боем кинулись наши батальоны навстречу свежим силам союзников, спешившим на помощь к своим. Дружный удар в штыки сломил неприятеля. Французы стали отступать. Волынцы очутились сбоку и в тылу неприятельской колонны охотников, атаковавшей редут. Боясь быть отрезанной, колонна эта быстро отошла назад и попала под выстрелы наших батарей. Полковник Сабашинский во главе батальона своих селенгинцев двинулся вперед, встретил на пути новую колонну неприятеля, спешившую на помощь к бывшей у редута, и одним ударом сбросил ее в лощину под выстрелы нашей артиллерии.

Французы отступали по всей линии. Пытаясь несколько раз остановить натиск волынцев и селенгинцев, но каждый раз опрокидываемые ими, они скрылись в своих траншеях. Поражение неприятеля было полное. Успехом в этом мы обязаны хладнокровной распорядительности

генерала Хрущева, храбрости полковника Сабашинского и необыкновенной стойкости солдат Волынского и Селенгинского полков.

Через час после первого выстрела сражение было кончено, потерпевший поражение неприятель не сделал потом ни одного выстрела. Волынцы отошли на прежнее место, селенгинцы – в редут доканчивать начатую работу. Не тишина, а всеобщий говор сопровождал работы. В ином месте работавшие рассказывали друг другу случаи из недавней встречи с неприятелем, в другом громко смеялись над солдатиком, нарядившимся во французскую амуницию, там, по склону насыпи и во рву, убирали тела убитых, подбирали раненых или рассматривали неприятельский штуцер, доставшийся в добычу победителям.

Рассветало. Утренняя заря осветила кровавое поле ночного побоища, на котором лежало более ста неприятельских трупов и шестьдесят пять наших. Все они были собраны и похоронены нами с особой церемонией. Французов хоронили особо от наших. Немного ниже редута рядами сложены были убитые обеих сторон. В головах у русских теплились восковые свечи, приткнутые к земле. Почетный караул, поставленный при телах убитых, отдал им последнюю воинскую почесть. Печальный религиозный обряд совершился. Сослуживцы со слезами попрощались с товарищами. Залп из ружей, как последний привет героям, смешался с криками, слышными у подошвы горы недалеко от бухты. Там остатки храброго Волынского полка приветствовали прибывших к ним дорогих гостей, двух великих князей, Николая и Михаила Николаевичей.

По всему склону горы в живописных группах отдыхали участники славного ночного дела. Кто чистил ружье, кто утолял голод, кто перевязывал рану себе или товарищу, а кто и просто сидел да подшучивал над товарищами. При посещении дорогих гостей все это смешалось, все зашевелилось. Великий князь Николай Николаевич от имени государя императора благодарил храбрых за совершенный ими подвиг. Громкое «Ура!» было ответом на эти слова. В это время адъютант главнокомандующего князя Меншикова привез Георгиевские кресты отличившимся. Великий князь собственноручно вручил их некоторым из нижних чинов. Восторгу волынцев не было пределов, громкое «Ура!» сопровождало великих князей до самой шлюпки, в которую они сели, чтобы отправиться в город на перевязочный пункт, а оттуда на Северную, где Великий князь Николай Николаевич заведовал всеми работами по постройке укреплений, а Великий князь Михаил Николаевич – вооружением их артиллерией.

Едва только Селенгинский редут приведен был к окончанию, как союзники были удивлены еще более смелой новой постройкой. В ста саженях впереди и левее Селенгинского редута и только в 300 саженях от неприятельских подступов явился утром 17 февраля новый редут, названный Волынским.

Французы не отваживались теперь делать на него нападения, а ограничивались только ружейной перестрелкой, которую вели с нашими стрелками, залегшими в ложементы.

В ночь с 26 на 27 февраля саженях в двухстах впереди и несколько левее Малахова кургана было заложено на холме еще третье укрепление, названное Камчатским люнетом.

В это время в Севастополе было получено горестное известие о кончине Императора Николая 1, а вслед за тем последовало и назначение нового главнокомандующего. Вместо князя Меншикова, уволенного по расстроенному здоровью, главнокомандующим в Крыму был назначен генерал-адъютант, генерал от артиллерии князь Горчаков 2-й.

Князь Михаил Дмитриевич Горчаков представлял редкий пример человека, одаренного самыми возвышенными душевными качествами, посвятившего всего себя на службу государю и отечеству. Горячо, очень горячо любя Россию, князь Михаил Дмитриевич готов был не только руку свою положить на огонь за отечество, а сам кинулся бы в пламя, если бы только знал, что это принесет какую-либо пользу для государства. Самоотвержение князя было всегда

отличительной его чертой; когда Михаил Дмитриевич узнал о затруднительном положении, в котором находилась малочисленная наша армия в Крыму, он тотчас же, не ожидая ничьих приказаний, послал ей на помощь часть войск своих из придунайских княжеств, несмотря на то что сам мог быть атакован многочисленнейшим неприятелем. Меншиков, получив известие о присылке подкреплений, благодарил князя и говорил, что Россия никогда не забудет его горячей любви к отечеству и личного самоотвержения. Честность, откровенность, прямота и бескорыстие князя Михаила Дмитриевича были беспредельны. Войска знали это и называли его честным князем.

Ненавидя всякого рода ложь и неестественность, князь Горчаков был прост в обращении, не заискивал перед солдатами, но зато заботился о них денно и нощно. Солдаты любили храброго русского князя и доверчиво следовали за ним. Во время сражения они видели князя впереди всех, знали, что самый храбрый из них не мог сравняться со своим предводителем в том холодном и презрительном пренебрежении к смерти, которое он высказывал в самых отчаянных битвах. Князь Горчаков никогда не думал о себе ни во время войны, ни во время мира. Отдав себя на служение государю и отечеству, он работал сам без усталости и не давал отдыха другим: по его мнению, нельзя было отдыхать, пока остается еще хотя что-нибудь неисполненным.

Князь Михаил Дмитриевич был назначен главнокомандующим крымской армией в самое тяжелое, безвыходное положение Севастополя и крымской армии. Большая часть лучших и ближайших подкреплений была истощена, атакующие перенесли самое тяжелое время, стали отогреваться на весеннем солнышке и, наученные опытом, сделались вдвое сильнее и обеспеченнее прежнего. При таких обстоятельствах все, что человечески возможно было сделать для спасения чести и славы нашего оружия, было сделано. Главнокомандующий деятельно хлопотал об улучшении быта вверенной ему армии, об увеличении запасов продовольствия, артиллерийских припасов, о заготовлении ружейных патронов и, наконец, сумел найти средства к тому, чтобы увеличить содержание офицерам. Позднейшие потомки, точно так же, как и современники, с глубоким уважением преклонятся пред скромной могилой князя в Севастополе и всегда сохраняют благодарность за безупречную деятельность и пользу, принесенную князем М. Д. Горчаковым нашему отечеству.

Отъезд князя Меншикова и его приказ по войскам. – Приказ адмирала Нахимова по севастопольскому гарнизону. – Бой в ложементах 5 марта. – Смерть контр-адмирала Истомина. – Бой в апрошах в ночь с 10 на 11 марта. – Генерал Хрулев. – Монах Иоанникий Савинов

Князь М. Д. Горчаков приехал в Севастополь, когда Меншикова уже там не было. Уезжая из Крыма и поручив временное начальство над войсками генерал-адъютанту барону Остен-Сакену 1-му, князь Меншиков передал войскам благословение императора Александра II на новые геройские подвиги, которыми так обильна была предыдущая оборона славного города.

«Государь Император, – писал он в приказе по войскам от 28 февраля 1855 года, – в милостивом внимании к совершенно расстроенному моему здоровью, Высочайше слагая с меня обязанности по командованию войсками в Крыму и по званию начальника главного морского штаба, на мне лежавшие, при вступлении Своем на престол, 18 числа сего февраля, удостоил меня от 19 сего же месяца Монаршим рескриптом, в котором, между прочим, изображено нижеследующее:

«В общей глубокой горести о кончине Нашего Благодетеля, да будет нам утешением истинно русская храбрость, с которой вверенные вам войска встретили неприятеля и противодействуют его покушениям.

Поблагодарите от меня всех доблестных защитников Севастополя за блистательные подвиги, коими они украсили наши военные летописи; перешедший в жизнь вечную, Царственный вождь Православного воинства, благославляет свыше их стойкость и беспримерную неустрашимость».

Товарищи! Что могу еще сказать после двух Царственных благословений вам на верную и честную службу Престолу и Отечеству?

Тяжкими недугами разлученный с вами, мне остается только искренно поблагодарить всех и каждого из моих морских и сухопутных войск, сотрудников от генерала до рядового, за неоднократное доставленное мне счастье передавать им «царское спасибо», и, покидая по необходимости, ряды доблестного воинства, я утешаюсь убеждением, что, удостоенное прежде, оно не перестанет и впредь заслуживать Монаршее одобрение, радуя нашего Царя успехами защиты православного дела.

Товарищи! Прощайте! Господь да помогает вам!»

И стали товарищи-богатыри радовать царя пуще прежнего, так что начальству приходилось останавливать излишнюю отвагу севастопольского гарнизона. Павел Степанович Нахимов, бывший в то время начальником севастопольского гарнизона, сам никогда не щадивший собственной жизни, неусыпно наблюдал, чтобы люди не подвергали себя опасности без особенной надобности. Видя, что многие выказывают излишнюю храбрость, он просил своих подчиненных сохранить ее для более важных случаев обороны. В приказе по севастопольскому гарнизону 2 марта П. С. Нахимов писал:

«Усилия, употребленные неприятелем против Севастополя 5 октября и в последующие затем дни, дают основательный повод думать, что, решившись продолжать осаду, враги наши рассчитывают на средства еще более громадные; но теперь шестимесячные труды по укреплению Севастополя приходят к концу; средства обороны нашей почти утроились, и потому кто из нас, верующих в правосудие Божие, усомнится в торжестве над дерзкими помыслами неприятеля? Но разрушить их при большой потере со своей стороны не есть еще полное торжество, и потому-то я считаю долгом напомнить всем начальникам священную

обязанность, на них лежащую, именно предварительно озаботиться, чтобы при открытии огня с неприятельских батарей не было ни одного лишнего человека не только в открытых местностях и без дела, но даже прислуга у орудий и число людей для неразлучных с боем работ были ограничены крайней необходимостью; заботливый офицер, пользуясь обстоятельствами, всегда отыщет средство сделать экономию в людях и тем уменьшить число подвергавшихся опасности. Любопытство, свойственное отваге, одушевляющей доблестный гарнизон Севастополя, в особенности не должно быть допущено частными начальниками; пусть каждый будет уверен в результате боя и спокойно остается на указанном ему месте; это в особенности относится к гг. офицерам. Я надеюсь, что гг. дистанционные и отдельные начальники войск обратят полное внимание на этот предмет и разделят своих офицеров на очереди, приказав свободным находиться под блиндажами и в закрытых местах; при этом прошу внушить им, что жизнь каждого из них принадлежит отечеству и что не удалство, а только истинная храбрость приносит пользу ему и честь умеющему отличить ее в своих поступках от первой.

Пользуюсь этим случаем, чтобы еще раз повторить запрещение частой пальбы: кроме неверности выстрелов, естественного следствия торопливости, трата пороха и снарядов составляет такой важный предмет, что никакая храбрость, никакая заслуга не должны оправдать офицера, допустившего ее. Заботливость о сохранении города, вверенного Государем нашей чести, пусть будет ручательством за меткость и хладнокровие наших молодцов-артиллеристов. Приказ этот прошу гг. дистанционных и отдельных начальников войск прочесть при собрании всех гг. офицеров».

Между тем работа на Камчатском люнете деятельно производилась. Люнет-выскачка рос не по дням, а по часам на радость родителям своим – егерям Камчатского полка, к досаде и огорчению союзного врага. Далеко выдался он от боевой ограды Севастополя – и разобщиł работы вражьи. Неприятель ощущал большую неприятность от близкого присутствия такого соседа. Он обратил весь огонь своей артиллерии на Камчатский люнет и на двух его соседей, Волынский и Селенгинский редуты. Сердито огрызалась эта троица от сильного врага и останавливала его работы настолько, что союзники туго подвигались вперед. Несколько раз пытались они овладеть впереди лежавшими перед Камчатским люнетом ложементами, но каждый раз были вытесняемы с большим уроном ротами Якутского, Томского и Волынского полков. Случалось, что наши, преследуя по пятам неприятеля, врывались в его траншеи и завязывали там упорный рукопашный бой. Таким наиболее характеристичным случаем был бой 5 марта. Лишь только наступили сумерки и ночная цепь наша заняла обычное место перед вновь строившимся Камчатским люнетом, неприятель открыл частый ружейный и артиллерийский огонь, а потом, вдруг прекратив его, бросился тремя колоннами, обошедшими ложемент с тыла, но был встречен батальным огнем солдат Якутского полка. Услышав первые выстрелы, генерал Хрулев двинул три роты Волынского полка навстречу французам. Отброшенные штыками на наши же укрепления, французы попали на штыки якутцев. Неприятель спасался бегством в свои траншеи, из-за которых и открыл сильный ружейный огонь. Хотя победа осталась за нами, но генерал Хрулев, следивший опытным глазом за всем происходящим, видел, что дело этим не кончится, что французы еще раз попытаются атаковать нас. Сильный ружейный огонь из-за траншей указывал, что за ними скрывается многочисленный неприятель, и потому генерал Хрулев в ожидании нового нападения приказал командиру Якутского полка полковнику Вялому вывести из люнета один батальон и, подкрепив его с обеих сторон двумя ротами Томского полка, быть готовым для встречи неприятеля. Последний не заставил себя долго ждать: новые колонны его бросились с барабанным боем, но были встречены штыками и снова прогнаны в свои траншеи.

Видя, что открытой силой, простым нападением невозможно отнять у нас ложементы,

французы решились вести подступы против Камчатского люнета и, приближаясь постепенно своими траншеями, сначала овладевать ложементами, а потом и самим люнетом. С этой целью они открыли сильный огонь по Камчатскому люнету и Малахову кургану. Огонь этот, не прекращавшийся в течение нескольких дней, вырвал из рядов севастопольского гарнизона начальника 4-й оборонительной дистанции доблестного контр-адмирала В. И. Истомина. Он был убит ядром в голову утром 7 марта при возвращении с Камчатки на Малахов курган.

Со дня высадки союзников в Крыму, заведывая четвертой оборонительной дистанцией и поместившись на Малаховом кургане, Владимир Иванович не знал ни отдыха, ни покоя. Истомин с самого начала осады и по день смерти, в течение семи месяцев, ни разу не раздевался, а если и ложился спать на несколько часов, то делал это только по необходимости, присущей человеку. Без личного надзора адмирала лопаты земли не было взброшено на Малаховом кургане, который был его кораблем, его домом, его любимым детищем. Из Малахова кургана Истомин сделал отдельную крепость, грозную для неприятеля.

Семь месяцев сряду по несколько раз в день он осматривал работы, ходил в цепь и в ложементы. Презрение к смерти составляло отличительную черту характера Владимира Ивановича.

– Наш адмирал будто о семи головах, в самый кипятик так и лезет, – говорили малаховцы о своем начальнике.

Когда Истомину замечали об опасности, которой он себя подвергает, он отвечал: «Я давно уже выписал себя в расход и теперь живу на счет англичан и французов».

Презирая сам всякую опасность, Владимир Иванович наблюдал, однако же, за тем, чтобы доставить возможные удобства гарнизону, и за несколько часов до своей смерти просил самым настойчивым образом о прибавке носилок для облегчения участи раненых. Бесстрашный под пулями, В. И. Истомин скорбел душевно, смотря, как за недостатком носилок таскали раненых на ружьях или просто за руки и за ноги. Стоны их болезненно надрывали его доброе сердце.

Истомин погиб, возвращаясь с Камчатского люнета. Он шел не по траншее, а по ее гребню. По одну сторону адмирала был капитан-лейтенант Сенявин, по другую – инженер Сахаров.

– Ваше превосходительство, – сказал ему Сенявин, – сойдите в траншею, тут очень опасно идти.

– Э, батюшка, – отвечал Истомин, – все равно от ядра не спрячешься.

В это мгновение ядро оторвало ему голову, костями которой были контужены оба офицера, его сопровождавшие; на шее адмирала осталась только ленточка Георгиевского креста, разлетевшегося вдребезги. На следующий день доблестного адмирала похоронили в том же склепе, где лежали Лазарев и Корнилов...

Мы хоронили Истомина, а неприятель громил по-прежнему своими выстрелами его Малахов курган и Камчатку, как называли солдаты Камчатский люнет. Под прикрытием этого огня французы начали вести свои подступы не далее как в 40 саженьях от наших ложементов. Чтобы удалить неприятеля и вместе с тем уничтожить его работы, решено было в ночь с 10 на 11 марта произвести усиленную вылазку. В состав отряда назначено девять [\[12\]](#) батальонов, общее начальство над которыми принял генерал-лейтенант Хрулев, назначенный еще 4 марта начальником войск на Корабельной стороне и на передовых позициях левого фланга.

В то же время контр-адмирал Панфилов получил приказание для развлечения сил неприятеля отправить со своего 3-го бастиона два отряда охотников для атаки английских траншей. Капитан 2 ранга Будищев и лейтенант Бирюлев назначены начальниками этих отрядов. Известие о вылазке, несмотря на желание сохранить его в тайне, скоро облетело весь севастопольский гарнизон и было принято с восторгом.

– Знаешь новость? – спрашивали офицеры друг друга.

– Нет.

– Прикидываешься – дело секретное, правда, но, верно, знаешь.

– Нет, право не знаю.

– Сегодня большая вылазка.

– Будто?

– С Камчатки Хрулев пойдет.

– Господи помоги! Господи помоги! – говорил каждый с пожеланием полного успеха нашему оружию.

Стояли лунные ночи, и потому приказано начать наступление не ранее 11 часов, когда скроется луна.

В восемь часов вечера стали собираться на Малаховом кургане люди, которые должны были идти в голове отрядов и охотников. Два батальона Камчатского полка залегли в ложементов перед люнетом того же имени; по бокам его расположились войска, назначенные на вылазку: с правой стороны люнета стал батальон Днепровского полка, два Волынского и один Углицкого полка, а с левой – два батальона Днепровского полка. За войсками и правее Камчатского люнета стал батальон моряков 35-го и 44-го флотских экипажей, предназначенных для уничтожения неприятельских траншей.

Правый фланг атаки поручен был командовавшему Камчатским полком полковнику Голеву, а левый – командовавшему Днепровским полком подполковнику Радомскому.

Личность Ивана Петровича Голева была одна из замечательнейших при славной защите Севастополя. Человек скромный и в высшей степени честный, Иван Петрович во все время своей боевой деятельности вращался в кипятке, там, где было жарче. Одиннадцать ночей сряду он воздвигал на страх врагам грозный Камчатский люнет и, как сейчас увидим, в предстоящем ночном нападении был одним из главных виновников блестящей победы.

В девять часов вечера войска были на своих местах – и ожидали только приказа начинать.

На небе светила луна, под ней пробегали облака, тень которых расстилалась по земле черными полосами и пятнами, принимаемыми молодыми солдатами за вражьи колонны. Но вот две тени принимают вид правильных четырехугольников и, приближаясь все ближе и ближе, открывают сильный ружейный огонь, вследствие которого наши стрелки должны были уступить свое место врагу, вдвое сильнейшему. Цепь наша покинула переднюю линию ложементов – французы заняли их. Имея намерение предупредить нас и ожидая нашего нападения, неприятель двинул вперед значительные отряды. При первых выстрелах генерал-лейтенант Хрулев прибыл на место. Окинув взглядом окружающую местность, он видел, что медлить нечего, что надо пользоваться случаем, пока французы не успели усилить себя свежими войсками, и что поэтому нечего ожидать наступления темноты.

По данному сигналу два батальона Камчатского и два батальона Днепровского полков двинулись в атаку. Едва только наши войска тронулись со своих мест, как французы открыли сильный огонь из орудий и штуцеров.

– Вишь как строчат, – говорили наши солдатики, подвигаясь вперед.

Бросившись без выстрела в штыки, камчатцы и днепровцы выгнали неприятеля из наших ложементов и на его плечах ворвались в траншеи. По пятам за камчатцами и днепровцами шли моряки, которым было приказано разрушать неприятельские работы. Клонившаяся к горизонту луна освещала место кровавого побоища. Стрельба из орудий и штуцеров, крики «Ура!» и лязганье оружия – все смешивалось в один протяжный стон, покрывавший всю окрестность.

– Где наши? – раздался в это время голос сзади одного из резервов.

Один из участников боя обернулся. Перед ним стоял иеромонах Иоанникий Савинов или,

как звали его солдаты, Аника 3-й. Луна освещала бледное лицо его, на котором, впрочем, не было заметно ни страха, ни волнения; огонь душевный отражался в глазах его; на нем была епитрахиль, а в руках держал он крест.

– Где же наши? – повторил он почти умоляющим голосом.

– Кто ваши, батюшка?

– Моряки.

– Они впереди, но там не ваше место, пойдите на перевязочный пункт.

– Мое место там, – отвечал пастырь, – где утешают в страданиях, где готовят к смерти.

В это время раздался второй залп, сильнее первого, и монах кинулся вперед. Французы, получив подкрепление, бросились снова на наши батальоны, что заставило полковника Голева ввести в дело третий батальон своего полка. Неприятель был отброшен далеко назад. Три батальона Камчатского полка и два батальона Днепровского были уже в неприятельских траншеях и вытесняли французов за вторую их линию. Подступы их остались сзади наших войск, и четыре роты моряков разрушали их.

Впереди левого фланга Камчатского укрепления стоял распорядитель этого дела, Степан Александрович Хрулев, и отдавал приказания. Имя С. А. Хрулева давно было известно войскам. Большая часть из них не один раз видела его в деле, знала его отвагу и храбрость. Войска любили Степана Александровича за его заботы о солдате и умение одним кстати сказанным словом так воодушевить их, что они готовы были идти за ним куда угодно. Им известно было также и то, что Степан Александрович назначался на более опасные места, туда, где ожидалась особенно жаркая встреча с неприятелем.

«Более пятнадцати лет знаю я этого генерала, – пишет один из участников боя. – С самого начала службы моей был я с ним в одной батарее; но тогда я знал его только как лихого и веселого собеседника. Позже судьба привела меня служить под его командой; тогда я увидел в нем одного из лучших знатоков артиллерийского дела. Во время Венгерской кампании я находился при нем за офицера генерального штаба, отважнее его не было тогда в армии партизана. Генералом я видел его теперь в первый раз и в первый раз оценил его вполне. Я был поражен, найдя в этом лихом партизанине, каким я до сих пор считал его, настоящие таланты генерала: хладнокровие, дельную быстроту в распоряжениях в критический момент, умение двигать рассеянные по полю батальоны в самом жару дела и ночью, умение сохранять в войсках порядок, воодушевлять их и доводить солдат почти до восторженного состояния. Всему этому не научат ни опытность, ни книги – для этого необходимо врожденное военное дарование, нужна внутренняя искра».

В траншеях завязался между тем кровопролитный рукопашный бой. Выстрелы почти замолкли; наши били французов штыками, прикладами, заваливали их в траншеях камнями и турами. Ужасная резня доходила до крайнего предела ожесточения сражавшихся. Полковник Голев, видя, что моряки разрушили неприятельские подступы, начал отступать. Тогда во французских траншеях раздались сигналы наступления. Чтобы не позволить неприятелю ворваться на наших плечах в ложементы, полковник Голев остановил войска и потом счел необходимым перейти в наступление. Между тем французы, беспрестанно подкрепляемые резервами, сильно напирали. Силы их росли. На помощь нашим посланы были батальон Углицкого егерского полка и два батальона вольнцев. Борьба уравнивалась, но не надолго. Французы наступали с новыми силами. Вдруг среди страшного боя раздалось звонкое пение тропаря: «Спаси Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы благоверному Императору нашему на супротивных даруя...» Иеромонах Иоанникий Савинов, в епитрахили, с крестом в руке торжественно воспевал молитву, не обращая внимания на носившуюся кругом

его смерть. Солдаты, вдохновленные святыми словами божественной песни, не думали об отступлении, они слышали молитву и, видя перед собой бесстрашного монаха с крестом в руках, восторженно бросались в кровавую свечу. «Один из врагов бросился на безоружного монаха и успел ударом штыка разорвать на нем рукав рясы и епитрахиль, но в то же мгновение был убит юнкером Негребецким. Французы бежали, и апроши остались в наших руках. Иеромонах занялся ранеными, но в это время пуля, пущенная в него, оторвала нижнюю часть креста и контузила отважного монаха-воина»^[13].

В это же самое время капитан-лейтенант Будищев и лейтенант Бирюлев со своими охотниками ворвались в неприятельские траншеи. Будищев, бросившись на правый фланг англичан, заклепал две большие мортиры и разорил неприятельские ложементы. Охотники лейтенанта Бирюлева также заклепали несколько орудий, и потом оба отряда присоединились к главному, один с правой, другой с левой стороны.

В пылу боя войска наши прорвались во вторую линию неприятельских траншей и, не обращая внимания на многочисленность французов, которых было собрано на этом пункте от 6 до 8 тысяч человек, готовы были идти и далее. Степан Александрович Хрулев, видя слишком большое увлечение, приказал играть отступление, но солдаты, зная, что неприятель, изучивший наши сигналы, часто пользовался этим, чтобы остановить натиск, не слушали сигнала.

– Не таковский генерал, – говорили они про Хрулева, – чтобы велел отступать.

Несколько раз горнисты трубили отступление, но солдаты не отступали. Ожесточенный рукопашный бой шел в траншеях, и остановить наших было некому, потому что большая часть офицеров была перебита. Три юнкера, бывшие на ординарцах при Хрулеве, отправлены были в траншеи, чтобы вернуть наших, но все было напрасно.

– Дайте нам подкрепления, а то могут остаться на поле раненые, – кричал кто-то, приближаясь к Степану Александровичу.

Хрулев стал прислушиваться к голосу, и скоро перед ним стоял тот же самый иеромонах Иоанникий Савинов.

– Батюшка, – сказал Степан Александрович монаху, – подкрепления я вам не дам, а вы окажете мне важную услугу, если отдадите от моего имени приказание оставшимся в траншеях отступить немедленно, подбирая раненых.

Монах тотчас же отправился в траншеи и передал солдатам приказание начальника.

– Ну, – говорили солдаты, – если батюшка говорит, что генерал приказал отступать, так, должно быть, оно так и следует.

Солдаты отступали неохотно, так что приходилось их тащить поодиночке. Многие не хотели отступать, пока не уберут всех своих раненых товарищей. Этим героям-богатырям приходилось по нескольку раз отбивать штыками нападавшего на них неприятеля. В таких случаях они с жаром бросались вперед.

– Пустите, братцы, наши там «ура» зашумели, – говорили люди с носилками и, покидая раненых, бежали на поддержку отступавших.

Оставляя траншею за траншеей, наши солдаты отступали, уводя с собой пленных, унося своих раненых товарищей и множество неприятельского оружия. Много крови стоила эта вылазка, но ее потоки покрыты победным лавровым венком и торжеством севастопольского гарнизона. Знаменитое ночное дело это сохранилось надолго в памяти камчатцев и днепровцев и выражено в устах их следующей солдатской песней:

1. «Гей! камчатцы-удальцы!
Гей! днепровцы-молодцы!

Собирайтесь водки кварту
За десятое пить марта;

За здоровье, будь здоров,
Наш любимец, наш Хрулев!

2. Что с тобою нам француз!
Правду молвят, он не трус,
А как вздумал влезть в траншею,
Так его турнули в шею!

Слово молвил нам Хрулев,
Все мы бросились в ров.

3. Темный путь светил монах.
Он нас вел с крестом в руках,
А Хрулев разжег отвагу;
Глядь? Француз – кто лег, кто тягу.

Штык не хватит – камень есть,
И кулак француз в честь.

4. Слышь, канаву к нам вели
Да по ней как в гроб легли;
Разъярились мы от боя,
Слышать не хотим отбоя.

Кто в Викторию^[14] попал,
В Балаклаву^[15] прочесал.

5. С той поры вот ни гу-гу,
Знать, согнули их в дугу.
Знать, Хрулев им задал перцу,
А уж нам-то как по сердцу,

Вот еще бы дать разок,
Так совсем пошли б в утек.

6. Ну, камчатцы-удальцы!
Ну, днепровцы-молодцы!
Собирайтесь водки кварту
За десятое пить марта;

За здоровье, будь здоров,
Наш любимец, наш Хрулев!

Как бы в отместку за свою неудачу, союзники тотчас по окончании боя открыли сильнейшую стрельбу по Севастополю. В течение ночи они бросили в город более 2000 бомб и пустили до 150 ракет. Вылазка эта поколебала энергию союзников и показала им, что для овладения оборонительной линией укреплений им предстоит брать с боя каждый шаг впереди лежащей местности и что шаг этот будет стоить многих трудов, усилий и крови, и без того достаточно увлажившей почву окрестностей многострадального города.

Утренняя заря, осветившая кровавое место битвы, еще более убеждала их в справедливости этой истины. С Малахова кургана видны были только следы бывших неприятельских траншей, обозначавшиеся теперь разбросанными мешками, турами и большим числом трупов, наших и неприятельских.

В три часа пополудни 11 марта выслан был из Севастополя парламентар для передачи французскому главнокомандующему письма с предложением перемирия для уборки тел. В полученном ответе уборка тел назначалась на следующий день в полдень. Ровно в 12 часов были подняты обеими сторонами белые флаги и толпы солдат, наших и неприятельских, весело бросились навстречу друг другу. Все возвышения, батареи, траншеи и укрепления были покрыты многочисленными зрителями. Недавние враги на несколько минут сделались друзьями, солдаты и офицеры вели оживленный разговор с французами, смеялись, шутили, закуривали друг у друга папиросы, менялись сигарами.

В сумерки, когда кончилась уборка тел, французы дали залп по Камчатскому люнету, и загрохотала неумолкаемая канонада. Неприятель сосредоточивал свой огонь преимущественно на Камчатском люнете, 3-м бастионе и на лежавших против них ложементах.

Сотни бомб и гранат ежедневно лопались над укреплениями, свист ядер и пуль составлял постоянную их музыку. Русский солдат не сторонится этой песни. С удалью и отвагой дерется он в поле, бесстрашно и с каким-то презрением к смерти защищается за окопами, веселой шуткой встречает разрыв неприятельской бомбы, героем и христианином умирает за Русь Святую, за царя православного! Много героев пало на Камчатском люнете, но один из них, рядовой Егор Мартышин, замечателен своим горячим предсмертным словом, которое он с полным спокойствием сказал товарищам.

Ядро размозжило левую ногу Егору Мартышину и оторвало ему кисть. Товарищи раненого подняли Мартышина и положили на носилки.

– Нет, братцы, постойте, – говорил покойно Мартышин, – несите меня только двое. Если с каждым, кого зацепит чугунка, будет уходить четыре человека, так эдак и Камчатку (Камчатский люнет) стеречь будет некому!

Размозженная нога у самого паха едва держалась на тоненьких жилах, но Мартышин, преодолевая жгучую боль, не хотел сразу оставить люнет.

– Несите меня, братцы, по траншее, – сказал он, – дайте проститься с товарищами!

В траншеях он сказал товарищам слово:

– Прощайте, братцы, служите нашему батюшке-царю, как следует храбрым карабинерам! Недавно перед Крестом и Евангелием вы держали присягу на честную и верную службу царю Александру II: служите сыну, как служили отцу его Императору Николаю, и Бог благословит вашу службу!.. Прощайте, братцы-карабинеры, помяните меня грешного! Умирать за правое дело не страшно. Одно, братцы, больно, что не удалось мне охотником вовремя в траншеи сходить!

Получивши рубль серебром от своего ротного командира, Мартышин отдал его товарищу своему, Захару Васильеву.

– Ты, брат Захар, – сказал он, – как принесешь меня к перевязке, отыщи священника, попроси, чтобы он меня исповедовал и приобщил Св. Таин, а после смерти моей сотворил бы

панихиду по душе. Рубль отдай от меня священнику.

Принесенный на перевязочный пункт, Егор Мартышин, с полным спокойствием исполнив долг христианина, умер.

Праздник св. Пасхи в Севастополе. – Второе бомбардирование 28 марта. – Состояние гарнизона и города после бомбардирования. – Генерал Семякин. – Приказ Нахимова по флоту

Перебежчики по-прежнему большими толпами передавались на наших аванпостах. В Севастополь являлись люди всех наций: арабы (алжирские стрелки), испанцы (иностранный легион), немцы, французы, англичане, ирландцы, шотландцы и турки. Все они единогласно утверждали, что союзники готовятся к огромной бомбардировке осажденного города и что у них заготовлено по 800 зарядов на каждое орудие.

Один из перебежчиков был удивлен, увидев женщин на улицах осажденного города.

– Неужели они остались и живут здесь? – спросил он.

Ему отвечали утвердительно.

– Вы не знаете, – воскликнул он, – какая готовится бомбардировка: это будет день Страшного суда, только в большем виде.

В неприятельском лагере рассчитывали во время бомбардирования сбить нашу артиллерию, разрушить укрепления, ослабить гарнизон и, доведя его до отчаяния, штурмовать оборонительную линию. Получив сведения, что на помощь севастопольскому гарнизону следуют подкрепления из Бессарабии, союзные главнокомандующие торопились нанести удар прежде их прихода. В неприятельских траншеях заметна была усиленная деятельность; с каждым днем замечалось появление новых батарей, на которые ставились орудия, рылись новые траншеи, велись новые подступы. Защитники, не оставаясь праздными, усиленно готовились встретить врага должным образом. На нашей оборонительной линии также явились новые батареи, устраивались блиндажи или закрытые помещения для войск. Наибольшее внимание с нашей стороны обращено было на Волынский и Селенгинский редуты и на Камчатский люнет. Последний в особенности был усилен соединением всех ложементов в одну общую траншею, в которой были устроены места для горных орудий. В Волынском редуте устроена мортирная батарея, на Селенгинском же едва успевали исправлять повреждения, наносимые неприятелем. Каждую ночь несколько сот рабочих трудились там над земляными работами.

Для усиления гарнизона в Севастополь введен был Судальский пехотный полк.

Настали дни Страстной недели, и многострадальный город отбывал память страданий и крестной смерти Искупителя. На бастионы и батареи понесли плащаницы, ставили их в походных церквах и в течение всей недели совершали службу. В этот год Пасха приходилась в одни и те же числа как у нас, так и у католиков. Как будто само Провидение указывало на таинственное знамение Креста, связывающее воедино всех христиан между собой. А между тем в Севастополе был поучительный пример человечеству и всему христианскому миру. Там два христианских народа, казалось, забыли учение Спасителя и шли под знаменем луны, рядом с поклонниками Магомета, против тех, которые вооружились на защиту христианства.

Наступил четверг Страстной недели. В уцелевших церквах, в блиндажах, на бастионах и в Александровских казармах собрались молящиеся к слушанию двенадцати Евангелий. В Александровских казармах служба совершалась в огромной комнате, где стояло несколько образов из разбитой церкви, аналой с Евангелием, два больших подсвечника с сотнями мелких свечей, затепленных усердием храбрых воинов и страдалцев-раненых.

Во время чтения двенадцати Евангелий противники открыли батальонный огонь против 3-го бастиона, и скоро заревели выстрелы по всей линии. Англичане пытались два раза овладеть нашими ложементами, но оба раза были отбиты с большим уроном. Неудачи заставили их

усилить огонь, и канонада, перейдя на город, не умолкала в течение целого дня. Колокольный звон в церквах, возвещая православным начало чтения каждого Евангелия, сливаясь с ревом пушек и свистом ядер, производил особое впечатление на душу. «Хотелось, – говорит участник обороны, – плакать и молиться и вместе хотелось мстить и драться».

Наступил канун праздника. В шесть часов утра во всех походных церквах на бастионах и батареях, несмотря на сильную канонаду, совершалось, по православному обряду, погребение плащаницы. На Малаховом кургане служба происходила в блиндаже. Почти ползком нужно было войти в длинный и темный коридор, с колоннадой дубовых столбов по обеим его сторонам. Возле левой стены стояло несколько образов, а посередине плащаница, освещенная свечами. Хор певчих, еще спевавшийся, стройными голосами пел: «Слава в вышних Богу». Молящиеся разных чинов и званий приходили, прикладывались к плащанице, отходили в сторону и скрывались в полумраке. Длинный коридор блиндажа живо напоминал темные киевские пещеры. Чувство глубокого благоговения наполняло душу при виде плащаницы, Евангелия в богатой оправе, престольного креста и образов святителя Николая в киоте и Божией Матери, освещенных несколькими свечами.

Началась служба. Солдаты и матросы наполнили блиндаж. Каждый входил с особым благоговением, горячая и усердная молитва отражалась на всех лицах. «Певчие пели, – пишет одна из присутствующих, – под дирекцией одного лейтенанта так хорошо, что ничье воображение не могло представить себе. Мы молились, и молились усердно, неумолчная стрельба не развлекала нашего внимания». Под тихое пение молитвы «Святыи Боже» плащаницу понесли вокруг блиндажа, и, когда молящиеся вышли на площадку со свечами в руках, раздался неприятельский выстрел, и ядро со свистом пролетело над их головами.

По окончании службы гарнизон и жители Севастополя по русскому обычаю готовились встретить великий день Христова Воскресения с особой торжественностью. Все работы, за исключением самых необходимых, были приостановлены, и город мало-помалу стал принимать торжественный вид.

После полудня женщины целыми толпами спешили на бастионы. Жены матросов, землячки, кумы и даже дети, перегоняя друг друга, тащили мужьям, сватам и отцам куличи, сало, пасху и яйца. Во многих командах также заготавливали куличи, пекли булки. На батареях заметно было оживленное движение: там все чистилось, прибиралось, площадки бастионов, места у орудий, входы в блиндаже очищались от мусора, черепков и посыпались песком. Каждый готовился встретить праздник на своем посту, когда нельзя было в своем доме.

Наступила полночь. Было совершенно тихо, только изредка сверкнет вдали пушечный выстрел с нашей или неприятельской батареи и, как раскат грома, мерно загрохочет по холмам, окружающим город. Среди ночной тишины, нарушаемой зловещим гулом орудий и постоянной трескотней ружейных выстрелов в ложементах, благоговейно прозвучал благовест колоколов, призывавших к молитве. Улицы наполнились народом, спешившим в ярко освещенные храмы. Над сонной бухтой множеством освещенных окон горели Александровские казармы, а на противоположной стороне рисовалась греческая церковь во имя Петра и Павла. Толпы народа с зажженными свечами теснились внутри и огненной рекой снаружи окружали два храма Севастополя и госпитальную церковь на Северной стороне... А там, по траншеям и в укреплениях, под визгом пуль и ядер, заслышав благовест колоколов, защитники творили крестное знамение и произносили: «Христос Воскресе!»

С наступлением праздника на бастионах зажглись у икон свечи, солдаты и матросы горячо молились перед ними. Тепла была молитва защитников родины вдали от родной семьи. Всюду представлялись взору картины благоговения, и, казалось, на это время всякая опасность была позабыта.

Весь гарнизон и свободные от службы офицеры морских и сухопутных сил теснились в небольшом соборе Св. Екатерины и христосовались с главнокомандующим. Вокруг храма толпились матросы, солдаты и женщины. Целые ряды куличей и пасхи, с горящими перед ними свечами, ожидали освящения.

По окончании церковной службы духовенство было приглашено отслужить молебны на оборонительной линии у бастионных и батарейных образов. В ожидании священника бастионы смотрелись по-праздничному: возле расставленных куличей и яиц толпились люди, одетые в чистые и новые мундиры. В отдалении стояли жены и дети защитников, пришедшие похристосоваться и разделить вместе светлые дни праздника. Изредка раздавались выстрелы, под звуками которых слышались молитвы и церковное пение священника. С крестом в руках и с сосудом святой воды обходили пастыри церкви ряды защитников и, окропляя святой водой, поздравляли с наступившим праздником.

По окончании службы офицеры собирались в блиндаже одного из товарищей и разговлялись. Тесен был блиндаж, да радушен его хозяин. Все его помещение заключалось в яме, вырытой под одним из траверсов около сажени глубиной, шагов семь в длину и столько же в ширину. Яма эта земляной же стеной, с отверстием для прохода, разделялась на два отделения: первое назначалось для одного или нескольких офицеров, другое – для нижних чинов. Толстый накатник на столбах поддерживал земляной потолок блиндажа; две доски с прибитыми к ним поперечными брусками заменяли лестницу, по которой спускались в блиндаж, и назывались по-морскому трапом.

Полумрак господствовал в блиндаже даже днем, свеча или лампа служила постоянным его освещением и днем и ночью. В переднем углу висел образ, а вдоль стен шли деревянные прилавки, служившие стулом и кроватью. Ковер и подушка на нарах да небольшой столик, покрытый чистой скатертью, составляли все убранство блиндажа. На столе стояли кулич, яйца и пасхальная закуска, какую кому удалось приобрести у приезжего маркитанта. Теснота и незатейливость помещения как бы соединяли присутствующих еще более тесными узами боевого родства. Говор, шум, поздравления с праздником, а порой и звонкий смех слышались в блиндаже и давали знать, что собравшиеся под влиянием праздника забыли о грозной действительности.

С наступлением дня на бастионах образовались кружки, появились музыканты, раздались веселые песни и пляски – и веселился русский человек, как веселится он дома в кругу родной своей семьи. У матроса явилась скрипка, у пехотного солдата кларнет. Сев возле орудия, они с воодушевлением наигрывали «Камаринского», отбивая такт ногой. Проходивший мимо солдат остановился, к нему присоединился другой, третий – образовалась толпа. Долго собравшиеся слушали молча игру музыкантов, но вот у одного заходили плечи, другого так и передергивает всем корпусом, третий поправляет на голове шапку, как бы приготовляясь к чему-то, но все молчат, все слушают. Звонкий голос молодого солдатики выводит собравшихся из молчаливого положения и удовлетворяет их задушевному желанию.

– Не вытерпеть, братцы, – говорит он и, не докончив фразы, пускается в пляс.

Все точно очнулись и, посмотрев друг на друга как бы с укором, что сами раньше не догадались, присоединяются к пляшущему. Пляска делается всеобщей и выражает собой ту удаль и беззаботность, которые так хорошо характеризуют светлую душу русского солдата.

Первый день Пасхи прошел весело и спокойно. Вечером в городе играл хор военной музыки, толпы гуляющих покрывали весь бульвар и теснились около музыкантов. Среди гуляющих было много женщин, присутствие которых отдаляло мысль о грозной действительности, о больших приготовлениях неприятеля ко второму бомбардированию города. Изредка слышны были выстрелы, но они не нарушали всеобщего веселья.

Жители Севастополя уснули с полной надеждой встретить второй день праздника так же весело, как встретили и провели они первый день. Ожидание их не исполнилось. В первый день Пасхи было заметно в лагерях союзников большое движение, но что оно обозначало – праздничное ли гулянье или приготовление к борьбе, – никто не мог угадать.

Настала ночь, сырая и холодная. Густой туман облегал город, и дождь, при сильном порывистом ветре, хлестал по убогим приютам солдат.

В неприятельской линии укреплений был слышен шум. Хотя за темнотой ночи и нельзя было разведать, что происходило там, но по всему видно было, что союзники к чему-то готовятся.

В 5 часов утра 28 марта с неприятельского корабля, стоявшего у Стрелецкой бухты, взвилась сигнальная ракета, и вслед за тем союзники открыли огонь против всех укреплений Севастополя. При первых звуках выстрелов помощник начальника гарнизона адмирал Нахимов и другие начальствующие лица были уже на бастионах, где и оставались в течение целого дня. Неприятель быстро открывал амбразуры одну за другой, наши матросы бодро бросились к орудиям, и канонада закипела. Союзники стреляли из 482 орудий огромного калибра, в числе которых было 130 мортир, – следовательно, число их орудий было более чем вдвое того числа, которое употреблено было ими в бомбардирование 5 октября.

С нашей стороны по осадным батареям неприятеля был открыт огонь из 466 орудий, в том числе из 57 мортир.

Страшный треск, свист и грохот раздавались над Севастополем на второй день праздника; вой ветра, шум проливного дождя и густой туман еще более усиливали мрачность этого дня; скоро все скрылось от глаз, так что в двух шагах ничего не было видно.

Грозно величественную картину представляли бастионы во время бомбардирования. Прислуга при орудиях действовала без отдыха; штуцерные стояли по банкетам, и перекатная дробь их выстрелов сливалась с гулом орудий. По бастионам расхаживали офицеры, направляя огонь на неприятельские батареи.

По всей семиверстной длине оборонительной линии в густом тумане тускло мелькали огоньки орудийных выстрелов. Над Севастополем стоял оглушающий рев канонады, по временам усиливаемый взрывами пороховых погребов. Ядра, как резиновые мячики, прыгали по улицам. Сотрясение в воздухе от их полета и разрыва бомб колыхало полуразбитые деревянные постройки города; во всех домах ходуном ходили оконные рамы, стекла одно за другим разлетались вдребезги; внутри домов обсыпались карнизы, отваливалась штукатурка.

Оставшиеся еще в городе жители целыми толпами спешили к единственному довольно безопасному убежищу – к Николаевской батарее, обратившейся теперь в огромный рынок. Галереи казармы были усыпаны народом, чрезвычайно разнообразным по составу. Здесь сын и дочь, спасаясь от ужасов бомбардировки, тащат на руках больного и безногого старика-отца; там женщина, держа на руках грудного ребенка, волочит другой рукой малолетнего сына, едва успевающего бежать за ней; в стороне видна группа купцов, разговаривающих между собой почти шепотом. Повсюду слышны возгласы: «Господи! Господи! Хуже ада кромешного!»

И действительно, никакая самая фантастическая сказка не в состоянии дать понятия об ужасах бомбардирования.

По улицам беспрестанно проходили носильщики и вели под руки окровавленных солдат, навстречу им двигались отряды войск, скакали офицеры с приказанием, ехали повозки и фуры с водой, турами, снарядами, зарядами и другими предметами, необходимыми в такое время для бастионов и батарей.

Усилившийся дождь, сопровождаемый сильными порывами ветра, целым потоком шел на стоявших на бастионах и в короткое время промочил их до последней нитки. Сгустившийся еще

более туман, вместе с дождем и тучей порохового дыма, задернул горизонт как занавесью. «Треск лопающихся бомб, грохот выстрелов, крики людей – все сливается в один непрерывный гул, которого описать невозможно словом человеческим. Суматоха перед глазами, дым и огонь в отдалении, огни бомб на небе, невыносимый звон в ушах, тягостное ожидание на сердце» – вот ощущения, испытанные в этот день каждым из защитников многострадального города.

Густой черный дым неприятельских судов указывал, что и союзный флот готовится принять участие в страшной борьбе противников. Все ожидали, что флот примет также участие в бомбардировании, но за густотой тумана уследить за его движениями было невозможно. На прибрежных батареях готовились к встрече: задымились ядрокалительные печи, и прислуга разместилась возле орудий.

Бомбардирование между тем кипело по-прежнему.

Неприятель сосредоточил самый сильный огонь на те укрепления, к которым он ближе всего подошел своими подступами. Такими укреплениями были 4-й и 5-й бастионы, Малахов курган, 2-й бастион, Волынский и Селенгинский редуты и Камчатский люнет. Последние три, известные в Севастополе под именем трех отроков в пещи, особенно терпели от неприятельских выстрелов.

Усиление огня против передовых укреплений показывало, что союзники думали сначала разрушить их выстрелами, а потом штурмовать и овладеть ими с боя.

В ожидании штурма на батареях были усилены гарнизоны, причем во избежание напрасной потери в людях приказано было размещать их под блиндажами, оставляя под выстрелами только самое незначительное число войск, необходимое для первой встречи штурмующих колонн неприятеля.

Несмотря на то, небольшие площадки батарей и бастионов были переполнены народом и неприятельские снаряды находили здесь обильную для себя пищу. Беспреданно падавшие бомбы зацепляли то человека, то станок, то орудие, то, падая в толщу укрепления, разворачивали насыпь, осыпавшуюся безобразной грудой земли. Бока амбразур, поддерживаемые от осыпания турами и фашинами, часто загорались, и тогда солдат, перекрестившись, хватал мокрую швабру и влезал в амбразуру, закидываемую неприятельскими снарядами. Там надсмотрщик порохового погреба следил за полетом бомб, и едва они падали на крышу погреба, как рабочие сами собой бросались кучами и засыпали просверленную яму.

«Не один из подобных смельчаков, – говорит участник славной защиты, – жизнью платил за мужественное дело, но на место убитого всегда находился новый охотник. Люди с готовностью, целыми партиями кидались в ту сторону, где от неприятельского огня повреждалось орудие. Под пулями и ядрами шла непрерывная работа. Запасные орудия были подготовлены заранее, а потому подбитые переменялись с возможной скоростью».

«Здесь не задумывались о смерти, да и некогда было – гораздо умнее и короче казалось всем глядеть ей прямо в глаза, во всем остальном положась на волю Божию.

При мне за короткое время на батарее произошло множество случаев героического бесстрашия, никем не рассказанных по причине изобилия в самом героизме. Одно ядро взвизгнуло неподалеку от меня, пролетевши через самую середину одной амбразуры; здоровый красивый матрос, наводивший орудие, с улыбкой что-то причитывавший к будущему своему выстрелу, незаметно осел, съехался, согнулся – и медленно рухнулся наземь; ядро снесло ему верх головы. Рядом стоявший товарищ, быстро сорвавши с себя шапку, поспешил нахлобучить ее на убитого и молча, спокойно заменил его место. Стоя на опаснейшем посту, на месте, забрызганном кровью своего предшественника, он хладнокровно наводил орудие, держась правой рукой за подъемный винт и командуя прочей прислуге: влево, немного вправо, чуточку еще влево и т. п. Ни минуты не было потеряно, и ответный выстрел загредел своим чередом».

Усиленное бомбардирование длилось около пяти часов сряду, но неприятель не имел перевеса ни на одном пункте. Повреждения в наших бастионах хотя и были весьма значительны, но равносильны повреждениям в неприятельских батареях и траншеях.

Около 10 часов утра по бастионам и батареям было разослано приказание начальника гарнизона стрелять реже, отвечая одним выстрелом не менее как на два выстрела неприятеля. Причиной тому была необходимость сберечь всеми мерами порох и снаряды. Правда, запасы Севастополя были значительны, но осада, принявшая обширные размеры, была продолжительна и упорна, а между тем дороги в Крыму испортились и представляли огромные затруднения в сообщении с внутренними губерниями России.

Зима 1854/55 года в Крыму не была обыкновенной – напротив, выпал такой глубокий снег и стояли такие сильные морозы, каких не запомнят старожилы. Дороги так испортились, что ни на лошадях, ни на волах проезда не было. Необходимо было принять все меры осторожности, чтобы не остаться без пороха и снарядов, и оставить достаточный запас их на случай штурма, которого нельзя было не ожидать после столь сильной бомбардировки.

Недостаток в свинце и пулях был еще ощутительнее, так что впоследствии начальство вынуждено было разрешить сбор пуль, причем было указано место, куда должны были доставляться собранные пули и где платили за них деньги. Сбор этот шел весьма успешно: солдаты, женщины и дети целыми толпами приходили с посильной находкой и иногда собиралось в день до 120 пудов свинца. Солдаты собирали пули весьма охотно, часто под самым сильным огнем неприятеля, нисколько не думая о том, что, отыскивая несколько золотников свинца, подвергали свою жизнь опасности.

Уменьшение огня с батарей нашей оборонительной линии дало значительное преимущество неприятелю, так что к вечеру он успел причинить большой вред нашим укреплениям. Волынский и Селенгинский редуты и Камчатский люнет представляли собой только груды развалин. 5-й бастион был также разрушен и к вечеру принужден замолчать. Большая часть прислуги у орудий этого бастиона была перебита. 3-й бастион пострадал менее других, его артиллерия имела видимый перевес над противником и сохранила его до самого вечера.

Все повреждения, произведенные неприятелем в нашей оборонительной линии, состояли из 15 подбитых орудий, 13 станков, 23 поврежденных платформ и 122 заваленных амбразур. В течение дня было выпущено нашими батареями 12 тысяч зарядов и расстреляно 165 тысяч ружейных патронов. Неприятель бросил в Севастополь 33 658 снарядов и около 170 тысяч патронов. В течение одного дня было сожжено более 7 тысяч пудов пороха. Потеря наша в этот день была весьма значительна и состояла из 536 человек выбывших из строя. Мы потеряли убитым храброго командира батареи капитан-лейтенанта Шемякина и раненым лейтенанта Завалишина, известного своими молодецкими вылазками.

С наступлением ночи огонь с обеих сторон не прекращался, выстрелы гудели, хотя и не столь частые, как днем. Особенное внимание неприятеля было обращено теперь на 4-й бастион, Малахов курган, Камчатский люнет, Селенгинский и Волынский редуты. Последние три были забрасываемы снарядами. Под огнем неприятеля севастопольцы приступили к исправлению повреждений одновременно по всей линии; «мы чинились», говорили солдаты.

Несмотря ни на какие потери, работа не прекращалась в течение всей ночи: разрушенные насыпи возобновлялись, исправлялись амбразуры, отрывались засыпанные землей орудия, и те, которые оказывались подбитыми, заменялись новыми. Чтобы судить о геройском самоотвержении гарнизона и о том, какого усиленного труда стоили эти исправления, стоит припомнить только, что гарнизону необходимо было в течение одной ночи переменить все подбитые орудия новыми; что чугунные махины эти приходилось тащить на батареи за

несколько верст, по непроходимой грязи, образовавшейся вследствие проливного дождя, шедшего днем, тогда для каждого станет ясным, какого сверхъестественного труда стоило нашим богатырям-солдатам исправление укреплений. Заслуга их еще более увеличится, когда вспомним, что все это совершалось под сильным огнем неприятеля. Случалось, что при наложении нового орудия собиралась в амбразуре большая куча рабочих, и вдруг в эту сплошную массу живого тела врывалось ядро, кровавым следом запечатлевая свой полет.

При огромном числе выпущенных выстрелов доставка новых зарядов на бастионы представляла немалые затруднения. Приготавливаемые днем и ночью, при свете фонарей, заряды укладывались в троечные полуфурки, которые должны были двигаться по дорогам, покрытым глубокой грязью и изрытым неприятельскими ядрами. Лошади были изнурены до крайности, заряды доставлялись под выстрелами, и случалось, что подобный полуфурок, взорванный неприятельской бомбой, взлетал на воздух вместе с солдатом и лошадьми.

С рассветом 29 марта, около пяти часов утра, союзники открыли по городу столь же сильное бомбардирование, как и накануне. Самый большой огонь направлен был на Камчатский люнет, Волынский и Селенгинский редуты, Малахов курган, 4-й и 5-й бастионы. С нашей стороны приказано было стрелять как можно реже, так чтобы в течение дня расходовать не более 30 зарядов на орудие.

Одновременно с открытием бомбардирования с сухого пути и неприятельский флот около 5 часов утра развел пары и выстроился против входа в Севастопольский рейд, но в дело не вступал. Простояв до вечера на одном и том же месте, он отошел потом назад и выстроился в три линии, причем в третью линию поставлены были все фрегаты и пароходы.

Значительное преимущество неприятеля в числе брошенных снарядов было причиной того, что наши батареи и на этот раз потерпели большие повреждения и потери.

К вечеру были приведены в совершенное молчание 5-й бастион, Селенгинский и Волынский редуты. На 4-м бастионе было подбито 8 орудий, разрушены почти все амбразуры, так что он мог действовать только двумя орудиями. Убыль в людях была вообще весьма значительная, так как в ежеминутном ожидании штурма приходилось держать на бастионах много войск.

С наступлением сумерек гарнизон принялся за исправление повреждений, и нужно было еще более усилий, чем накануне, чтобы исправить бастионы и батареи. Солдаты работали без отдыха, они, казалось, не чувствовали ни усталости, ни потребности сна. С рассветом не смыкавший глаз гарнизон стал в ружье, а прислуга разместилась у орудий, заряженных картечью. Ни усиленные работы, ни бессонница – ничто не могло поколебать русского солдата. Легко раненные и контуженные не оставляли своих мест, многие из них не ходили даже на перевязку. Незыблемой живой стеной стояли моряки и солдаты пехотных полков под тысячами бомб, ядер и гранат. Непокколебимо, твердо и открытой грудью окружали они город, который можно было взять, только уничтожив совершенно этот живой оплот героев. С безусловным и бескорыстным самопожертвованием, с чистой и доброй душой русский солдат отдает свою жизнь отечеству и, не рассчитывая ни на какие награды, исполняет свое дело по долгу присяги. Оттого он всегда готов к смерти: ни совесть его не упрекает, ни страх не берет. Отправляясь в самый жаркий огонь, солдат снимет шапку, перекрестится – вот он и весь тут, готовый к смерти.

Каждый из горячо любящих свое отечество с глубоким уважением и благодарностью преклонится пред подвигами Черноморского флота и пехотных полков: Владимирского, Селенгинского, Волынского, Камчатского, Охотского, Тобольского, Томского, Колыванского, Екатеринбургского, Якутского, Севского, Алексопольского и многих, многих других. Не укрепления исключительно, а живые стены этих и других полков русской армии обороняли так долго город, расстреливаемый неприятелем до совершенного разрушения. Подобная оборона

возможна едва ли не с одним русским солдатом. Она возможна только при железном терпеливом мужестве, готовом ежеминутно взглянуть смерти прямо в глаза и проводить день за днем, месяц за месяцем в постоянных трудах и лишениях; тут нужно постоянное героичество, не знающее ни отдыха, ни усталости и не рассчитывающее на завтрашний день. К числу таких героев-богатырей принадлежал каждый из защитников Севастополя. Бесстрашно стоял он под выстрелами, опершись на ружье и составляя прикрытие, бесстрашно под теми же выстрелами лез в амбразуру или на пороховой погреб, чтобы затушить пожар или предупредить взрыв; тот же солдат строил укрепление и чинил его и на вылазку ходил почти каждый день – все он же. Брошенный в однообразную томительную жизнь, солдат разнообразил ее как мог.

Однажды в ложементы перед Камчатским люнетом завязалась ружейная перестрелка, продолжавшаяся несколько часов с необыкновенной живостью.

«В один из самых жарких моментов этой перестрелки, – пишет П. Алабин, – в одном ложементе кто-то из наших солдат затянул русскую песню прекрасным звучным голосом. Мгновенно, будто сговорясь, ее подхватили несколько человек в ложементе, и эта песня загремела, залилась в пространстве, полная мелодии и силы. Чудное, право, дело: или ее звуки заинтересовали французов и захотелось им послушать хорошенько доселе им неслыханной песни, или удивило их мужество поющих; как бы то ни было, но они прекратили пальбу. Этому примеру последовали наши стрелки, и, таким образом, до самой ночи смерть не начинала своих обычных завываний, будто убаюканная песней русского солдата».

Русский человек поет и в горе, и в радости, поет в хороводах, поет и в траншеях, под градом пуль. Песня, составляя его развлечение, была единственным утешением солдата в столь тяжком положении.

Не было ему ни отдыха, ни покоя, но никто не слышал от него ни жалобы, ни упрека.

Союзники видели эту стойкость русского солдата и ясно поняли всю трудность осуществления дальнейших своих замыслов. Имея значительное преимущество в запасах артиллерийских снарядов, они предпочли продолжать бомбардирование. Направляя главный огонь против 4-го бастиона, они стали пускать ракеты в город, в бухту и на Северную сторону, куда не достигали их ядра и бомбы. Ракеты эти, впрочем, не причинили нам значительного вреда. Гораздо больший вред причиняли выстрелы, направленные против 4-го бастиона, на котором не было места, куда бы не падали снаряды; ров бастиона был завален обсыпавшейся землей, так что опасность угрожала входам в минные галереи. Про этот бастион солдаты говорили, что неприятель весь его разворотил и что нет возможности его исправить. Узнав об этом, Нахимов тотчас же сам прискакал на бастион.

– Что это за страм-с, – говорил он с неудовольствием, обращаясь к солдатам, – шесть месяцев учат вас под огнем строиться и исправляться, а вы не можете. Пора бы-с приноровиться, сметку иметь.

– Будет сделано! Будет сделано! – кричали защитники-солдаты, у которых работы живо закипели, и бастион был исправлен насколько возможно.

В течение десяти дней неприятель непрерывно громил наши укрепления и город. Наиболее других доставалось 4-му бастиону и Малахову кургану. Башня на последнем была пробита насквозь, и, казалось, не было в ней живого места.

Чем продолжительнее было бомбардирование, тем более было число подбитых орудий, станков, платформ и тем более разрушались укрепления, несмотря на беспрестанные починки; потеря в людях точно так же с каждым днем увеличивалась, так как в городе нельзя было указать места, где бы можно было укрыть резервы: снаряды и ракеты поражали всюду. Сами блиндажи не всегда спасали людей от огромных бомб, часто падавших на одно и то же место.

С другой стороны, огонь наших батарей и бастионов не проходил бесследно и для

неприятеля. Так, 3-й бастион сохранял постоянно превосходство над англичанами и 2 апреля успел взорвать пороховой погреб на одной из их батарей. Взрыв этот нанес страшный вред неприятелю: четыре амбразуры были совершенно разметаны, бомбические пушки побиты. Укрепления, соседние с этой батареей, также умолкли на весь остаток дня и часть ночи. В последующие затем дни недостаток у нас пороха и снарядов дал неприятелю значительное превосходство в числе выстрелов, которыми он производил важные повреждения по всей оборонительной линии укреплений. Бессменные защитники трудились неутомимо. Несколько тысяч человек работали на бастионах, другие ходили на вылазки, жестоко дрались в неприятельских траншеях, и, наконец, третьи трудились в ложементах перед 5-м бастионом и должны были выдержать натиск неприятеля гораздо сильнеешего.

Для этой последней работы в ночь с 1 на 2 апреля назначены были три батальона Волынского полка, две роты Кольванского полка и 50 человек охотников Брестского полка.

Едва только французы заметили, что мы соединяем наши ложементы в одну траншею, чтобы действовать продольно и в тыл траншей, выведенных ими против 5-го бастиона, они тотчас же решились употребить все усилия, чтобы овладеть ложементами. Быстро перебежав небольшое пространство, разделявшее противников, французы бросились на стоявший в прикрытии рабочих батальон Волынского полка. В наших ложементах завязалась упорная рукопашная схватка. Ложементы попеременно переходили из рук в руки, но, к сожалению, у нас был ранен командир Волынского полка полковник Лушков. Неизбежное в подобных обстоятельствах замешательство дало преимущество неприятелю. Уступая многочисленности, волинцы отступили, и тогда с батареей открыли картечный огонь по атакующим колоннам. Наши ложементы устраивались всегда так, чтобы в случае занятия неприятелем можно было обстреливать внутренность их с батареей оборонительной линии. Таким образом, при отступлении наших стрелков неприятель почти всегда попадал под сильный картечный огонь, от которого терпел очень много. С другой стороны, и защита ложементов не обходилась нам дешево. Многие из них находились ближе к неприятельским траншеям, чем к своей оборонительной линии, и потому очень естественно, каждое нападение неприятеля должно было стоить нам значительных потерь.

Было восемь часов вечера 3 апреля. Туман и дождь стояли над Севастополем и его окрестностями. Рабочие, собираясь на батареях, готовились идти в соседние траншеи. Вдруг раздался страшный гром, и затем целые тучи камней, подброшенных кверху, засыпали 4-й бастион. То был взрыв в неприятельских минах, саженьях в 36 от бастиона. Неприятель, желавший этим взрывом уничтожить наши минные работы, не достиг вполне своей цели, он повредил только самую незначительную оконечность одного из рукавов, где были легко ранены три человека саперов. Вслед за взрывом осаждающий открыл самый сильный огонь против 4-го бастиона, который, в свою очередь, сосредоточил картечный огонь по тем ямам или воронкам, которые образовались от взрыва. Залпы картечью следовали один за другим, бочонки с капральством – или с маленькими ручными гранатами – дружно летели друг за другом в неприятельские воронки и поражали засевших в них смельчаков. Сколько ни старались французы утвердиться в воронках, но все их работы были разбиваемы огнем нашей артиллерии. Неприятельские тела лежали во множестве возле воронок, никто не решался убирать их, несмотря на то что между ними были раненые, которые требовали к себе полного участия и сострадания. Спасение погибавших и большее участие в облегчении их страданий выпало на долю врага. Не товарищи, а мы, русские, видя кучу раненых, предложили 7 апреля французам перемирие с тем, чтобы они убрали своих раненых и убитых. Несчастные трое суток провели без пищи и без медицинского пособия.

В ночь с 5 на 6 апреля французы снова пытались утвердиться в воронках и устроить из них

ход сообщения. По получении о том донесения из секретов была предпринята вылазка под начальством майора Прикоты. В состав отряда назначено три роты и сто охотников Тобольского полка. Две роты этого полка бросились в штыки и оттеснили неприятеля. Тогда остальные люди занялись уничтожением работ неприятеля, и, когда эта последняя цель была достигнута, тобольцы отступили, потеряв только трех убитых и трех раненых товарищей. Точно такая же вылазка и теми же самыми войсками была произведена и в следующую ночь, с 6 на 7 апреля.

С этого числа бомбардирование города прекратилось и перешло в обыкновенную канонаду. В течение десяти дней союзники выпустили из своих орудий около 160 000 снарядов; с нашей стороны израсходован 88 751 снаряд, ружейных патронов было расстреляно так много, что счесть их не представляется никакой возможности. Это огромное количество чугуна, брошенного с обеих сторон, вывело из строя убитыми и ранеными 6335 человек (4712 человек у нас и 1623 человека у неприятеля^[16]).

Десятидневное бомбардирование не привело, однако же, союзников к той цели, которой они старались достигнуть, – оно не ослабило обороны. Приготовляясь к открытию бомбардирования, англичане писали в своих газетах, что союзники заготовили так много снарядов, что ими можно вымостить все пространство, занятое Севастополем, и что готовящееся бомбардирование сбросит город. В течение десятидневной стрельбы они действительно вымостили чугуном почти все улицы, но не сбрили не только город, но и самые передовые укрепления. Напротив того, они убедились, что после бомбардирования бастионы так же сильны, а гарнизон так же стоек и бесстрашен, как и до бомбардирования, что обещанный ими «Страшный суд в большом виде» не испугал русских людей и русских солдат, готовых во всякую минуту предстать перед судом Божиим.

«Нельзя не гордиться именем русского, – писал главнокомандующий в одном из своих донесений от 3 апреля, – видя бодрость и, можно сказать, веселость севастопольского гарнизона среди адского огня, продолжающегося беспрерывно уже более шести суток, среди самых утомительных работ, производимых людьми, почти без всякого отдыха, для исправления повреждений, для стаскивания подбитых орудий, замещения их другими и тому подобного».

По громадности употребленных союзниками средств и по продолжительности времени второе бомбардирование не имело себе равных в предшествующей жизни рода человеческого, но Севастополю суждено было впоследствии выдержать несколько бомбардирований еще сильнейших, как бы для большей славы того гарнизона, между чинами которого господствовала только одна мысль – держаться в городе до последнего человека. Никто не помышлял об его оставлении, даже женщин и семейства матросов приходилось силой отправлять из города. Севастополь все еще сохранял вид города. Правда, во время бомбардирования сильно пострадали слободки, Корабельная и Артиллерийская как ближайшие к оборонительной линии укрепления. От домов их остались только одни развалины с торчавшими голыми трубами, с садиками и изломанными деревьями. Всеобщее разрушение проникло до половины Екатерининской улицы, и хотя остальная часть города, к северу, пострадала менее, но и здесь большая часть домов стояли без рам и стекол; во многих из них были разобраны полы, которые пошли на устройство платформ под орудия. Несмотря на то на площадях еще производилась торговля, на улицах можно было встретить женщин и детей. Отсылаемые начальством на Северную, они возвращались обратно, скрывались под грудой развалин, гибли от неприятельских выстрелов, но никакие распоряжения не в силах были удалить женщин и детей из родного им города до самых последних дней осады.

В это время в Севастополь стали прибывать свежие войска и подходили один за другим транспорты с порохом и снарядами. Известие это, принятое с живейшей радостью всеми чинами гарнизона, давало нам средство усилить артиллерийский огонь и уничтожить в этом

превосходство неприятеля. На бастионах ежедневно являлись начальники славного гарнизона: генерал-адъютант граф Остен-Сакен, адмирал Нахимов, генералы князь Васильчиков, Тотлебен, Хрулев, Семякин и другие.

Нельзя не упомянуть здесь об истинно русской доблести генерала Семякина. Полубольной и глухой от контузии, Константин Романович Семякин до конца осады Севастополя не только сам служил, как следует служить каждому русскому в подобное трудное время для отечества, но он привел в осажденный Севастополь двух своих сыновей, молодых юношей, и посадил их на 5-м бастионе. Зачисленные на службу юнкерами, они пережили всю осаду Севастополя, и оба заслужили Георгиевские кресты наравне с другими удалыми защитниками славного города.

Сам Константин Романович почти постоянно находился на бастионах и батареях и под конец защиты командовал всеми войсками на Городской стороне. Он мало говорил с солдатами, но войска видели его храбрость и хладнокровную распорядительность, а в молчаливой стойкости генерала находили что-то привлекательное и беспредельно доверялись ему.

Точно такой же молчаливостью и совершенным спокойствием отличался и Павел Степанович Нахимов, всегда с восторгом встречаемый своими подчиненными. Одного слова Нахимова было достаточно для того, чтобы заставить их сделать самые сверхъестественные вещи. Все матросы радостно высыпали навстречу адмиралу при первом его появлении на бастионе, и, казалось, они оживлялись в его присутствии. С восторгом узнали они, что в первый день Пасхи Павел Степанович был произведен в полные адмиралы. Последний, по своей скромности забывая свое значение, приписал это производство не собственным достоинствам, а заслугам дорогих ему сослуживцев.

«Геройская защита Севастополя, – писал он в приказе по флоту, – в которой семья моряков принимает такое славное участие, была поводом к беспримерной милости Монарха ко мне, как старшему в ней.

Высочайшим приказом от 27 минувшего марта я произведен в адмиралы. Завидная участь иметь под своим начальством подчиненных, украшающих начальника своими доблестями, выпала на меня.

Я надеюсь, что гг. адмиралы, капитаны и офицеры дозвоят мне здесь выразить искренность моей признательности сознанием, что, геройски отстаивая драгоценный для Государя и России Севастополь, они доставили мне милость незаслуженную.

Матросы! мне ли говорить вам о ваших подвигах на защиту родного нам Севастополя и флота! Я с юных лет был постоянно свидетелем ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию; мы сдружились давно; я горжусь вами с детства. Отстоим Севастополь, и, если Богу и Императору будет угодно, вы доставите мне случай носить мой флаг на грот-брам-стеннге с той же честью, с какой я носил его, благодаря вам, и под другими клотиками; вы оправдаете доверие и заботы о нас Государя и генерал-адмирала и убедите врагов православия, что на бастионах Севастополя мы не забыли морского дела, а только укрепили одушевление и дисциплину, всегда украшавшие черноморских моряков».

Бой в ложементах 19 апреля. – Праздник Охотского полка. – Усиление гарнизона новыми полками. – Прибытие в Крым французских резервов и корпуса сардинцев. – Назначение генерала Полисье французским главнокомандующим

Подвигаясь своими подступами к редуту Шварца, находившемуся между 4-м и 5-м бастионами, французы, подавшись далеко вперед, стали угрожать флангам и даже тылу 4-го бастиона. Чтобы остановить их работы, решено было устроить несколько передовых ложементов с тем, чтобы соединить их потом в одну общую траншею.

Для исполнения этой работы было назначено семь батальонов: 2 батальона Суздальского, 3 батальона Екатеринбургского и 2 Волынского полков. Общее начальство над ними поручено было генерал-майору Хрущеву.

С наступлением вечера 11 апреля войска были выведены на назначенные им места: суздальцы начали работу, екатеринбуржцы и волынцы составляли их прикрытие. Темнота ночи способствовала скрытности работ. Французы заметили их только тогда, когда рабочие достаточно прикрылись, и хотя неприятельские стрелки тотчас же открыли ружейный огонь, не прерывавшийся в течение всей ночи, но работа шла весьма успешно. К утру явились четыре ложемента, на 40 человек стрелков каждый. Ложементы эти были тотчас же заняты нашими стрелками, открывшими огонь по неприятельским траншеям.

На следующий день с наступлением вечера для окончания работ были назначены два батальона Суздальского, три Екатеринбургского и два Алексопольского полков. Едва только наши войска стали подходить к ложементам, как французы, сделав залп из ружей, выскочили из траншей и заняли ложементы. Екатеринбургжцы ударили в штыки и вытеснили оттуда французов, а суздальцы продолжали работу под сильным огнем неприятеля. 19 апреля ложементы эти были соединены общей траншеей, имели 250 саженей длины и могли поместить целый батальон. В ложементах были поставлены 9 мортир, которые вместе со стрелками не переставали тревожить неприятеля.

С наступлением сумерек 19 апреля для окончания работ в ложементах было назначено два батальона Волынского полка под прикрытием двух батальонов Углицкого. Около 10 часов вечера французы атаковали наших рабочих. Неприятель пошел тремя колоннами, из которых две обошли с флангов, а другая ударила с фронта. Пользуясь темнотой ночи, французы тихо приблизились к ложементам, обогнули правый фланг траншеи, зашли в тыл и без выстрела пошли на штыки. Углицкий полк принял сначала французов за своих и хотя скоро заметил ошибку, но было уже поздно: стремительный натиск неприятеля с трех сторон решил дело. Углицкие батальоны отступили, и траншеи достались неприятелю. Работавшие в траншеях волынцы, схватив ружья, составленные в козлы, пытались было броситься в штыки, но были смяты отступавшими углицкими батальонами. Неприятель тотчас же стал переделывать ложементы в свою пользу.

С приобретением этих ложементов французы занимались возведением новых батарей почти по всей оборонительной линии. Для воспрепятствования этим работам защитники города ежедневно делали вылазки, имевшие целью уничтожить работы неприятеля. Каждый день с наступлением сумерек из разных пунктов оборонительной линии выходили охотники, бросались в траншеи и бились насмерть, оспаривая каждый шаг родной земли. Здесь сходились обе стороны лицом к лицу, грудь с грудью, на штыки и сабли: смерть от холодного оружия присоединялась к реющей смерти от свинца и чугуна. Это был ряд героических подвигов, совершенных в темноте, следовательно, без всякой претензии на известность, подвигов,

оставшихся в неизвестности, но полезных для обороны и губительных для врага.

Усиленная деятельность атакующего вызвала такую же и со стороны обороняющегося, который также строил новые батареи, усиливал уже существовавшие, очищал места и проводил дороги для более удобного движения подкреплений и резервов и, наконец, окончил устройство моста через Южную бухту для свободного сообщения между городом и Корабельной стороной.

Беспрерывные земляные работы и постоянное сторожевое положение под огнем неприятеля до чрезвычайности изнуряло солдат. Для облегчения их трудной службы полкам давался по очереди отдых. В конце апреля месяца такая очередь выпала на долю Охотского полка, бывшего безвыходно в Севастополе со времени прихода в Крым. Храбрые охотцы просили позволения не ходить на Северную и предпочли отдохнуть на Корабельной, позади родного им 3-го бастиона, в морских госпиталях близ Александровских казарм.

Наступала весна. Проливной дождь, шедший беспрерывно в течение трех суток с 27 по 30 апреля, произвел благотворное влияние на южную почву: все оживилось и зацвело. Екатерининская улица сделалась натуральным бульваром. По обеим сторонам ее зеленели деревья, кое-где видны были садики, обнесенные небольшими палисадничками. Стены полуразрушенных домов, разбитые колонны, балконы и навесы обвились вьющейся зеленью лоз и винограда. С появлением весны стало привольнее и веселее всем, заключенным в осажденном городе. Рокот выстрелов, казалось, отдавался не так угрюмо. Ясные теплые дни манили на воздух. На Городской стороне, на бульваре, примыкавшем к памятнику Казарского, устроились постоянные гулянья и играла музыка; на Корабельной стороне играл другой хор – на Владимирской площади. Разнородный люд спешил к этим двум центрам, и гулянья делались самыми оживленными. Здесь перемешивались все чины, но никто не унывал, несмотря на тягость осады и на огромные потери.

Расположившись за третьим бастионом, охотцы отдыхали от понесенных трудов. Первого мая им кончался срок полугодичного пребывания на передовых линиях осажденного города. Легко произнести «полгода», но нелегко было охотцам прожить шесть месяцев на бастионах севастопольских. В течение этого времени многих не стало, много седины прибавилось у одного, сколько недугов досталось на долю другого, иной похудел, и все до единого перенесли много трудов и лишений.

Вспоминая прошлое, вспоминая скучную и однообразную жизнь, охотцы, пользуясь временем отдыха, решили отпраздновать полугодичный юбилей своей славной боевой службы – положили сделать обед для всех свободных от службы офицеров.

1 мая утром на Корабельной было заметно стечение народа, собравшегося на праздник Охотского полка. По обычаю православных – освящать молитвой начало каждого дела – охотцы собрались в походной церкви, где сначала была отслужена панихида по убитым, а затем благодарственный молебен. Прежде других вышел из церкви взвод георгиевских кавалеров в 70 человек: живая летопись славных подвигов севастопольских защитников вообще и Охотского полка в особенности. В рядах молодецкого взвода стояло три человека без крестов, но приехал начальник штаба гарнизона князь Васильчиков и привез им кресты, назначенные главнокомандующим за последнюю вылазку. Громкое «Рады стараться!» было ответом на приветствие князя и поздравление вновь пожалованных.

Пройдя церемониальным маршем, взвод кавалеров вступил в обеденный зал, где грянули четыре хора музыки полков 11-й пехотной дивизии и собранные с тех же полков 80 человек певчих.

Обед начался...

Небольшой домик на Корабельной, в котором жил генерал Хрулев и где совершился праздник, был заставлен столами, украшенными букетами душистой белой акации, нежной

желтофиоли и самых разнообразных тюльпанов. На столах виднелись дорогие сервизы и самые роскошные вина. Заморские вина – не диковина была в Севастополе. Правда, дорогой ценой покупалась эта роскошь, но не считались рубли там, где жизнь была нипочем. Тосты за здоровье государя императора и других особ царского дома при громе оркестров музыки и хора певчих были встречены восторженным «Ура!». Когда провозглашено было за здоровье главнокомандующего, тогда музыканты и певчие подхватили так называемую горчаковскую песню:

Жизни тот один достоин,
Кто на смерть всегда готов;
Православный, русский воин,
Не считая, бьет врагов... и пр.

Прекрасная по словам и по музыке песня эта была встречена с всеобщим восторгом.

По окончании обеда многие вышли в палисадник перед домом, на балконе которого появился начальник Корабельной стороны генерал Хрулев, встреченный единодушным криком охотцев. Солдаты хорошо знали Хрулева, и Хрулев знал охотцев давно: он водил их в атаку в деле под Туртукаем.

Фельдфебель Кривопутов подошел к балкону с бокалом шампанского и закричал: «За здоровье генерала Хрулева Степана Александровича!»

Хрулев взял бокал, налил в него водки и провозгласил: «За здоровье всех георгиевских кавалеров “Ура!”»:

Праздник был в полном разгаре.

«До вечера, – пишет П. Алабин, – матросы и солдаты пели родные песни; одушевленная музыка не умолкала – хор сменялся хором; собрались толпы слушателей, слушательниц; вся Корабельная ожила, как будто не было врага у ее черты: в окрестностях пира затеялась пляска, игры, никто не обращал внимания на снаряды, по временам проносившиеся, на бомбы, неподалеку лопавшиеся в воздухе, мгновенно образуя густое белое облачко, живописно рисовавшееся на синем небе! “Нам на праздник французы бросают букеты”, – шутя, говорили офицеры.

Все было весело неподдельно, и всякий свою радость хотел делить с товарищами лишений, опасности, труда. Звали на пир известных удалцов севастопольских, поили шампанским, целовали их, приказывая сказать товарищам, что генералы и офицеры пьют за их здоровье».

Так кончился этот праздник, единственный в своем роде и неповторяемый, как и сам Севастополь, в котором он происходил.

Большая часть пировавших отправились с праздника на бастионы, а были и такие, которые пошли прямо на вылазку. В тот же самый вечер на нашем правом фланге были произведены две удалые вылазки. Одна, в 160 человек под начальством поручика Сутковского, ворвалась в неприятельские траншеи между 5-м и 6-м бастионами, другая партия, составленная из охотников Кольванского полка, бросилась во французскую траншею против редута Шварца. Испортив насыпи, раскидав туры и положив на месте многих рабочих, захваченных врасплох, обе партии вернулись в город.

Таким образом, на празднике гремела еще музыка, слышались тосты и крики – а здесь на бастионах шла непрерывная канонада, причинявшая обеим сторонам значительные потери. С 11 апреля по 9 мая было выпущено нами 67 685 снарядов и выбыло из строя 5674 человек. Многие полки до того были расстроены в своем составе, что в батальоне состояло только от 200

до 400 человек. Эта малочисленность батальонов заставила переформировать полки: те, которые имели не более 800 человек, в однобатальонные, а имевшие до 1500 человек – в двухбатальонные. Таким образом, 12 полков оказались в уменьшенном составе. На усиление их принуждены были ввести на Южную сторону пять новых полков^[17], две батареи полевой артиллерии^[18] и две роты 3-го саперного батальона.

Весело, с шутками и прибаутками, встречали уцелевшие защитники Севастополя вновь прибывшие полки.

В Севастополе солдаты получали свежий печеный хлеб, приготовляемый ежедневно в особом устроенных в ямах печах. Напротив того, войскам, расположенным на Северной и в окрестностях города, за недостатком дров должны были выдавать сухари. Оттого печеный, свежий хлеб у солдат, стоявших вне города, считался лакомством. Эта разница в продовольствии и служила источником многих острот и шуток, ходивших между солдатами. Вот одна из них. Новые полки переправляются через бухту в Севастополе. Там, в городе, на берегу множество зевак встречают их. Подъезжает первый баркас с народом, на берегу стоит солдат, избочась и подсмеиваясь.

– Что, братцы, пожаловали? – кричит он вновь прибывшим. – Аль печеного хлеба захотелось?

– Ладно, ладно! – отвечают прибывшие. – Мы станем печеным пробавляться, а вы ступайте стирать зубы сухарями.

Переправившиеся полки размещались на наиболее важных пунктах оборонительной линии. К неприятелю прибывали также подкрепления. 27 апреля прибыли к союзникам 15 тысяч сардинцев и подходили французские резервы. Силы союзников росли и достигли 200 тысяч человек. В это время в составе французской армии были сделаны переформирования и назначен новый главнокомандующий. Генерал Канробер передал начальство над армией генералу Пелисье, а сам принял в командование свою прежнюю дивизию.

Решительный и энергический характер нового главнокомандующего отразился на войсках, и осадные работы пошли с большей деятельностью.

Дело с 10 на 11 мая. – Осада и защита по 26 мая

В обеденную пору 5 мая главнокомандующий потребовал к себе генерал-лейтенанта Хрулева и объявил, что он назначается начальником правой половины оборонительной линии, или Городской стороны.

Занятие французами ложементов перед редутом Шварца могло иметь невыгодные последствия для защитников. Устроив в ложементах батареи и под прикрытием их подвинувшись вперед своими подступами, неприятель мог нанести огромный вред нашим укреплениям, заставить отвести войска с этой части оборонительной линии, отрезать сообщение с городом 4-го и 5-го бастионов и затем штурмовать их с полным вероятием на успех. Но для того, чтобы подвинуться вперед, осаждающий должен был овладеть Кладбищенской высотой, находившейся впереди 5-го бастиона и против люнета Белкина (№ 7). Пока Кладбищенская высота была в наших руках, до тех пор и неприятель не мог предпринять ничего решительного.

Итак, внимание обоих противников сосредоточивалось на этой высоте: французы должны были употреблять все усилия к скорейшему овладению высотой, тогда как защищаемому следовало отстаивать ее как можно упорнее и стараться удержать за собой.

Эта последняя цель могла быть выполнена защищающимися только тогда, когда для защиты высоты будут употреблены значительные войска и сделано для них достаточное прикрытия от неприятельских выстрелов. Еще зимой было устроено нами на Кладбищенской высоте несколько ложементов, но теперь их было недостаточно для помещения значительного числа войск. Поэтому решено было вдоль по скату горы, обращенному к неприятелю, заложить траншею в 200 сажень, приспособить ее к артиллерийской и ружейной обороне и соединить с ложементами, расположенными правее над Карантинной бухтой. Для исполнения этих работ была назначена ночь с 9 на 10 мая. Накануне начальник инженеров, генерал Тотлебен, произвел разбивку траншеи, указал порядок следования войскам, расположение секретов, прикрытия и распределение рабочих.

Для производства работ и для прикрытия рабочих были назначены полки: Подольский и князя Варшавского (каждый по 4 батальона) и два батальона Житомирского полка – всего десять батальонов, в которых было около 5500 человек. Из них 9 батальонов под начальством генерал-майора Адлерберга назначались для работ у кладбища, а один батальон Житомирского полка – у Карантинной бухты. Работы эти должны были производиться одновременно по всей линии. Общее начальство над всеми войсками поручено генерал-лейтенанту Хрулеву.

С наступлением ночи 9 мая осторожно и тихо вышли войска из-за укреплений оборонительной линии и, заняв указанные места, приступили к работе под личным наблюдением генерала Тотлебена. Впереди их расположились охотники, собранные с полков великого князя Михаила Николаевича, Владимирского и из резервных батальонов 13-й пехотной дивизии, еще дальше охотников, подкравшись как можно ближе к неприятелю, залегли пластуны Черноморского казачьего № 8 батальона. Рабочие расставлены были так, что в случае нападения неприятеля могли, оставив инструменты, встретить его штыками.

Стояла тихая туманная ночь, редкие выстрелы с французских батарей смешивались с шумом большого числа неприятельских рабочих, трудившихся в своих траншеях не далее нескольких десятков шагов от вновь проводимой нами траншеи. По неприятельским работам всю ночь стреляли 5-й бастион и соседний с ним люнет Белкина.

Солдаты, как бы сознавая важность предпринимаемого, работали успешно, несмотря на

твердость грунта. Между рабочими ходили офицеры, здесь же находились генерал-лейтенант Хрулев, генералы Семякин, князь Васильчиков, Тотлебен и несколько артиллерийских офицеров, присланных для ознакомления с местностью.

В этом ночном молчаливом предприятии было что-то величественное, все приказания отдавались шепотом. На бастионах шла обычная перестрелка. Кое-где в туманной дали мигала бомба или грохотало дежурное орудие, посылая невидимое ядро, а там в стороне, ближе к 4-му бастиону, трескотали неугомонные штуцера стрелков, засевших в ложементах.

К утру 10 мая траншея была приведена в такое состояние, что вместе с прежними ложементами могла доставить прикрытие для двух батальонов пехоты. Неприятель, не ожидавший столь смелого шага, с удивлением увидел перед собой длинный вал почти в версту протяжения (450 сажений).

Перед рассветом рабочие, потерявшие только одного человека раненым, были отведены за оборонительную линию, а в траншеях оставлено только 70 стрелков.

Утром 10 мая французы открыли усиленную канонаду по вновь появившейся постройке, по 5-му бастиону и люнету Белкина (№ 7). Последние отвечали частым огнем, и, таким образом, с обеих сторон завязалась самая оживленная канонада, продолжавшаяся в течение целого дня. К вечеру огонь постепенно ослабел, и в неприятельских траншеях было заметно скопление войск. По всему видно было, что французы приготавливались или к отбитию траншей или, по крайней мере, к посильной порче их. Люди опытные и привычные предвидели в предстоящую ночь жаркое дело. Они не ошиблись.

Едва только утром 10 мая в союзном лагере стало известно, что русские заняли высоты Кладбищенскую и у Карантинной бухты, как главнокомандующий французской армией генерал Пелисье прибыл осмотреть эти работы. Он тотчас же отдал приказание командиру 1-го корпуса генералу де Саллю в предстоящую ночь уничтожить работы русских, если можно овладеть ими и обратить их против неприятеля. Де Салль назначил целую дивизию с тем, чтобы произвести две атаки: одну – против ложементов у бухты, а другую – против траншеи у кладбища.

Наступал вечер, генерал Хрулев приказал подкрепить штуцерных целым батальоном и сделал все распоряжения к продолжению работ. Те же самые полки, которые работали над заложением траншей, должны были их и окончить, им сделан тот же расчет, назначен тот же порядок следования и те же места расположения. В 9 часов вечера войска должны были выступить на назначенные им места. В это время большая часть осадных батарей открыла самый жестокий огонь по правому флангу нашей оборонительной линии. Вслед за тем секреты донесли, что неприятель в своих траншеях против 5-го и 6-го бастионов собирает значительные силы.

Непроницаемая темнота ночи спустилась над Севастополем. Дым от выстрелов покрыл весь промежуток земли между неприятельскими батареями и нашими бастионами. Подольский полк, не обращая внимания на усиленный огонь французов, отправился на работы. В это время по всему протяжению траншей посыпались пули, слышались крики французов и наше русское «Ура!». По всем неприятельским подступам заиграли рожки и сигнальные трубы. Французы бросились на полуоконченные траншеи, вытеснили оттуда наших стрелков и овладели ими, прежде чем войска, назначенные для работ, могли подоспеть на помощь стрелкам.

Таким образом, приходилось теперь не французам, а нам выбивать неприятеля из своих траншей. Не теряя напрасно времени, генерал Хрулев тотчас же двинул войска. Весь Подольский полк и два батальона Эриванского князя Варшавского полка двинулись на Кладбищенскую высоту, а два батальона Житомирского и один батальон князя Варшавского полков – против ложементов у Карантинной бухты. Едва показались наши колонны, как гребень

насыпи мгновенно вспыхнул, подобно молнии, и самый частый ружейный огонь засверкал навстречу нашим колоннам, освещая красные шапочки с горизонтальными козырьками французских егерей, засевших в траншеях. Расстояние было так близко, что свиста пуль уже не было слышно, но видно было их действие: справа и слева падали товарищи. Минута была решительная.

– Вперед, братцы! – крикнул кто-то сзади, и солдаты врезались в траншею.

Стремительным ударом в штыки французы были вытеснены. Отступивший неприятель собирался с новыми силами и подготавливал себе успех артиллерийским огнем своих батарей. Местность перед бастионами правого фланга горела непрерывными огненными вспышками орудийных выстрелов, которым вторила перекатная ружейная пальба. Множество снарядов, прицельных и навесных, ложилось в наши укрепления. Французы, казалось, старались засыпать бастионы и батареи ядрами и гранатами, многие из них потерпели значительные и серьезные повреждения и по необходимости принуждены были ослабить свой огонь. Тогда французы вторично бросились в атаку – подольцы, волынцы и житомирцы и на этот раз встретили их штыками.

Борьба приняла страшные размеры, ложементы несколько раз переходили из рук в руки. Сплошное облако порохового дыма стояло над сражающимися. С бастионов и неприятельских батарей гудела самая частая канонада, один люнет Белкина выпустил в эту ночь до 3000 снарядов. Противники соперничали друг с другом, направляя огонь преимущественно по войскам и их резервам. Над головами сражавшихся взад и вперед двигалась с ревом и гулом чугунная туча; из непрерывно пускаемых бомб образовался над полем битвы целый огненный свод. Красноватый свет выстрелов по временам освещал местность, по которой в разных направлениях двигались носильщики с ранеными и черные квадраты – то были полки, свернувшиеся в ротные колонны. Под ногами беспрестанно попадались раненые и убитые, солдаты спотыкались об их тела и наступали на раненых, вызывая болезненные стоны. Пораженные пулями, товарищи падали, их крики и возгласы слышались повсюду.

– Прощайте, братцы! – говорил один.

– Отцы родные, не покиньте! – кричал другой.

О помощи раненым нечего было и думать до окончания сражения. Теперь все заняты были только тем, как бы отразить неприятеля, наступавшего с новыми силами.

– Ишь валит! Совсем попятил подольцев, – говорили солдаты, двинутые из резервов.

Беглым шагом, с ружьем наперевес спешили наши колонны на выручку своих. Офицеры, с саблями наголо, были впереди и ободряли солдат, которые на бегу крестились и тихо шептались между собой.

«Описывать все ужасы этой ночи я не могу, – говорит один из участников боя, – потому что не разобрал ничего: строились колонны, кричали “Ура!”, командовали, наступали и отступали».

Против левого фланга наших ложементов дрались французские гвардейцы. Будучи первый раз в огне и желая сравняться с прочими полками, уже обстреленными, они дрались упорно. Доставшиеся в наши руки ружья гвардейцев были забиты грязью. Это объясняли тем, что они положили не делать ни одного выстрела, а сражаться только штыками. Схватка достигала чрезвычайного разгара. Теснимые вновь прибывшими силами, наши полки были выбиты из траншей и отступили, потеряв командира 2-й бригады 9-й пехотной дивизии генерал-майора Адлерберга. Он был убит, идя в голове колонны, направленной против неприятеля.

Находившийся на 5-м бастионе генерал Тотлебен, как только узнал о смерти генерала Адлерберга и об отступлении наших войск, тотчас же двинул им на помощь 4-й батальон Эриванского полка, поручив вести его командиру 4-го саперного батальона полковнику Гарднеру. Подкрепив отступавшие войска и устроив их, полковник Гарднер стремительным

ударом в штыки отбросил неприятеля, причем солдаты Подольского полка, преследуя отступавших, ворвались во французскую траншею и часть ее разорили.

В это время генерал Хрулев, желая окончательно удержать за собой кладбищенские траншеи и зная, что участвовавшие полки понесли значительные потери, двинул в подкрепление им семь рот Углицкого и два батальона Минского полков. Лишь только подкрепления эти появились на поле сражения, как французы, подкрепленные свежими войсками, еще раз бросились в атаку. Войска наши, встретив наступающих грудью, упорно защищались. В траншеях пальба замолкла. Там слышно было только, как стучали приклады, звенели штыки, раздавались вопли, ожесточенные крики, крупная брань, и порой чувствовались брызги чьей-то теплой крови...

Обе стороны дрались с отчаянной храбростью. Траншеи пять раз переходили из рук в руки. Полки Подольский, Эриванский, Минский и Углицкий соперничали между собой и работали штыком с такой настойчивостью, что неприятель принужден был ввести в дело все свои резервы и все-таки отступить. Наши одолели и погнали французов, причем Углицкий полк кровью омыл свою недавнюю неудачу и показал чудеса храбрости. По пятам французов он ворвался в их траншеи, перебил много народа, но зато и сам понес значительную потерю. Не было ни одного офицера, который бы вышел из траншей невредимым, а из целого батальона возвратилось здоровых только 80 человек.

Бой не прекращался в течение всей ночи и стоил огромных потерь нам и союзникам. У нас выбыло из строя 77 штаб- и обер-офицеров и 2569 человек нижних чинов. Мы потеряли генерала Адлерберга. Сын этого генерала, не участвовавший в деле, но отправившийся отыскивать тело отца, был также убит.

Перед рассветом бой прекратился, траншеи на Кладбищенской высоте были заняты нами, у Карантинной же бухты – неприятелем. Артиллерийская канонада стала мало-помалу стихать, и полки возвращались за оборонительную линию, где были встречены радостными приветствиями. Несмотря на всеобщее утомление, солдаты отступали с песнями, медленно, никем не тревожимые. Было уже светло, когда войска отходили, двигаясь по местности, обстреливаемой французскими батареями, но французы не сделали ни одного выстрела. Сражавшиеся с уважением смотрели друг на друга. Как русские, так и французские солдаты всегда были справедливы к храбрости противника.

– Француз хорошо дерется, – говорили наши солдаты после жаркого боя.

Русский солдат любит брать грудью, штык предпочитает всему и не охотник прятаться за камнем и оттуда, издалека, поражать неприятеля пулями.

Взошло солнце и осветило кровавую картину. Все пространство по обеим сторонам траншеи было завалено телами убитых, но к уборке их никто не приступал по причине сильного артиллерийского огня с обеих сторон, продолжавшегося с раннего утра и до поздней ночи. К вечеру получено было сведение, что французы стягивают опять значительные силы и, по всей вероятности, намерены снова атаковать кладбищенские траншеи. Предвидя большие потери в случае дальнейшего отстаивания траншей и не находя возможности подкрепить севастопольский гарнизон новыми войсками, князь Горчаков приказал для охранения их и для окончания работ под руководством генерала Тотлебена назначить только два батальона Житомирского полка с тем, чтобы в случае атаки неприятеля в таких силах, которые невозможно будет удержать двум батальонам, отступить без боя.

Вечером 11 мая 3-й и 4-й батальоны Житомирского полка были выведены к траншеям: один батальон расположился в них цепью, другой стал в резерв. Неприятель усилил огонь, а вслед за тем, около девяти часов вечера, двинулся в атаку. На два батальона Житомирского полка шла целая французская дивизия Ловальяна, разделенная на пять колонн. Отстреливаясь, житомирцы

отступили за оборонительную линию, и тогда с наших укреплений открыт был сильный ружейный и картечный огонь из орудий, предварительно наведенных на кладбищенские траншеи. Огонь этот не прекращался в течение всей ночи.

Днем 12 мая на одной из наших батарей взвился белый переговорный флаг и объявлено перемирие, продолжавшееся более пяти часов сряду. На всех ближайших валах и укреплениях появились зрители: с одной стороны виднелись синие мундиры французов, с другой – серые шинели наших солдат. По всему промежуточному полю ходили рабочие, подбиравшие тела убитых. Наши тела свозились на Николаевский мысок, а оттуда на Северную. Весь мысок был завален трупами.

«Здесь они лежали навзничь, на спине, без всякого порядка, большая часть в своей кровавой одежде: в рубашке или шинели; а иные и в чистом белье, надетом на них товарищами, и со свечой в руке, принесенной теми же товарищами. Можно было заметить, что у иных пальцы сложились знаменем креста... Православные люди, солдаты и матросы, подходя к покойникам, грустно и молча смотрели им в лицо и крестились. Почти не произносилось никакого слова на мертвом мыске. Да и к чему было говорить, когда и так, само собой, все рассказывалось этими безмолвными трупами, каждый день прибывавшими более и более... Иного мертвеца уже и не показывали: свернуто было что-то такое в шинели, и шинель была зашита...»

На третий день после боя хоронили генерала Адлерберга с сыном. На Северной стороне города почетный караул ожидал прибытия печальной церемонии. Во втором часу причалила к берегу шлюпка, в передней части которой сидел священнике крестом в руках. На шлюпке виднелись два родных гроба: один черный, бархатный, с телом генерала Адлерберга, другой розовый – его сына. Толпа присутствовавших сопровождала покойников на кладбище, в числе провожавших были и дамы. Скоро залп из ружей возвестил, что тела павших на поле чести, отца и сына, приняты землей...

В Севастополе на несколько дней все затихло. Атакующие и защитники деятельно трудились над земляными работами. Овладев Кладбищенской высотой, французы употребляли все усилия к тому, чтобы утвердиться на этой местности. Они удлиняли траншеи, строили новые батареи, так что с 13 по 25 мая на вооружении осадных батарей явилось 60 новых орудий, в том числе 18 мортир большого калибра. Обороняющиеся также успели построить на Малаховом кургане (Корнилов бастион) блиндажи, в которых могло поместиться до тысячи человек, и прибавили на своем вооружении также 60 новых орудий. Усиленные земляные работы были тяжелы для войск, в особенности теперь, под лучами южного солнца.

С наступлением мая месяца началась сильная жара, появились летние пальто, шинели, белые фуражки, которые по приказу главнокомандующего велено было носить всем солдатам. Для предохранения от зноя разрешалось быть расстегнутым и снимать галстуки. Солдаты большей частью ходили в одних рубашках и старались укрыться в блиндажах не от пуль и осколков, а от невыносимого жара, сильно их допекавшего.

Зной и пыль заменили грязь, и трудно было сказать, что из них лучше.

Третье бомбардирование Севастополя. – Штурм передовых укреплений 26 мая. – Деятельность медиков и сестер милосердия

Успех французов на правом фланге оборонительной линии и занятие ими Кладбищенской высоты значительно возвысил нравственный дух союзников. Они решились теперь перенести свою деятельность на левый фланг нашей оборонительной линии и попытать счастья в отнятии у нас сильно беспокоивших их «трех отроков»: Селенгинского и Вольнского редутов и Камчатского люнета.

Пока укрепления эти находились в наших руках, до тех пор штурм Малахова кургана и Корабельной стороны города был невозможен. Между тем Малахов курган давно сделался пунктом, на котором сосредоточилось все внимание союзников. Находясь на самой высокой местности, укрепление это командовало всем городом, который отсюда мог быть совершенно уничтожен.

С занятием кургана неприятелем оборона Севастополя становилась невозможной или по крайней мере крайне затруднительной. Понятно, что завладение этим пунктом составляло заветную мечту союзников, но они знали, что перед Малаховым курганом лежала еще целая линия передовых укреплений, которыми необходимо было овладеть, прежде чем предпринимать что-либо против самого кургана.

Грозно смотрели эти укрепления в лицо неприятелю. Впереди всех стоял Камчатский люнет, или Камчатка, как прозвали его солдаты. Изрезанный глубокими, издали черневшими амбразурами, он сверкал молниями, посылая в ответ неприятелю свои меткие выстрелы. Амбразуры переднего фаса, ближайшего к неприятелю, постоянно сохраняли глубокое молчание, а выглядывавшие в них неподвижные дула орудий указывали, что, заряженные картечью, они ждут, когда появятся штурмовые колонны, чтобы засыпать их градом чугунных пуль.

Влево от Камчатского люнета находились редуты Вольнский, Селенгинский и Забалканская батарея, а правее было расположено шесть больших ложементов, из которых в каждом могло поместиться от 40 до 60 человек стрелков. На ночь эти ложементы усиливались резервами с двумя горными единорогами, вследствие чего неприятель долго считал их не простыми ложементами, а как бы небольшими батареями, вооруженными артиллерией.

Смотря на передовые укрепления с неприятельской стороны, трудно было допустить мысль о возможности завладеть ими открытой силой. Французы сознавали это и потому, приготавливаясь к штурму, решились предварительным бомбардированием сбить стоявшие на них орудия, и если представится возможность, то обратить и сами укрепления в груды развалин.

В три часа пополудни 25 мая загудели выстрелы со всех неприятельских батарей и началось третье бомбардирование Севастополя, более жестокое, чем оба предыдущие. Над городом стоял сплошной гул выстрелов; сильный ветер гнал тучи порохового дыма с Корабельной на Городскую сторону; целый ад снарядов окружал город: над головой лопались бомбы, кругом свистели ядра и, падая в бухту, поднимали воду высокими столбами, огненными змейками вились ракеты в черном дыму, висевшем над городом. Севастополь стонал, как исполин, облепленный вражескими бомбами, ядрами и ракетами.

Самый сильный огонь был направлен на Корабельную часть города, или на левый фланг оборонительной линии, правую же половину союзники почти не трогали. Сначала люнет и редуты – эти три отрока в печи – отвечали смелой и частой пальбой, но через несколько часов выстрелы их стали реже и затем к вечеру совершенно прекратились.

Сосредоточив против Камчатки 48 орудий, французы забрасывали ее снарядами. Не отвечая на выстрелы наших батарей, они сыпали свои снаряды в Камчатку, положив скрыть ее с лица земли. Отделив 25 орудий на Селенгинский и Волынский редуты, французы всеми остальными орудиями громили Малахов курган и всю Корабельную сторону города. Дым от выстрелов покрывал собой все батареи, горы, здания и сливался в один непроницаемый туман, изредка прорезываемый сверкавшими огоньками, вырывавшимися из дула орудий. Перекатной дробью звучали выстрелы, один за другим сыпались снаряды, фонтаном подымая землю при своем падении.

Оставлять под таким сильным огнем много людей на батареях значило подвергать их большой убыли. Поэтому еще в самом начале бомбардирования были прекращены все работы и рабочие присоединены к своим командам. В укреплениях было оставлено только самое необходимое число для расчистки амбразур, починки платформ и пр.

Наши батареи отвечали противнику самым учащенным огнем, но с течением времени выстрелы становились реже, в особенности с Камчатского люнета, который к вечеру принужден был смолкнуть. «Без преувеличения можно сказать, что тучи чугуна врывались в амбразуры, врезывались в мерлоны ^[19], срывая и засыпая их».

Камчатский люнет был в таком состоянии, что никакие усилия не могли исправить причиненных и беспрестанно возобновляемых повреждений. Неприятель не прекращал огонь в течение всей ночи. Множество бомб и ракет громили укрепления и, пролетая далеко за оборонительную линию, падали в Корабельной слободке и в городе. С наступлением утра Камчатский люнет представлял безобразную грудку развалин. Насыпи, или вала укрепления, не существовало, взамен ее видны были нагроможденные в беспорядке кучи земли, заваленный ров, растрепанные туры и фашины, разбитые платформы, торчавшие из земли доски и валявшиеся орудия, из которых многие были засыпаны землей. Гарнизон, не имевший свободной минуты, чтобы вздохнуть, кое-где скрывался за уцелевшими остатками насыпи и заявлял о своем существовании редкой стрельбой из нескольких вновь и кое-как поставленных орудий. Неприятель продолжал стрелять и по этим развалинам.

С рассветом он еще усилил огонь и открыл опять жестокое бомбардирование по всей левой половине оборонительной линии, направляя самые частые выстрелы на Малахов курган, Волынский и Селенгинский редуты и Камчатский люнет.

К 8 часам утра огонь наших бастионов и батарей значительно ослабел, один только 3-й бастион настойчиво боролся с англичанами и нанес им значительный вред, разрушив несколько английских батарей и взорвав пороховой погреб.

Около 3 часов пополудни 26 мая усиленная канонада была открыта и против Городской стороны или правой половины оборонительной линии, и тогда Севастополь опоясался двумя рядами смертоносных огней. Три часа длилась эта небывалая борьба, и около шести часов вечера часть укреплений Корабельной стороны приведена была в полуразрушенное состояние. Они могли только слабо отвечать неприятелю, употреблявшему последние усилия и не щадившему пороха, свинца и чугуна. Особенно пострадали Малахов курган и третий бастион; три же передовых укрепления находились в совершенном разрушении; не было ни одного целого мерлона, почти все орудия были подбиты или засыпаны.

В это время главнокомандующий французской армией генерал Пелисье собрал военный совет, на котором было постановлено, что французы атакуют Камчатский люнет, Волынский и Селенгинский редуты, а англичане – ложементы против 3-го бастиона. Атаку решено было произвести вечером, перед закатом солнца, чтобы, как говорил Пелисье, «засветло подраться и тотчас потом утвердиться на занятых укреплениях».

Распоряжение атакой предоставлено генералу Боске, который назначил в дело четыре

дивизии или около 40 тысяч человек. Силы союзников в это время были весьма значительны и простирались более 150 000 человек, тогда как весь гарнизон Севастополя состоял из 60 расстроенных батальонов пехоты^[20] и двух с половиной батальона сапер, общая численность которых доходила до 36 тысяч человек^[21]. Из этого числа войск 35 батальонов находились на Городской стороне и 22 батальона – на Корабельной.

Угрожаемые точно таким же нападением неприятеля и разделенные Южной бухтой, войска Городской стороны не могли оказать деятельной помощи полкам, расположенным на Корабельной, в которых считалось не более 12 тысяч человек. К тому же это незначительное число войск было раскинуто по всей левой половине оборонительной линии, на протяжении около 4 верст. Так как наибольшая опасность угрожала передовым укреплениям, то для защиты их еще в апреле месяце назначено было 8 батальонов, начальство над которыми, равно и над передовыми редутами, поручено артиллерии генерал-майору Тимофееву.

Впоследствии назначенный вместо генерал-лейтенанта Хрулева начальником Корабельной слободы генерал-лейтенант Жабокритский ослабил защиту этих укреплений до последней крайности. По его распоряжению в Волынском и Селенгинском редутах было поставлено только по две роты Муромского полка, всего 450 человек, в резерве у них находилось три батальона того же полка и 2 батальона Забалканского. Ложементы впереди Камчатского люнета были заняты 100 человеками штуцерных Владимирского и Суздальского полков, а в самом люнете было только 350 человек Полтавского полка. Резерв люнета находился слишком далеко от укрепления – за Малаховым курганом, в Корабельной слободе, где могло быть собрано 9 батальонов от различных полков^[22]. На самом Малаховом кургане также не было войск, он был предоставлен защите 30–40 пластунов да стоявшей у орудий прислуге моряков.

Вечером 26 мая было получено донесение, что в неприятельских траншеях замечен сбор войск, а перебежчики говорили, что союзники намерены штурмовать передовые редуты. По получении этих сведений генерал-лейтенант Жабокритский вместо того, чтобы принять меры и усилить войска, сказался больным и, не дождавшись преемника, уехал на Северную сторону города. Назначенный вместо генерала Жабокритского начальником войск Корабельной стороны генерал-лейтенант Хрулев прибыл только за несколько минут до штурма. Он не успел сделать ни одного распоряжения, как получено было известие о движении штурмующих колонн.

Немного раньше прибытия генерала Хрулева на Корабельную, именно около четырех часов пополудни, его достойный соперник, французский генерал Боске, объезжал войска, назначенные для штурма. Собирая батальоны вокруг себя, он говорил им краткую речь и указывал на то из наших укреплений, которое батальон должен был штурмовать.

В это время англичане в числе 2000 человек расположились против ложементов 3-го бастиона. Около пяти часов пополудни прибыл к войскам и французский главнокомандующий генерал Пелисье со своим штабом. По получении донесения, что все готово, Пелисье приказал пустить несколько сигнальных ракет, за которыми для отвлечения нашего внимания загремели частые выстрелы сначала против всей оборонительной линии, а потом только против правого фланга или против Городской стороны. С первыми выстрелами своих батарей французы пошли на штурм. Две дивизии были направлены на Камчатский люнет, одна – на Волынский и Селенгинский редуты вместе с Забалканской батареей, и одна дивизия оставлена в резерве. Двигаясь по оврагу, штурмующие колонны были долгое время невидимы с передовых укреплений.

Было около шести часов пополудни. Павел Степанович Нахимов, по обыкновению, объезжал бастионы. Подъехав к Камчатскому люнету, он слез с лошади и пошел вдоль по укреплению, как вдруг послышался крик: «Штурм!»

Нахимов высунулся из-за вала и увидел, что французы двигаются тремя колоннами. Он

тотчас же приказал бить тревогу. Прислуга бросилась к орудиям и едва успела сделать по одному картечному выстрелу, как французы были уже в укреплении. Они легко прошли через засыпавшийся ров и обогнули Камчатку с трех сторон. Одушевленные присутствием доблестного адмирала, 350 человек Полтавского полка встретили атакующих штыками, но не могли устоять против напора целой бригады. Полтавцы отступили, причем сам Нахимов едва не попался в плен.

По обыкновению, на нем были эполеты и орден Св. Георгия 2-й степени. Французы схватили было адмирала, но матросы выручили, бросившись на неприятеля с банниками и ганшигами, которые уносили от заклепанных орудий.

Атаковавшие заняли укрепление и преследовали отступавших до самого Малахова кургана. Трудно описать, что происходило на Камчатке. Выстрелы из ружей, крики, шум – все перемешалось. Наши отступали и забирали пленных в то время, когда в нескольких шагах брали наших. Французы обгоняли отступавших и в каком-то упоении бежали врассыпную к Малахову кургану.

Оставленный без войск, Малахов курган находился первое время в самом опасном положении и легко мог быть взят атакующими войсками. С батареей оборонительной линии был открыт самый частый картечный огонь. Французы остановились, они залегли в ямах и каменоломнях впереди Малахова кургана и открыли ружейный огонь по амбразурам этого укрепления. Немногие из них добежали до самого кургана, прыгали в ров в полной надежде вскарабкаться на вал, но это оказалось совершенно невозможным. В первое время никто не заметил, что во рву находится неприятель. Французы же, видя, что они ошиблись, притаились, надеясь с наступлением ночи выбраться из рва и отступить. впоследствии, как увидим ниже, они все были взяты в плен.

Как только французы показались на валу Камчатского люнета, англичане двинулись против ложементов 3-го бастиона, занятых штуцерными и ротой Камчатского полка. Рота отступила, англичане заняли ложементы. Чтобы выбить их из ложементов, был отправлен под командой капитана 1 ранга Будищева отряд из трех рот Камчатского и двух рот Волынского и Минского полков. Завязался упорный рукопашный бой, ложементы попеременно переходили из рук в руки, но новым натиском свежих английских войск наши были выбиты и отступили за оборонительную линию. Ложементы остались в руках англичан.

Получив первое известие о движении штурмующих колонн, генерал-лейтенант Хрулев тотчас же двинул к атакованным пунктам резервы с Корабельной стороны, послал за подкреплениями на Городскую сторону, а сам поскакал на Малахов курган.

Перед его глазами происходило небывалое зрелище: Камчатский люнет был взят, и на нем развевалось французское знамя, видны были французы, рассыпавшиеся по отлогости холма и провожавшие отступавших беглым ружейным огнем. В ложементах перед 3-м бастионом были англичане, на пространстве между Камчатским люнетом и Малаховым курганом залегли неприятельские стрелки, а левее целая дивизия французов атаковала Волынский и Селенгинский редуты, в которых было только 450 человек муромцев, да и те не находились в полном сборе. Часть людей была в укреплении, а остальные скрывались от выстрелов в землянках, рассыпанных неподалеку по скату горы. Какое сопротивление могла оказать эта ничтожная кучка солдат против врага, в десять раз сильнее? Она была задавлена многочисленностью наступавших. Французы знали это и потому шли смело, с полной уверенностью в успехе. Несмотря на то что расстояние, которое должны были пройти штурмующие колонны, было довольно значительно, оно было пройдено так скоро, что укрепления не успели произвести ни одного картечного выстрела. Почти без всякой потери дошли французы до рвов Волынского и Селенгинского редутов, где хотя и были встречены

ружейными выстрелами слабого гарнизона, но без затруднения овладели укреплениями. Меньше минуты за валом сверкали острия штыков, и затем часть муромцев легла на месте, а часть отступила, потеряв убитыми коменданта редутов капитан-лейтенанта Шестакова и командира батальона майора Беляева. Французы преследовали отступавших по направлению к Килен-бухте, стреляя почти в упор и поражая их картечными выстрелами из двух горных орудий, перевозимых на лошадях.

Овладев передовыми укреплениями, французы открыли самый усиленный огонь по Малахову кургану и по тем батареям, которые могли обстреливать взятые укрепления.

В это время стали подходить наши подкрепления. Схватив прибежавшие два батальона Забалканского и один батальон Суздальского полков, Хрулев двинулся против Камчатского люнета и в то же самое время отправил левее его другую колонну, составленную из двух батальонов Полтавского, одного батальона Суздальского и двух рот Владимирского полка под общим начальством полковника барона Дельвига.

Атака генерала Хрулева увенчалась полным успехом. Едва он вышел из-за оборонительной линии, как французы, толпившиеся возле Малахова кургана, стали отступать. На хвосте их Хрулев ворвался в Камчатский люнет и, несмотря на упорное сопротивление, выбил оттуда неприятеля штыками. В это время колонна барона Дельвига овладела ложементами впереди Камчатки. При этой атаке было взято у французов в плен 7 офицеров и 300 человек нижних чинов. Утвердившись на Камчатском люнете, Хрулев получил известие, что Волынский и Селенгинский редуты взяты неприятелем. Хрулев хотел сдать кому-нибудь начальство, но все старшие штаб-офицеры были или перебиты, или ранены. Оставался только один подполковник Венцель. Подозвав его к себе, С. А. Хрулев стал отдавать ему приказание, как разорвавшаяся граната сильно контузила Венцеля. Он упал, и кровь брызнула из лица. Тогда, призвав своих ординарцев, Хрулев поручил прапорщику Негребецкому охранять передовые ложементы, а прапорщику Сикорскому – Камчатский люнет, а сам поскакал на левый фланг к Волынскому и Селенгинскому редутам. Это было в то время, когда неприятель, преследуя наших, приближался к мосту, перекинутому через Килен-бухту, и окружил со всех сторон муромцев. Собравшись в одну кучу, муромцы штыками пробились к мосту, перешли его и отступили на 1-й и 2-й бастионы. Преследовавшие их французы были встречены картечным огнем 5-й легкой батареи 11-й артиллерийской бригады, выдвинутой Хрулевым в промежуток между 1-м и 2-м бастионами. Расстроенные огнем батареи, французы стали отступать в то время, когда на 1-й бастион подоспели два батальона Забалканского полка и один батальон Полтавского. Командир последнего полка подполковник князь Урусов, присоединив к себе охотников Муромского полка, бросился с этими тремя батальонами на французов. Завязалась упорная штыковая свалка, при которой был смертельно ранен генерал-майор Тимофеев. Всеми уважаемый и любимый, неоднократно отличившийся, и в особенности при вылазке 24 октября, генерал Тимофеев был ранен осколком в голову и вскоре умер.

Французы подались и стали отступать. Преследуя их штыками, князь Урусов овладел Забалканской батареей и взял одну гаубицу. Эта блестящая атака дорого стоила нашим полкам, в одном Полтавском полку из 500 человек осталось только 250 человек. Едва ли эта горсть оставшихся в состоянии была удержаться на Забалканской батарее, если бы на помощь к ним не подошли два батальона Эриванского князя Варшавского полка с подполковником Краевским. Последний, получив приказание содействовать отбитию редутов, двинулся к мосту через Килен-бухту, но был встречен выстрелами французов, подступивших к 1-му бастиону и рассыпавшихся по горе. Под сильным огнем эриванцы перешли мост, оттеснили неприятеля за Килен-бухту и преследовали безостановочно за Забалканскую батарею. На половинном расстоянии между Забалканской батареей и Селенгинским редутом эриванцы остановились. К этим войскам

вскоре присоединились четыре батальона Кременчугского полка.

Между тем французы с отбитием нами Камчатского люнета открыли по нему перекрестный огонь, наносивший значительный вред войскам, оставленным возле и в самом укреплении. Не имея одного общего начальника, войска не соблюдали должной осторожности: солдаты разбрелись; одни скрывались от губительного огня, другие повели раненых и пленных, иные пошли пошарить около французских тел, валявшихся во множестве, словом сказать, и половины не осталось на месте. Заметив это, неприятель, тотчас же прекратив огонь, бросился на штурм. После кровопролитного боя французы вторично овладели Камчатским люнетом.

В трех редутах, занятых неприятелем, производились усиленные земляные работы. Находившиеся на Малаховом кургане адмирал Нахимов и генерал Тотлебен тотчас же направили огонь на Камчатский люнет с целью препятствовать работам.

Среди распоряжений оба генерала подошли как-то близко ко рву и заметили, что там, как в клетке, все еще сидят притаившиеся французы. После переговоров была выслана команда, которая и привела 70 человек пленных.

Стемнело. На бугре перед редутами, немного дальше Забалканской батареи, всю ночь стоял отряд наших войск, составленный из разных полков. В потерянных редутах господствовала глубокая тишина, пальбы не было, а темнота ночи не позволяла видеть, что там делается. Прибывший на Забалканскую батарею генерал Тотлебен приказал расклепать орудия, исправить амбразуры и тотчас же открыть огонь по занятым неприятелем редутам. Огонь этот поддерживался в течение всей ночи.

Упорный бой 26 мая дорого стоил сражавшимся. Наша потеря простиралась до 5500 человек, французы потеряли 5554 человека, а англичане 693 человека. С оборонительной линии было выпущено 21 091 снаряд; союзники же израсходовали около 40 тысяч снарядов.

В это время все госпитали и перевязочные пункты были переполнены ранеными. Там, под руководством академика Пирогова и профессора Гюббенета, кипела самая деятельная работа, и наши медики неумоимо трудились над облегчением страданий и над спасением от смерти многих тысяч храбрых. Христианские обязанности медиков и само однообразие в их занятиях не дают возможности отдельным личностям выдаться резко из среды своих товарищей. Оттого мы не можем назвать имен особенно отличившихся, но должны сказать, что все медики от первого до последнего трудились до изнеможения над своим скромным, чисто христианским делом. Весь севастопольский гарнизон высоко чтит их заслуги и самопожертвование. Подвизаясь на этом трудном поприще, медики во все время славной защиты явили собой такой пример самоотвержения, что большая часть из них перенесла тяжкие болезни, а многие заплатили жизнью вследствие непомерных трудов, клонившихся к спасению ратных товарищей. Неоценимы были заслуги операторов, работавших день и ночь, с самым малым отдыхом и почти до истощения сил. Сравнивая подобную службу со службой на батареях, начальник гарнизона генерал граф Остен-Сакен и генералы Нахимов, Хрулев и князь Васильчиков несколько раз ходатайствовали о награде медиков наравне с защитниками и всегда встречали в этом отношении полную готовность главнокомандующего.

Значительным облегчением для медиков в их занятиях были сестры милосердия и сердобольные вдовы, прибывшие в Севастополь и остававшиеся там до конца осады.

29 ноября 1854 года прибыла в Симферополь первая партия сестер милосердия Крестовоздвиженской общины, а вслед за ними приехало еще два отделения. Широко было поле для христианской деятельности и заботливости о страждущих. Уход за больными, и в особенности за ранеными, требует большого терпения, трудов, самоотвержения и сил душевных. Только несомненное упование, твердая и непоколебимая вера и искренняя любовь к ближнему могут доставить возможность перенести все лишения и утомительные труды,

неразлучные с уходом за больными.

Несмотря на всякого рода помощь, которую оказывали сестрам милосердия жители и начальство, им приходилось бороться с многочисленными затруднениями. Не только в Севастополе, но и в Симферополе сестрам случалось переходить улицы по глубокой грязи, и хорошо еще, если они имели в своем распоряжении телеги. В комнатах больных сестры подвергались днем и ночью опасности от заразы и от простуды: многие из них сделались жертвами своей трудной обязанности. Место их заступили в симферопольских госпиталях сердобольные вдовы, а уцелевшие от болезни сестры милосердия были отправлены частью в Бахчисарай, а большей частью в Симферополь.

Появление сестер среди больных было истинно благотельным. Сколько страданий облегчено было их нежным предусмотрительным попечением, с которым не может сравниться самая заботливая мужская прислуга. Не ограничиваясь одним госпитальным уходом, сестры были всем для больных: они перевязывали раны, давали лекарство, варили больным пищу, читали страждущим книги, преимущественно религиозного содержания. Сестры писали письма к родным раненых, составляли духовные завещания и сообщали во все концы России последнюю просьбу или волю умирающих за родину.

Нельзя не дивиться их усердию и терпению при уходе за больными. Малейшие желания страждущих и их капризы исполнялись с готовностью и христианской кротостью. Трогательно было видеть, как многие из сестер, подавляя в себе всякий страх и женскую слабость, бестрепетно смотрели на самые ужасные раны и наперерыв старались помогать медику и больному с полным самоотвержением. Сестры мужественно переносили вид текущей крови и многообразных тяжких язв в жилищах страдания и смерти. Одно присутствие женщин возле раненых действовало благотворно и утешительно на страдальцев. В доказательство, что попечение сестер о раненых истинно облегчает солдат наших, может служить следующий случай: тяжелораненый, весьма беспокойный после операции солдат настоятельно просил, чтобы одна из сестер оставалась при его постели. На вопрос, почему он этого желает, он отвечал: «Хоть потолкайся, матушка, около меня, так мне уж легче будет».

Неутомимые труды, заразительный госпитальный воздух скоро оказали свое влияние на слабую женскую натуру – и из 35 сестер, прибывших в Севастополь, к началу января 14 лежали больными и две умерли. Это печальное обстоятельство, служившее лучшим доказательством самоотвержения сестер, сделало их более осторожными и внимательными к себе, но не устрасило их. Сестры продолжали нести свою христианскую обязанность необыкновенным усердием и неутомимостью.

«Я сам видел, – пишет один из посетивших госпиталь, – как нежные руки омывали и перевязывали отвратительные раны: я видел, как глаза, полные слез, заботливо следили за последними корчами умирающего, я слышал, как солдаты благословляли своих благотельниц. Расскажу вам эпизод (случай). Это было ночью; по палатам мрачный полусвет; тяжелораненому солдату хочется заснуть, но ему как-то не спится: и боль от раны, и жажда мучит, да еще, признаться сказать, в бою-то смерть нам нипочем, а в госпитале – куда как умирать не хочется! Вот проходит по палате сестра, которая в эту ночь дежурила. Бедному солдату легче стало на душе, когда он увидел, что есть в мире существо, которое бдит над ним: видно, это существо показалось ему чище тех женщин, которых он встречал на пути жизни, потому что, провожая ее глазами, вырвались из души солдатской чудные наивностью слова: “Барышня, пройдите еще раз!” Барышня исполнила желание солдата, и, обойдя всех больных своих, она опять прошла мимо него. В это время солдат умирал... он умер с улыбкой на устах».

Чтобы представить себе полную картину деятельности как медиков, так и сестер милосердия, мы приведем красноречивые слова академика Пирогова, ярко рисующие

христианский труд тех и других.

«Для всех очевидцев памятно будет, – пишет наш знаменитый академик, – время, проведенное с 28 марта по июнь месяц в дворянском собрании. Во все это время около входа в собрание, на улице, где так нередко падали ракеты, взрывая землю, и лопались бомбы, стояла всегда транспортная рота солдат под командой деятельного и распорядительного подпоручика Яни; койки и окровавленные носилки были в готовности принять раненых; в течение 9 дней мартовской бомбардировки беспрестанно тянулись к этому входу ряды носильщиков; вопли носимых смешивались с треском бомб; кровавый след указывал дорогу к парадному входу собрания. Эти 9 дней огромная танцевальная зала беспрестанно наполнялась и опоражнивалась; приносимые раненые складывались, вместе с носилками, целыми рядами, на паркетном полу, пропитанном на целые полвершка запекшейся кровью; стоны и крики страдальцев, последние вздохи умирающих, приказания распоряджающихся громко раздавались в зале. Врачи, фельдшера и служители составляли группы, беспрестанно двигавшиеся между рядами раненых, лежавших с оторванными и раздробленными членами, бледных как полотно, от потери крови и от сотрясений, производимых громадными снарядами; между солдатскими шинелями мелькали везде белые капюшоны сестер, разносивших вино и чай, помогавших при перевязке и отбиравших на сохранение деньги и вещи страдальцев. Двери зала ежеминутно отворялись и затворялись; вносили и выносили по команде: на стол, на койку, в дом Гущина ^[23], в Инженерный, в Николаевскую. В боковой довольно обширной комнате (операционной) на трех столах кровь лилась при производстве операций; отнятые члены лежали грудями, сваленные в ушатах; матрос Пашкевич – живой турникет дворянского собрания (отличавшийся искусством прижимать артерии при ампутациях), едва успевал следовать призыву врачей, переходя от одного стола к другому; с неподвижным лицом, молча, он исполнял в точности данные ему приказания, зная, что неутомимой руке его поручалась жизнь братьев. Бакунина ^[24] постоянно присутствовала в этой комнате, с пучком лигатур в руке, готовая следовать на призыв врачей. За столами стоял ряд коек с новыми ранеными, и служители готовились переносить их на столы для операций; возле порожних коек стояли сестры, готовые принять ампутированных. Воздух комнаты, несмотря на беспрестанное проветривание, был наполнен испарениями крови, хлороформа; часто примешивался и запах серы: это значило, что есть раненые, которым врачи присудили сохранить поврежденные члены, и фельдшер Никитин накладывал им гипсовые повязки.

Ночью, при свете стеарина, те же самые кровавые сцены, и нередко еще в больших размерах, представлялись в зале дворянского собрания. В это тяжкое время, без неутомимости врачей, без ревностного содействия сестер, без распорядительности начальников транспортных команд Яни (определенного к перевязочному пункту начальником штаба гарнизона князем Васильчиковым) и Коперницкого (определенного сюда незабвенным Нахимовым) не было бы никакой возможности подать безотлагательную помощь пострадавшим за отечество. Чтобы иметь понятие о всех трудностях этого положения, нужно себе живо представить темную южную ночь, ряды носильщиков при тусклом свете фонарей, направленных ко входу собрания, и едва прокладывавших себе путь сквозь толпы раненых пешеходов, сомкнувшихся в дверях его. Все стремятся за помощью и на помощь, каждый хочет скорого пособия: раненый громко требует перевязки или операции, умирающий – последнего отдыха, все – облегчения страданий.

Где можно было бы, без деятельных и строгих мер, без неусыпной деятельности, найти достаточно места и рук для оказания безотлагательной помощи!»

На перевязочных пунктах, хотя и в меньших размерах, кипела точно такая же неустанная деятельность медиков и сестер милосердия, в особенности вечером 26 мая, так как в этот день раненых и изувеченных было особенно много.

С семи часов вечера стали стекаться раненые на перевязочные пункты. Там все суеилось, работало. Больным тащили несколько ведер водки, доктора занимались перевязкой, сестры милосердия, помогая им, раздавали водку и хлеб приходящим легко раненым, поили трудно больных виноградным вином и клюквенным соком. Среди стонов и страданий слышались остроты и шутки раненых, слышалась русская удаль и молодечество. Вокруг одной из сестер милосердия собралась целая кровавая толпа солдат. Каждый из них рассказывал свое удалство и сцены при столкновении с неприятелем.

– Матушка, попробуй, как вкусно! – кричал один из раненых, подавая отнятый у француза галет.

– Матушка, попей вражьей водки! – кричал другой. – Я отнял ее у пьяного француза.

– Барыня, хочешь подарю французскую шапку, – говорил третий, преусердно отдавая ее сестрице.

Сестра благодарила и отвечала, что ей нельзя иметь вражьей шапки.

– Посмотри-ка, – говорил один из солдат, подползая к сестре милосердия, – как у меня плечо отбито: проклятый англичанин камнем меня бил.

Слушая эти рассказы, невольно подивишься русскому солдату: ни раны и увечья, ни боль и страдания – ничто не колеблет его веселого и добродушного нрава.

С рассветом 27 мая французы открыли жестокий огонь по Забалканской батарее и оставшемуся в ней гарнизону. Бомба за бомбой ложились в укрепление и вырывали целые ряды прикрытия. Одиноко стояла батарея, ближе к неприятелю, чем к своей оборонительной линии; незначительный гарнизон ее подвергался ежеминутной опасности быть окруженным многочисленным неприятелем и не иметь возможности отступить. Это опасное положение гарнизона и сравнительно весьма малая польза от занятия Забалканской батареи заставили главнокомандующего оставить и эту батарею. Около четырех часов пополудни были высланы рабочие, которые сняли большую часть орудий, стоявших на батарее, и около девяти часов вечера отступили вместе с находившимся в ней гарнизоном; мост через Килен-бухту был также разведен. Долго не занимал неприятель Забалканской батареи голый холм, на котором стояла она, оставался пустым около месяца.

Ровно в полдень 28 мая союзники подняли парламентерский флаг, а вслед за тем взвились такие же флаги на Малаховом кургане и на 3-м бастионе. С обеих сторон было объявлено перемирие для уборки тел. Обе стороны выслали цепи, определявшие две крайние линии, за которые переходить не дозволялось. Огромные толпы народа собрались на поле битвы. «Со стороны неприятелей приезжали даже кавалькады каких-то амазонок и людей в статском платье. На здешнем боевом месте подобные мирные фигуры казались чем-то необыкновенным. Зеленеющее, испещренное красивыми южными полевыми цветками пространство земли между Малаховым курганом и холмом, на котором находился Камчатский люнет, и далее по ту сторону Килен-балки, около редутов, покрыто было телами исковерканными и изможденными».

Посреди убитых сновали носильщики, стояли группы солдат: наших и французов. Перемешавшись между собой, они вели самый оживленный разговор, сопровождаемый различными знаками и жестами.

Четыре часа продолжалось перемирие, затем цепи были убраны, флаги опустились, и опять по-прежнему завизжали ядра, засвистали бомбы, зажужжали пули и зарыскала смерть по Севастополю.

Французы быстро переделали в свою пользу отнятые у нас укрепления. На Малахов курган так и сыпались пули, посылаемые с Камчатки. Жутко было стоять нашим солдатам и матросам под таким свинцовым градом, они тужили, что так близко подпустили к себе врага и дозволили овладеть постройками, облитыми русским потом и кровью. А между тем пули одна за другой

так и врывались в амбразуры, расчищая прислугу.

– Эдак из орудий некому будет действовать, – говорили солдаты, смотря на падающих матросов.

– Хоть по три матроса на пушку останется, – возражали матросы, – еще можно будет драться – была бы армия, а как по три не останется – ну тогда шабаш.

Осада и защита с 26 мая по 5 июня. – Четвертое бомбардирование Севастополя 5 июня. – Штурм 6 июня

Приобретение неприятелем передовых наших укреплений вызвало со стороны союзников усиленную деятельность. Главнокомандующие союзными армиями думали, воспользовавшись невыгодным впечатлением, произведенным на защитников этим падением, штурмовать Корабельную слободу, т. е. левый фланг оборонительной линии, но не иначе как ослабив нашу артиллерию предварительным усиленным бомбардированием. С этой целью они приступили к постройке новых батарей и приспособлению приобретенных укреплений для действия против оборонительной линии. Как французы, так и англичане ставили новые орудия и заготовляли для них значительное количество снарядов. К 5 июня осадные батареи имели на своем вооружении 587 орудий, и хотя для борьбы с ними обороняющийся мог противопоставить 549 орудий, но союзники имели значительное превосходство в стрельбе и в запасах пороха и снарядов. При стрельбе атакующий имеет то преимущество, что может по своему произволу скрещивать выстрелы с нескольких батарей на один какой-либо пункт противника, тогда как защищающемуся приходится рассеивать свои выстрелы и отвечать только из нескольких орудий на десятки неприятельских выстрелов. Независимо от этого преимущества союзники имели значительное превосходство в артиллерийских запасах. У них заготовлено было от 400 до 500 зарядов на каждое орудие, тогда как у нас самое большое число зарядов не превышало 140. Ограниченный запас пороха и снарядов был причиной такого неравенства. Кроме недостатка в порохе и снарядах мы ощущали еще недостаток в зарядных картузах, или мешках, в которые насыпается порох для зарядов. Для шитья картузов приходилось употреблять флагтуг, судовые флаги, фланелевые рубахи адмиральских гребцов и даже крестьянское сукно.

В таком положении были осада и защита, когда секреты стали доносить, что к осадным батареям каждую ночь подвозятся орудия и снаряды; перебежчики говорили, что союзники готовятся произвести штурм и стягивают свои силы к Севастополю, вокруг которого они успели собрать 173 тысячи человек. Столь значительному числу неприятеля могли оказать сопротивление только 43 тысячи человек пехоты, находившихся на Южной стороне города, на защите укреплений оборонительной линии, и около 11 тысяч человек прислуги, действовавшей при орудиях.

В ожидании штурма было сделано новое расположение войскам, причем для большего удобства обороны левого фланга 4-е отделение оборонительной линии было разделено на две части: начальником первой остался капитан 1 ранга Юрковский, а начальником вновь образованного 5-го отделения назначен капитан 1 ранга Перелешин 2-й. В состав 5-го отделения вошли 1-й и 2-й бастионы с прилежавшими к ним укреплениями.

На оборонительной линии войска были расположены: на Городской, или правой, стороне 41 батальон пехоты с 6 полевыми орудиями и на Корабельной, или левой, стороне 35 батальонов с 18 полевыми орудиями. В случае штурма приказано было: по пробитии тревоги раненых не подбирать до окончания дела; всем нестроевым и людям, находящимся на работе, оставлять свои занятия и спешить на назначенные им места; гарнизонам бастионов и укреплений не отступать и драться до последней крайности; никому не кричать «Ура!», встречать наступающих штыками и после отбития штурма не преследовать неприятеля, а провожать его только ружейным и артиллерийским огнем.

В 3.30 утра 5 июня союзники открыли четвертое бомбардирование Севастополя, и в особенности Корабельной стороны и левой половины 4-го бастиона. Вместе с тем они

действовали усиленным огнем против батарей Северной стороны города и по флоту, стоявшему на рейде.

В продолжение двух часов неприятель стрелял залпами, наши батареи отвечали самым учащенным огнем.

Стояла тихая погода. Дым от выстрелов скоро задернул всю местность столь густой завесой, что ни прицеливать орудий, ни видеть что-нибудь в нескольких шагах было невозможно. Вырвавшись из дула, пороховой дым долго клубился над орудием, или поднимался из мортиры правильным кольцом, или, наконец, струился длинной змейкой, указывая путь пролетевшей ракеты. В высоте, как белые пятна, на голубом небе виднелись клубки дыма от лопавшихся бомб, под ногами фонтаном брызгала земля, взметенная ядром, а в густой стене порохового дыма блистали огненные языки выстрелов.

После нескольких минут стрельбы над Севастополем стоял густой непроницаемый мрак дыма. Отдельного звука выстрелов уже не было слышно: все слилось в один оглушающий треск. Воздух был до того сгущен, что становилось трудно дышать. Испуганные птицы метались в разбитые окна домов, под крышами которых искали спасения.

Под градом снарядов самого большого калибра спешили наши батальоны занять заранее указанные им места, чтобы поспеть вовремя, если бы неприятель бросился на штурм.

Среди оглушительного рева выстрелов на колокольне Владимирской церкви раздавался благовест колоколов, призывавших к заутрене.

С восходом солнца легкий ветерок рассеял дым и канонада загремела с еще большей силой, французы по-прежнему стреляли залпами. Малахов курган был главнейшей целью, в которую направлялась большая часть их выстрелов. На всей Корабельной стороне не было живого места, куда бы не падали снаряды. Маленькие домики, ярко освещенные восходящим солнцем, и избитые выстрелами здания Александровских казарм, обнажившиеся от дымной пелены, представляли собой во многих местах одни развалины. Целые тучи бомб, ракет, каленых ядер падали в слободке, близ морского госпиталя в Екатерининской улице, на Театральной и Николаевской площадях. Но везде, где падали снаряды, не заметно никакой суеты, все идет своим чередом, каждый делает свое дело, не обращая внимания на выстрелы. «По-прежнему, — пишет г. Алабин, — войска стоят в местах, несколько укрытых от неприятельских выстрелов. Солдаты по большей части спят, другие перебирают свою одежду, чинят белье, обувь; некоторые заряжают или разряжают ружье, курят, едят свою неизменную кашу. С мерными условными возгласами тянут матросы и солдаты пушку в обмен подбитой на батарее. С той же беспечностью ходят офицеры и солдаты, с какой ходили вчера и третьего дня, ездят верхом с приказаниями; два солдата несут на палке, в мешке, только что принятое мясо, в ротных котелках тащат еще кипящую кашу; артиллерийские лошади везут на дрогах бочку воды; тянется несколько полуфурков с пирамидой туров; матросы и солдаты расчищают под штуцерным огнем засыпанную амбразуру бастиона, только работая несколько живее обыкновенного; множество солдат купаются у Пересыпки, несмотря на снаряды, лежащиеся вокруг них; тянется похоронная церемония... Словом, на Корабельной все идет обычным чередом; только нигде не видишь жителей: все скрылось куда могло; еще необыкновенно часто появляются в различных местах кровавые носилки с печальной ношей, да потрясают душу эти ужасные, гремящие вокруг звуки, этот грозный рев беспрестанно падающих и беспрестанно разрывающихся снарядов».

Бастионы и батареи, в особенности левого фланга, были засыпаны бомбами и ядрами. Огромная убыль в людях заставила прекратить все работы, оставить только самые необходимые резервы и небольшие команды рабочих для расчистки амбразур, починки платформ и исправления насыпей на пороховых погребах.

Весь день канонада не прекращалась: она то несколько уменьшалась, то закипала с новой яростью. Около 10 часов утра у нас было израсходовано значительное число зарядов и потому ввиду недостатка пороха приказано было ослабить огонь и стрелять как можно реже. Воспользовавшись этим, неприятель сыпал свои снаряды все чаще и чаще и около 2 часов пополудни начал бомбардирование Городской стороны, направляя огонь преимущественно на 4-й, 5-й и 6-й бастионы.

К вечеру следы бомбардирования были слишком заметны как на нашей оборонительной линии, так и в неприятельских батареях. Наиболее других пострадали Малахов курган, 2-й и 3-й бастионы, почти половина амбразур были завалены, многие орудия подбиты, блиндажи разрушены, пороховые погреба взорваны. Осадные батареи неприятеля потерпели не меньший, если не больший, вред от сосредоточенных наших выстрелов, многие из батарей осаждающего принуждены были прекратить стрельбу и отказаться от состязания...

В течение дня на перевязочные пункты было доставлено 1600 человек раненых, не считая убитых. Последних складывали прямо на баркасы и отвозили на Северную сторону города. В этот день мы лишились многих славных защитников, и в числе их капитана 1 ранга Юрковского.

Когда Юрковский был ранен, то один из офицеров прискакал к Нахимову, находившемуся с князем Васильчиковым, генералом Тотлебенем и полковником Меньковым на городском телеграфе. Доложив адмиралу, что храброму капитану Юрковскому оторвало ногу, он просил доктора.

– Доктора! – проговорил Нахимов. – Просят доктора, слышите ли вы? Доктора-с! А у меня переплетчик убит.

Взял Нахимов костыль и побрел искать доктора. Немногое сказал он, но многое сказало в его словах. Переплетчик жил с семьей в сводчатом нижнем строении – и бомба порешила его. Если под такими сводами небезопасен человек, то где же искать доктора для каждого из стоявших на бастионах и батареях, где число раненых доходило до огромных размеров.

Капитан 1 ранга Юрковский не перенес полученной раны и скончался, к общему сожалению товарищей и сослуживцев. Будучи назначен после смерти контр-адмирала Истомина начальником 4-го отделения оборонительной линии, он в течение девяти месяцев не сходил с Малахова кургана. Несмотря на свои преклонные лета и слабое здоровье, Юрковский с неутомимой деятельностью занимался вверенным ему попечению Малаховым курганом, жил в остатках башни, представлявшей груду развалин, и, несмотря ни на просьбы, ни на приказания, не хотел оставить своего жилища.

– Сделайте мне дружбу, – говорил Юрковский одному из своих знакомых, – напишите статью в опровержение хвастовства французов. Публиковали они в газетах, что Малахова башня разбита до основания. Вздор! Доказательство, что я, начальник отделения, живу там доселе...

Кто знал Юрковского, тот не мог надивиться его простой, но возвышенной натуре, а кто видел его в сражении, тот невольно проникался уважением к его непоколебимой твердости, редкой отваге и распорядительности. То же самое можно сказать о многих павших товарищах Юрковского, да о всех начальниках отделений и командирах батарей. Никакое перо не в состоянии обрисовать подвига батарейного командира и прислуги при орудиях в самый разгар бомбардирования. Всякое описание окажется ничтожным в сравнении с действительностью.

«Надобно видеть этого громовержца, стоящего бестрепетно в ураган смерти и обдуманно поражающего врагов, тогда как десятки его товарищей и подчиненных падают вокруг него под губительной косой, обливая его своей кровью, немедленно заменяемые другими, готовыми испытать ту же участь! Да, надо видеть этих героев, чтобы научиться благоговеть пред ними!» Ни один солдат не останавливался перед опасностью, когда дело шло о спасении товарища или

начальника. Вот рядовой Охотского полка Трофим Белоусов ружейным прикладом толкает с горы бомбу, упавшую у дверей порохового погреба и готовую разорваться, он спасает погреб от взрыва и 3-й бастион от значительных повреждений. Вот два рядовых Полтавского полка, Григорий Ткаченко и Семен Копальский, закрывающие собой начальника 8-й пехотной дивизии генерал-адъютанта князя Урусова. Рядовые эти были постоянными вестовыми генерала и следовали за ним повсюду. В самый разгар бомбардирования князь Урусов, проходя по одной из частей левой оборонительной линии, увидав упавшую в нескольких шагах бомбу, закричал: «Ложись!»

В это время Ткаченко и Копальский бросились к генералу и прикрыли его собой от осколков. Бомбу разорвало, и одного из молодцов сильно ушибло осколком камня.

Таких героев было много; называть их по именам значило бы переименовывать всех участников славной обороны. По необходимости личные подвиги каждого остаются в неизвестности по обилию самих подвигов, и потому-то не знаешь, кто больше герой!..

Раненые только и думали о том, как бы поскорее вернуться на свои места. Когда их спрашивали, чего желают они, все единогласно отвечали: «Батюшка царь не оставит нас, а мы желаем, если Господь поможет выздороветь, то поскорее явиться к товарищам на бастионы, отплатить врагам».

С наступлением сумерек неприятель ослабил свой огонь, зато усилил стрельбу из мортир.

Около одиннадцати часов ночи десять неприятельских паровых судов, подойдя ко входу на рейд, открыли огонь по береговым батареям Южной стороны и вдоль бухты. Наши прибрежные батареи отвечали им с увлечением, и перестрелка продолжалась до трех часов ночи по всей оборонительной линии. Бомбы, одна за другой, так и валились на Малахов курган и 2-й бастион, ракеты с зажигательным составом бороздили воздух и достигали Северной стороны. В некоторых местностях города они произвели пожары – их никто не тушил, потому что люди были нужны на другое, более важное дело, но огонь как-то не распространялся на соседние постройки и умирал сам собой.

Защитники с наступлением ночи прекратили огонь и, не обращая внимания на выстрелы неприятеля, исправляли повреждения в укреплениях с таким успехом, что около 2 часов ночи почти все работы были окончены, только на Малаховом кургане команды саперов и Севского полка продолжали работать до четырех часов утра. Они производили присыпку к валу для помещения на ней четырех полевых орудий, долженствовавших действовать картечью в случае штурма.

Прекращение огня наших батарей поселило в неприятеле уверенность, что происходившая накануне канонада произвела обвалы в наших насыпях и сделала их удободоступными. Полагая, что укрепления разрушены и рвы завалены, союзники решились на штурм Корабельной стороны.

Для атаки назначалось пять французских дивизий числом около 30 000 человек и пять английских от 15 000 до 20 000 человек. Французы должны были атаковать Малахов курган, 1-й и 2-й бастионы, а англичане приняли на себя штурм 3-го бастиона.

Около 2 часов ночи залегший в секрете Брянского полка подпоручик Хрущев донес, что в лежащем перед 1-м бастионом килен-балочном овраге, или Килен-балке, видны значительные неприятельские силы. По получении этого известия на бастионе ударили тревогу, принятую по всей левой половине оборонительной линии.

С первыми звуками тревоги все пришло в движение, все спешило на назначенные места.

В это время начальник войск на Корабельной слободе генерал-лейтенант Хрулев находился также на 1-м бастионе. Он ночевал в оборонительной казарме, в помещении начальника 5-го отделения капитана 1 ранга Перелешина 2-го. Услышав тревогу, Хрулев бросился на Малахов

курган как на самый важный пункт обороны. Через несколько минут в окно влетела бомба и упала на ту самую железную кровать, на которой спал генерал. Казалось, сама судьба хранила его для будущих подвигов.

Был третий час ночи, когда неприятельские батареи вдруг смолкли... В Севастополе воцарилась на несколько мгновений совершенная тишина, прерванная частым ружейным и картечным огнем с 1-го и 2-го бастионов. В одно мгновение на Малаховом кургане загорелся – предвестник начавшегося штурма – белый огонь фальшфейера, «будто лампада схимника, молящегося о спасении души».

Из-за левого берега Килен-балки показалась густая цепь неприятельских стрелков, поддерживаемая сильными резервами, и вслед за тем французы бросились на штурм 1-го и 2-го бастионов с их промежуточными батареями. Штурмующие были встречены батальонным и картечным огнем. Пароходы «Владимир», «Херсонес», «Громоносец», «Крым», «Бесарабия» и «Одесса» открыли огонь по Килен-балке, поражая неприятельские резервы и самих атакующих. Перекрестный огонь с фронта и фланга значительно расстроил французов. Не дойдя до 2-го бастиона, они остановились, смешались и, рассыпавшись за камнями и холмами, открыли частый ружейный огонь по амбразурам и по прислуге, действовавшей при орудиях.

Осадные батареи неприятеля, видя замешательство своих и неудачу первого штурма, направили огонь против 1-го и 2-го бастионов. Подкрепленные резервами и поддержанные огнем своих батарей, французы вторично бросились в атаку, но опять не выдержали картечного и ружейного огня. Не дойдя до бастионов, они повернули назад и окончательно отступили в Килен-балку.

В это самое время на одной из неприятельских батарей поднялся целый сноп сигнальных ракет. Достигнув высоты, ракеты рассыпались разноцветными огоньками, как бриллиантовыми искрами. Это был сигнал к всеобщей атаке.

В Севастополе благовестили к заутрене...

Из неприятельских траншей вышла густая цепь стрелков, охватившая пространство на 4 версты и поддерживаемая сильными колоннами, она двинулась на штурм всей левой половины оборонительной линии, впереди цепи шли охотники с лестницами. Французы штурмовали 2-й бастион и Малахов курган с прилежащими к ним батареями, англичане атаковали 3-й бастион.

Завидя штурмующих, прикрытие батарей в один миг вскочило на валы укреплений и, выросши на нем грозной сплошной стеной, открыло самый частый огонь по наступающим. Картечь, как горох, запрыгала по полю, по которому наступали французы и англичане. Малахов курган опоясался пламенной лентой, огненная река лилась по всей левой половине оборонительной линии, наш ружейный огонь усиливался ежеминутно, не прерываясь ни на мгновение.

На всем протяжении неприятельских траншей впереди Малахова кургана быстро двигалась густая черневшая лавина неприятельских колонн. Офицеры с саблями наголо шли впереди и указывали на наши батареи – цель их настоящего движения, а с батареей молча и без крика «Ура!» отважные бойцы Севастополя сыпали пули за пулями. Французы приближались... Наступала торжественная минута... Страшно было за Севастополь, страшно за его защитников. Все, кто только не принимал непосредственного участия в отражении штурма, с лихорадочным вниманием следили за сходящимися врагами. Старый и малый, больной и здоровый, военный и мирный торговец – все с нетерпением ожидали развязки.

– Помогите вам Господи! – слышали повсюду солдаты, спешившие на бастионы.

Сколько земных поклонов, сколько чистых молитв произнесено было в эти роковые минуты. Оставшиеся на судах матросы усыпали палубы и с замиранием сердца смотрели на двигавшиеся колонны неприятеля, многие из них крестились. Вот один из матросов бросился на

колени перед образом Спасителя, стоявшим в походной церкви. Он горячо молился, читая вслух: «Достоин и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу». Все проходившие следовали примеру чистого сына отчизны, и долго потом свидетели пламенной молитвы не могли забыть ни ощущений, испытанных во время штурма, ни впечатления, произведенного на них матросом, горячо молившимся за все и за всех...

Французы одновременно атаковали Малахов курган и 2-й бастион. Колонны их, шедшие против 2-го бастиона, могли подойти не ближе 50 шагов.

Батальонный и картечный огонь расстроил неприятельские колонны. Французы смешались; потоптавшись на месте, они как будто взволновались на мгновение и потом вдруг отхлынули, торопясь укрыться в каменоломне. Оправившись и устроившись там, они снова двинулись вперед. Губителен был наш батальный огонь, ужасно действие картечи и града пуль, посланных из пушки взамен картечи. Несмотря на жестокий огонь, французы на этот раз смело шли в атаку, они прошли волчьи ямы^[25], добрались до рва и стали взбираться на вал, но здесь были встречены штыками батальонов Суздальского, Селенгинского и Якутского полков. Первый взобравшийся на вал молодой офицер был пробит двумя пулями в грудь и поднят на штыки; другой, окруженный со всех сторон, бросил свою саблю и взят в плен; несколько солдат заколото штыками, другие сброшены в ров, остальные отхлынули и, залегши в ямах, осыпали пулями вскочивших на вал наших солдат.

– Камнями их, ребята! – крикнул майор Якутского полка Степанов, и град камней полетел на головы залегшего неприятеля.

Не выдержали французы; побросав лестницы, они в беспорядке отступили в свои траншеи, оставив на месте боя целые сотни товарищей убитыми или ранеными. «Вопли попавших в волчьи ямы, стоны умирающих, проклятия раненых, крик и ругательства сражающихся, оглушительный треск, гром и вой выстрелов, лопающихся снарядов, батального огня, свист пуль, стук оружия – все смешалось в один ужасный, невыразимый рев, называемый шумом битвы, в котором слышался, однако, и исполнялся командный крик начальника, сигнальная труба, дробь барабана!..»

После первых неудач французы два раза пытались штурмовать 2-й бастион, но, не пройдя и половины расстояния, возвращались обратно в свои траншеи. Полки их, двинувшиеся на приступ Малахова кургана, действовали несколько удачнее, хотя в конце концов и потерпели поражение. Французы шли на Малахов двумя колоннами: одна направилась на сам курган, а другая правее, на прилегавшую к кургану батарею Жерве. Левая колонна не дошла до кургана 100 шагов и принуждена была вернуться назад в свои траншеи.

– Теперь я совершенно спокоен, – говорил начальник Малахова кургана капитан 1 ранга Керн генералу Юферову, – неприятель ничего уже не сделает нам, хотя бы он бросался еще несколько раз, что, вероятно, и исполнит.

Действительно, французы покушались было вторично броситься на приступ, но были отражены с огромной потерей. Картечный огонь полевых орудий, поставленных на курган, наносил жестокое поражение неприятелю, усыпавшему всю отлогость кургана своими телами.

Между тем колонна, направленная на батарею Жерве, несмотря на учащенный ружейный огонь, ворвалась в укрепление. Небольшая насыпь батареи, не имевшая перед собой в некоторых местах даже и рва, не могла представить серьезного сопротивления атакующим. Зуавы вскочили на вал и, тесня наших, стали проникать внутрь батареи. Находившиеся на батарее 300 человек Полтавского полка не в состоянии были удержать напора столь многочисленного неприятеля. Они стали отступать, присоединив к себе и прислугу, стоявшую у орудий. Французы, увлеченные успехом, бросились преследовать отступавших и ворвались на Корабельную сторону. Это было тогда, когда штурм на всех прочих пунктах оборонительной линии был

отбит.

Оставим на время эту колонну храбрых и скажем несколько слов об атаке, произведенной англичанами на 3-й бастион.

Англичане вышли из своих траншей одновременно с французами. Впереди всех двигались стрелки, за ними шли команды с лестницами, фашинами и мешками, наполненными шерстью. Вдали виднелись приближавшиеся колонны, расположенные в две линии.

С первым движением неприятеля начальник 3-го отделения оборонительной линии контр-адмирал Панфилов приказал открыть огонь картечью и ружейными залпами Брянского полка, расставленного за валом бастиона.

Расстояние от траншей до бастиона, которое приходилось пройти англичанам, было довольно значительно (около 100 сажень), а потому нелегко было пройти его под таким губительным огнем. Несмотря на то, густая цепь атакующих сначала шла довольно смело, но потом среди наступавших стало заметно некоторое колебание. Передовые ряды начали останавливаться; некоторые, бросив лестницы и фашины, подались назад, другие легли на землю за разными закрытиями, но потом, устроившись, вторично бросились в атаку и могли дойти только до засек, расположенных перед бастионом и образовавших выпуклую дугу перед исходящим углом укрепления. Дальше засек никто из англичан не проникал. Картечный и ружейный огонь повалил передние ряды их, остальные смешались. Одна часть легла на землю и, прикрываясь засеками, открыла стрельбу по амбразурам, другая стала разбирать засеки. Частый огонь с бастиона делал работу эту невозможной, и англичане, видя, что не в силах разобрать противопоставленных им преград, поспешно отступили в свои траншеи. Оттуда вышла новая колонна, которая точно так же, дойдя до засек, принуждена была возвратиться с большими потерями.

С отступлением англичан стихли ружейные выстрелы на 3-м бастионе, только орудия не прекращали своей деятельности, провожая незваных гостей. Защитники вздохнули свободнее, радостнее: им оставалось только прогнать неприятеля, ворвавшегося на батарею Жерве и засевшего в домиках, разбросанных по всему правому скату Малахова кургана.

Заняв матросские домики и развалины, покрывавшие все это пространство, французы грозили разрезать нашу оборонительную линию на две части и потом взять в тыл Малахов курган и 3-й бастион. Неприятельские силы росли, зевать было нечего. Целая туча снарядов полетела на батарею Жерве и на домики, в которых засели французы. Шесть полевых орудий стреляли картечью с фронта, правая половина кургана поражала неприятеля сбоку, батарея Будищева и стрелки Камчатского полка сыпали снаряды с другого.

На место действий прибыл начальник войск Корабельной стороны генерал-лейтенант С. А. Хрулев.

Видя, что полтавцы отступают, он остановил их.

– Ребята, стой! – закричал он. – Дивизия идет на помощь!

Благодатным ветром пахнули на солдат эти слова начальника, которого каждый знал в лицо. Все остановились... Один из матросов, наиболее решительный, рванул к стороне неприятеля.

– Ну, ребята, навались! – крикнул он.

– Навались, ребята! – повторил Хрулев, понимая всю силу этого жгучего слова.

– Навались! Навались! – загремело в толпе, и все бросилось вперед.

В это время Хрулев увидел 5-ю (ныне 7-ю) роту Севского полка, возвращавшуюся с работ. В ней было всего 138 человек под командой штабс-капитана Островского. Севцы шли с лопатами в руках и с ружьями за спиной.

– Ребята, бросай лопаты! – крикнул им Хрулев.

Севцы в один миг схватились за ружья.

– Благодетели мои, в штыки, за мной, – произнес Хрулев, обращаясь к севцам и сам кидаясь вперед.

Воодушевленные словами любимого генерала и предводимые храбрым ротным командиром штабс-капитаном Островским, севцы без выстрела бросились в штыки, отбросили неприятеля назад и открыли перестрелку с французами, засевшими в домиках. На этом месте завязался упорный бой. Французы, скрываясь в домиках, поражали наших на выбор; чтобы выбить их оттуда, приходилось брать приступом каждый домик отдельно. Трудно было сладить с неприятелем, который, ожидая прибытия помощи, дрался отчаянно. Перестрелка продолжалась, однако же, недолго.

– Что зевать, ребята, – сказал штабс-капитан Островский, – вперед! – и бросился к одному из ближайших домиков.

Солдаты не выдали – они кинулись за своим начальником. Засевшие открыли из отверстий домов самый частый штуцерный огонь. Как ни валились наши, в числе которых пал и штабс-капитан Островский, но севцы достигли домика, разнесли его в щепы и уничтожили врагов всех до единого. Примеру севцев последовали многие, и вмиг каждый отдельный домик стал местом ужасной свалки. Бой сделался общим и разделился на сотню отдельных картин. В одном месте солдаты влезали на крышу, разрушали ее и поражали неприятеля обломками трубы, бревнами и черепицей, в другом – бросали огонь в трубу, совали пуки зажженной соломы в крышу и окна.

– Сожжем, сдавайся! – кричали они французам.

Те, не понимая слов, но видя угрожающую опасность от огня, растворяли двери, бросали ружья и сдавались военнопленными.

В иных домиках солдаты выламывали двери, бросались внутрь хаты и сталкивались грудью с неприятелем.

– Проси пардон, – кричали ворвавшиеся, – крепость взята!

В ответ на это гремели выстрелы, сыпались удары штыком, прикладом или камнем.

– Э, так выдраться, да еще в чужой хате, – кричали наши. – Души их!

И передушили всех до единого.

Домик за домиком переходили во власть нашу. Французы, очищая их, отступали. На место боя явилось шесть рот Якутского полка, приведенных генерал-лейтенантом Павловым. Две роты с майором Новашиным ударили с фронта, а четыре, под начальством полковника Алейникова, с левого фланга, и неприятель был окончательно опрокинут. Якутцы гнали его до батареи Жерве. Эта батарея, на которой одно орудие уже было обращено против нас, была вновь занята нами.

Видя себя окруженными с трех сторон, французы пытались было взорвать пороховой погреб. Двое из них, выхватив у убитого матроса зажженный пальник, бросились к дверям погреба, но были остановлены и заколоты рядовым Якутского полка Дорофеем Музиченко.

– Э, братцы, шалишь, – кричал Музиченко, – сюда не суйся, пошел-ко, догоняй своих, – приговаривал он, работая штыком.

Французы быстро отступали; кто перелезал через вал, кто бросился в амбразуры, но здесь их ожидали штыки наших солдат. Впереди всех стоял рядовой Севского полка Ищук. Штыком он хватил одного – штык сломался, прикладом уходил другого – приклад пополам. Бросив обломки ружья, он схватил огромный пыжевник и крошил им направо и налево.

– Погодите, куда же вы... гости, гости, – кричал Ищук, – что ж, аль в двери не попали, что в окна (амбразуры) уходите...

Солдаты, в восторге от победы, хохотали над остротами Ищука, кололи защищавшихся, гнали бегущих. Увлеченные успехом, они сами выскакивали в амбразуры и преследовали неприятеля за бруствером. Генерал Хрулев напрасно приказывал трубить отступление.

– Отберем Камчатку! – кричали одни, не слушая сигнала.

– Бить саранчу проклятую насмерть, нечего отступать! – кричали другие, упоенные успехом.

Подполковник Новашин и другие начальники должны были сами бежать за укрепления и с трудом остановили преследовавших.

Преследование могло быть гибельным для нас. Французы готовили новые и значительные силы для штурма. Они могли по пятам горсти преследователей ворваться на батарею. Все это вынуждало наших начальников приказывать отступать как можно скорее. И действительно, едва только солдаты стали подходить ко рву, как из укреплений закричали: «Идут, опять идут!»

В это время офицеры Якутского полка, видя, что на батарее Жерве во время штурма прислуга при орудиях почти вся перебита, поставили к орудиям своих солдат.

– Сюда, ребята, – кричали они, – кто бывал в артиллерии!

Солдаты подбежали к орудиям, и заревели выстрелы навстречу наступавшим. Три раза бросались французы на штурм батареи Жерве, но каждый раз были отбрасываемы картечным и ружейным огнем. Понесся значительные потери, они не доходили и половины расстояния до батареи, возвращались назад, снова двигались вперед и, наконец, скрылись в своих траншеях...

«Множество французов и англичан, живых и здоровых, повалилось между мертвыми и ранеными, чтобы спастись от нашего огня; многие залегли в разных яминах и траве, чтобы дожидаться прекращения картечных выстрелов и батального огня и потом продолжать свое бегство. Преинтересно было смотреть, как из какой-нибудь ямы вдруг выскочит человек десять французов с ружьями наперевес, а иные, бросив всякое оружие, почти прилягут к земле и пустятся что ни есть духу бежать к своим траншеям, а наши так и грянут им со всех сторон вдогонку».

Предпринимая штурм, союзники были так уверены в успехе, что саперам было указано на те работы, которые должны быть произведены по овладении казармами и госпиталем; кроме различных инструментов, саперам приказано было иметь мешки с порохом для взрывания тех частей строений, где наши войска будут держаться с наибольшим упорством. Уверенность, что укрепления и город будут взяты, была всеобщей между солдатами союзных войск. Англичане запаслись различными закусками, чтобы позавтракать в Севастополе; раненый и взятый в плен французский офицер говорил, что напрасно заботятся о его перевязке, когда Севастополь через полчаса будет в руках его товарищей, и что тогда соотечественники перевяжут его.

Один французский капрал, ворвавшийся в числе прочих на батарею Жерве, бросив ружье, пошел дальше на Корабельную и, дойдя до церкви Белостокского полка, преспокойно сел на паперть. В пылу горячего боя его никто не заметил, но потом один из офицеров спросил, что он здесь делает.

– Жду своих, – отвечал он спокойно. – Через четверть часа наши возьмут Севастополь.

Ожидания его оказались напрасными, и союзники не достигли того, что считали несомненным.

Было только 7 часов утра, когда штурм был отбит на всех пунктах, и славный день 6 июня 1855 года, покрывший лавровым венком бойцов севастопольских, принадлежал истории героических подвигов, совершенных верными сынами России...

«Геройство и самоотвержение, – доносил главнокомандующий государю императору, – с коими все чины севастопольского гарнизона, от генерала до солдата, стремились исполнить свой долг, превосходят всякую похвалу. Пехота, моряки и артиллерийская прислуга при орудиях соревновались друг перед другом, и все, руководимые одним общим желанием отразить врага от Севастополя, с величайшим хладнокровием и мужеством исполняли обязанности свои и презирали смерть. Полевая артиллерия, размещенная на оборонительной линии, оказала

значительную услугу обороне».

Бомбардирование 5 июня и штурм 6-го стоили значительных потерь как нам, так и союзникам. В течение этих двух дней было выпущено с оборонительной линии 19 000 снарядов, тогда как неприятель израсходовал около 62 000 снарядов. Потеря гарнизона в оба дня состояла из 5446 человек. В 5-й (ныне 7-я) мушкетерской роте Севского полка, покрывшей себя бессмертной славой в этом жарком бою, осталось налицо после приступа только 33 человека. Командир роты, штабс-капитан Островский пал в начале дела, начальство над ротой принял подпоручик Келлер. Союзники также недосчитывались в своих рядах 6700 человек и нескольких генералов. Наибольшую потерю они понесли во время штурма. Все пространство впереди оборонительной линии было усеяно телами убитых.

– Зацвело поле, – говорили наши солдатики, поглядывая на разноцветные мундиры разноплеменных врагов.

На бастионах весело рассуждали о том, как шел супостат на приступ, как пошатнулся он, заболтался и показал пятки.

– Смотри-ка, братцы, – сказал один из брянцев, высунувшись из-за вала, – батюшки мои святы, сколько народу-то мы повалили!

– Царство им небесное, – заметил его товарищ, постарше летами. – Эти на новый штурм не полезут, а всякий павший воин, будь он свой или вражий, венца небесного достоин...

– Вестимо, достоин, – заметили товарищи, и несколько рук поднялось, чтобы сотворить крестное знамение.

Дивен русский солдат: грозный в минуты битвы, он лучший защитник побежденного. Недаром же в русском народе сложилась поговорка: «Лежачего не бьют». Завидев дерзкого врага, он хладнокровно целится в его колонны, встречает его штыком, прикладом, камнем, но стихнет битва – и бесстрашный защитник молится за убитого врага или под градом пуль ползет с манеркой в руках, чтобы утолить жажду или спасти раненого неприятеля.

Французы молча смотрели из своих траншей на подобных смельчаков, маханием шапок и другими жестами благодарили за участие к их страдающим товарищам; англичане поступали иначе: они стреляли по нашим солдатам, не обращая внимания на крики своих раненых и просьбы их прекратить огонь. Несмотря на то, наши солдатики подбирали тех, кто был поближе. Но их было слишком много: все пространство между неприятельскими траншеями и атакованными батареями было завалено телами.

Убитые лежали на валах и во рвах укреплений, их даже подбирали и за укреплениями в Корабельной слободке.

С отступлением атакующих обе стороны открыли канонаду по всей линии укреплений. Опять загремели выстрелы, полетели бомбы, вырывавшие новые жертвы. Потери от этой канонады были значительны; постоянно носили раненых; баркас за баркасом с печальным грузом отваливал от Павловского мыска и направлялся на Северную сторону к братским могилам. Для уменьшения убыли войска на бастионах были расположены за различными прикрытиями, а резервы отодвинуты назад. К вечеру канонада стала стихать.

На следующее утро по приглашению начальника 3-го отделения оборонительной линии контр-адмирала Панфилова был отслужен на 3-м бастионе благодарственный молебен.

На месте наименее опасном, но не закрытом от снарядов и штуцерных пуль матросы поставили несколько туров, покрыли их парчой и таким образом устроили нечто вроде аналая, вокруг которого собрались солдаты Камчатского полка и все население бастиона. Старший священник храброго полка отец Евгений Федюшин отслужил молебен под гулом выстрелов и свистом пуль.

Величественная была картина 3-го бастиона с толпой молящихся. Глубоко западали в душу

каждого торжественные слова молебна. Беспредельной верой в могущество Творца проникнуты были эти грозные, закопченные в пороховом дыму лица, с открытыми головами, толпившиеся к Св. Евангелию.

Окропив бастион святой водой, отец Евгений произнес слово, сообразное с обстоятельствами и особенно знаменательное по той обстановке, при которой оно было произнесено.

– Близ года уже наш полк, – говорил пастырь, – мужественно защищает вместе с другими войсками русскими богоспасаемый доселе сей град, столь драгоценный нашему отечеству.

Много утрат понесли вы, воины христолюбивые, при этой защите! Одни из ваших храбрых товарищей запечатлели уже исполнение своего святого долга кровью, другие самой жизнью! А вы, здесь предстоящие, сколько трудов, болезней, ран, лишений перенесли в это время!

Но вы не ропщите за то на премудрое Провидение. О нет, вы еще с большей покорностью произносите: «Да будет воля Твоя!»

Еще так недавно Ему было угодно испытать ваше терпение необходимой уступкой наших передовых укреплений, из которых особенно горько было вам уступить укрепление, носящее имя вашего полка (Камчатский люнет), укрепление особенно вам дорогое как по своей с вами соименности, так и по крови многих ваших товарищей, на нем пролитой во время его сооружения.

Что же произошло? Мы смирились перед благим Промыслом, повторяя непрестанно: «Да будет воля Твоя». Враг же наш, вероятно, возгордился! Но праведный Судья сотворил по истине: Господь, гордым противящийся, смиренным же дающий благодать, даровал нам вчера победу над возгордившимся врагом нашим, который, в опьянении мгновенного успеха, устремился на взятие самого града нашего, думая победить и сокрушить храбрых его защитников... Слава Всемогущему! Честь храброму воинству и доблестным вождям его. Отбитый враг бежал, тысячами трупов устлав свои следы!

Доблестные воины! Ваш подвиг еще не окончен. Вам предстоит еще много трудов, много жертв: Православие ждет от вас торжества своему делу, отечество – прежнего для себя покоя; Великий Государь надеется, что древняя слава знамен ваших, Его доверием вам врученных, вновь озарена будет блеском вашего оружия; совесть требует исполнения вашего долга – уничтожить врага, дерзнувшего нарушить неприкосновенность наших пределов, осквернить своей пятой стогны наших градов, лишит спокойствия мирных граждан, пролить потоки невинной крови, оскорбить святость алтарей Христовых!..

Укрепляйтесь же на новые труды и подвиги верой в милосердного Бога, без воли которого, помните, не спадет и влас с главы вашей; надейтесь на Него, Всемогущего, и пребудьте тверды в борьбе с врагами отечества нашего.

В тот же день, около 4 часов пополудни, по просьбе союзных главнокомандующих было назначено перемирие для уборки тел, продолжавшееся до самого вечера. Угрюмы были лица пришедших сюда французов, всегда веселые и шутливые, они на этот раз смотрели как-то невесело.

– Небось, присмирел француз, – говорили солдаты, – сбили, видно, спесь-то! Почаще бы его так угощать.

Число убитых и оставшихся на поле сражения было так велико, что у французов даже не достало носилок для поднятия трупов, и заведующий уборкой их просил, чтобы те тела, которые остались вблизи наших укреплений, были погребены нами.

Наши солдаты смотрели бодро и весело, они забыли о потере передовых укреплений и под влиянием блистательно отбитого штурма были убеждены, что Севастополь не может быть взят неприятелем.

Известие об отбитии штурма быстро облетело не только все уголки России, но и все концы вселенной. Русские люди встретили торжество своего оружия с особой радостью, они слали свой привет, благословение и молитву героям этого дня: собирались в кружки, толковали о славном для России дне 6 июня и вспоминали славных защитников родного города.

Государь император, желая ознаменовать день отбития штурма, Всемиловейше пожаловал всем нижним чинам, участвовавшим в деле, по два рубля серебром и в милостивом внимании к главнокомандующему высочайше повелеть соизволил: славному Брянскому полку именоваться егерским генерал-адъютанта князя Горчакова 2-го полком.

«Постоянно полезное служение ваше, – писал император в рескрипте князю Горчакову, – и достохвальное самоотвержение при беспримерной в летописях военной истории обороне Севастополя приобрели вам право на особенное мое благоволение. Ныне 6 июня предводительствуемые вами войска отразили штурм неприятеля на левый фланг нашей оборонительной линии и покрыли себя новой неувядаемой славой.

Поручаю вам изъявить всем чинам сих войск душевную мою благодарность за их непоколебимую твердость, мужество и неустрашимость. Вместе с тем желая и вам лично изъявить искреннюю мою признательность за столь доблестный подвиг русского оружия, я повелел Брянскому егерскому полку, коего вы состоите шефом, именоваться егерским имени вашего полком».

Положение Севастополя после штурма. – Заслуги и деятельность гарнизона. – Жизнь на батареях и бастионах. – Русская удаль и молодечество. – Матросский сын Пищенко. – Посещение Севастополя преосвященным Иннокентием. – Праздник Брянского полка. – Осада и защита с 6 по 28 июля. – Смерть адмирала Нахимова. – Его деятельность и заслуга. – Смерть лорда Раггана

Прошло с лишком девять месяцев с тех пор, как взоры всего света обратились на Севастополь и его храбрых защитников. Флоты двух величайших морских держав и сухопутные армии четырех сильнейших государств разбивались о живые стены русских солдат, защищавших город, укрепленный в начале осады только с морской стороны, а с сухого пути имевший незначительные земляные насыпи.

В течение девяти месяцев осады союзники удивили свет тем, что бросили в город более полумиллиона бомб и ядер самого большого калибра; русские удивили своей стойкостью, мужеством и безустанной деятельностью. Отборные воины Франции, Англии, Турции и Сардинии, по собственному их сознанию, в течение девяти месяцев успели отвоевать себе такое пространство русской земли, «которое можно было бы окружить ремнями, нарезанными из одной воловьей шкуры», и для этого неважного успеха пожертвовали миллионами золота и десятками тысяч людей.

Севастополь все это уложил в своих недрах. Он похоронил несколько тысяч славных сынов России, но все-таки стоял по-прежнему непобедимым. Расстреливаемый со всех сторон, он в эту пору был уже не город, а пространная пещь Вавилонская, в которой находились не три отрока, а тысячи героев и мучеников – целая многочисленная рать наша. Увенчанный огнедышащим венцом, многострадальный город сохранял мученическое положение не дни и недели, а десятки месяцев.

– По столь необычайной тесноте и озлоблению, – говорил преосвященный Иннокентий в одной из своих проповедей, – продолжающимся притом столь долгое время, естественно, что мы ожидали увидеть в защитниках осаждаемого города хоть мужество, но дошедшее до крайности и истощения; предполагали найти хоть пламенное желание продолжать стоять против врагов, но без твердой надежды отстоять защищаемое. И что же нас встретило там? Терпение – без конца, мужество – без всех пределов и условий, самоотвержение всецелое, упование полное и непоколебимое. Там нашли мы такое презрение к смерти, такую любовь к отечеству, такую преданность воле Божией, что, вместо того чтобы поучать чему-либо слушавших нас, мы сами учились у них великой науке жить и умирать за веру и отечество.

И действительно, посетив Севастополь, нельзя было не дивиться его смелому гарнизону. Один город, на краю отдаленного от сердца империи полуострова, стоял как скала, о которую разрушались все силы, все надежды вражьи. То, к чему союзники готовились девять месяцев, было уничтожено в один славный день 6 июня.

Правда, в продолжение столь долгого времени Севастополь сильно пострадал и не был похож на прежний мирный и живописный город.

С падением трех передовых укреплений в городе, за исключением Николаевской площади, не было безопасного места. Куда прежде залетали только ракеты, теперь стали там появляться бомбы, ядра, а иногда и пули. Екатерининская улица опустела: обитатели ее переселились или на Северную сторону, или в Николаевскую казарму, и не было уже на ней прежнего движения, почти все дома были повреждены, лавки заперты. На бульварах, где собиралось много гуляющих, теперь было совершенно пусто. Многие жители, оставляя город, уезжали далее

внутрь Крымского полуострова. Город становился исключительно на военную ногу. Один только рынок, бывший близ 7-го бастиона, в начале Морской улицы, кишел еще народом, несмотря на частое посещение незваных гостей, посылаемых с батарей неприятеля.

На Северной стороне города, за большим северным укреплением, образовался целый город. Основание ему положили маркитанты, представители базара, выстроившие себе балаганы и шалаши. К ним присоединились потом базарные торговки, удаленные с Южной стороны, и большая часть купцов, переселившихся из города. Базар с каждым днем расширялся от наплыва переселяющихся; образовались две главные улицы из балаганов и шалашей, а по сторонам их явилось множество землянок и палаток. С утра и до вечера это новое поселение оживлено было постоянным движением самой разнообразной толпы. Маркитанты устроили в палатках несколько трактиров, куда собирались офицеры со всех концов оборонительной линии. Для охранения порядка явилась полиция, городская стража, явились комиссионеры и предприниматели всякого сорта. Здесь было все, что человеку надо: трактиры, портные, сапожники, галантерейные и бакалейные лавки, гробовые мастера и пр. Здесь был постоянный шум, движение, изредка нарушаемое как бы нечаянно залетевшей неприятельской ракетой, напоминающей о близкой осаде города.

Последствия осады чувствовали во всех удаленных и до сих пор мирных уголках. Трудно было отыскать такое место на Южной стороне, где бы можно было отдохнуть и забыться от окружающей боевой обстановки. Союзники стали обстреливать рейд; наши корабли отодвигались от выстрелов, которые достигали до пристани на Северной и от времени до времени калечили там людей.

В эту горячую пору все просились на оборонительную линию, на батареи и бастионы, и никто не хотел оставаться в городе. Здесь каждый точно так же подвергался ежеминутной опасности быть убитым без всякой славы для себя и без всякой пользы для отечества.

– Если уже суждено быть убитому, – говорили защитники, – то пусть постигнет эта участь при исполнении долга, в первой перед неприятелем линии, нежели на прогулке, во время сна или где-нибудь еще того хуже.

Назначение на оборонительную линию принималось с радостью, и переселение совершалось быстро, хотя и с некоторыми затруднениями в пути. Приходилось идти по траншейкам и открытому месту, по подземной галерее и разными зигзагами проталкиваться между командами солдат, собирающихся на ночные работы, и рисковать на каждом шагу наткнуться на штык, если путешествие совершалось вечером. Падающие снаряды заставляют, бывало, не один раз поклониться своему новому месту служения.

На бастионах каждый вновь прибывший принимался с таким братским радушием, с которым встречаются только родные братья или выросшие вместе товарищи. Спускаясь по крутой лесенке в блиндаж, он входил в него как в давно знакомую квартиру.

В некоторых местах, как, например, на 3-м бастионе, блиндажи устраивались относительно роскошными. Стены были обшиты досками, обиты парусиной и потом оклеены голубыми обоями. Прямо перед входом стоял небольшой шкаф, наполненный тарелками, стаканами и прочими хозяйственными принадлежностями. Это был буфет и вместе передняя. Дверь налево вела в офицерское отделение, направо – в длинную подземную казарму, в которой располагалась прислуга от ближайших орудий. Потолок этого здания составлял толстый накатник, уложенный в три ряда и сверху засыпанный футов на шесть хорошо утрамбованной землей, так что неприятельские бомбы не пробивали его. Впоследствии от сотрясения, производимого бомбами, парусина лопалась, обои отклеивались, так что к концу осады остались только одни лохмотья. Свет проходил через четырехугольное отверстие, проделанное в стене и вместо стекол завешанное кисеей, в защиту от мух и пыли.

Небольшое офицерское отделение блиндажа было всегда переполнено офицерами: одни пили чай, другие хором напевали песню, там играли в карты, здесь – в шахматы.

Песни и порой музыка продолжались иногда далеко за полночь. На 6-м бастионе были фортепиано и там довольно часто устраивались музыкальные вечера, скрипка и кларнет приходили с 4-го бастиона, а с 5-го – флейта. Шумное и веселое общество можно было встретить в блиндаже во всякое время дня и ночи.

Одни приходили в блиндаж, другие уходили из него подышать чистым воздухом и полюбоваться тихой темной южной ночью.

До самого рассвета почти никто не ложился спать, и ночь проводили с особой осторожностью. Цепь и секреты охраняют бастион снаружи, прикрытие не сходит с банкета, а орудийная прислуга находится непременно возле своих орудий. Черные тела чугунных пушек угрюмо смотрят в амбразуры, и, наведенные на случай нового штурма, они таят в своих огромных жерлах тяжелую картечь, готовую осыпать наступающих при первом их движении. Воткнутые возле орудий зажженные фитили светятся, как заостренный и раскаленный уголь.

Ночная тишина нарушается редким полетом бомбы или ядра да свистом пули, то звенящей, как струна, то отрывисто пощелкивающей, попадая во что-нибудь твердое. В глубине батареи тянется смена солдат, назначенных в прикрытие. Солдаты, выделяясь из рядов, поодиночке подбегают к освещенному батарейному образу.

Теплящиеся у божницы восковые свечи бросают вокруг причудливый матовый свет, полуобрисовывая лишь на ночном фоне энергические спокойные лица подходящих молиться солдат. «Осняя себя крестным знаменем, каждый из них творил краткую молитву, иногда тихо, иногда во весь голос, а потом, задумчиво отодвинувшись назад, совершенно терялся во мраке».

Возле амбразуры сидит матрос, покуривая трубочку и мурлыча себе под нос, в отдалении видны несколько человек лежащих солдат. Они совершенно покойны. [Где же ужасы осады?] – спросите вы, смотря на эти спокойные лица. А вот подойдите к амбразуре, завешанной тросовым щитом.

– Здесь не ходите, ваше благородие, – скажет вам сидящий возле матрос, – как бы того...

– А что такое? – спросите вы.

– Пульки-с!.. – проговорит он, как бы нехотя.

– Ну, так что ж?

– Да вишь, как садит-то, эта амбразура нехорошее место.

В самом деле, пули так и барабанят по тросовому щиту, иная прорвется внутрь бастиона и зазвучит, как струна, тонким приятным звуком.

– А как же ты сидишь? – спросит подошедший.

– Мы ведь здешние... – проговорит он совершенно равнодушно, по-прежнему потягивая трубочку и сплевывая на сторону.

Рассветает. Солдаты, оставив дежурных у орудий, отправляются отдыхать одни в блиндаж, другие в разные поделанные ими норки и конуры. Прикрытие также сходит с банкета, оставляя там одних штуцерных. Половина людей приискивает себе место отдыха на батарее, где и располагается, не снимая амуниции; другая половина отправляется во вторую линию в ближайшие блиндажи, устроенные позади бастионов в соединительных траншеях. Как пещерные кельи, идут они, «углубляясь по обеим сторонам траншеи, выглядывая длинной вереницей дверок, дверец и дверей, порой створчатых, со стеклами даже. Когда бы ни приходилось проходить этой траншеей, постоянно можно было видеть ставившиеся в ней, у дверей блиндажиков, самовары, самоварчики или просто медные чайники – так что сверху траншеи беспрестанно вился дымок, точно бомбы рвались там поминутно».

С наступлением дня все оживает на бастионе: в разных направлениях работают солдаты – кто чинит амбразуры, кто платформу, а там заменяют разбитые туры новыми. У входа в блиндаж видны два офицера: один сидит на картечи для бомбового орудия и читает книгу, другой поместился возле, на обрезке дерева, и то с наслаждением тянет через соломинку лимонад, то напевает любимую песенку; в стороне сидят два солдата, из которых один тачает сапоги, другой, усталый и измученный, тянет из-за голенища чубук и трубку. По площадке расхаживают несколько кур и петух, содержимые солдатами в полном довольстве. На батарее Шварца был особенно знаменитый петух, прозванный Пелисеевым (Пелисье – французский главнокомандующий). Однажды бомба так напугала Пелисеева, что он с ужасным криком перелетел через вал и скатился в ров. Недолго думая молодой матрос бросился спасать офицерского петуха. Не обращая внимания на сыпавшиеся пули, он вскочил в амбразуру и, подобно петуху, тем же путем покатился в ров. Французы, увидя из своих траншей всю эту проделку, прекратили огонь, захлопали в ладоши сначала петуху, а потом и матросу. Пелисеев был спасен и долго потом расхаживал по батарейной площадке, служа предметом забавы для солдат в их однообразной жизни.

Проделки, подобные той, которую выкинул матрос, догоняя петуха, повторялись нередко. Мы приведем некоторые из них.

Был май месяц. В ложементах наших, возведенных перед 3-м бастионом, сидела команда штуцерных Камчатского егерского полка.

– Смотри, смотри! – закричал егерь Евсеев. – Что-с катится мимо!

– Чего тебе катится? Аль не видишь – заяц бежит.

– Катай его, Кузнецов, – на тебя бежит!

– Не замай его, – заметил четвертый солдатик, – может, оборотень какой...

Но Кузнецов прицелился: выстрел грянул – заяц убит.

В английских ложементах послышался смех.

Заяц лежал на середине между нашими и неприятельскими ложементами.

Ефим Кузнецов^[26] перекрестился и вслед за выстрелом схватил у товарища заряженный штуцер, выскочил из ложемента и побежал к убитому зайцу. Командующий отделением унтер-офицер и опомниться не успел, как Кузнецов был уже за валом. Наши и англичане забыли на время перестрелку, высунулись из ложементов и смотрели на удалца. Кузнецов схватил зайца за задние ноги, поднял ружье наизготовку и стал задом отходить к своим ложементам.

Англичане встретили смелую выходку удалого егеря единодушным «Ура!» и хлопали в ладоши. Кузнецов приостановился, снял шапку и, показав врагам зайца, скрылся в ложементах.

Головы спрятались – перестрелка закипела.

Кузнецов представил зайца командиру полка – и посыпались рубли удалому стрелку... А Кузнецов? Он с удивлением смотрел и понять не мог, где же тут молодечество: убил зайца, известное дело – не бросить же убитого зверя!..

Так разнообразили штуцерники свое скучное сиденье в ложементах. На 4-м бастионе почти в то же самое время явился большой бумажный змей, который долго летал над французскими траншеями, вызывая со стороны неприятеля батальный огонь и всеобщий смех. На других пунктах оборонительной линии появлялись на валу батареи на одном мельница, на другом – солдатик, ворочающийся по ветру, а на третьем – пильщик, установленный так, что постоянно находится в движении. Бывало, как появится такая забава, так и посыпятся из неприятельских траншей выстрелы. Солдаты смеются, а французы или англичане тешатся до тех пор, пока не собьют выставленной фигуры или начальник бастиона не прикажет снять из опасения, что она привлекает выстрелы. Потешившись над французами и томимые невыносимой жарой, солдаты расходятся в разные стороны, отыскивая прохлады: кто уходит в блиндаж, кто ищет хоть клочка

тени. Мириады мух не дают покоя. В жаркие дни мухи сильно одолевали живущих на батареях. Это был второй внутренний враг, невыносимый в особенности для раненых. «На бастионах посредством так называемых камуфлетов уничтожали мух беспощадно. Когда в блиндаж набиралось их много, рассыпали по столу дорожки пороха и делали вспышку. Таким образом уничтожались мириады мух».

С наступлением дня пуля за пулей так и шмыгают повсюду, распевая на разные голоса. Навстречу этим пулям идет иногда солдат, неся ведро щей на обед товарищам и тихо переваливаясь с ноги на ногу. Часто пуля подымает струю пыли не более как на вершок от его ступни, а он как будто не замечает и продолжает переваливаться. Теперь нет места, в особенности на Корабельной, где бы не шмыгали эти гости. Тот, кто видел Малахов курган еще в марте, теперь не узнал бы его совершенно: он как будто сжался, сбился в кучу. Малахов курган и многие другие укрепления похожи были на лабиринт, в котором человек непривычный мог запутаться, заблудиться. Вся площадка кургана изрезана траншеями и всякими насыпями, поделанными сколько для защиты от неприятельских снарядов, столько же и для ружейной обороны внутренности кургана на случай занятия передовой его части неприятелем. Башни нет, она разбита и как будто ушла в землю от нагроможденных вокруг ее построек. Прежде выглядывая из-за вала сколько хочешь, теперь нельзя и подумать о том, чтобы высунуться хотя на минутку: пули, как шмели, так и реют со всех сторон. Стоит только поднять фуражку на штыке или палке, как вмиг она оказывается простреленной во многих местах.

Здесь все переменилось, только русские люди остались те же. По-прежнему видны группы беззаботных солдат, то веселых и смеющихся, то лежащих, раскинувшись во весь рост, и как будто нарочно подставляющих себя всяким снарядам. Тут же, в местах двух-трех, видны бабы, торгующие луком, хлебом, вяленой рыбой. В стороне, на площадке одной из батарей, пользуясь хорошей погодой, обедают офицеры; один сидит на пружинном кресле, занесенном сюда из города еще с начала осады, другой поместился на картонной жестянке, подложив под нее несколько поддонов или деревянных кружков. Возле них стоит русский мужичок-разносчик, являющийся на батареи раза два в день, несмотря ни на какую опасность. На груди его висит на георгиевской ленточке медаль с надписью «За храбрость». В сотый раз он рассказывает одним и тем же офицерам, что пожалован был этой медалью за то, что ходил с Хрулевым Степаном Александровичем во французские траншеи 10 марта.

– Пришел я, – говорит он, – на курган с корзинкой – заказ был от офицеров. Ну а наши «Ура!» кричат, так и заливаются – погнались, стало быть, француза. Резервы проходят, солдатики говорят: бери ружье, сходи-ка в траншею, – что тут сидишь без толку... Бросил я корзину, добыл ружье – да в траншею. Не помню, что было, только как в чувство пришел – в госпиталь положили...

Таких охотников-волонтеров было много в Севастополе, не только взрослых, но и детей, преимущественно сыновей матросов. Посещая часто бастионы, они оставались на них и в минуты самого жаркого боя помогали солдатам: то воду таскали, то заряды подавали. На 1-м бастионе долго служили два мальчика, один 14, а другой не более 6 лет. Старшему в июне оторвало обе ноги, но он остался жив; младший же вышел из Севастополя целым и невредимым. Более других прославился десятилетний сын матроса Николай Пищенко. Отец его Тимофей служил комендором на одной из батарей близ 5-го бастиона. Молодой Пищенко, известный под именем Николки, жил на батарее и прислуживал отцу. В день второго бомбардирования Тимофей Пищенко был убит, но Николка все-таки остался на батарее. Забежав однажды на редут Шварца, он увидел там девять небольших мортир.

– Позвольте мне выстрелить из мортирки, – упрашивал он командира редута.

Тот дозволил. Пищенко выстрелил, и весьма удачно. Ему так понравилось это, что он,

поселившись на редуте, поступил на мортирную батарею под команду одного из матросов. Впоследствии матрос этот был убит, а Пищенко стал самостоятельно заправлять мортирой. В коротких брюках, в отцовской куртке, хватавшей до колен, и босиком, он неутомимо трудился над своей мортирой. Главнокомандующий наградил Пищенко сначала медалью, а потом и Георгиевским крестом. Все любовались, как Пищенко изо дня в день копошился возле своих орудий. Бывало, подойдут к нему офицеры и прикажут выстрелить из мортирки для потехи. Пищенко в восторге и с особой любовью смотрит за полетом своей бомбы, в ответ на которую пролетит из неприятельских траншей или «темное» – ядро, или посыпятся ружейные выстрелы.

Подобными проделками жители бастиона разнообразили свою жизнь. По воскресеньям и другим праздникам на батареях и бастионах служили молебны. Благоговейное спокойствие и величие божественной службы проливали надолго успокоительную отраду, заставляя защитников забывать их трудное положение. Особенной торжественностью отличалась служба, совершенная посетившим Севастополь высокопреосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим, по случаю праздника, даваемого главнокомандующим Брянскому полку, наименованному егерским генерал-адъютанта князя Горчакова 2-го полком.

В ночь 25 июня егерский князя Горчакова полк был перевезен на Северную сторону. На другой день со всех бастионов и батарей было собрано по несколько человек от каждой части для присутствия на празднике. Все они собрались утром 26 июня в церковь, где и услышали из уст красноречивого пастыря слово правды и истины о своих заслугах. После литургии при звоне колоколов и гремевшей усиленной канонады архипастырь, с жезлом в руке, вышел из храма на площадь к собранному на ней войску и остановился перед рядами воинов, только что сошедших с бастионов и батарей. Все смолкло. Черные загорелые лица защитников в молчаливом благоговении ожидали благословения. Перед ними стоял архиепископ в святительских ризах. Величественна была картина площади, еще более торжественны были слова архипастыря.

– Не поучение говорить вам мы прибыли сюда, – сказал высокопреосвященный Иннокентий, – нет, мы явились учиться у вас, славные защитники града, учиться, как исполнять заповедь Христа Спасителя: оставь отца, мать свою и дом свой, возьми крест и приди ко Мне! Впредь, поучая паству свою, мне не надобно далеко искать примеров добродетели: я скажу им: «Иди в град сей и поучись у первого встречного из братьев твоих – защитников веры и мест, откуда впервые разлилось православие на родину нашу: пади ниц, место бо сие свято есть!»

С глубоким умилением слушали храбрые воины эту высокую оценку своих подвигов и, возвратившись на бастионы, передавали товарищам благословение архипастыря.

В 11 часов утра на Северной стороне, в виду осажденного города, были разбиты шатры и накрыты столы для нижних чинов. Построенный в колонны полк встретил главнокомандующего.

Генерал-адъютант князь Горчаков приветствовал храбрых егерей следующими словами:

– Государь Император, в высокой милости ко мне, Высочайше повелел храброму Брянскому егерскому полку именоваться полком моего имени.

Товарищи! Первая моя боевая служба в чине генерала была совершена со славным Брянским полком – в 1828 году. В войне с турками с двумя батальонами брянцев мы совершили боевую переправу через Дунай. Уверен, что испытанные в боях брянцы, нося имя своего главнокомандующего, будут служить примером для армии!.. Защищая родной наш Севастополь, мы сумеем победить кичливого врага и сделаемся достойными высокой чести, которую почтил меня монарх наш.

Преосвященный архиепископ, свидетель нашего праздника, благословил нас на новый праздник – на бой кровавый за веру православную, за царя русского, за Отчизну святую!..

Ребята – нашему батюшке царю – «Ура!»...

Громкий крик, вырвавшийся из могучей груди богатырей, огласил прибрежные ущелья и, смешавшись с гулом выстрелов, отозвался в неприятельских траншеях. Составив ружья и сняв боевую амуницию, солдаты отправились к столам, и первая чарка русского воина при громких криках «Ура!» была выпита за русского царя:

«И чаша первая, и первый гимн, Тебе!»

Затем на середину братского кружка вышел командир полка, полковник Ганн.

– Ребята! – сказал он, высоко подымая чарку. – В день грозной атаки неприятеля 6 июня на бастион наш (бастион № 3), когда густые колонны врага лезли на бруствер, я напомнил вам, брянцы, что шеф полка и главнокомандующий смотрит на нас! Атака отражена, Государь Император, повелев брянцам называться именем генерал-адъютанта князя Горчакова, оказал нам новую высокую милость. Покажем врагу и нашим доблестным товарищам, что полк достоин носить имя вождя русской армии – имя князя Горчакова!..

И новое восторженное «Ура!» огласило окрестность.

Веселый пир продолжался до поздней ночи. На следующее утро полк переправился на Южную сторону и снова расположился на 3-м бастионе.

Все пошло по-прежнему, по-старому...

На Корабельной производились усиленные земляные работы: позади оборонительной линии, в укрытии резервов и для обстреливания Малахова кургана.

Среди работ самая живая перестрелка продолжалась днем и ночью.

На третий день после штурма, 8 июня, был ранен заведующий инженерными работами генерал Тотлебен. Рана скоро приняла опасный характер, так что он принужден был оставить южную часть города и передать заведование работами на Городской стороне командиру 3-го саперного батальона полковнику Гарднеру, а на Корабельной сначала инженер-штабс-капитану Тидебелю, а потом вновь прибывшему полковнику Геннериху. При этом генерал Тотлебен хотя и сохранял за собой главное руководство работами, но был лишен возможности следить за их ходом.

Неудачный для союзников штурм 6 июня произвел на них весьма невыгодное впечатление, так что у англичан явилась даже мысль о совершенном прекращении работ против 3-го бастиона. Английский генерал Джонс доказывал, что батареи их не в состоянии преодолеть огня 3-го бастиона и смежных с ним укреплений и что войска при вторичном штурме будут точно так же отбиты. Это мнение встретило опровержение со стороны начальника французских инженеров генерала Ниеля, настаивавшего на том, чтобы англичане не останавливали своих работ. После продолжительного обсуждения этого вопроса союзные главнокомандующие решились вести подступы и приближаться к нашей оборонительной линии. К 28 июня они подошли к Малахову кургану на 110 сажень и устроили двенадцать новых батарей для действия по кургану, по 1-му, 2-му и 3-му бастионам. Близкое положение неприятеля и постоянная ружейная перестрелка отзывались значительной потерей в людях. Со дня штурма и по 28 июня мы лишились одного генерала, 65 штаб и обер-офицеров и 3163 человек нижних чинов. Кроме того, был легко контужен начальник штаба севастопольского гарнизона свиты Его Величества генерал-майор князь Васильчиков. Неприятель потерял за это время 1710 человек.

В четыре часа пополудни 28 июня Севастополь понес горестную утрату – он лишился доблестного адмирала Павла Степановича Нахимова.

С последних чисел мая, в особенности после занятия неприятелем трех передовых укреплений, Павел Степанович был постоянно мрачен и страдал от нескольких контузий, хотя всегда скрывал это. Деятельность его не ослабевала ни на минуту; только один раз решился он два дня не выходить из дому, «но беспокойство взяло верх над телесным утомлением, и Павел

Степанович продолжал по-прежнему беспрестанно посещать самые опасные места, пренебрегая всеми просьбами». На все увещания поберечь себя он отвечал, что «ведь когда-нибудь да убьют его».

Когда Екатерининская улица стала торной дорогой для вражьих снарядов, когда на площадь дворянского собрания сыпались ядра как горох, все стали перебираться в более безопасные места, но Нахимов оставался в своем домике, подвергаясь ежеминутной опасности. Главнокомандующий просил Павла Степановича перебраться под своды Николаевской батареи, где можно было хотя спать спокойно, но адмирал не согласился, считая излишним искать защиты в доме, когда почти целые сутки он жил на бастионах.

После полудня 28 июня неприятель открыл сильную канонаду по 3-му бастиону. Объезжая, по обыкновению, оборонительную линию, Павел Степанович в сопровождении своих адъютантов отправился туда, где была опасность, откуда были слышны выстрелы. Его уговаривали не ездить, но он, не слушая ничьих советов, говорил: «Как едешь на бастион – веселее дышишь».

Когда адмирал стал приближаться со своей свитой к оборонительной линии, бомба пролетела над головами ехавших.

– Видите, нас приветствуют, – проговорил адмирал и всю дорогу был разговорчив и весел.

Побывавши на 3-м бастионе, Нахимов отправился на Малахов курган (Корнилов бастион), стоивший Севастополю столько драгоценной крови. Артиллерийского огня здесь почти не было, только свист штуцерных пуль показывал, что неприятельские стрелки зорко следят за неосторожными храбрецами. Павел Степанович взошел на банкет^[27] и, взяв трубу, стал рассматривать неприятельские работы, черным цветом своего сюртука и золотыми эполетами он резко отличался от окружающих его и служил целью для неприятельских стрелков.

Начальник 4-го отделения оборонительной линии и Малахова кургана капитан 1 ранга Керн был у всенощной, когда ему доложили о приезде адмирала. Он вышел к нему навстречу и, видя, что адмирал слишком настойчиво смотрит в амбразуру, решился как-нибудь увести его с этого опасного места.

– Не угодно ли вам отслушать всенощную? – сказал он адмиралу.

– А вот сейчас приду-с, я вас не держу – вы ступайте, – отвечал Павел Степанович.

В это время пуля ударила возле него в земляной мешок.

– Они целят довольно хорошо, – проговорил Нахимов, оставаясь спокойно на месте.

Кто-то из прислуги, стоявшей возле орудий, решился заметить о грозящей ему опасности.

– Это дело случая, – заметил он и вслед затем отдал трубу и хотел уйти.

В это время с одной из наших батарей была пущена бомба.

– Ишь как ловко зацепила, – проговорил сигнальщик, следивший за полетом бомбы. – Трех сразу так и подняло.

Павел Степанович остановился, хотел взглянуть, но вдруг упал, раненный в висок выше левого глаза.

Это был канун его именин.

Нахимов тут же впал в совершенное беспамятство, которое и продолжалось до самой кончины. Его тотчас же перевезли на Северную сторону, где он и скончался 30 июня в 11 часов пополудни.

Только теперь, когда стали обмывать тело покойного, можно было удостовериться в действительности контузий, в получении которых адмирал не хотел признаться, – вся спина его была совершенно синяя.

Известие о том, что Нахимов смертельно ранен, а потом что его не стало, быстро облетело все бастионы – и дрогнули защитники Севастополя, когда теплое сердце этого честного,

бескорыстного и замечательного человека перестало биться и чистейшая душа этого рыцаря без страха и упрека отлетела в вечность.

«Совершилось предопределение, и бодрый дух, витавший над бастионами мученика Севастополя, жививший его защитников в течение десятимесячной томительной, однообразно-кровавой обороны, отлетел в вечность! Не стало любимца Черноморского флота, их вожатого к славе, товарища в лишениях, утешителя в неудачах и бедствиях». Не стало героя Синопа и деятельного помощника начальника славного гарнизона севастопольского.

Одни теряли в лице Павла Степановича Нахимова неутомимого и вполне бескорыстного деятеля, другие – заботливого отца-начальника, посвятившего свою жизнь и имущество на пользу его подчиненных, наконец, Россия лишилась в нем горячо любящего ее сына, оберегателя ее славы и могущества.

Смерть Нахимова, как весть о проигранном сражении, произвела всеобщее уныние, это был самый сильный громовой удар, какой только испытали защитники бастионов.

Человек с сильным и энергическим характером, скрываемым под скромным и простодушным видом, Нахимов был чужд всякого эгоизма и честолюбия. Не приписывавший себе ровно ничего, все относивший к заслугам своих подчиненных, Павел Степанович с самого начала осады стал душой защиты города, потому что все его действия были направлены на общую пользу, на служение отечеству. Своим постоянным присутствием в самых опасных местах адмирал поселил среди солдат полную доверенность, и казалось им, что там, где Нахимов – там не может быть неудачи.

Во время штурма неприятелем Камчатского люнета 26 мая одна матроска, стоя у дверей своего домика, горько плакала.

– Чего разревелась, баба? – спросил проходивший матрос.

– Сердешный ты мой, – отвечала она, – как не плакать мне, сынок-то мой на Камчатке, а вишь ты, что там за страсти делаются.

– Э-е, баба, да ведь Нахимов там, он что хочешь отстоит.

– И вправду, ну слава же Тебе Господи, – проговорила матроска, будто оживившись и кладя крестное знамение.

Павел Степанович никогда не предводительствовал сухопутными войсками, не водил их в атаку, но, постигая в совершенстве дух русского солдата, скоро вселил в них глубокое к себе уважение. Он знал, что солдат любит дело, а не громкие слова, и Нахимов никогда не прибегал к красноречию. Павел Степанович действовал на своих подчиненных примером и строгим требованием исполнения служебных обязанностей.

Однажды, при посещении редута Шварца, на глазах Нахимова неприятельское ядро подбило орудие. Павел Степанович подошел к нему и приказал снять занавешивавший амбразуру щит. Один из матросов полез исполнять приказание, но, несмотря на распоряжение не снимать фуражек перед начальством, счел необходимым снять ее перед своим адмиралом.

– Я ему дело говорю делать, а он-с фуражку ломает, – с досадой сказал Нахимов, обращаясь к присутствовавшим. – А все-таки молодец, – прибавил адмирал, видя, что матрос, несмотря на сыпавшиеся на него пули, снимал щит, зайдя с неприятельской стороны. Осмотревши амбразуру и направление неприятельских орудий, Павел Степанович пошел далее.

– Когда дело велят делать, – заметил он ласково тому же матросу, – пустяками заниматься нечего-с.

Оставшийся в восторге от похвалы такого начальника, матрос, наверное, не снимал уже больше фуражки, да и товарищи его точно так же. Солдаты любили Нахимова беспрдельно за его заботы о их нуждах, они знали, что не было такого предмета, о котором бы не заботился Нахимов, знали, что адмирал спит не раздеваясь, чтобы всегда быть готовым на службу, что у

него не было назначенных часов для приема и что его можно было видеть во всякое время дня и ночи. Все, что имел и что мог выхлопотать, он готов был отдать своим подчиненным.

В октябре 1854 года ко многим другим бедствиям, неразлучным с осадой города, присоединилась и холера в Севастополе. Нахимов принял самое горячее участие как в предохранении войск от болезни на бастионах, так и в доставлении заболевавшим всех медикаментов, выбор которых предоставил доктору Зейману. Последнему он поручил в случае каких-либо затруднений приобретать все необходимое для больных на его собственный счет.

Деятельность Павла Степановича на облегчение страдания больных и раненых была неутомимая и неисчерпаемая. В самый разгар его трудов, когда Нахимов был начальником моряков в Севастополе, главным командиром порта, севастопольским губернатором и помощником начальника гарнизона, не только не останавливалось самое малейшее дело, но никто не уходил от адмирала, не получив удовлетворения, в особенности если дело шло об участии больных и страждущих. Нужды последних удовлетворялись быстро, скоро, и никогда не случалось, чтобы адмирал не исполнил того, что обещал. Дело, представленное Павлу Степановичу и им одобренное, можно было считать исполненным. Откинув всякие формальности, Нахимов этим достиг возможности быстро и успешно приводить в исполнение свои намерения. Все доброе и полезное находило в нем заступника самого горячего и искреннего. Часто встречались потребности, по-видимому, нелегко или вовсе неудовлетворяемые, но стоило только об этих нуждах заявить Павлу Степановичу, и он всегда находил средство уладить дело. «Источник этот заключался единственно в его неутомимой деятельности, энергии, внимании ко всему, что его окружало, и в его теплом сердце!»

Нахимов всегда шел навстречу нужде своих подчиненных, как офицеров, так и солдат. Удостоившись получить от государя императора значительную аренду, он только и мечтал о том, как бы деньги эти употребить с наибольшей пользой для матросов и на оборону города. Получая значительное содержание, но не имея семейства и живя очень скромно, Павел Степанович никогда не имел денег, потому что раздавал их бедным и на пособие семействам матросов.

Офицеры также не раз испытывали на себе знаки внимания Павла Степановича; многие раненые были помещены в его квартире, другим он посылал различного рода лакомства, вино и другие предметы, которые в то время в Севастополе были очень редки и дороги.

После штурма 6 июня Павел Степанович обходил бастионы. Было три часа пополудни, когда он пришел на 3-й бастион. Люди и офицеры, все до единого, высыпали навстречу доблестному адмиралу. Окруженный толпой, он шел медленно, с одним только адъютантом, и, здороваясь с нижними чинами, благодарил их за отбитие штурма. Адмирал был, видимо, доволен происшествием дня: на вечно серьезном лице его была теперь заметна улыбка.

«День был жаркий, – пишет очевидец, – старик сильно вспотел и попросил воды с вином. К несчастью, в этот день у нас не было вина, и ему подали одной воды. Проводив адмирала до конца бастиона, мы раскланялись, а он пошел дальше. На другой день поутру пришел к командиру бастиона матрос с бочонком и с запиской, в которой адъютант адмирала Нахимова писал, что Павел Степанович, зная, что у нас нет вина и что в жаркие дни вредно пить одну воду, посылает нам бочонок вина. Нельзя было отказаться от подобного внимания почтенного адмирала, и мы с благодарностью приняли бочонок».

Своей заботой о всех и неутомимой деятельностью на бастионах, под жестоким огнем Нахимов приобрел себе всеобщую известность, стал народным героем, тем колоссальным русским богатырем, в которого, сколько ни бросай грязью, он вынесет ее на своих плечах и предстанет перед соотечественниками тем же чистым и безупречным человеком, каким его знал каждый из защитников многострадального города. Все видели в Нахимове человека, никогда не

ссорившегося со своей совестью и служившего образцом честности и бескорыстия. Не было ни одного солдата, ни одной рыночной бабы, которые бы не знали Нахимова и не называли его отцом-благодетелем. Утешить страдающего, примирить враждующих было главной заботой доблестного адмирала.

Случалось нередко, что Павел Степанович, не ожидая просьб и требований, сам приходил к младшим себя начальникам и справлялся об их нуждах, чтобы предупредить требование и оказать свое содействие. Со смертью Нахимова все до единого почувствовали, что не стало человека, при котором падение Севастополя казалось невозможным.

Умилительно трогательно было погребение героя Синопа и славного защитника Севастополя. В день кончины Павла Степановича, 30 июня, тело его было перевезено на Южную сторону. По сигналу с флагманского корабля «Великий князь Константин» на всех судах опустили флаги и команды вышли наверх. В это время показался катер, буксируемый тремя шлюпками, на котором помещалась госпитальная кровать с телом покойного адмирала. Катер остановился у Графской пристани, где тело было поднято офицерами и поставлено в скромном доме, где жил адмирал. Три флага приосеяли славный прах, четвертый – тот, который победно развевался на корабле «Императрица Мария» в день синопской битвы, – прикрывал тело знаменитого покойника. На столах лежали ордена, вокруг стоял почетный караул из моряков.

С шести часов утра 1 июля со всех мест обороны съезжались начальствующие лица, товарищи и подчиненные отдать последний долг павшему герою. Закаленные в бою защитники Севастополя, стоя у гроба Павла Степановича, горько плакали, и во главе их тогдашний главнокомандующий князь М. Д. Горчаков.

«Один за другим входили в комнату, – пишет очевидец, – матросы, солдаты, офицеры и простые обыватели и даже женщины, которым адмирал в последнее время приказал выехать из Севастополя. Я видел одного горько плачущего мужчину в обыкновенной одежде; женщины почти все плакали».

Погребение было назначено вечером 1 июля. В это время в городе было заметно особое движение: все суетились, бегали, на всех лицах было написано какое-то беспокойство, обнаруживавшее близость необыкновенного происшествия. Возле квартиры покойного стоял батальон Модлинского полка и моряки, выстроенные вдоль улицы. Не волновались обвитые крепом знамена, суровы и угрюмы были лица присутствующих. Гроб синопского победителя несли главнокомандующий, начальник гарнизона граф Остен-Сакен и другие генералы. При появлении его загредел полный поход, корабль «Великий князь Константин» стал салютовать, корабли спустили свои флаги до половины мачт.

Величественно было шествие в церковь посреди двух рядов солдат и при стечении огромной толпы зрителей. Офицеров было так много, что в церкви не было места, и большая часть их стояла на улице. Нахимова похоронили рядом с тремя другими адмиралами: Лазаревым, Корниловым и Истоминым, там, где в настоящее время высится великолепный храм во имя Св. Александра...[\[28\]](#)

Троекратный залп из ружей возвестил Севастополю, что один из первых его героев перешел в вечность.

Начальник гарнизона почтил память покойного следующим задушевным приказом:

«Храбрые защитники Севастополя!

Провидению угодно испытать нас новой тяжкой потерей: адмирал Нахимов, пораженный неприятельской пулей на Корниловом бастионе, сего числа (30 июня) скончался.

Не мы одни будем оплакивать потерю доблестного сослуживца, достойнейшего начальника, витязя без страха и упрека – вся Россия вместе с нами прольет слезы искреннего

сожаления о кончине героя синопского.

Моряки Черноморского флота! Он был свидетелем всех ваших доблестей, он умел ценить ваше несравненное самоотвержение, он разделял с вами опасности, руководил вас на пути славы и победы.

Преждевременная смерть доблестного адмирала возлагает на меня обязанность дорогой ценой воздать неприятелю за понесенную нами потерю. Каждый воин, стоящий на оборонительной линии Севастополя, жаждет, я несомненно уверен, исполнить этот священный долг, каждый матрос удесятерит усилие для славы русского оружия».

Вместо Нахимова помощником начальника гарнизона по морской части, командиром порта и военным губернатором города Севастополя был назначен контр-адмирал Панфилов. В течение десяти месяцев адмирал Панфилов командовал 3-м отделением оборонительной линии и все это время жил безотлучно на 3-м бастионе. Несмотря на все усилия англичан, ведших атаку против этого бастиона, наша артиллерия имела над неприятелем столь сильный перевес, что у англичан, как мы видели, родилось убеждение в неприступности 3-го бастиона. Призванный к более широкой деятельности и провожаемый всеобщим сожалением своих подчиненных, контр-адмирал Панфилов передал начальство над третьим отделением капитану 1 ранга Перелешину 1-му.

В английской армии произошли также перемены. Она понесла чувствительную потерю, лишившись своего главнокомандующего лорда Раглана, умершего от холеры. Главнокомандующим английской армией был назначен генерал-лейтенант Симпсон.

Осада и защита по 4 августа. – Сражение на Черной. – Подвиг Шелкунова

После штурма 6 июня атакующий обратил особенное внимание на Корабельную сторону и употреблял все усилия к тому, чтобы увеличить число батарей и подойти своими подступами как можно ближе к оборонительной линии.

В течение двух месяцев, июня и июля, он успел прибавить на своем вооружении 103 орудия, из коих только 17 орудий назначались для действия по Городской, а 86 – против Корабельной стороны. Столь значительной прибавке орудий обороняющийся мог противопоставить только одиннадцать новых орудий, поставленных на батареях, потому что все внимание наше в это время было сосредоточено на обороне внутренности укреплений в случае занятия их неприятелем и на устройстве плавучего моста через главную бухту, необходимого как для свободного движения войск с Южной стороны города на Северную, так и для доставления различного рода материалов. Мост этот устраивался между Михайловской и Николаевской батареями, где ширина бухты имеет около 450 сажень ширины. Это был самый большой мост, когда-либо наводимый для переправы войск в военное время.

Мысль об устройстве моста принадлежит инженер-генералу Бухмейеру, и вначале многие сомневались в возможности осуществления этой мысли. Большинство полагало, что устроить столь длинный мост через бухту, где часто бывает довольно сильное волнение, положительно невозможно. Несмотря на все препятствия, противопоставленные генералу Бухмейеру, он настойчиво трудился и, устроив мост, доказал, что все возражения были несправедливы. Постройка моста шла успешно и доставила виновнику его существования бессмертную славу. Без моста отступление гарнизона было бы невозможно. Устройство моста генерал Бухмейер оказал огромную услугу армии и дал ей средство совершить впоследствии блестящее отступление в глазах сильного противника.

В течение всего июня месяца неприятельская артиллерия действовала не очень сильно, но ружейная перестрелка не прекращалась. Обе стороны поддерживали самый частый ружейный огонь и расходовали ежедневно не менее 150 000 патронов с каждой стороны. По большей части союзники днем обстреливали те из наших батарей, против которых хотели ночью подвинуться вперед своими подступами. Не ограничиваясь стрельбой по батареям оборонительной линии, неприятель стрелял по городу, бухте и пускал ракеты против лагерей войск, расположенных на Северной стороне и на Инкерманских высотах. Действием неприятельской артиллерии было подбито несколько орудий, взорвано два пороховых погреба, произведено несколько пожаров в городе и разбит купол Михайловского собора во время происходившей в нем службы.

Взамен этого защитники частыми вылазками и метким огнем артиллерии производили значительные разрушения в неприятельских траншеях и нередко на несколько дней останавливали работы. То, что союзники успевали возвести в течение ночи, было часто до основания разрушаемо нами в течение дня. Огонь наших батарей был значительно сильнее по числу выпускаемых выстрелов. В течение дня батареи оборонительной линии выпускали до 5 с половиной тысяч снарядов, тогда как союзники производили около 1500 выстрелов.

Усиленный огонь наших батарей и каменистый грунт представляли огромные препятствия для работ неприятеля. Французы при всей своей деятельности в течение суток могли подвигаться вперед не более как на полторы или 2 с половиной сажени. Сознывая всю безуспешность работ, они решились приостановить на время свое движение вперед и возвести несколько новых батарей, чтобы огнем их сбить артиллерию нашу. Это было для них тем более необходимо, что наша артиллерия при содействии ежедневных вылазок наносила им

значительную потерю в людях. Отправляемые с различных пунктов оборонительной линии небольшими партиями охотники врывались в неприятельские траншеи, срывали их, разбрасывали туры, захватывали с собой мешки, ружья, инструменты и, отступая, подводили преследующего их неприятеля под картечный огонь наших батарей.

Подобное вторжение наших охотников заставляло союзников быть всегда настороже, содержать в своих траншеях значительные караулы, а иногда придвигать резервы. Случалось и так, что наши секреты вдруг нападут на неприятельские и тем вызовут тревогу по всем траншеям. Союзники, предполагая значительную вылазку, придвинут резервы, откроют сильный ружейный огонь, а с наших батарей по направлению этого огня осыпят траншеи картечью.

В течение июля было произведено девять больших и малых вылазок, весьма много содействовавших к замедлению работ атакующего. Хотя при таких вылазках наши отряды и несли значительные потери, но, беспокоя противника и обескураживая его, мы поддерживали превосходный военный дух в своих войсках. Вылазки всегда были и будут лучшим средством к уничтожению замыслов противника и к приведению в исполнение обороняющимся тех работ, которые он считал необходимыми.

Понятно, однако же, что ни вылазки, ни меткий артиллерийский огонь не могли задержать совершенно неприятеля, и он с каждым днем подходил ближе к нашей оборонительной линии и все более и более усиливался новыми батареями. К началу августа он подошел к Малахову кургану на 55 саженей и ко 2-му бастиону на 50 саженей. Он успел построить несколько новых батарей, на которых было поставлено 113 орудий, большей частью направленных против Малахова кургана и 2-го бастиона. Для противодействия этому числу новых орудий обороняющийся прибавил 40 орудий, и из них только 14 орудий было поставлено на укреплениях Корабельной стороны. От этого союзники приобрели значительный перевес в числе орудий, так что к 5 августа они могли открыть огонь из 638 орудий, тогда как защитники могли отвечать им только из 586 орудий. Не ограничиваясь этим численным перевесом в своем вооружении, атакующие имели запас в 250 орудий, для постановки которых намерены были вывести новые батареи и ожидали прибытия из Франции и Англии еще 400 больших мортир. Союзники собрали баснословное количество снарядов на своих батареях, что было видно простым глазом с наших батарей. У нас же, напротив того, по причине дурных путей сообщения чувствовался в них постоянный недостаток. Правда, к началу августа было доставлено в Севастополь 40 тысяч пудов пороха и 100 тысяч снарядов, но распределение доставляемых снарядов по орудиям было сделано неравномерно, так что некоторые орудия, как, например, 2-пудовые мортиры, не имели вовсе снарядов и принуждены были молчать. У французов и англичан было заготовлено от 350—450 зарядов на каждое орудие, тогда как у нас число это не превышало 210, а были орудия (мортиры), которые имели только по 60 зарядов.

Неприятель действовал медленно и запасался огромными средствами. Подступы его стесняли нас все более и более, и не существовало уже в Севастополе такого места, которое не было бы подвержено выстрелам. Пули реяли повсюду и свистели даже на Николаевской площади.

В начале августа весь гарнизон Севастополя с орудийной прислугой, саперами, пластунами и греческими волонтерами простирался только до 50 тысяч человек, разбросанных по всей оборонительной линии. Взаимное положение атакующего и защищающегося ясно указывало на затруднительное положение Севастополя: неприятель был только в 55 саженях от Малахова кургана — главного пункта атаки, он обладал значительным превосходством в численности войск и в запасах артиллерии. При таких средствах ему не стоило особого труда сбить артиллерию с батарей оборонительной линии и затем штурмовать город.

Севастополь, видимо, отживал последние дни. Чтобы отсрочить хотя на несколько дней его падение, необходимо было принять решительные меры, отвлечь хотя бы на время внимание противника от осажденного города. Таким отвлечением с нашей стороны могли быть только одни наступательные действия. Нельзя, однако же, не сознаться, что подобное предприятие при незначительности наших войск было крайне рискованно. Главнокомандующий крымской армией князь Горчаков 2-й был против наступательных действий и считал сумасшествием атаковать неприятеля, превосходящего нас в силах и занимающего, сверх того, недоступные позиции.

«Первый день я бы двинулся вперед, – писал он военному министру, – второй я бы отбросил неприятельский авангард и написал бы великолепную реляцию, третий день я был бы разбит с потерей от 10 до 15 тысяч человек, а четвертый день Севастополь и значительная часть армии были бы потеряны».

Эта осторожность главнокомандующего и опасение перейти в наступление не разделялось многими генералами, большинство которых были за наступательные действия. В Петербурге лица, стоявшие во главе военного управления, были также убеждены в необходимости наступательных действий, и потому князю Горчакову было сообщено Высочайшее предложение собрать под своим председательством военный совет, которому предоставить окончательное решение относительно дальнейших действий.

Получив письмо с изъявлением Высочайшей воли^[29], главнокомандующий собрал 28 июля военный совет из пятнадцати лиц. Присутствовавшим было предложено решить, какой образ действий предпринять в Крыму: оборонительный, защищая только Севастополь, или наступательный; если наступательный, то какое действие предпринять и в какое время? Почти все присутствовавшие на совете были в пользу наступления, некоторые предлагали очистить Южную сторону города, чтобы всеми силами атаковать неприятеля в поле, другие предлагали атаковать неприятеля с Корабельной стороны, но большинство стояло за то, чтобы атаковать неприятеля со стороны Черной речки. Князь Горчаков решился последовать мнению большинства, хотя и не надеялся на успех.

Черная речка находилась во власти неприятеля. Единственный мост через нее, называемый Трактирным, был занят французами, левее их, по ту сторону речки, на Телеграфной горе, стояли передовые войска сардинцев.

Большая же и главная часть неприятельских сил находилась за Черной и занимала весьма сильную позицию. Она состояла из трех отдельных возвышений, расположенных почти в одной линии и в некотором расстоянии от противоположного к нам левого берега Черной речки. Левее всех виднелась Гасфортова гора, в середине расположены были тремя вершинами Федюхины высоты, перед которыми протекает глубокий канал, наполненный водой, и, наконец, правее недоступные обрывы Сапун-горы.

Все три высоты, занятые союзниками, были усилены укреплениями: на Гасфортовой горе было расположено несколько батарей, на Федюхиных высотах были устроены ложементы для стрелков, а вдоль наружного гребня Сапун-горы тянулся непрерывный ряд укреплений и ложементов, усиленных сверх того разными искусственными препятствиями.

На всем протяжении этой местности были раскинуты следующие неприятельские войска: левее Гасфортовой горы стояло 10 тысяч турок с 36 орудиями; на самой горе 9100 человек сардинцев с 36 орудиями; правее их, между Гасфортовой горой и Федюхиными высотами, стояло 30 эскадронов французской кавалерии, имея позади себя 30 эскадронов английской кавалерии, расположенной в селении Кадыкёй; общее число кавалерии простиралось до 6 тысяч всадников. Правее кавалерии на Федюхиных высотах и на Сапун-горе было расположено 17 858 человек французской пехоты с 48 орудиями. Таким образом, неприятель при атаке этой

позиции мог противопоставить нам, не приближая резервов, более 40 тысяч человек пехоты и кавалерии со 120 орудиями, из которых многие были дальнего бросания и значительных размеров. С присоединением же самых близких резервов союзники могли легко увеличить число войска до 60 тысяч человек, усиленных укреплениями, различного рода преградами и труднодоступными высотами.

Между тем главнокомандующий в Крыму при всех усилиях мог собрать для атаки только 49 тысяч человек. Атакующим приходилось под огнем неприятеля переправиться через Черную речку, пройти под выстрелами противника довольно значительное расстояние до глубокого канала, охватывающего Федюхины высоты, переправиться через него под пулями, направленными почти в упор, и потом лезть в гору на штыки многочисленного врага. Взобравшись на горы и оттеснив неприятеля, мы все-таки не могли остановиться на них даже на 24 часа времени по той причине, что там вовсе не было воды.

Можно ли было при таких условиях рассчитывать на успех? Конечно, нет, и главнокомандующий не рассчитывал на него. «Нечего себя обманывать, – писал он военному министру, – я атакую неприятеля при скверных условиях... Я наступаю против неприятеля, потому что, если бы я и не сделал этого, Севастополь был бы все-таки потерян в весьма короткое время».

Итак, атака неприятеля со стороны Черной речки вынуждалась необходимостью задержать на некоторое время падение Севастополя. Войска, назначенные для нападения, были расположены частью на Инкерманских, частью на Мекензиевых высотах. Они были разделены на два главных отряда с их резервами.

Правый отряд под начальством генерал-адъютанта Реада состоял из 25 с половиной батальонов пехоты, 8 эскадронов кавалерии, 6 сотен казаков и 62 орудий – всего 14 833 человека; левый отряд под начальством генерал-лейтенанта Липранди состоял из 30 с половиной батальонов пехоты, одного греческого легиона, 2 сотен казаков и 70 орудий – всего 15 889 человек. В резерве под начальством генерал-лейтенанта Шепелева было 30 с половиной батальонов пехоты с 36 орудиями – всего 18 968 человек, и в кавалерийском резерве под начальством генерала от кавалерии Шабельского 50 эскадронов, 9 сотен казаков с 28 орудиями – всего 8195 человек. Артиллерийский резерв состоял из 76 орудий. Так как кавалерия могла принять участие только после овладения левым берегом Черной, то все число атакующих войск доходило до 49 тысяч.

Узнав, что к союзникам прибывают в Крым новые подкрепления, князь Горчаков поторопился атакой и назначил ее в ночь с 3 на 4 августа. По составленному предположению, левая колонна генерал-лейтенанта Липранди должна была первой открыть действие атакой Телеграфной горы. По занятии ее отряд генерала Реада приближается к речке Черной и располагается так, чтобы можно было обстреливать Федюхины высоты. Приготовившись к переправе через Черную речку, оба отряда ожидают приказаний главнокомандующего, «а до тех пор стоят на месте».

В темную ночь с 3 на 4 августа войска спустились с Мекензиевых высот и, пользуясь густым туманом, застилавшим долину Черной речки, незаметно подошли на довольно близкое расстояние к неприятелю.

В Севастополе еще в половине июля ходили слухи о предпринимаемом нами наступательном движении. Об этом говорили все, и никто не сомневался в победе.

«В половине июля, – пишет один из участников славной защиты, – начали поговаривать о наступлении. Самые разнообразные слухи носились об этом предмете. Одни говорили, что на днях прибудет гренадерский корпус, что ожидается только прибытие 70 тыс. ополчения; другие уверяли даже, что вся гвардия идет в Крым и по приходе ее начнут наступательные действия.

Толковали о плане действий, и все это передавалось положительное; каждый уверял, что получил известие из вернейшего источника, и тому подобное. Хотя большая часть подобных слухов пропускалась мимо ушей, но, во всяком случае, можно было ожидать наступательных действий, тем более что подобные слухи всегда имеют какое-нибудь основание».

В конце июля прибыл 2-й пехотный корпус и несколько дружин ополчения; гренадерский корпус приближался к Перекопу. Все положительно знали о предполагающемся наступлении и указывали направление, в котором оно будет произведено, все делалось и говорилось довольно гласно, так что скоро неприятель узнал о наших намерениях. Союзники знали, что русские войска собираются атаковать их со стороны Черной речки, знали даже и число войск, назначенных для штурма, но, полагая, что атака эта будет произведена ранее и ожидая ее несколько дней сряду, перестали наконец верить в справедливость слухов. Думая, что наступление это отменено, они стали равнодушны к мерам осторожности настолько, что утром 4 августа допустили атаковать себя почти врасплох.

Около 4 часов утра 4 августа князь Горчаков послал приказание генералам Липранди и Реаду начинать дело. По этому приказанию отряд Липранди должен был атаковать Телеграфную гору, а отряд Реада, подойдя к Черной речке, открыть артиллерийский огонь по неприятелю, расположенному на Федюхиных высотах.

Генерал Липранди двинул свои войска вперед и открыл артиллерийский огонь по занятым сардинцами укреплениям, расположенным на Телеграфной горе. В то время отряд Реада не был еще готов, и сам генерал, отправившись в казачью цепь, осматривал расположение неприятеля. Прискакавший к нему адъютант главнокомандующего передал приказание князя Горчакова: начинать дело.

– Что значит начинать? – спросил генерал Реад. – Ведь не атаковать же.

– Главнокомандующий приказал, – отвечал адъютант, – только *начинать* сражение.

– Хорошо, – сказал Реад, – я буду обстреливать неприятеля.

Выдвинув вперед четыре батареи, Реад приказал им открыть огонь по Федюхиным высотам.

Выстрелы нашей артиллерии разбудили союзников, не ожидавших нападения. Когда войска генерала Липранди подошли к Телеграфной горе, в неприятельском лагере горели еще огни, все спало глубоким сном.

После нескольких выстрелов батареей батареи 17-й артиллерийской бригады генерал Липранди двинул в атаку батальон Тарутинского егерского полка. Тарутинцы бросились в первую траншею и вытеснили оттуда сардинцев, встретивших их сильным ружейным огнем. Преследуя неприятеля и вытесняя его из укреплений, тарутинцы овладели Телеграфной горой.

Сардинцы отступили и донесли, что русские наступают в значительных силах. В неприятельском лагере поднялась тревога, все пришло в движение, артиллерия поскакала на рысях, а пехота густыми колоннами потянулась к стороне выстрелов.

По всей линии траншей и батарей не слышно было ни одного выстрела. Густой туман, все еще стоявший над долиной Черной речки, препятствовал союзникам иметь точные сведения о силах и направлении главной атаки русских войск, а потому они медлили еще движением резервов. Между тем по овладении Телеграфной горой генерал Липранди выдвинул сильную артиллерию и открыл огонь по Гасфуртовой горе. Превосходное действие нашей артиллерии наносило значительный вред неприятелю.

Как только главнокомандующий заметил, что отряд генерала Липранди утвердился на Телеграфной горе, он сам отправился туда для личного распоряжения дальнейшим ходом действий. Приехав на гору, князь Горчаков слез с лошади и стал в трубу осматривать расположение войск неприятеля. После осмотра он отдал генералу Липранди приказание атаковать Гасфуртову гору и в подкрепление ему двинул из резерва 5-ю пехотную дивизию. Но

в этот момент слышались частые ружейные выстрелы со стороны Федюхиных высот. То было преждевременное движение вперед отряда генерала Реада.

Переправившись через Черную речку, полки 12-й пехотной дивизии, входившие в состав правой колонны, при громких криках «Ура!» бросились на Федюхины высоты. Таким образом, вместо того чтобы атаковать Гасфортову гору, главная атака была поведена на Федюхины высоты, представлявшие для атакующих гораздо больше затруднений. Главнокомандующий признал с этой минуты дело совершенно испорченным. Необходимость заставила, однако же, поддержать Реада, и князь Горчаков, остановив движение Липранди, приказал ему выдвинуть две батареи для обстреливания Федюхиных высот и для поддержания атак наших войск на Федюхины высоты.

Вместе с тем главнокомандующий тотчас же послал бывшего при нем генерального штаба полковника Менькова за 5-й пехотной дивизией, шедшей уже на Телеграфную гору. Князь Горчаков поручил Менькову отвести эту дивизию к генералу Реаду и спросить его, какое назначение будет дано полкам этой дивизии, пришедшим к нему на помощь.

Полковник Меньков встретил 5-ю дивизию на дороге и дал ей направление к месту действия войск, подчиненных генералу Реаду. Дивизия на походе перестроилась в боевой порядок и ускоренным шагом двинулась к месту боя.

Генерал Липранди выдвинул между тем 3-ю батарею 17-й артиллерийской бригады и 1-ю батарею 16-й бригады. Командир последней батареи подполковник Кондратьев расположился против французской батареи, стоявшей на склоне Федюхиных высот. Несмотря на довольно значительное расстояние, он действовал так удачно, что взорвал зарядный ящик и нанес жестокое поражение неприятелю. Выстрелы батареи Кондратьева остались надолго памятны французам. «Начальник артиллерии 6-й артиллерийской дивизии генерал-майор Кишинский подъезжал к подполковнику Кондратьеву несколько раз и благодарил лично от себя и от корпусного командира за меткую стрельбу. А потом благодарил его и сам главнокомандующий».

Между тем полки 12-й пехотной дивизии – Одесский, Азовский и Украинский – под начальством генерал-майора Мартинау стремительно бросились на штурм Федюхиных высот. Впереди всех шел Одесский полк, предводимый своим полковым командиром полковником Скюдери. Бегом добежали одессцы до мостового укрепления и заняли его. Затем остальные два полка под сильным огнем неприятеля переправились через Черную речку частью по мосту, частью вброд, причем высота воды доходила до плеч, и преследовали французов, отступивших за водопроводный канал.

Ни сильный огонь неприятеля, ни отсутствие мостов через канал – ничто не удержало одессцев. Под огнем картечи полк с удивительной быстротой взобрался на первый уступ Федюхиных гор, захватил небольшое укрепление и бросился далее, на главную французскую батарею, из которой и выбил неприятеля. Потеряв большую часть офицеров и солдат и лишившись своего полкового командира, смертельно раненого, одессцы хозяйничали на батарее как у себя дома. Одни заклепывали орудия, другие тащили их в нашу сторону, третьи, под командой прапорщика Лукина, отбивали французское знамя.

Следом за одессцами и по обеим сторонам их взобрались на высоты Азовский и Украинский полки и также вытеснили неприятеля из передовой линии его укреплений. Атака этих полков была произведена с такой отчаянной храбростью, что французы сравнивали ее с лавиной, обрушившейся на них с горы. Они спрашивали потом, как называются полки, шедшие в эту славную атаку, и записали их имена. Эти полки, заслужившие похвалу столь же храбрых и стойких противников, были Украинский, Одесский и Азовский.

К сожалению, мужество и удивительная храбрость наших войск были недостаточны для

удержания высоты, они были подавлены многочисленностью неприятеля и оттеснены вниз. Отойдя за реку и в ожидании подкреплений остатки храбрых поддерживали перестрелку с неприятелем. Французы снова заняли предмостное укрепление и, выдвинув на гребень высот свои батареи, причиняли отступавшим значительные потери.

– Ну, теперь сражение проиграно, – сказал генерал Веймарн, смотря на остатки возвратившихся с боя полков.

Было семь часов утра, когда первый акт боя кончился. Только теперь стали подходить наши резервы, и прежде других пришла 5-я пехотная дивизия, приведенная полковником Меньковым. Исполняя приказание главнокомандующего, полковник Меньков спросил генерала Реада, как предполагает он распорядиться с вновь прибывшими полками.

– Я поддержу ими, – отвечал Реад, – отступающие полки 12-й пехотной дивизии.

Полковник Меньков поскакал доложить о том главнокомандующему, находившемуся на Телеграфной горе, верстах в двух с половиной от места боя.

В это время генерал Реад решился повторить атаку. Не признавая необходимым атаковать высоты одновременно целой дивизией, он предпочел вводить их в дело по одному полку и приказал Галицкому полку атаковать высоты. Напрасно начальник 5-й пехотной дивизии генерал-майор Вранкен доказывал генералу Реаду необходимость двинуть в атаку одновременно всю дивизию. Реад не слушал его доводов и остался при прежнем мнении. Он вводил в дело полк за полком, почти без всяких промежутков. Шедшие сзади полки избирались на высоты тогда, когда их предшественники, расстроенные и теснимые неприятелем, спускались с тех же высот и тем замедляли, а иногда и препятствовали стройному движению атакующего полка, подвергая его напрасным потерям. Впоследствии, как увидим ниже, все полки перемешались между собой, это была одна куча, обессиленная потерями и лишившаяся почти всех начальников^[30].

Но мы опередили несколько события и потому вернемся к тому времени, когда к месту боя явилась 5-я пехотная дивизия.

Пока подходила она из резерва, французы успели стянуть на помощь атакованным несколько дивизий и выставить пять конных батарей, так что, когда Галицкий полк пошел в атаку, он почти был растрепан неприятельскими выстрелами. Несмотря на то, предоставленный самому себе храбрый полк перешел Черную речку, переправился даже через водопроводный канал, но далее идти не мог. Убитые и раненые валялись сотнями, живые остановились и открыли перестрелку с французами. В это время неприятель сыграл три раза сигнал нашего отступления. Солдаты, слышав сигнал, подались назад, а французы, сознавая свое превосходство в силах, перешли в наступление и отбросили остатки Галицкого полка обратно за реку Черную. Те, которые не послушали сигнала, заплатили жизнью. В числе их был и поручик Чагодаев, бывший впереди. Он был окружен восемью зуавами, у него было солдатское ружье, он заколол несколько зуавов, но зато остальными был поднят на штыки.

Для поддержания Галицкого полка был двинут Костромской полк, еще на месте расстроенный огнем неприятеля; он пошел в атаку в то время, когда в рядах его не было уже значительного числа офицеров и нижних чинов. Неприятельские пули летали столь густо, что подымали по всему полю такую пыль, какую подымает экипаж, едущий по большой дороге в сухое время. Едва только Костромской полк двинулся вперед, как командир 2-го батальона майор Соколов, шедший впереди, был ранен в левую руку выше локтя. Зажимая рану, он продолжал идти вперед, но вскоре получил две раны – одну в живот, другую в грудь.

– Сказать капитану Шайтарову, – крикнул Соколов, падая, – чтобы принял команду батальоном!

Не успел Шайтаров выбежать перед батальоном, как был ранен в пах навывлет. Тогда

подъехал к полку начальник штаба 3-го пехотного корпуса генерал-майор Веймарн, который и принял участие в атаке. Предводимый генералом Веймарном полк, несмотря на свою малочисленность, шел вперед смело. Французы подпустили его на довольно близкое расстояние и потом сразу пронизали градом пуль и картечи. Половины людей не стало, не стало и шедшего впереди полка генерала Веймарна – он был смертельно ранен пулей в лоб. Солдаты бросились в штыки, завязалась ужасная схватка, кончившаяся, однако же, отступлением полка. Генерал-адъютант Рead, видя вторичное отступление, приказал подкрепить Костромской полк остатками Галицкого полка, лишившегося уже полкового и трех батальонных командиров. Оставшийся в полку единственный штаб-офицер, майор Чертов, повел вторично в атаку остатки Галицкого полка, которые, присоединившись к Костромскому, потеснили было неприятеля, но потом были смяты и отброшены за Черную речку.

После троекратной неудачной попытки генерал-адъютант Рead двинул на штурм Федюхиных высот Вологодский полк. Вступивший в командование дивизией вместо раненого генерала Вранкена бывший командир этого полка генерал-майор Тулубьев хотел сам вести вологодцев в атаку, но едва появился перед полком, как был сброшен с лошади сильной контузией в грудь. Полк пошел с настоящим своим полковым командиром, полковником Вронским, выбил французов из предмостного укрепления, перешел через речку, переправился через водопроводный канал, но в это время понес такие потери, что только несколько храбрецов могли взобраться на высоты, где и были окружены почти со всех сторон неприятелем. Только храбрость командира 4-го батальона майора Медникова да действия облегченной 5-й батареей капитана Бородина спасли остатки полка от совершенного уничтожения и помогли вологодцам отступить.

«Когда было передано приказание нашему полку идти на штурм, – рассказывал майор Медников, – то я был уже пешком, в одной руке был у меня кистень, а в другой кинжал: это повернее форменной сабли. Как мы пошли, то, чтобы попасть к мосту, батальон принял вправо и немного опередил третий батальон; тут я крикнул «Ура!», и мы заняли ров мостового укрепления. Надобно было немного отдохнуть; стрелять нельзя было ни нам, ни французам: те кидают в нас камнями, мы в них тоже; отдохнув минуту-другую, я говорю: что за перекидка камнями – подсаживай друг друга прикладами. Как посадили человек десяток, я велел посадить и себя. Потом живо мы взобрались все, но французы не дожидались долго – живо подрали в горы, а мы за ними. Как взобрались до половины, то я опять приостановил своих, чтобы перевести дух – крепко были уставши. Посмотрел, а кучка-то у меня небольшая, человек 150, много что 300, а тут четыре колонны выдвинулись и хотят нас отхватить, нет, думаю, дудки, взглянул назад – наши не подходят, вот я и начал отступать, отстреливаясь, да вот и все тут».

При отступлении 4-го батальона знаменщик был тяжело ранен; два ассистента, принявшие от него знамя, один за другим были убиты, и после этого знамя, перебитое в древке, упало на землю. Лежавший возле того места раненый барабанщик Азовского пехотного полка Степан Реутович, несмотря на боль от раны, поднял перебитое знамя и вынес его из схватки, за что и получил орден Св. Георгия.

Преследовавшие вологодцев французы опять овладели мостом и предмостным укреплением.

Во время отступления вологодцев генерал Рead был убит: осколок гранаты сорвал ему часть головы.

Три полка 5-й дивизии были расстроены до крайности, оставался один 4-й, который не мог быть послан по необходимости прикрыть расстроенные полки и дать время им устроиться. Потеряв корпусного командира, его начальника штаба, двух начальников дивизий, всех

бригадных командиров, большую часть полковых и батальонных командиров и 118 офицеров, полки 5-й дивизии представляли одну общую кучу и находились в опасном положении быть атакованными многочисленным неприятелем. Их спас только туман, смешанный с пороховым дымом, не позволявший французам различать ясно предметы и рассмотреть положение и численность наших войск.

В это время к расстроенным полкам прискакал полковник Меньков, присланный главнокомандующим. Когда полковник Меньков привез ответ генерала Реада относительно употребления полков 5-й дивизии, князь Горчаков, считая бесполезным вновь атаковать высоты после расстройств полков 12-й дивизии, приказал полковнику Менькову скакать тотчас же к генералу Реаду с приказанием прекратить бой и вывести полки из-под выстрелов. Прошел довольно значительный промежуток времени, пока полковник Меньков успел проскакать расстояние около 2 с половиной верст: полки 5-й дивизии успели уже сходить в атаку и были отброшены за Черную речку. Подъезжая к мосту, полковник Меньков встретил носилки с раненым генерал-майором Веймарном и тут же узнал, что генерал Реад также убит.

Одинокое стояли пострадавшие полки в некотором отдалении от правого берега Черной; ни резерва, ни подкрепления не было видно. Посланная на помощь расстроенным полкам 4-я пехотная дивизия была задержана *в пути* и находилась далее четырех верст от места боя. Дивизия эта могла спуститься с Мекензиевых высот по единственной только дороге, загроможденной патронными ящиками, лазаретными фурами и различного рода обозными повозками; она принуждена была остановиться в ожидании расчистки пути и не могла оказать никакой помощи войскам, находившимся в боевой линии.

Со смертью генерала Реада главнокомандующий князь Горчаков лично принял начальство над правой колонной наших войск. Он тотчас же отправил начальника Курского ополчения генерал-майора Белевцева к 5-й дивизии, поручив ему принять начальство и устроить полки.

Чтобы отвлечь сколько-нибудь внимание неприятеля от 5-й дивизии и вместе с тем поддержать атаки, направленные против Федюхиных высот, князь Горчаков двинул на штурм два полка 17-й пехотной дивизии из отряда генерал-лейтенанта Липранди, стоявшего на Телеграфной горе.

Полки Бутырский и Московский под начальством генерал-майора Гриббе спустились с горы в долину Черной речки под сильным ружейным и картечным огнем неприятеля. Имея впереди колонны Бутырский полк, генерал-майор Гриббе переправился сначала через Черную речку по пояс, потом через водопроводный канал и смело атаковал левый отрог Федюхиных высот. Французы встретили атакующих сильным огнем с фронта и с левого боку. Бутырцы с удивительной храбростью шли вперед, но, дойдя до вершины горы, были так расстроены, что генерал Гриббе признал необходимым сменить их Московским полком. Пробежав сквозь интервалы бутырцев, Московский полк, предводимый своим полковым командиром подполковником Труневским, опрокинул неприятеля и, ворвавшись в лагерь, вступил в рукопашный бой. Не видя за собой резервов, а перед собой замечая постепенное скопление неприятельских сил, полки отступили, лишившись генерала Гриббе, раненного в ногу, командира Бутырского полка полковника Гернета, почти всех батальонных и ротных командиров.

Бутырцы и москвичи под прикрытием высланного к Черной речке Бородинского Его Величества полка переправились обратно через реку и отошли на Телеграфную гору. Неприятель производил учащенную стрельбу по отступавшим. «Около речки Черной был ад. От густого порохового дыма нельзя было различить предметов. Пули, ядра и гранаты падали в таком изобилии, что опасность и мысль о смерти казались неуместными: смерть гуляла повсюду».

Видя, что неприятель развернул на высотах до 50 000 человек войска и что дальнейшее нападение невозможно, князь Горчаков решил прекратить бой. Войска были выведены из-под выстрелов неприятеля и оставались в таком положении около четырех часов. Главнокомандующий рассчитывал, что французы, пользуясь своим превосходством, атакуют нас, что было бы весьма выгодно, так как полки были расположены на весьма удобной и довольно сильной местности. Французы не решались, однако же, двинуться вперед, и войска наши по неимению воды около 2 часов пополудни отступили на Мекензиевы горы, потеряв во время сражения 11 генералов, 249 человек офицеров и 8000 нижних чинов. Потеря неприятеля простиралась до 1800 человек. «Порыв, оказанный в оном всеми частями войске наших, – доносил главнокомандующий, – имел бы, без сомнения, счастливый исход, если бы генерал Ред не сделал преждевременной частной атаки вместо той, которую я предполагал сделать совокупно войсками его и генерал-лейтенанта Липранди, непосредственно поддержанными главным резервом.

В сражении участвовали лишь большая часть пехоты и часть пешей артиллерии, что касается до кавалерии, то по свойству местности она не могла быть употреблена в действительном бою, и только небольшое число оной находилось некоторое время под ядрами.

Войска дрались с примерным мужеством. Пехота явила в сей день опыты самой блестящей храбрости, преодолела под убийственным огнем двойное препятствие (реку и канал) и неоднократно выбивала штыками превосходного по численности противника из сильных позиций, укрепленных окопами, искусно приспособленными к местности.

Артиллерия, невзирая на относительные невыгоды ее расположения, действовала с большим успехом: не раз заставляла она молчать неприятельские батареи, расположенные на господствующей местности, и сильно поражала пехоту».

В то время, когда после атаки Федюхиных высот войска наши были остановлены на позиции, по правую сторону речки Черной, с батареи, выдвинутой против левого уступа Федюхиных гор, где находился главнокомандующий, замечен был вдали одиночный солдат, который после каждого сделанного им выстрела перебегал с места на место. Князь Горчаков послал двух казаков привести отсталого солдата на батарею. Прибыл егерь лейб-егерского Бородинского Его Императорского Величества полка Матвей Шелкунов.

– По какому случаю ты остался сзади других? – спросил главнокомандующий егеря.

– Прикрывал отступление раненых товарищей, ваше сиятельство! – отвечал Шелкунов. – Был я в цепи, – продолжал егерь, – пошли мы к речке – не глубже, как по пояс было – перебежали речку; а за ней другая – река не река, а канава водяная; попробовал – глубоко и вдруг не перескочишь. Прыгнул один, за ним другой, потом начали помогать друг другу – и мостиков не надо – цепь перебралась. Враг сидел в канавках – мы в штыки – мигом перекололи, многие побежали на гору. Опрокинули мы кухню их – знать, кашу варили – да вдогонку за ними. В это время дали цепи сигнал отходить назад, я позамешкался. Отошел за канаву; место попало хорошее – кустик был; я и давай палить... Кто вылезет вперед, того и повалишь. Расстреляв свои патроны, пошел я назад; смотрю – убитый мушкетер лежит; снял я с него суму, подобрал и ружье. В суме были патроны. Я снова за кустик, дал выстрелов пять, да и опять за своими. Смотрю, трое раненых. Я один: известное дело, трех не подберешь! «Ползи, братцы, кто может, а я буду прикрывать вас!» Двое ползли, а вот этот, что со мной прибыл, ползком бы не добрался: рана-то животовая. Как замечу, что ползуны мои отстают, и я приостановлюсь, сделаю выстрелов пяток по вражьей цепи, да и снова в поход!.. Вот, ваше сиятельство, и добрались мы кое-как до своих! Бог милосерден: сохранил меня целым и невредимым и благословил меня оказать помощь товарищам!..

«Лейб-егерского Бородинского Его Императорского Величества полка стрелок Матвей Шелкунов принес на

себе пять ружей и три амуниции, взятые им на дороге у убитых и тех раненых, которых он составлял прикрытие. Главнокомандующий армией генерал-адъютант князь Горчаков, приказав Матвея Шелкунова произвести в унтер-офицеры, собственноручно надел знак военного ордена на грудь храброго егеря».

Во все время, пока гудели выстрелы на Черной речке, в Севастополе было тихо, казалось, обе стороны прислушивались к тому, что происходило в поле. В самое раннее утро 4 августа были присланы на батареи письменные приказания, в которых объяснялись наши намерения. В этих приказаниях говорилось, что в случае успеха сражения будет открыт огонь, причем указано каждому бастиону, против каких именно батарей неприятеля должны быть направлены выстрелы. В городе царствовала невозмутимая тишина, напряженный слух старался различать отдаленные выстрелы. В случае успеха предполагалось, независимо от открытия огня, сделать большую вылазку из Севастополя. Войска собрались и были наготове выступить и напасть на неприятельские траншеи по сигналу. С каким нетерпением ждали защитники города этого сигнала! Вдали виден был только дым, стлавшийся в направлении по Черной речке, но все стоявшие на батареях и укреплениях не спускали глаз с того места, где должна была решиться участь Севастополя. Все с нетерпением ожидали условного сигнала, но прошел час, и среди непрекращавшейся еще стрельбы неприятель стал пускать ракеты. Наступил полдень, а сигнала для вылазки из Севастополя не было. «Тогда уже, – пишет один из участников, – родилось сомнение насчет успеха, и, наконец, после больших надежд, мы впали в совершенно противоположную крайность. Понемногу канонада начала утихать, а к десяти часам совсем прекратилась».

В городе с грустью узнали, что наши атаки были отбиты французами...

Пятое бомбардирование Севастополя. – Геройская стойкость гарнизона. – Положение города. – Николаевская батарея. – Шестое бомбардирование Севастополя. – Штурм укреплений 27 августа

Под впечатлением успеха, приобретенного во время сражения на Черной речке, союзники открыли в пять часов утра 5 августа пятое бомбардирование Севастополя, направляя выстрелы преимущественно на Корабельную и на левую сторону 4-го бастиона. Канонада эта с небольшими только перерывами продолжалась в течение двадцати суток. Ежедневный урон наш простирался в этот период времени от 500 до 1500 человек.

Стояла жаркая погода, насыпи наших укреплений совершенно высохли, отчего неприятельский огонь действовал на них самым разрушительным образом: мерлоны, под жестоким огнем возобновляемые каждую ночь, рассыпались от нескольких снарядов, насыпи глыбами оседали в ров, и работы, стоившие невероятных усилий и потерь, распадались в прах; валы укреплений, насыпаемые вторично из сухой и рыхлой земли, не имели никакой связи.

Окружив ожерельем батарей весь холм, на котором был прежде Камчатский люнет, французы громили ими преимущественно 2-й бастион и Малахов курган.

Застонал Севастополь под градом вражьих ядер. На всем пространстве укреплений, охватывающих Корабельную сторону, вплоть до 4-го бастиона разверзся ад.

С каждым мгновением бомбардирование все более усиливалось и, охватив значительное пространство, достигло ужасных размеров.

В это утро ветер был со стороны неприятельских батарей. Дым от выстрелов черной тучей тянулся на нас и мешал прицеливать орудия. Наши батареи отвечали сначала редкими выстрелами, но с наступлением дня, когда ветер переменился, дым потянулся вправо, по направлению к морю, и очистилось небольшое пространство, разделяющее двух противников, частые выстрелы посыпались с оборонительной линии. С бастионов стали видны неприятельский стан и его огнедышащие батареи, на которых не заметно было живой души. Под прикрытием небольшого траншейного караула стояли на неприятельских укреплениях одни артиллеристы и посылали к нам гранату за гранатой. Без устали они работали, потому что имели на каждое орудие по три и более смены. Союзникам не было надобности разбрасывать своих людей по всей линии траншей, потому что они сами избирали направление выстрелов; им не надо было держать большого числа войск в траншеях, потому что при тех условиях, в которых находился севастопольский гарнизон, им нечего было опасаться нападения с нашей стороны.

Совершенно в обратном положении находились обороняющиеся. Они не знали, против каких батарей неприятелю вздумается открыть огонь, следовательно, по всей оборонительной линии прислуга орудий должна была находиться на местах, всегда готовая отвечать на выстрелы врага. Нападающий скрещивал свои выстрелы с различных батарей на одну из наших, тогда как обороняющийся рассеивал свои выстрелы, отвечая на выстрелы противника. Обороняющемуся неизвестно было, когда противнику вздумается броситься на штурм, – следовательно, он всегда должен был держать на бастионах значительное число войск, которые, не принося никакой пользы при бомбардировании, несли значительные потери.

Люди гибли в эти дни во множестве, но оставшиеся не унывали. Какое-то гордое сознание своего достоинства, отвага, удаль и молодечество видны были на всех лицах.

«В одной рубахе, с Георгием на груди, в широких парусинных шароварах, с черным галстуком, концы которого падают на грудь, в солдатской фуражке, стояла прислуга у орудий,

закоптелая в дыму, замаранная порохом от выстрелов, облитая кровью и потом. В момент боя эти жители бастиона, постоянно борющиеся со смертью в самых разнообразных видах, казались теми неземными существами, “для которых кровавые свечи составляют райское блаженство”!..»

В течение целого дня неприятель усиливал огонь донельзя, сосредоточивая свои выстрелы преимущественно на тех амбразурах, которые были направлены на его подступы. Если ему не удавалось подбить стоявшие в этих амбразурах орудия, то он почти всегда сильно вредил нашим насыпям. Для этой последней цели союзники весьма часто стреляли залпами и, казалось, хотели забросать защитников снарядами. Попадая в насыпи по несколько штук зараз, снаряды производили в них огромное сотрясение и разрушение. Залп – это ужасный способ наносить вред противнику. Трудно описать то впечатление, когда с батареи вылетает сразу ядер пятнадцать-двадцать, они сметают на своем пути все встречающееся. «Рев, который происходит при стремлении этой кровожадной стаи снарядов, потрясает самых отважных. В мире, кажется, нет предмета, который не сокрушился бы под этими страшными ударами, нет предмета, кроме мужества человека».

Около полудня 5 августа французы успели взорвать на 2-м бастионе пороховой погреб, на Малаховом кургане – два склада бомб, а к вечеру принудили замолчать оба укрепления. На левой половине оборонительной линии стреляли только 1-й и 3-й бастионы, последний чрезвычайно успешно. Огонь 3-го бастиона был так губителен для английских батарей, что многие из них были сбиты и несколько погребков взорвано.

Так, с 5 по 7 августа артиллерия 3-го бастиона успела сбить все близкие к нему английские батареи. На следующий день, 8 августа, бастион не только отвечал на выстрелы, направленные против него, но даже помогал 4-му бастиону. Таким образом, 3-й бастион, получивший между севастопольцами название Честного, держал англичан постоянно в далеком от себя расстоянии и не позволял им иметь перевеса в огне, имел повреждения значительно слабейшие, чем все прочие укрепления Корабельной стороны.

С наступлением ночи неприятель, прекратив действие прицельных выстрелов, бросал бомбы навесно и открывал самый частый штуцерный огонь с целью воспрепятствовать исправлению укреплений. Штуцерные пули летели не только на батареи и бастионы, но они были направлены и на дороги, ведущие к укреплениям, чтобы воспрепятствовать движению рабочих, подвозу материалов и орудий. На бастионах снаряды ложились кучами: иногда сразу падало по 30 бомб на самом незначительном пространстве. В эту бомбардировку раненых было немного, потому что большей частью били наповал.

Под столь сильным огнем неприятеля не было уже возможности исправлять всех повреждений, а приходилось ограничиться только самыми необходимыми, тем более что ощущался недостаток в запасах леса, туров и земляных мешков.

Исправив насколько возможно укрепления, не спавший и не отдыхавший всю ночь гарнизон должен был выдерживать столь же сильное бомбардирование, открытое неприятелем с рассветом 6 августа. В этот день неприятельская артиллерия приобрела значительное преимущество перед нашей, так что к восьми часам утра одни из наших батарей Корабельной стороны ослабили свое действие, другие – вовсе смолкли.

Пользуясь превосходством своего огня, неприятель все ближе и ближе подходил к оборонительной линии, так что на рассвете 8 августа французы находились только в расстоянии 35 саженей от Малахова кургана. По неприятельским подступам был открыт тотчас же самый сильный огонь из всех орудий, которые только остались целыми и могли действовать. Этот огонь был поддержан и батареями 3-го отделения. Имея постоянный перевес над английскими батареями, укрепление 3-го отделения оборонительной линии благодаря хладнокровной распорядительности капитана 1 ранга Перелешина 1-го находило еще время поддерживать

Малахов курган, на который направлены были все усилия неприятеля.

В этот день главнокомандующий обходил укрепления оборонительной линии. Под самым сильным огнем он шел в сопровождении большой свиты и с любовью, с сердечной нежностью благодарил именем царя за стойкость всех, кого только встречал: генерала и матроса, офицера и закопченного пороховым дымом солдата. Появление любимого, благородного вождя, совершенно равнодушного к ужасам смерти, привело в восторг храбрые войска, укрепило утомленных и утешило отважных героев-бойцов севастопольских. Придя на Малахов курган, князь Горчаков осматривал новые работы неприятеля и заметил одному из присутствующих, что французы значительно подвинулись вперед своими подступами.

– Торопятся, ваше сиятельство, – отвечал на это один из случившихся здесь солдат, – потому кашу хотят есть из одной чашки с нами.

Этот ответ, очень понравившийся главнокомандующему, лучше всего указывал на то веселое настроение духа, которым был проникнут каждый из защитников полуразрушенных укреплений и которое не могла поколебать жестокая канонада, стоившая нам 3800 человек убитыми и ранеными.

В четырехдневное пятое бомбардирование произведено было с оборонительной линии 29 400 артиллерийских выстрелов, тогда как союзники выпустили 56 500 снарядов при самой частой и густой ружейной стрельбе.

Эта туча чугуна, устилавшая Севастополь, жестоко разрушавшая наши укрепления и тысячами уничтожавшая смелых защитников, только закаляла уцелевших и, казалось, побуждала их на сверхъестественные усилия.

Так, 6 августа, наряженному на ночную работу на вновь устраиваемую батарею близ 2-го бастиона 6-му батальону Замосцского резервного егерского полка исправляющим должность начальника 5-го отделения предложено было обождать, пока сколько-нибудь уменьшится неприятельский огонь, и тогда уже идти на работу, на что как командующий этим полком, так равно и все офицеры отвечали, что «им известно, как спешны и необходимы работы, почему и желают отправиться для того немедленно». Тогда капитан-лейтенант Ильинский, видя, что огонь не уменьшается, но желая удовлетворить общему рвению чинов помянутого батальона, разрешил идти на работу, что и было исполнено с хладнокровием и мужеством, несмотря на сильный огонь неприятеля.

Узнав о таком рвении чинов батальона, главнокомандующий благодарил их приказом по войскам и назначил для нижних чинов по два Георгиевских креста на роту.

Чем жарче становилось в Севастополе, тем закаленнее и ожесточеннее становились его защитники. Совершенное равнодушие к смерти или, лучше сказать, презрение к ней дошло до невероятной степени. Твердость и мужество солдат проявлялись на каждом шагу. Целые вереницы их с безмятежным спокойствием тянулись по самым опасным местам, там, где, как пчелы возле улья, жужжали штуцерные пули, где ежеминутно то ядро упадет, то граната лопнет.

Под такими свинцовым дождем беспрестанно возили порох, туры, воду и пр. Там вереница солдат плетется с пустыми котелками за кашей, здесь, нагруженный снарядами, тащится полуфурок на тройке истощенных непрерывной работой лошадок; в ином месте возвращаются на бастион носильщики с окровавленными носилками или медленно, шаг за шагом, тянутся гуськом солдаты с тяжелыми мешками земли на плечах. Навстречу им попадает раненый, осколки камней и песка избородили его лицо, повырывали куски мяса – он, видимо, страдает от боли, но не возбуждает к себе сострадания встречных.

– Эк тебя разукрасило! – заметит раненому солдат с тяжелой ношей и пойдет своей дорогой.

В это время падает бомба. Солдат с мешком или останавливается, или прижимается к стенке, ожидая, что будет. Бомба шипит, но не разрывается, мешок давит спину остановившегося, он делается нетерпеливым.

– Да ну же, лопайся, проклятая! – произносит он с досадой и совершенным равнодушием к тому, что она может разнести его в куски.

Оставшись невредимым от разрыва бомбы, безмятежный ее сосед с прежним равнодушием тащит мешок на указанное место, отряхиваясь от осыпавшей его пыли и земли.

С 9 августа неприятель хотя и не прекращал огня по укреплениям Корабельной стороны, но вел его заметно слабее. Пользуясь этим временным перерывом, обе стороны враждующих торопились возвести новые батареи, исправить старые и пополнить убыль в людях. На Южную сторону Севастополя еще в первый день бомбардирования переведена была 4-я пехотная дивизия, в составе которой насчитывалось 7500 человек. Два полка этой дивизии были направлены на Корабельную, а два составили резерв на Городской стороне. Прибытие свежих сил дало возможность несколько усилить земляные работы. Защитники присыпали новые батареи, где только было свободное место, и строили их позади оборонительной линии, чтобы встретить картечным и ружейным огнем неприятеля в случае, если бы он штурмовал передовую линию укреплений и занял их. Для свободного сообщения войск уширялись проходы между насыпями, исправлялись дороги и, наконец, строился мост через главную бухту для сообщения южной части города с северной. Мост этот 15 августа был готов, освящен и открыт.

Беспрерывный огонь, поддерживаемый неприятелем днем и ночью, чрезвычайно разрушительно действовал на наши укрепления. Удар одного ядра, взрыв одной бомбы в насыпи портили их на большое расстояние, в них оказывались такие повреждения, которые исправлять не было никакой возможности. С каждым днем Малахов курган и 2-й бастион приходили все в большее и большее расстройство.

«С невероятными усилиями и с огромными жертвами обороняющийся исправлял в течение ночи повреждения в пороховых погребах и амбразурах и едва успевал сделать утром по несколько выстрелов из каждого орудия по неприятельским сапам (траншеям), как в самое непродолжительное время атакующий, действуя по этим укреплениям сосредоточенным перекрестным огнем, засыпал на них все амбразуры, подбивал часть орудий и приводил их к совершенному молчанию. После этого осадные батареи продолжали целый день почти безнаказанно громить эти укрепления, подвергаясь сами только выстрелам отдаленных батарей третьего и первого бастионов и еще более отдаленных батарей Северной стороны».

Каждый вечер 2-й бастион представлял груды развалин – и ни одно орудие его не могло действовать свободно. Вынося на себе огонь 70 неприятельских орудий, он был постоянно в самом жарком огне. Получив название ада, бойни и толчеи, 2-й бастион был в это время опаснейшим местом, какое только было в Севастополе. На бастионе не сохранилось ни одной правильной насыпи, ни чистого рва, ни одного целого блиндажа и порохового погреба – все это было разбито, разрушено, скомкано и перевернуто. Здесь не было ни одного безопасного местечка: бомбы, ядра и пули реяли по всем направлениям и наносили огромное опустошение в рядах его защитников. Каждый из назначенных на бастион шел туда с полной уверенностью, что не возвратится, и случалось, что для некоторых сознательное ожидание смерти продолжалось не несколько минут или часов, а несколько дней и даже недель. Поставьте себя на место каждого из живших на бастионе, тогда вы глубоко прочувствуете и поймете нижеследующий нехитрый, но богатырский ответ одного из егерей, рассказанный генерал-лейтенантом Меньковым на одном из севастопольских обедов.

В один из тяжелых дней для 2-го бастиона главнокомандующий князь Горчаков посетил укрепление, гарнизон которого составляли закаленные в бою остатки храбрых полков 8-й

пехотной дивизии. Это были действительно остатки, потому что 26 августа во всех трех полках (графа Дибича-Забалканского, Полтавском и Кременчугском) насчитывалось только 2317 человек, занимавших линию резервов на всем протяжении 5-го отделения оборонительной линии. Обходя разрушенный 2-й бастион, князь Михаил Дмитриевич спросил у окружавших его солдат:

– Много ли вас здесь на бастионе?

Один из ближе стоявших к князю егерей на минуту призадумался, как бы соображал что-то, и затем с полным спокойствием и тем геройским равнодушием, которые отличают русского солдата накануне всякой опасности, отвечал:

– Дня на три хватит, ваше сиятельство!

Здесь жизнь сложилась так, что богатыри-защитники делили себя на очереди, когда кому лечь костями на защиту родины, и выжидали решения своей участи спокойно, с полным презрением к смерти.

«Поклонитесь перед ними, они достойны вашего почтения», – сказал один из проповедников. «Поучайтесь у них, как защищать родную землю», – прибавим мы, отдавая дань удивления этим смелым сынам России.

Да, достойны удивления стоявшие под тем адским огнем, который не прерывался целый август месяц. В течение пятнадцати дней (с 9 по 24 число) неприятель бросил в укрепления и в разрушенный город 132 528 снарядов; с нашей стороны выпущено 51 275 снарядов и расстреляно 555 000 патронов. Число ружейных выстрелов, произведенных союзниками, было еще больше того числа, которое было сделано нами. От столь сильного огня мы понесли потерю в 8921 человека убитыми и ранеными. Потеря эта была частью пополнена тремя дружинами курского ополчения, размещенными на 4-м отделении оборонительной линии.

После столь продолжительной и жестокой бомбардировки не одни только укрепления и ближайшие к ним улицы пострадали от выстрелов – весь Севастополь глядел могилой. Все улицы, даже Екатерининская, месяц тому назад еще оживленная, теперь сильно пострадала: дома были разрушены, мостовые и тротуары изрыты бомбами. Это была в ту пору дорога ядер и бомб, лившихся непрерывной струей. Совершенно пустая, она по временам только оживлялась угрюмой партией проходивших войск, проезжавших фурштатских телег и проносимых окровавленных носилок. Кругом не было живого места, повсюду ужас и разрушение: тут стена разбита, там крыша разметана взрывом, все улицы покрыты мусором, щебнем, камнями и осколками бомб. Нигде не видно было ни одного дерева, только свежие пни свидетельствовали о былом существовании садов, истерзанных и исковерканных неприятельскими снарядами, даже трава вся пожелтела и обгорела.

В это тяжелое время под именем Севастополя известны были Николаевская батарея да площадка около Графской пристани – все остальное лежало в развалинах и искрещивалось выстрелами. Считаясь сравнительно безопасной, площадка у Графской пристани стала в это время последним убежищем жителей Севастополя. Тут стояла пехота, расположенная бивуаком, артиллерия с разбитыми возле коновязями, тут же, приютившись где-нибудь к стенке, сидели торговки перед столиками, на которых с утра до поздней ночи кипел самовар, продавались яблоки, булки, куски какого-то мяса, плавающие в соляной воде. С шутками, прибаутками, со смехом и вздохом торговки разливали этот соус в глиняные чашки и подавали их проголодавшимся. Бесперывное движение, работы и шум на пристани оживляли этот уголок и резко отделяли его от прочих частей города.

Главная жизнь и деятельность сосредоточилась в Николаевских казармах, куда переселилось почти все начальство осажденного города. Туда перенесены были все штабы и перевязочный пункт, там же помещались и сестры милосердия. В это время в Николаевской

батареи все казармы были наполнены народом: коридоры и галереи заняты солдатами, часть нижнего этажа – торговцами. Здесь явились вывески заведений, магазинов и даже вольной аптеки. Здесь были штабы и канцелярии, госпитали и церковь, присутственные места и гостиница, аптека, кондитерская, лавка и трактир, устроенный в одном из казематов. Несколько столов, покрытых черной клеенкой, и простых скамей составляли все убранство трактира; угол, отгороженный множеством поставленных друг на друга бочек и бочонков и покрытых сверху большой доской, составлял буфет трактира. Самое разнообразное общество постоянно наполняло это мрачное жилище. Все столы были заняты во всякое время дня и ночи, стук ножей, вилок и ложек был похож на звук барабанной дроби.

В Николаевские казармы стекалось все севастопольское население за всевозможными покупками. Здесь можно было достать всякие товары, хотя за весьма дорогую цену; тут можно было узнать самые свежие новости, хотя часто сомнительной верности. Все разговоры сводились на один рассказ, что союзники подвинулись слишком близко и что наступают самые жаркие дни для Севастополя.

Действительно, к 24 августа неприятель подвинулся вперед настолько, что находился от рва 2-го бастиона только в 20 саженях, а от Малахова кургана в 17 саженях.

Такое приближение неприятельских подступов почти к самым рвам наших укреплений, неисправимые повреждения, а главное, причиняемый огнем неприятеля гарнизону урон, возраставший от необходимости с каждым днем увеличивать число рабочих, указывали на близость времени штурма севастопольских укреплений. В ожидании его в улицах города стали усиливать баррикады, приготавливали все необходимое для подорвания бастионов и батарей, переводили на Северную сторону все мастерские, лаборатории, главные пороховые склады, штабы, архивы и пр. Между тем 22 августа союзные главнокомандующие, генералы Пелисье и Симпсон, созвали общий совет, составленный только из корпусных командиров и начальников артиллерии и инженеров. На этом совете положено было произвести штурм укреплений Севастополя как действие самое выгодное для союзников, потому что дальнейшее ведение подступов, под сильным артиллерийским и ружейным огнем обороняющегося, представляло для союзников почти непреодолимые препятствия.

Днем штурма был избран полдень 27 августа, и решено начать его без всякого сигнала, а для того чтобы он начался одновременно, приказано частным начальникам сверить свои часы с часами главнокомандующих.

Для приготовления верного успеха штурму совет определил открыть с 24 августа самое усиленное бомбардирование, и притом так, чтобы после нескольких часов самого частого огня вдруг прекращать выстрелы. Это прекращение стрельбы, наводя обороняющегося на мысль о намерении союзников штурмовать укрепление, заставит их придвинуть резервы; тогда осаждающий снова открывает огонь и тем наносит значительные потери. Подобным бомбардированием – то усиливая огонь, то прекращая его – союзники справедливо надеялись утомить гарнизон и поставить его в недоумение относительно действительного времени, избранного ими для штурма.

Сообразно с постановлением военного совета атакующий открыл в 5 часов утра 24 августа шестое усиленное бомбардирование Севастополя, поражая в особенности Малахов курган, 2-й и 4-й бастионы. Против Малахова кургана направлено было 110 больших орудий. Эта невероятная канонада, потрясая и сокрушая наши укрепления, осыпала защитников их градом бомб, гранатной картечи и пуль. Адский огонь этот продолжался в течение двух часов. Союзники стреляли то залпами, то беглым непрерывным огнем, они то прекращали огонь, то открывали его против Городской стороны и затем, спустя некоторое время, прекращали огонь здесь и переносили его опять на Корабельную сторону. Направляя свои выстрелы в мерлоны и

амбразуры, они одновременно срывали укрепления и поражали их защитников. К концу дня насыпь Малахова кургана была скрыта до половины, ров засыпан, почти все амбразуры разрушены, много орудий подбито.

Положение 2-го бастиона было еще того хуже. Наибольшей опасности подвергались пороховой и бомбовый погреба. На сохранение их от взрыва обращалось особенное внимание, и потому здесь гибли более всего людей, трудившихся над засыпанием углублений, производимых беспрестанно падавшими бомбами.

Осыпаемый тучей ружейных пуль и гранатной картечи, бастион представлял бойню в полном значении слова. Здесь в течение двенадцати часов из 600 человек гарнизона выбыло 200 убитыми и ранеными. Неприятельские снаряды ложились за бастионом так густо, что отправить раненых на перевязочный пункт не было возможности, их по необходимости оставляли до наступления ночи.

Прекращение сообщения бастиона с городом лишало возможности производить в нем даже самые необходимые исправления. В течение нескольких дней не было возможности доставить на бастион ни куска леса, ни одного тура, ни одной фашины, без леса невозможна была починка платформ, без туров и фашин – исправление амбразур.

Выпустив в первый день бомбардирования около 40 тысяч выстрелов, неприятель произвел значительное разрушение в укреплениях и вывел из строя две тысячи человек убитыми и ранеными. Выстрелы его разрушали городские здания, производили пожары, обстреливали Южную бухту и главный рейд и достигали до Северной стороны. Корабли, стоявшие на рейде, подвергались неприятельским выстрелам, и один из них, транспорт «Березань», нагруженный спиртом, был зажжен упавшей неприятельской бомбой и горел в течение всей ночи, ярко освещая бухту и город.

Горевший транспорт угрожал поджечь мост, перекинутый через Севастопольский рейд, и тем прервать сообщение осажденного города с Северной стороной. Только при необыкновенной деятельности и усилиях флотских команд опасность эта была отвращена и, уничтожив судно, пожар не распространился на мост и на соседние суда. Пользуясь временным светом горящего транспорта, союзники так и сыпали выстрелы на Малахов курган и 2-й бастион, где почти половина всех рабочих была перебита или переранена.

Несмотря на то, в течение ночи главные повреждения были исправлены и утром 25 августа эти два укрепления в состоянии были открыть огонь, хотя и ненадолго. Засыпанные снарядами с французских батарей, действовавших залпами, они скоро принуждены были смолкнуть и представляли собой только подобие некогда бывших укреплений. Передняя часть Малахова кургана была почти скрыта, и ров совершенно засыпан. Туры, поддерживающие стороны амбразур, поминутно загорались, и пламя угрожало достигнуть большого порохового погреба. Тушение пожара представляло немалые затруднения, потому что, как только неприятель заметил дым, он направил на него жестокий огонь, но геройское усилие саперов и рабочих Замосцкого полка спасли бастион от взрыва. Распоряжавшийся тушением пожара прапорщик Томского полка Насакин был ранен, и при нем убито было до 30 человек.

2-й бастион представлял развалины; единственные на нем два офицерских блиндажа были полуразбиты и близки к падению. «Пожар следовал за пожаром; погреба, служившие постоянной целью для неприятельских батарей, также ежеминутно угрожали взрывом».

Подвинувшись к Малахову кургану не далее 12 саженей и заняв свои траншеи стрелками, неприятель поражал штуцерным огнем всех, кто только показывался в амбразурах. Менее чем в несколько часов прислуга при орудиях бывала вся перебита, и в течение дня приходилось посылать к орудиям несколько смен людей, шедших на верную смерть. Огонь осадных батарей, то усиливаемый, то вдруг прекращаемый, держал гарнизон в постоянном ожидании штурма и

принуждал обороняющегося придвигать свои резервы, с появлением которых неприятельские батареи открывали самую усиленную стрельбу и тем наносили жестокое опустошение в наших рядах.

В этом отношении неприятель не пренебрегал никакими средствами, чтобы только нанести наибольший вред стоявшим на укреплениях и часто беспокоил нас ложными тревогами. Так, однажды, часов в одиннадцать ночи, из английских траншей вдруг взвилось несколько сигнальных ракет, а вслед за тем послышался крик: «Ура! Вперед! Вперед!» – и открылась самая частая стрельба по 3-му бастиону. Полагая, что неприятель произвел внезапное ночное нападение, с бастиона сейчас же отозвали цепь. Англичане, заметив это, стали еще больше кричать, причем сами из траншей не вылезали. В темноте ночи нельзя было ничего разобрать, и потому, принимая меры к встрече незваных гостей, на бастионе расставили людей по банкетам и приблизили резервы. Англичане только того и ждали и открыли по бастиону самый убийственный огонь со своих батарей.

В таких случаях французы обыкновенно вторили своим союзникам, и над Корабельной летали тучи снарядов. Ракеты, бочонки с порохом, кучи гранат, пущенные за один раз, так и сыпались на бастионы.

Не было никакой возможности сосчитать число бомб, взрывавших землю даже на одном Малаховом кургане. Они падали целыми десятками вдруг, некоторые разрывались на земле, разбрасывая и коверкая все, что попадалось им на пути; другие врезывались в землю и столбами подымали ее кверху; иные разрушали укрепления, разбрасывали одежду батарей, мешки, людей, камни; иные разрывались на воздухе, засыпая всю окрестность своими осколками.

Все блиндажи были переполнены ранеными, многие из них лежали под открытым небом в ожидании ослабления огня или наступления ночи. Дороги с Кургана и 2-го бастиона были непроходимы от неприятельских снарядов и настолько опасны, что в течение трех дней нельзя было доставить на бастионы не только орудий и материалов, но даже ни одного ведра воды. При стоявшей в то время сильной жаре недостаток воды еще более усиливал страдания раненых. И в такое-то адское время на Малахов курган явилось несколько женщин, пришедших навестить и облегчить страдания своих раненых мужей, многие из них заплатили жизнью за смелую попытку добраться до кургана, но некоторые добрались благополучно и притащили с собой даже и детей.

Неприятель стрелял залпами; раненые валялись повсюду; товарищи и начальники перевязывали им раны, стараясь облегчить их страдания.

В последнее время смерть была так близко около каждого, что о ней никто не думал. Войска убывали у нас с каждым днем, с каждым часом, можно сказать, таяли как снег. Каждый поставленный тур стоил жизни нескольких человек, а об исправлении укреплений и говорить нечего – рабочие ложились там рядами. Под конец повреждения были столь значительны, что не доставало рук для их исправления, дошло до того, что заваленную амбразуру приходилось по необходимости прочищать своим выстрелом.

Наступали предсмертные часы многострадального города. Освещаемый заревом пожаров, взрывом мелких пороховых погребов и пожаром фрегата «Коварный», нагруженного двумястами бочек спирта, Севастополь накануне своей смерти был потрясен взрывом шаланды, перевозившей сто пудов пороха с Северной стороны города на Южную. Около 11 часов ночи, в то время когда две шаланды с порохом подходили к пристани, неприятельская ракета взорвала одну из них. Взрыв был так силен, что лестница на пристани была разрушена и лежавшие внизу ее пушки в несколько сот пудов были переброшены на верхнюю площадку, казармы, находившиеся в ста саженях расстояния, были потрясены, двери в них растворились и даже кровати больных были сдвинуты с места.

Ужасен был этот взрыв, но он был ничтожен в сравнении с тем адом, который испытывали ежеминутно все защитники бастионов и батарей. В три дня они приняли на себя 150 000 артиллерийских снарядов, несколько сот тысяч пуль и лишились 7561 человека храбрых товарищей убитыми и ранеными. Они видели смерть во всех ее ужасах, видели, как людей разрывало на части, которые, в свою очередь, наносили раны и контузии возле стоявшим, видели, как товарищи пропадали бесследно, только клочок серой шинели, кусок мяса или просто лужа крови обозначали место, где за несколько секунд перед тем стоял их сосед.

«Проходя по Екатерининской улице к пристани, – говорит один из участников обороны, – мы обогнали солдата Волынского полка с окровавленным узелком.

– Что несешь, товарищ?

– Майора, ваше благородие, – отвечал волынец, – бомбой разнесло!.. Славное было начальство, ваше благородие, – так вот, что могли, собрали – похоронить несую.

Страшные сцены эти не производили на защитников славного города того впечатления, которое производят они на человека свежего и небывалого. Усталость до изнеможения делала уцелевших равнодушными к окружающим их ужасам, наводило на них озлобление и желание подраться.

Положение уцелевших и стоявших еще на бастионах было немногим лучше тех, кто кровью своей оросил родную землю. Ежеминутное ожидание штурма и земляные работы до крайности истомили гарнизон; войска не знали покоя ни днем ни ночью; никто не спал, и в то же время все ходили сонными, усталыми и измученными, в каком-то забытии, не совсем ясно понимая, что совершается вокруг. Каждый видел, однако же, что совершается что-то необыкновенное, небывалое. Об отдохновении никто не думал, потому что было некогда да и негде. Блиндажей, уцелевших от неприятельских выстрелов, было мало, да они и не привлекали солдат. В них было множество насекомых всякого рода, темнота, грязь и духота. Каждый свободный от службы солдат предпочитал отдыхать под открытым небом, в устроенном им самим помещении, где-нибудь поблизости насыпи бастиона. Прислонив к валу свое ружье, он ложился возле него, положив ранец под голову. Сидеть в амуниции было как-то неловко, а снять ее нельзя ни на минуту – и вот он поваливался с боку на бок, проводя в полудремоте все время, пока не позовут его на службу. Служба на бастионе трудна и разнообразна, а потому и залеживаться ему не давали. Денная и ночная цепь, множество секретов и прикрытий батарей, партии, отправляемые в помощь кашеварам нарубить дров, натаскать воды, наряды на пристань за мясом, за водкой, которую привезут с Северной, команды, отправляемые таскать сухари, крупу, принимать патроны, сдать испорченное оружие и принять новое – все эти занятия, отвлекая множество людей, лишали их возможности отдохнуть даже и днем.

Во все время пребывания своего на бастионе солдат не имел возможности ни переобуться, ни переменить белья, валялся в пыли и грязи по целым неделям и месяцам, работая без усталости днем и ночью.

С наступлением утра гарнизон в ожидании штурма был всегда в готовности встретить неприятеля, люди были расставлены вдоль валов укреплений, начальники на своих местах, резервы под ружьем, и вдруг, едва только появится заря, вместо штурма атакующий осыплет градом пуль и артиллерийских снарядов. Такое напряженное и выжидательное состояние гарнизона, ослабленного большими потерями, превышавшими 20 000 человек, не знавшего в течение целого месяца ни сна, ни отдыха, сделалось тягостным до последней степени.

Прибавьте к этому невыносимый зной юга, раскаленную каменистую почву Севастополя, отсутствие зелени и тени, недостаток воды, которую доставлять на бастионы в изобилии было затруднительно, а иногда и невозможно, наконец, бессменное торчание на одном месте среди окружающей духоты – если представить себе все это, то сделается ясным, почему каждый из

защитников ждал штурм как манны небесной.

С 5 августа три недели подряд союзники громили Севастополь, а между тем, вводя по временам в траншеи массы войск, заставляли подозревать приготовление к штурму. И вот у нас по всем направлениям летели донесения об опасности, просьбы о присылке войск, приказания начальников; начальники являлись на линии; резервы приближались, но штурм все не было. В последние дни сборы войск в неприятельских траншеях производились ежедневно. К ним все привыкли и ограничивались ожиданием штурма. «Да и что можно было предпринять в то время, когда главные укрепления наши были почти разрушены, артиллерия постоянно была приводима в невозможность действовать, а неприятель находился в нескольких шагах, так что он в одну или две минуты мог добежать до рва, большей частью полусасыпанного, и вскочить на вал, также разрушенный».

В это время на всей оборонительной линии и в резервах насчитывалось пехоты 40 500 человек, 1100 саперов и 6200 артиллерийской прислуги, стоявшей у орудий. Вся оборонительная линия, как известно, разделялась Южной бухтой на две половины: на Корабельную сторону, лежащую левее, или восточнее, Южной бухты, и Городскую – правее, или западнее, ее.

Корабельную сторону дугой охватывали начиная с левой стороны от большого рейда бастионы 1-й и 2-й, Малахов курган и 3-й бастион с их промежуточными укреплениями. На Городской стороне были расположены 4-й, 5-й, 6-й и 7-й бастионы с их соединительными батареями. Городская сторона состояла из 1-го и 2-го отделений; Корабельная из 3-го, 4-го и 5-го отделений. На Корабельной стороне было расположено 23 300 человек, начальство над которыми вверено генерал-лейтенанту Хрулеву. На Городской стороне было 17 200 человек под начальством генерал-лейтенанта Семякина. Начальниками войск на отделениях были: на 1-м – генерал-майор Хрущев, 2-м – генерал-майор Шульц, 3-м – генерал-лейтенант Павлов, на 4-м – генерал-майор Буссау, на 5-м – генерал-майор Сабашинский.

Переименовав всех лиц, начальствовавших войсками на отделениях, мы не можем не сказать несколько слов о генерале Шульце. Служа на Кавказе в звании коменданта Александропольской крепости, генерал Шульц отпросился в отпуск и, с дороги свернув в Севастополь, остался в нем до конца осады. Человек беспредельно храбрый, генерал Шульц беспрестанно обходил свое отделение, появлялся в самых опасных местах во всякое время дня и ночи и к довершению всего держал в своем блиндаже под кроватью несколько пудов пороха, чтобы взорваться на воздух в случае нечаянного нападения неприятеля.

Наступил день 27 августа, день предсмертных страданий многострадального города. С утра этого дня погода была ветреная: вода в бухте расколыхалась, солнца не было видно.

Ожидая, как и в предыдущие дни, штурм, с рассветом войска стояли в полной готовности отразить нападение: орудия были заряжены картечью, стрелки расставлены по всей линии укреплений и резервы приближены. Вместо штурма неприятель открыл с раннего утра столь жестокую стрельбу, что к полудню у нас выбыло из строя 2000 человек гарнизона.

– Что-то крепко бьют, – говорили идущие с батареей раненые.

Около 8 часов утра перед Малаховым курганом последовал сильный взрыв подземных работ французов. Тучи камней и глыбы земли полетели на курган, сотрясение было так сильно, что часть насыпи перед башней обрушилась в ров.

Посреди убийственного огня союзники готовились к штурму. День и час штурма хранились в глубокой тайне, так что назначенные для атаки войска узнали о нем вечером накануне, а приказ им прочли только за несколько часов до штурма.

В 8 часов утра 27 августа с батареей было замечено большое движение в неприятельских траншеях. То был сбор войск 2-го французского корпуса генерала Боске в числе 25 300 человек.

Они предназначались для атаки Малахова кургана и 2-го бастиона, на которых находилось наших войск около 9000 человек со всеми резервами. С утра собирались французы в своих траншеях, им читали возбуждающий к победе приказ любимого генерала. Боске разделил свой корпус на четыре колонны: одну, в 9600 человек, направил для атаки собственно Малахова кургана; другую, в 7400 человек, против 2-го бастиона; третью, в 4300 человек, в промежуток между этими укреплениями и, наконец, четвертую, в 5000 человек пехоты с 24 полевыми орудиями, поставил в резерв.

Союзные главнокомандующие, как мы сказали уже, решили произвести штурм ровно в полдень, без всякого сигнала, и поручили начать его генералу Боске. Когда войска Боске ворвутся на Малахов курган, тогда положено было поднять английский флаг на бывшем Камчатском люнете. По этому сигналу 10 720 человек англичан бросаются на 3-й бастион. В случае успеха на этих трех пунктах по сигналу, поданному ракетами, французский корпус в 20 580 человек под начальством генерала де Салля атакует на Городской стороне 5-й бастион с его смежными укреплениями, стараясь овладеть с тылу 4-м бастионом, против которого с фронта направлена бригада сардинцев. Всего для атаки 4-го бастиона предназначалось 5600 человек. Таким образом, для атаки севастопольских укреплений союзники сосредоточили 55 600 человек.

С одиннадцати часов утра канонада стала слабеть и затем совершенно прекратилась. Этот перерыв считали у нас делом обыкновенным и приписывали тому, что неприятель желает, чтобы мы придвинули свои резервы, и затем откроет по ним, как и в предыдущие дни, сильный огонь. Так как в эти часы всего менее ожидали штурма, то резервы не были придвинуты из опасения подвергнуть их большим потерям.

Ровно в полдень все неприятельские батареи сверкнули огоньками выстрелов и разразились оглушительными залпами, метнувшими по Севастополю ураган металла. Вслед за тем, прежде чем успела перелопатиться вся эта туча брошенных бомб, раздались смутные крики, бой барабанов и резкие тоны неприятельских сигнальных рожков. Пока звуки эти долетели до обороняющегося, враги были уже на Малаховом.

Выскочив густой цепью из своих траншей, французы при громких криках быстро перебежали отделявшее их от Малахова кургана пространство в 12 сажений и появились на валу укрепления, прежде чем нижние Модлинского полка приготовились их встретить.

С соседних батарей видно было, как бежали тучи народа из бывшего Камчатского люнета, как высыпали они из траншей, как роями устремились они на курган и лезли на вал, становясь на спину согнувшегося товарища и подсаживая третьего. Со стороны видно было, как на башне кургана взвился синий флаг – сигнал тревоги, как упал он потом и загорелась кровавая схватка...

За несколько минут до штурма на Малахов курган к помещению, занимаемому генералом Буссау, была приведена поручиком Юни команда нижних чинов Модлинского полка, которым генерал хотел сам раздать Георгиевские кресты. Солдаты, выстроившись перед блиндажом, ожидали выхода начальника, как вдруг послышались крики: «Штурм! Штурм!» Буссау выскочил из блиндажа в сопровождении адъютанта, который тут же был убит пулей в грудь. Из другого блиндажа выскочил начальник 4-го отделения капитан-лейтенант Карпов. Генерал Буссау едва только успел крикнуть и указать поручику Юни, чтобы он со своей командой скорее занял башню, как сам был захвачен в плен.

На Кургане поднялась страшная суматоха. Застигнутые врасплох, нижние чины бросились к валу укрепления, впопыхах они сталкивались между собой, сталкивались лицом к лицу с неприятелем. Из некоторых орудий успели сделать по одному выстрелу, но уже тогда, когда амбразуры были наполнены штурмующими. Многие из артиллеристов, с фитилем в руке,

пробивались к своим орудиям сквозь ряды неприятелей, чтобы сделать выстрелы, и гибли во множестве.

«Зато, если удавалось поспеть вовремя и зажечь трубку, сплошная масса живого тела, заслонявшая амбразуру, вся подгибалась и разбрасывалась в стороны. Но на место убитых становились новые стрелки и зуавы, место около выпалившего орудия было уже сравнительно безопасным».

Между тем поручик Юни, подхватив на лету приказание генерала Буссау, бросился к башне с подпоручиками того же полка Данильченко и Богдзевичем. К ним присоединились флотские кондукторы Венецкий и Дубинин с несколькими матросами. Эта горсть людей, числом до 40 человек, заняла башню почти перед носом французов и нашла там еще несколько человек, не успевших выскочить. Завалив наскоро ход, они решились защищаться до последней крайности и на все требования французов сдаться отвечали выстрелами.

Засевшие в башне защищались весьма долго даже и тогда, когда Малахов курган был во власти французов, наводнивших в самое короткое время это укрепление своей многочисленностью. Шесть тысяч французов лезли в амбразуры, перелезали через вал и вступали в рукопашный бой с модлинцами, насчитывавшими в своих рядах только 400 человек. Произошла одна из тех ужасных рукопашных схваток, при которых оба противника перемешиваются между собой и в каком-то опьянении, в бессознательном состоянии, поражают друг друга железом, камнями, деревом, когда люди душат друг друга за горло, царапаясь и кусаясь в исступлении.

Прислуга, стоявшая у орудий, дралась банниками, аншпугами, кирками, лопатами, топорами и всем, что попадалось в руки; большая часть этих храбрых легла на месте, защищая свои орудия. Модлинцы дрались отчаянно. Теснимые отовсюду французами, они несколько раз бросались в штыки против неприятеля, более чем в десять раз сильнее, и умирали смертью праведных. В самом начале боя они потеряли своих полкового и батальонного командиров и многих офицеров.

При первом известии о штурме главнокомандующий прибыл в квартиру начальника гарнизона и отправил с Северной стороны на Южную полки Азовский, Одесский, Украинский и резервный Смоленский. Взойдя на верхнюю галерею Николаевской батареи, князь Горчаков следил за действиями наших и неприятельских войск. В городе поднялась суматоха, все засуетились. К оборонительной линии потянулись поспешно батальоны, задние солдаты бегом догоняли передних, по мостовой гремела артиллерия, посланная к Малахову кургану. По всем направлениям скакали адъютанты и казаки, слышалась команда, звуки рожков и бой барабанов. Бегом по мосту шли полки, направленные с Северной стороны на Южную. Ветер был такой сильный, что волны заливали мост, и от тяжести проходящих он был сплошь покрыт водой. Одна из начальниц сестер милосердия, прибежав в Николаевскую батарею к графу Остен-Сакену, спрашивала, что ей делать с сестрами.

– Возьмите их с собой, на Северную, – отвечал граф. – Бог знает, что может быть через два часа.

Схватив образа из госпиталей, сестры бросились к мосту, за ними плелись раненые, кто мог – шел сам, других вели под руки, третьих переносили. На пути все чаще и чаще лопались бомбы, все сильнее и сильнее слышалась канонада...

Французы между тем все более и более распространялись по укреплению, теснили наших, и вскоре на башне взвилось французское знамя. Как муравьи, полезли французы на Малахов курган, завидя издали свое знамя. Они заняли всю переднюю часть кургана, прорвались к развалинам башни и, засев здесь, открыли самую частую ружейную стрельбу по малочисленному гарнизону.

Модлинцы два раза сбивали флаг неприятеля и сделали все, что было возможно сделать храбрым и что горсти людей было под силу. У всех амбразур, где только прорвался неприятель, он прошел по трупам модлинцев и артиллерийской прислуги. Храбрый поручик Анкудович, собрав около себя до 70 человек, два раза бросался с ними в штыки, и из 70 человек, бывших с ним при первой атаке, пошли во вторую только 40, а вернулось из нее только 6, но и те были заколоты на глазах товарищей.

Теснимые многочисленным неприятелем, наши отступали вглубь укрепления. Капитан-лейтенант Карпов, собрав вокруг себя толпу из отступавших артиллеристов и ратников курского ополчения, несколько раз ходил с ними, чтобы выбить французов из левой батареи Малахова кургана, но неприятель был слишком многочислен, но и выбить его не было возможности. Ополченцы бросались на неприятеля с топорами, артиллеристы – с банниками, но попытки их оставались напрасными – неприятель все более и более усиливался. На помощь Карпову явилось несколько рот Прагского полка, которые сначала потеснили врага, но потом задавлены были его многочисленностью. Французы обошли со всех сторон отступавших. Внутри укрепления Малахова кургана бились насмерть две отдельные кучки солдат Прагского и Модлинского полков, окруженные неприятелем. Модлинцы проложили себе дорогу штыками и присоединились к ротам Прагского полка. Уцелевшая горсть храбрых бросалась несколько раз вперед и останавливала на время наступление неприятеля. В одной из этих схваток был взят в плен капитан-лейтенант Карпов. Засевшие за блиндажами и разными укрытиями французы стреляли в упор по отступавшим. Ряды наших защитников таяли, но они все еще держались, пока в тылу их не появились новые массы неприятеля.

Несколько французских батальонов, пробежав по рву, обогнули укрепление с левой стороны и явились в тылу наших. Защищавший левую половину укрепления Замосцкий полк в числе 500 человек был смят и присоединился к отступавшим. Перемешавшиеся между собой люди трех полков – Замосцкого, Прагского, Модлинского – и артиллерийская прислуга столпились на задней площадке укрепления и долго своей грудью удерживали неприятеля. Таким образом, менее чем через полчаса после начала штурма Малахов курган находился во власти французов, они наполнили всю внутренность укрепления и подвигались вперед по мере того, как прибывали к ним свежие войска, вступавшие туда большими колоннами по переброшенным через ров мостам. Во рву сидели французские музыканты и играли марш. Редко кому приходилось слышать музыку при такой обстановке. Марш этот одушевлял наступающих, и французы сплошной стеной тянулись на курган. В короткое время неприятельских войск собралось на кургане до 6000 человек. Они открыли жестокий ружейный огонь по нашим войскам и окончательно утвердились на кургане.

Не так успешно действовала колонна, атаковавшая 2-й бастион в числе 7400 человек.

По равнине, лежавшей впереди 2-го бастиона, покрытой камнями и кустами, бежали, немного нагнувшись вперед, французы, направленные на 2-й бастион. Они шли на штурм великолепно, ветер дул им в лицо, полы сюртуков развевались, и это увеличивало кажущуюся быстроту их движения. Колонна эта точно так же быстро пробежала промежуточное пространство, перешла без затруднения почти совершенно засыпанный ров и явилась на бастион совершенно неожиданно. Застигнутые врасплох 550 человек Олонецкого полка были окружены, но успели, однако же, пробиться и отступить. Бастион был занят неприятелем, преследовавшим отступавших. Собрав остатки Олонецкого полка, заведовавший инженерными работами капитан Лебедев двинул их против наступающего неприятеля. В это время прибежал батальон Белозерского полка под командой майора Ярошевича и явился начальник войск 5-го отделения генерал-майор Сабашинский с Кременчугским полком.

Когда французы бросились без выстрела на штурм, генерал Сабашинский разговаривал с

капитаном генерального штаба Черняевым, присланным от Хрулева с предложением сменить 8-ю дивизию 4-й, чтобы дать 8-й отдохнуть.

– Ни за что не расстанусь с восьмой дивизией, – сказал Сабашинский, – особенно в такое время, если ее возьмут, я уйду сам.

В это время на 2-м бастионе ударили тревогу. Бросившись к Белозерскому и Кременчугскому полкам, Сабашинский двинул их на помощь отступавшим.

– За мной, ребята! – крикнул он. – Вон проклятых с бастиона! – и, помахивая костылем, пошел во главе кременчугцев.

Стремительным ударом этих войск французы были выбиты из бастиона. Они бросились бегом в свои траншеи, оставив на бастионе множество убитых и раненых. Генерал-майор Сабашинский тотчас же расставил людей за валом в шесть шеренг и открыл жестокий огонь по отступавшим, в то время когда соседние с бастионом батареи и пароходы «Владимир», «Херсонес» и «Одесса», подошедшие к устью Киленбухты, поражали их ядрами и бомбами. Устроившись в траншеях, французы несколько раз пытались штурмовать 2-й бастион, но не выдерживали убийственного огня и возвращались назад. Самые смелые достигали до рва и даже спускались в него, но или оставались в нем навсегда, или бежали обратно в свои траншеи.

В это время генерал Сабашинский получил известие, что третья неприятельская колонна, направленная на промежуточные батареи между 2-м бастионом и Малаховым курганом, прорвалась во вторую линию. Он поспешил туда, направив часть войск со 2-го бастиона.

Французы в числе 4300 человек, бросившись на штурм промежуточных батарей, должны были пройти гораздо большее пространство, чем первые две колонны, они должны были преодолеть препятствие, противопоставленное им тройным рядом волчьих ям. Едва замечено было движение этих колонн, как стоявшие на банкетах 700 человек Муромского полка и 550 Олонецкого открыли самый частый ружейный огонь. Под сильным картечным и ружейным огнем французы настойчиво подвигались вперед, ворвались в укрепление и смяли его защитников, причем командир Олонецкого полка полковник Алексеев был взят в плен, а Муромского подполковник Начек тяжело ранен, многие офицеры или убиты, или ранены. Оставшись без предводителей, смешавшиеся полки отступили во вторую оборонительную линию. Преследовавшие их французы ворвались туда же и, смяв часть Севского полка, достигли Корабельной слободки.

В это время генерал Хрулев, явившийся на место боя с резервами, остановил дальнейшее наступление неприятеля.

Перед началом штурма генерал Хрулев был в своей квартире, в одном из казематов Павловской батареи. Услышав тревогу и штурм, он тотчас же вскочил на коня и прежде всего поскакал к главному резерву, состоявшему из полков Шлиссельбургского и Ладожского и расположенному в Корабельной слободке.

«Густые облака дыма и пыли, поднимаемой сильным ветром, застилали наши укрепления. Со всех сторон слышалась сильнейшая ружейная пальба. Не замечая на Малаховом кургане условленного синего флага (перебитого во время штурма одним из неприятельских снарядов) и полагая, что там неприятель отбит, генерал повел полки ко 2-му бастиону как к слабейшему пункту, которым неприятелю легче всего был овладеть».

Отсюда Степан Александрович отправил своего ординарца, приказав ему сказать генералу Лысенко, чтобы тот шел с резервами на Малахов курган.

На дороге генерал Хрулев узнал, что штурм 2-го бастиона отбит, и потому он бросился на неприятельские колонны, прорвавшиеся во вторую линию между 2-м бастионом и Малаховым курганом, но и тут наши дела были в хорошем положении. Немного раньше прибытия Хрулева прискакала сюда 5-я легкая батарея 11-й артиллерийской бригады под командой капитана графа

Тышкевича и осыпала французов сильным картечным огнем. Совокупными атаками батальона Шлиссельбургского полка с двумя батальонами Севского полка французы были отброшены за вторую оборонительную линию. Под сильным картечным огнем они пытались устроиться и вновь перейти в наступление, но в это время сбоку их появились полковник Нейгардт с двумя батальонами Забалканского, майор Вакгаузен с двумя батальонами Кременчугского и майор Грушка с батальоном Полтавского полка. Сюда же прискакал и генерал-майор Сабашинский. В это время генерал Хрулев узнал, что Малахов курган занят французами. Сдав команду генерал-майору Сабашинскому, Хрулев поскакал на Малахов. Сабашинский, приняв общее начальство над войсками, выбил французов из наших укреплений и заставил их скрыться в своих траншеях.

Устроившись там, французы вторично бросились на штурм вместе с левой конной, опять атаковавшей 2-й бастион, но на обоих пунктах были отбиты. Тогда осадные батареи неприятеля открыли самый частый огонь по второму бастиону и промежуточным батареям, наносящий значительные потери защитникам. Занимавшие Малахов курган французы также открыли ружейный огонь по промежуточным батареям и принудили наши войска податься несколько влево. В очищенное таким образом пространство снова бросились свежие колонны неприятеля, но, не успев пробраться в укрепление, засели во рву и залегли за наружной стороной насыпи. Завязалась живая перестрелка, противники, разделенные между собой только толщиной насыпи, поражали друг друга пулями и камнями. В это время из-за бывшего Камчатского люнета вынеслись две французские батареи, которые, подскакав саженой на 100 ко 2-му бастиону и промежуточным батареям, открыли огонь картечью. Действие их было непродолжительно: в самое короткое время они были уничтожены и удалились, оставив на месте четыре орудия.

Тучи пуль, летевших с Малахова кургана, нанося страшные потери войскам, принудили нас отвести их за вторую оборонительную линию. Тогда французы перелезли через насыпь и пытались несколько раз атаковать вторую оборонительную линию, но каждый раз были отражаемы одним ружейным и картечным огнем. Отказавшись от атак, они, оставаясь за валом укреплений, поддерживали живую перестрелку с нашими войсками.

Около двух часов пополудни против второго бастиона появилась свежая колонна французских войск, направленная в третий раз на штурм этого укрепления. Французы шли смело, ни картечь, ни ружейные пули не могли остановить их стремления, целыми толпами лезли они на бруствер и успели поставить на валу его французское знамя. Молодой зуавский офицер вскочил на вал одним из первых. В одной руке у него был пистолет, а в другой камень. За ним лезло четыре зуава с ружьями и камнями в руках. Взобравшись на вал, офицер выстрелил почти в упор в генерала Сабашинского, но промахнулся, тогда он бросил камень. В это время все пятеро повалились, пробитые пулями наших солдат.

– На валы! – крикнул между тем генерал Сабашинский.

Солдаты, вмиг вскочив на вал укрепления, приняли французов в штыки и приклады и сбросили в ров. Сабашинский приказал открыть огонь по толпившемуся во рву неприятелю. Солдаты поражали французов выстрелами, бросали в них ядрами, гранатами, камнями и осколками. Горячая схватка эта длилась минут пять. Французы с яростью лезли навал, но каждый раз, сбрасываемые обратно, не выдерживали и начинали отступать под жестоким картечным и ружейным огнем.

Потеря французов при этой атаке была огромна, весь ров 2-го бастиона был наполнен трупами, а впереди лежащее пространство почти сплошь покрыто неприятельскими телами.

– С тех пор как живу, не видывал ничего подобного, – говорил генерал Сабашинский.

После этого отступления французы не пытались больше атаковать 2-й бастион. Бросаясь до шести раз, они дрались отчаянно, но не могли одолеть препятствия, противопоставленного им русской грудью. Руководивший атакой французский генерал Боске, находясь в одной из

ближайших траншей перед 2-м бастионом, не мог не поблагодарить свои войска за храбрость и стремительный натиск, но вместе с тем не мог не сознать, что все дальнейшие усилия его останутся напрасными. Мужество наших войск и хладнокровная распорядительность генерала Сабашинского были те скалы, о которые разбивались многочисленные волны французских колонн. Неприятель оставил здесь нескольких офицеров и 150 человек нижних чинов взятыми в плен, убитыми и ранеными трех генералов и множество нижних чинов.

В то время когда атака на 2-й бастион и промежуточные батареи была отбита, по всей оборонительной линии кипел самый ожесточенный бой. Успех французов на Малаховом кургане послужил сигналом для всеобщего штурма: англичане бросились на 3-й бастион, французы – на укрепления Городской стороны.

В траншеях против 5-го бастиона с раннего утра было замечено значительное скопление неприятельских войск, не предпринимавших, впрочем, ничего решительного. При первом известии о штурме Малахова кургана начальник войск 1-го отделения генерал Хрущев расставил войска вдоль укреплений, запретив им показываться из завала, чтобы скрыть от неприятеля нашу готовность. Приблизив резервы и зарядив орудия картечью, наши войска ожидали атаки. В траншеях против 1-го отделения царствовала глубокая тишина, лишь изредка показывались небольшие отряды неприятеля, но, осыпаемые картечью с наших батарей, скрывались в своих траншеях. Прошло так несколько часов, но французы все не атаковали. Тогда начальник войск Городской стороны генерал-лейтенант Семякин разрешил половине людей отдохнуть, но быть в полной готовности встретить наступающего.

Около двух часов французы бросились на штурм 5-го бастиона и смежных с ним укреплений, защищаемых 1700 воинами полков Житомирского, Подольского и Белостокского. В резерве находилось 500 человек Житомирского и 800 человек Минского полков. Для атаки этих укреплений со стороны неприятеля было назначено 8380 человек, разделенных на три колонны. Под прикрытием густой цепи двигались люди с лестницами и фашинами, саперы с рабочими инструментами, а за ними штурмовые колонны. Жестокий картечный огонь с батарей встретил наступавших. Колонна, шедшая правее 5-го бастиона на люнет Белкина, потерпела совершенное поражение от огня наших батарей и взрывов каменометных фугасов; только немногие смельчаки успели вскочить в ров, но и те поплатились или смертью, или пленом. Подпоручик Банковский с ротой Подольского полка с одной стороны, а поручик Назаров с командой моряков с другой спустились в ров и приняли в два огня засевших там французов, часть из них легла на месте, но большинство было взято в плен.

На 5-м бастионе французы хотя и достигли рва и даже часть из них стала взбираться на бруствер, но была вытеснена батальоном Белостокского и частью Подольского полка под командой полковника Алейникова.

Штурмовая колонна, двигавшаяся левее 5-го бастиона, на соседнюю с бастионом батарею Шварца, успела ворваться в укрепление и оттеснила батальон Житомирского полка, но на помощь ему скоро явился командир полка полковник Жерве с остальными батальонами и штыками сбросил неприятеля в ров. Оправившись, французы снова кинулись вперед, но были выбиты и отброшены в свои траншеи подоспевшим из резерва батальоном Минского полка, приведенным генералом Хрущевым, и двумя ротами Екатеринбургского полка, прибежавшими со своим полковым командиром подполковником Веревкиным. Екатеринбургцы поклялись все умереть, но дальше ротных образов, поставленных в траншее, не отходить! И отбили врага. Завалив всю внутренность укрепления, ров и впереди лежащую местность своими телами, французы скрылись в свои подступы и более не показывались, оставив в плену у нас 10 офицеров и 150 человек нижних чинов.

Против 4-го бастиона штурмовые колонны вовсе не показывались, а штурмовавшие 3-й

бастион англичане потерпели поражение и были отбиты несколько ранее отбития французов от 5-го бастиона.

Англичане в числе 10 720 человек бросились на 3-й бастион и соседние с ним батареи вскоре после того, как французы ворвались на Малахов курган. В это время начальник 3-го отделения капитан 1 ранга Перелешин 1-й сидел в своем блиндаже с командиром Селенгинского полка полковником Мезенцевым. Среди разговоров они вдруг слышали крики: «Штурм, французы на Малаховом!» Перелешин подпоясал наскоро саблю и, схватив в левую руку трубу, а в правую револьвер, бросился к блиндажу, занимаемому генералом Павловым, откуда были видны Малахов курган и Камчатский люнет. Он видел ясно, как бежали тучи народа из Камчатского люнета и из траншей. Видно было, как упал синий флаг – сигнал тревоги, как явилось на нем трехцветное французское знамя, как упало оно и потом явилось снова. В эту минуту Перелешину донесли, что англичане показались против 3-го бастиона. На бастионе все было готово встретить неприятеля – там ударили тревогу гораздо ранее, как только заметили движение французов на Малахов курган. Гарнизон третьего бастиона и соседних с ним батарей вместе с резервами простирался до 7500 человек.

Англичане бросились на штурм рассыпным строем, который поддерживался густыми штурмовыми колоннами. Несмотря на сильный огонь, которым были встречены наступающие, они шли смело и ворвались на бастион, где были встречены штыками двух батальонов Владимирского полка. Несмотря на жестокий рукопашный бой, несмотря на стойкость владимирцев, англичане отбросили их вглубь укрепления. Распространившись вдоль по укреплению, они завязали перестрелку с отступившими и занялись порчей орудий, стоявших на укреплениях. В это время на помощь владимирцам прибежала с правых батарей рота Камчатского полка с подполковником Артемьевым, с левых – часть Суздальского полка и рота Якутского.

– С Богом, ребята, в штыки! – крикнул Артемьев камчатцам.

Оба эти отряда ударили на англичан с флангов, в то время когда начальник 3-го отделения капитан 1 ранга Перелешин 1-й и полковник Венцель, устроив остатки Владимирского полка, ударили с фронта. После жестокой рукопашной схватки англичане были выбиты из бастиона и опрокинуты в ров. Устроившись, они повторили атаку, и так дружно, что снова ворвались на бастион. Наши дрались отчаянно. Солдаты бились «как только можно биться в такой тесноте и при таких малых силах. Минута была роковая... ряды наших пустели все больше и больше. Англичан прибывало, и некоторые уже сидели на орудиях и заклепывали их... Еще несколько мгновений – и прощай, третий бастион!» Но в это роковое время явился на бастион командир Селенгинского полка полковник Мезенцев с двумя ротами своего полка и стремительным ударом в штыки вместе с прочими полками вытеснил англичан, бросившихся частью в свои траншеи, частью залегших за засеками и открывших сильный ружейный огонь. Победа эта дорого стоила нам: капитан 1 ранга Перелешин 1-й и подполковник Артемьев были ранены, а полковник Мезенцев пал геройской смертью.

Между тем англичане открыли по 3-му бастиону сильный огонь со своих осадных батарей. На бастионе вся артиллерийская прислуга была перебита, так что для действия из орудий штабс-капитан Селенгинского полка Васильев расставил своих нижних чинов. Селенгинцы действовали так успешно, что когда англичане в третий раз бросились на штурм, то большая часть их, не выдержав картечного и ружейного огня, отступила в свои траншеи, и только незначительная часть их достигла рва. Тогда прапорщик Владимирского полка Дубровин бросился в ров с командой охотников своего полка и выбил оттуда англичан.

Было 4 часа пополудни, когда штурм был отбит на всей оборонительной линии, кроме Малахова кургана, занятого французами. Со всех батарей, которые могли только обстреливать

курган, был открыт огонь по засевавшему там неприятелю. Выстрелами одной из батарей 3-го отделения был взорван на кургане пороховой погреб. Французы, испуганные этим взрывом, бросились оттуда толпами, так что начальники насилу воротили их. Этот взрыв и несколько других произвели такое впечатление на неприятеля, что он не решился нас преследовать из опасения быть взорванным на воздух. Французы боялись встретить повсюду мины и полагали, что они заложены под каждым из укреплений.

Мы остановили рассказ наш о штурме Малахова кургана именно в то время, когда французы, сосредоточив на нем до 6000 человек своих войск, завязали перестрелку с отступившими войсками. В это время генерал-майор Лысенко прибежал с несколькими ротами Эриванского (князя Варшавского), князя Горчакова (Брянского) и Елецкого полков. Хотя он и двинул их тотчас же в атаку, но, подавленный многочисленным неприятелем, принужден был отступить. Спустя несколько минут прискакал туда же со 2-го бастиона генерал-лейтенант Хрулев на своем белом коне, за ним бегом прибыло 1400 человек Ладожского полка. По тому направлению, которое избрал генерал Хрулев, не было возможности подъехать к самому кургану, а потому он и все сопутствовавшие ему офицеры спешили. Став во главе Ладожского полка и присоединив к себе несколько рот князя Горчакова (Брянского) и Эриванского (князя Варшавского) полков, он двинулся с ними в атаку с задней части Малахова кургана. Французы открыли убийственный огонь по наступавшим, пули сплошной тучей летели на храбрых; минута была торжественная. Сняв со своей груди висевший на ней серебряный образ, Хрулев поцеловал его и, подняв левой рукой кверху, показал солдатам.

– Благодетели, за мной, вперед! – крикнул он своим, всегда потрясающим солдатское сердце голосом.

В это самое время штуцерная пуля раздробила ему большой палец левой руки.

Бесстрашно бросились войска, предводимые любимым начальником, и вынеслись на курган. Французы почти в упор произвели несколько ружейных залпов, и передние ряды, следовавшие за Хрулевым, остались на месте. Командир Ладожского полка полковник Галкин был ранен, все старшие офицеры или убиты, или ранены. Превозмогая страшную боль, но опасаясь показать войскам, что он ранен, Хрулев, зажав палец правой рукой, все шел еще вперед. Войска дрались отчаянно, штык, приклады, камни заменили выстрелы. Степан Александрович чувствовал, что не может идти далее, смертная бледность покрывала его лицо, голова кружилась, и ему казалось, что он падает.

– Поддержите! – сказал он шепотом, обращаясь к находившимся возле него офицерам, подпоручику Сикорскому и инженер-поручику Эвертцу.

Оставив место боя и отправившись на перевязочный пункт, генерал Хрулев не возвращался более. Оставшиеся без главного и второстепенных начальников полки отошли назад и расположились на заднем склоне кургана между развалинами некогда существовавших домиков. К ним присоединились остатки разных полков, и вся эта толпа завязала самую ожесточенную перестрелку с неприятелем. Принявший начальство генерал-майор Лысенко, устроив наскоро несколько рот Ладожского, Эриванского (князя Варшавского) и Елецкого полков, бросился с ними вторично в атаку, но был отбит и сам смертельно ранен. После него принял начальство генерал-майор Юферов. Несмотря на самый сильный ружейный огонь, наши солдаты, предводимые генералом Юферовым, сплошной стеной ворвались в укрепление и вступили в жестокий рукопашный бой, при котором сам Юферов был окружен неприятелем и прижат с несколькими солдатами в одном из углов бастиона. Высокого роста, худощавый, впереди своего маленького отряда, генерал Юферов рубился с французами, отвечая ударами сабли на их предложение сдаться. Французы расстреливали эту кучку, уже не имевшую патронов и ежеминутно уменьшавшуюся, «но кто только решался броситься с ружьем на горсть

героев – платил жизнью за отвагу. Разъяренные зуавы уложили пулями и генерала, и его солдат».

– Как фамилия этого генерала? – спрашивал впоследствии один из французских генералов у наших офицеров.

– Юферов, – отвечали они.

– Непременно надо знать имя этого героя. Такие имена должны сродниться с памятью народа, к которому принадлежал герой.

Атака, веденная Юферовым, была также отбита. Войска отступили на прежнее место – на заднюю покатость кургана. Снова между обеими сторонами открылась самая ужасная перестрелка. Солдаты разгорячились до такой степени, что охотники, подойдя к задней линии траверсов (поперечных насыпей в укреплении), взбирались на нижний ряд туров и, держась одной рукой за кол верхнего ряда туров, вели перестрелку с французами. Последние стояли точно в таком же положении по другую сторону траверса, и так, на расстоянии ширины этой насыпи, не более как в 3 сажени, противники, будучи открыты по пояс, поражали друг друга в упор.

За охотниками, собравшись в одну толпу, стояли люди разных полков, когда к ним явились капитан-лейтенант Ильинский и флигель-адъютант ротмистр Воейков. Оба они, собрав по кучке солдат, бросились вперед отбивать курган, но были оттеснены многочисленностью неприятеля, причем ротмистр Воейков, в пылу самой жаркой схватки, вскочил на один из траверсов и в тот же миг упал, смертельно раненный пулей в грудь навывлет.

Пользуясь расстройством наших войск и своей многочисленностью, французы перешли в наступление. На площадке, известной под именем Чертовой, стояла главная масса неприятельских стрелков, поражавших продольно все узкие проходы в середину укрепления. Вдруг с правого боку и в тылу наших послышались голоса – то были французы, занявшие часть прилегавшей к Малахову кургану батареи Жерве. С криком полезли они на вал правой половины кургана, совершенно еще не занятый. Засыпаемые пулями с фронта, тыла и правого фланга, солдаты наши должны были отступить, и тогда французы окончательно завладели всем укреплением Малахова кургана, они тотчас же стали заделывать все входы, набрасывая в них туры, вырванные из амбразур, и трупы убитых.

Несмотря на то, французов все-таки нельзя было назвать хозяевами кургана: посреди его в башне держалась еще горсть храбрецов, засевших с поручиком Юни. Расставив у дверей матросов с абордажными пиками и стрелков против отверстий в башне, он сыпал в неприятеля пулю за пулей. Сначала, в пылу жаркого боя, французы не замечали, откуда сыпятся пули. Они смело ходили возле башни, не подозревая об опасности, и платились за это жизнью или раной. Когда же жаркие схватки с нашими войсками перенеслись на заднюю часть кургана, тогда только они заметили в башне присутствие неприятеля. Пятеро зуавов бросились было к дверям башни, но были остановлены пиками матросов; пытались было стрелять в двери, но защитники заложили их тюфяками и подушками. Тогда они решились выкурить их дымом. Набросав перед дверьми туров, фашин и хворосту, французы подожгли костер, но скоро сами потушили его из боязни, чтобы огонь не сообщился пороховым погребкам.

Храбрые защитники держались до тех пор, пока не расстреляли всех своих патронов, пока французы не подвезли к входным дверям мортиры и не стали бросать в башню гранаты. Когда большая часть засевших в ней были переранены и, наконец, потеряна всякая надежда на выручку, тогда только поручик Юни и его товарищи решились сдаться. Кондуктор Венецкий был назначен парламентаром. «Он выставил в двери ружье с навязанной на штык своей же рубашкой, которой часть пошла на перевязку раны: французы прекратили огонь». Венецкий вышел из башни.

– Мы ваши пленные! – сказал он, обращаясь к французскому офицеру.

– Велите вашим солдатам положить ружья, – отвечал офицер.

Смелых защитников башни повели на Камчатский люнет, где французские офицеры встретили их с большим уважением.

В это время к кургану прибыл генерал-лейтенант Мартинау, посланный главнокомандующим с Азовским и Одесским полками с приказанием принять общее начальство над всеми войсками Корабельной стороны. Не успев сделать никаких распоряжений, генерал Мартинау был тяжело ранен, и войска остались опять без начальника.

После генерала Мартинау прибежали к кургану две роты 4-го и 6-го саперного батальонов с инженер-полковником Геннерихом, который, присоединив к себе ратников дружины № 49 под начальством полковника Черемисинова и команду матросов с капитан-лейтенантом Ильинским, два раза бросался в атаку, но был отбит^[31].

Это были последние попытки к овладению курганом. Войска наши, перемешавшись в одну общую кучу, толпились в беспорядке сзади укрепления, а охотники, залегши за развалинами домов и в ямах, вели учащенную перестрелку. Не было начальника, который мог бы сплотить их в одно целое и дружно ударить на врага, а между тем наши солдаты горели желанием отбить потерянное укрепление, но не знали, как взяться за это дело.

– Ведите нас в бой! – кричали одни, отыскивая глазами предводителей.

– Давайте нам патронов! – кричали другие.

Но вести в бой было некому, потому что все начальники были перебиты или переранены.

Пользуясь временем нашего бездействия, французы с каждым часом усиливались: они успели установить на кургане несколько небольших орудий и открыли частый огонь по нашим войскам, несшим большие потери. Так, в легкой 4-й батарее 17-й артиллерийской бригады, стоявшей вправо от кургана, во второй линии укреплений, был убит командир батареи капитан Глазенап, все офицеры и большая часть людей. Раненые целыми толпами брели на перевязочный пункт и собирались у подножия Малахова кургана, где четыре матроски под убийственным штуцерным огнем неприятеля, так и лившимся с кургана, разносили воду и квас стоявшим здесь войскам и подавали помощь раненым.

«Не знаю, уцелели ли они, – говорит очевидец. – Об этих бесстрашных женщинах было доведено до сведения Государя Императора».

Во втором часу пополудни главнокомандующий послал генерал-лейтенанта Шепелева с поручением принять общее начальство над войсками Корабельной слободы. Вместе с тем, считая необходимым оставить город при первом удобном случае и получая сведения, что французы все прочнее и прочнее утверждают на Малаховом кургане, князь Горчаков решился воспользоваться отбитием штурма на всех прочих пунктах и утомлением неприятеля, чтобы беспрепятственно совершить это в высшей степени трудное предприятие.

Главномандующий тотчас же отдал приказание князю Васильчикову составить расписание и распорядиться отступлением, а сам поскакал на Малахов курган, чтобы собственными глазами взглянуть на положение дел.

Еще до приезда главнокомандующего генерал Шепелев устроил полки, расставил их на более выгодных местах, отвел резервы в Корабельную слободу и приготовился к встрече неприятеля, если бы он вздумал, выйдя из кургана, наступать внутрь Корабельной слободы.

Остановившись под сильным ружейным огнем неприятеля, князь Горчаков долго всматривался в положение наших и неприятельских сил и убедился лично в невозможности отбить Малахов курган. Он видел, что курган занят большими массами французов, за которыми находились сильные резервы, и потому овладение вновь укреплением потребовало бы огромных жертв.

Генерал-лейтенант Шепелев получил приказание не возобновлять атак, но во что бы то ни стало удержаться на занятой позиции и не допустить французов двинуться вперед.

Бой был прекращен и, можно сказать, доставил новую славу русскому оружию. Из 12 атак, произведенных многочисленным неприятелем в различных пунктах, 11 было отбито, и только одна, на Малаховом кургане, была удачна для союзников. Самое занятие Малахова кургана было следствием огромного превосходства сил неприятеля, направившего на него до 30 тысяч человек.

Из этого видно, что кровавый день 27 августа не может считаться днем победы для неприятеля – она принадлежит скорее русскому оружию как по числу приобретенных успехов, так и по тому, что на всех пунктах атакующий был в несколько раз сильнее защищающегося. Несмотря на то, успех неприятеля был так незначителен, а утомление так велико, что он не решался тревожить славного гарнизона и позволил ему свободно отступить по единственному мосту, протянувшемуся почти на версту расстояния.

Обе стороны дрались с отличной храбростью и лишились многих и многих храбрых товарищей. Наша потеря в этот день простиралась до 12 913 человек убитыми, ранеными и без вести пропавшими. Из этого числа мы потеряли до начала штурма более 2 тысяч человек от бомбардирования, так что, собственно, при отражении штурма наша потеря простиралась до 10 тысяч человек.

Союзники, по их собственному показанию, потеряли при штурме 10 067 человек, но надо полагать, что гораздо больше. Кроме того, как мы, так и они лишились многих достойных генералов, штаб- и обер-офицеров. Госпитали и перевязочные пункты были переполнены ранеными, посреди которых слышались радостные крики победы, указывавшие на уверенность каждого, что штурм отбит, что славный гарнизон проявил нечеловеческие силы и что пролитая, еще теплая кровь современников будет священна для потомков.

Государь император, получив донесение об отбитии штурма на всей линии, кроме Малахова кургана, достойно оценил заслуги богатырей севастопольских и, удостоив их своим высоким вниманием, увековечил заслуги гарнизона следующим приказом российским армиям и флоту.

«Долговременная, едва ли не беспримерная в военных летописях оборона Севастополя обратила на себя внимание не только России, но и всей Европы. Она с самого почти начала поставила его защитников наряду с героями, наиболее прославившими наше отечество. В течение одиннадцати месяцев гарнизон севастопольский оспаривал у сильных неприятелей каждый шаг родной, окружавшей город земли, и каждое из действий его было ознаменовано подвигами блистательнейшей храбрости. Четырехкратно возобновляемое жестокое бомбардирование, коего огонь был справедливо именуем адским, колебало стены наших твердынь, но не могло потрясти и умалить постоянного усердия защитников их. С неодолимым мужеством, с самоотвержением, достойным воинов-христиан, они поражали врагов или гибли, не помышляя о сдаче. Но есть невозможное и для героев. 27 сего месяца, после отбития шести отчаянных приступов, неприятель успел овладеть важным Корниловским бастионом, и главнокомандующий крымской армией, щадя драгоценную своих подвижников кровь, которая в сем положении была бы уже без пользы проливаема, решился перейти на Северную сторону города, оставив осаждающему неприятелю одни окровавленные развалины.

Скорбя душой о потере столь многих доблестных воинов, принесших жизнь свою в жертву отечеству, и с благоговением покоряясь судьбам Всевышнего, Коему не угодно было увенчать их подвиги полным успехом, Я признаю святой для себя обязанностью изъявить, и в сем случае, от имени Моего и всей России, живейшую признательность храброму гарнизону севастопольскому за неутомимые труды его, за кровь, пролитую им в сей, почти целый год

продолжавшейся защите сооруженных им же в немногие дни укреплений. Ныне, войдя снова в ряды армии, эти испытанные герои, служа предметом общего уважения своих товарищей, явят, без сомнения, новые примеры тех же воинских доблестей. Вместе с ними и подобно им, все наши войска, с той же беспредельной верой в Провидение, с той же пламенной любовью ко Мне и родному нашему краю, везде и всегда будут твердо встречать врагов, посягающих на Святыни наши, на честь и целость отечества. Имя Севастополя, столь многими страданиями купившего себе бессмертную славу, и имена защитников его пребудут вечно в памяти и сердцах всех русских совокупно с именами героев, прославившихся на полях Полтавских и в битвах под Бородино, Чесмой и Синопом».

Отступление войск с Южной стороны города на Северную. – Пожар города и взрывы батарей. – Приказ главнокомандующего. – Посещение Крыма государем императором. – Высочайший приказ по крымской армии. Окончание военных действий. – Заключение мира

В четыре часа пополудни начальники войск и отделений получили распоряжение об очищении Южной стороны Севастополя и о переходе войск на Северную. Вместе с тем на бастионы доставлено было расписание, составленное начальником штаба гарнизона князем Васильчиковым, в каком порядке и когда отступать каждому полку или команде. Отступление это могло быть произведено только по единственному мосту, перекинутому через рейд, и при содействии небольшого числа судов, предназначенных для перевозки войск.

Каждый легко поймет, как затруднительно и опасно было это отступление в виду многочисленного врага. Совершенное в порядке, оно составило одну из блестящих страниц боевых подвигов наших войск, достойно закончивших славную оборону Севастополя, по своей продолжительности не имеющую равных себе в истории.

Движение через мост должно было начаться в половине седьмого часа вечера. Его открывали войска, ближайšie к мосту, стоявшие у Николаевских казарм, затем отходили более отдаленные от моста и, наконец, те, которые стояли на укреплениях оборонительной линии. При отступлении последних на батареях были оставлены охотники – человек по сто от каждого полка, которые поддерживали ружейный огонь с неприятелем и тем скрывали наше отступление. Охотники оставались на валах укреплений до тех пор, пока на смену их не явились саперы и команды матросов, назначенные для порчи орудий, станков и взрыва пороховых погребов.

Приготовления к отступлению начались еще с четырех часов пополудни. Все, что можно было отослать, торопились переправить на Северную, и прежде всего отправляли раненых и больных.

Для перевозки войск были назначены пароходы и другие суда. После контузии капитана 2 ранга Лихочева командир порта вице-адмирал Новосильский поручил заведование перевозочными средствами капитану 2 ранга Воеводскому. Последний отправился к начальнику эскадры адмиралу Юхарину с приказанием затопить суда на том месте, где они стояли, затем указал каждому пароходу, какие войска и откуда перевозить, назначил суда для перевозки артиллерии и пр. Независимо от этого главнокомандующий командировал вице-адмирала Панфилова на Корабельную сторону, поручив ему принять на себя распоряжения по перевозке оттуда войск на Северную. Содействие этих двух лиц оказало армии огромную услугу при оставлении Севастополя.

В шестом часу стали отводить назад полки, предназначенные для занятия баррикад, ближайших к мосту.

В числе этих полков был и Тобольский, двинутый по направлению к городу. Предводимые своим командиром, полковником Зеленым, солдаты были убеждены, что их ведут выбивать французов из Малахова кургана. Перед тем только что прибыло несколько молодых солдат на укомплектование полка.

– Облегчите, ребята, свои ранцы, – говорили тобольцы своим молодым товарищам, – и смотрите, держитесь нас, стариков. Боже избави, если который из вас попятится назад – мы должны или выбить французов из Малахова кургана, или не возвращаться назад живыми.

Известие о том, что мы отступаем, как варом обварило солдат: шутки и прибаутки были брошены, и в полку воцарилась глубокая тишина.

Все вообще войскас грустью и болезненным чувством приняли известие об оставлении города; многие из них, уходя с бастионов и батарей, плакали. Как сильно не хотелось отступать нашим солдатам, это видно из того, что когда под вечер распространился между ними ложный слух, будто мост лопнул на самой середине, то это известие как бы обрадовало их.

– Ну, лопнул, так лопнул! – сказали многие голоса. – Черт с ним.

Последуем, однако же, за тобольцами.

Расположившись за баррикадами, полк получил приказание далее этого места не пропустить неприятеля или умереть на баррикадах. Тобольцы простояли всю ночь под ружьем и последними вышли из Севастополя.

Под прикрытием их начиная с семи часов вечера стали стягиваться войска, расположенные на Городской стороне, к Николаевской батарее, а оттуда на мост, расположенные же на Корабельной разделены были на две части: одна садилась на пароходы, на баржи, буксируемые теми же пароходами, и на малые гребные суда; другая переправлялась по мосту, через Южную бухту на Городскую сторону, к Николаевским казармам и оттуда на мост, через главный рейд, на Северную. Пароходы и суда различного вида и величины так и сновали на бухте.

Начало смеркаться, батареи изредка постреливали, и в разных местах слышалась ружейная перестрелка. Солдаты, прижавшись к валам укреплений, шепотом разговаривали между собой. Тишина эта после столь горячего, кровавого дела наводила тоску и мрачность на все окружающее. Оно было действительно непривлекательно. Почти вся внутренность укреплений была перевернута вверх дном: траверсы разрушены, по всему пространству разбросаны снаряды, туры, камни и осколки, развороченные насыпи во многих местах не закрывали головы, стоявшие за ними орудия были подбиты, станки порублены и поломаны. На платформах и между траверсами лежали кучи тел, наших и неприятельских. Посреди них пробирались солдаты к уцелевшим орудиям и приводили их также в негодность: рубили станки, заклепывали орудия, уничтожали принадлежность и устраивали проводники для взрыва пороховых погребов, которые вскоре должны были взлететь на воздух.

Темная мрачная ночь с сильным порывистым ветром покрыла в этот день, как нарочно, развалины Севастополя. Войска, как тени, стекались со всех сторон к одному пункту – к Николаевской батарее. Соблюдая строжайшую очередь, полк за полком отходили с оборонительной линии, оставляя на ней одних охотников. Люди, в изорванной одежде, в крови, в грязи и закоптелые в дыму, брели понуриив голову.

«Одни едва бредут, – пишет участник, – чуть не падая под тяжестью оружия – до того измучены они; другие несут десятки мертвых; третьи тащат изможденных страдальцев, облитых кровью, с оторванными членами; иные везут на руках тяжелые пушки; на узком мосту режут построики у запряженных под орудие лошадей и молча, пасмурно, перекрестясь сталкивают орудие в море, будто хоронят любимого товарища. Все пасмурны, всех гнетет свинцовое горе, и если из чьих уст вырвется слово-другое, это слово проклятия, командный крик начальника или страдальческий вопль умирающего!...»

В девятом часу вечера около моста собралась огромная куча войск, все проталкивались вперед, все хотели подвинуться ближе к мосту. Странное дело: как неохотно оставляли солдаты бастионы и батареи, так, наоборот, дойдя до моста, все торопились переправиться через него. С батарей надо было тащить силой их, тогда как у моста трудно было удержать. Из Николаевской казармы беспрестанно выносили на пристань оставшиеся тюки бумаг, госпитальные вещи и койки, на которых лежали закутанными страдальцы. Вся площадь у Графской пристани была уставлена войсками. Сильный ветер развел волнение в бухте, и протянутый через нее мост сильно колыхался. Нагруженный сплошь людьми, орудиями, повозками и по временам заливаемый волнами, он, казалось, погружался в воду.

Около полуночи на Малом бульваре взвились сначала две ракеты вместе, а потом две ракеты одна за другой. По этому сигналу охотники, оставленные на батареях оборонительной линии, и войска, поставленные за баррикадами, стали отходить к мосту. Покидая укрепления, саперы и матросы оставляли в каждом из пороховых погребов зажженные фитили различной длины, чтобы взрывы следовали не вдруг, а один за другим и по возможности с длинными промежутками. В иных местах насыпали от погреба дорожку пороха по земле и, отойдя на значительное расстояние, поджигали его. Огненные змейки эти забежали из конца в конец по всем окраинам Севастополя и стали взлетать по направлению к укреплениям багровые столбы пламени и дыма. Один за другим летели на воздух пороховые погреба с запасами пороха и снарядов. Последние, подброшенные кверху, лопались в воздухе и огненными звездами падали на землю. Угрюмая тишина ночи нарушалась страшными взрывами, от которых стонала земля и рушились полуразбитые стены домов некогда веселого и оживленного города.

Все, что было горючего на бастионах, загорелось, и вскоре Севастополь, как бы прощаясь с героями-защитниками своими последними пламенными взглядами, опоясался огненным поясом.

При виде пожара грустные лица солдат на время прояснились: они видели, что врагу останется только груда камней и пепла. Чувство радости охватило всех, в войсках слышались говор, а порой и веселая шутка.

Переправа между тем продолжалась и шла успешно.

Всю ночь между войсками ходили начальник штаба гарнизона свиты Его Величества генерал-майор князь Васильчиков и генерального штаба полковник Меньков, направляя колонны к тесному выходу между Графской пристанью и Николаевской батареей.

Около 12 часов ночи подошел к ним состоявший при начальнике штаба капитан Воробьев.

— Приказание вашего сиятельства исполнено, — сказал он князю Васильчикову. — От последней линии баррикад до библиотеки и оттуда к Морской улице — пожар подготовлен, и ровно в 12 часов вся линия домов запылает.

— Есть ли костер под библиотекой? — спросил отрывисто князь Васильчиков.

— Зарево библиотеки будет сигналом для общего пожара — все готово! — отвечал капитан.

Разговаривавшие направились к стороне баррикад. Спустя несколько минут библиотека и вся линия домов на Екатерининской и Морской улицах были уже в пламени.

— Поторопились зажечь — еще нет двенадцати часов, — сказал равнодушно капитан Воробьев. — Вишь, как трещит — теперь и не уймешь его!

— Уже поздно. Не останавливайте пожара, — сказал князь Васильчиков. — Неприятель молчит. Бог даст, переправа совершится благополучно!

— Не забыли ли вы костра под святым собором? — спросил полковник Меньков капитана Воробьева.

— Будьте покойны, — отвечал тот, — церковная утварь по возможности спасена, церковь внутри уже горит, и, кроме обгорелых стен, враг ничего там не найдет!

В самом непродолжительном времени пожар охватил весь город. Темная ночь ярко освещалась заревом, сильный ветер раздувал огонь, переносил его с одних развалин на другие, выл и плескал волны о берег. Скоро все слилось в одну общую массу пламени и дыма, среди которых слышались треск и гром взрывов, и свист ветра. И вдруг в пламени блеснет пламя еще ярче и, как молния, осветит окрестность: то летит на воздух пороховой погреб или погреб с ядрами, гранатами и бомбами.

Багровым огнем занялось все небо, и начались последние вздохи многострадального Севастополя.

Освещаемые заревом пожаров войска продолжали переправляться на Северную. По обе

стороны моста лежало мрачное волнующееся море. Направо мелькали еще темные громады наших кораблей, которые приказано было затопить.

По всей бухте скользили взад и вперед баркасы, шлюпки и пароходы, с пыхтением выкидывавшие огнистые снопы искр в клубах густого черного дыма.

Едва видный неопределенный образ парохода по мере приближения к Южной стороне постепенно светлел, и, наконец, ярко освещенный пламенем пожара, он подходил к берегу. Нагрузившись войсками, пароход снова тонул во мраке, изредка являясь в более освещенном пространстве, и тогда каждая его веревка, мачта и рея, казалось, были раскалены, пылали огнем.

Плавучий мост, покрытый сплошь людьми, качался под тяжестью народа и обозов.

Перебравшись на Северную, каждый оборачивался назад, чтобы еще и в последний раз, взглянуть на пылающий город. Картина всеобщего разрушения представлялась глазам обернувшихся. Видно было, как пылали библиотека и собор, как догорали Александровские казармы, как горели морские казармы, Артиллерийская слободка, часть Корабельной и, как огромный погребальный факел, горел ярче всех кран, поставивший на своем веку много мачт на кораблях славного Черноморского флота.

К 8 часам утра переправа войск на Северную была окончена. В это время выехали из города начальник гарнизона граф Остен-Сакен и начальник штаба князь Васильчиков. С последними пароходами войск отплыли от берега с Корабельной стороны генерал-лейтенант Шепелев и вице-адмирал Панфилов; с Графской пристани, отправив последний пароход, поехал капитан 2 ранга Воеводский, а по мосту в хвосте Тобольского полка перешел генерал Хрущев с капитаном Воробьевым. В Севастополе не осталось никого, кроме нескольких человек смельчаков, прикрывавших отступление и поддерживавших пожары.

Наступило утро 28 августа, развели мосты, и порвались последние нити, связывавшие войска со славным городом, обратившимся в пепелище после трехсотсорокадевятидневного сопротивления.

Вся Северная сторона была покрыта войсками, перемешавшимися между собой во время перехода через мост. Сходя с моста, каждый шел куда пришлось и располагался там, где казалось ему удобнее. Пехота, артиллерия, моряки – все перепуталось между собой. Крики и возгласы по временам раздавались в этой нестройной толпе. Собирали по кучкам остатки славных полков. Со всех сторон раздавались голоса: такой-то полк сюда! такой-то экипаж ступай туда! Солдаты толпами ходили взад и вперед, отыскивая полки. Все суетились, бегали, нагруженные повозки тянулись по бельбекской дороге. Бухта совершенно опустела. Корабли и множество других судов опустились на дно, и только концы мачт, торчавшие над поверхностью воды, напоминали о недавнем их существовании. Перевозившие всю ночь войска пароходы отошли к северному берегу, но на другой день и они также пошли ко дну.

Шум и говор, движение взад и вперед, переключка фельдфебелей слышались повсюду. Но вот развели костры и заварили кашу, «кто в больших артельных котлах, а у которой команды таковой погиб, в котелках и разной другой посудине, но больше всего заметно было у костров манерок с отломанными крышками, наполненными толчеными сухарями, водой с приличным количеством соли: это лакомство нашего солдата – тюря».

Заговорив о котлах, нельзя не привести следующего случая. При отступлении 17-я рота Вольнского полка не успела взять с собой ротного котла, который остался на Павловском мысу. На следующий день, находясь уже на Северной, ротный командир распорядился раздать нижним чинам десяточные котлы, бывшие при роте. Солдаты просили позволения выручить ротный котел из рук неприятеля. Командир роты указывал им на опасность подобного предприятия.

– После вчерашней потасовки, – говорили солдаты, – французу не до наших котлов, – и

убедительно упрашивали дозволить им выручить ротный котел.

Согласился ротный – отправились охотники за котлом. Матросы перевезли их за рубль через залив на Павловский мысок, и доставленный через несколько часов ротный котел исполнял свое дело...

Мало-помалу разбросанные по Северной части войска стали собираться по полкам и потянулись на назначенные им места.

После полудня взлетели на воздух Александровская и Павловская батареи. Черное густое облако вознеслось на огромную высоту и со страшным треском и громом спустилось каменным дождем в бухту и на землю. На местах, где стояли красивые здания батарей, образовались пирамидальные кучи камней и мусора.

Два дня и две ночи горели развалины славного города, покрытые густыми облаками дыма. 30 августа пошел дождь, и пожар потух.

На следующий день войска слушали рассказ о своих подвигах, изложенный в задушевном приказе главнокомандующего.

«Храбрые товарищи! – писал он. – 12 сентября прошлого 1854 года сильная неприятельская армия подступила под Севастополь. Невзирая ни на численное свое превосходство, ни на то, что город этот был лишен искусственных преград, она не отважилась атаковать его открытой силой, а предприняла правильную осаду.

С тех пор при всех огромных средствах, коими располагали наши враги, беспрестанно подвозившие на многочисленных судах своих подкрепления, артиллерию и снаряды, все усилия их преодолеть ваше мужество и постоянство в продолжение одиннадцати с половиной месяцев оставались тщетными. Событие – беспримерное в военных летописях: чтобы город, наскоро укрепленный в виду неприятеля, мог держаться столь долгое время против врага, коего осадные средства превосходили все принимавшиеся доньше в соображение расчеты в подобных случаях.

И при таких-то огромных средствах, после 9-месячного разрушительного действия артиллерией громадных размеров неприятель, неоднократно прибегавший к усиленному бомбардированию города, выпуская каждый раз против него по несколько сот тысяч снарядов, увидел безуспешность этой меры и решился наконец овладеть Севастополем с боя.

6 июня сего года он устремился на приступ с нескольких сторон, храбро ворвался в город, но был встречен вами с неустрашимостью и отбит на всех пунктах самым блистательным образом.

Неудача эта вынудила его обратиться по-прежнему к продолжению осадных работ, умножая свои батареи и усугубляя деятельность в ведении траншейных и минных работ.

Таким образом, со дня достопамятного отбития вами штурма 6 июня протекло еще более двух с половиной месяцев, в продолжение коих, одушевленные чувством долга и любви к престолу и отечеству, вы геройски оспаривали у неприятеля каждый аршин земли, заставляли его подвигаться вперед не иначе как шаг за шагом, платить потоками крови и неимоверной тратой снарядов за одну из сажений пройденного пространства. При такой упорной защите мужество ваше не только не ослабевало, но доходило до высшей степени самоотвержения.

При всем том если неустрашимость и терпение ваши беспредельны, то есть вещественные пределы возможности сопротивления. По мере приближения неприятельских подступов батареи их также сближались одна к другой, огненный круг, опоясывавший Севастополь, с каждым днем стеснялся более и более и все далее извергал в город смерть и разрушение, поражая храбрых защитников его.

Пользуясь таким превосходством огней на самом близком расстоянии, неприятель после усиленного действия артиллерии в продолжение 20 дней стоившего ежедневно нашему гарнизону потери от 500 до 1000 человек, 24 августа начал адское бомбардирование из

огромного числа орудий небывалых калибров, следствием коего было ежедневно разрушение наших окопов, уже с большим трудом, с самыми чувствительными потерями возобновлявшихся по ночам под безостановочным огнем неприятеля. В особенности главнейший из сих верков, редут Корнилова на Малаховом кургане, составлявший ключ Севастополя, как пункт, господствующий над всем городом, претерпел значительные неисправимые повреждения.

В таких обстоятельствах продолжать оборону Южной стороны значило бы подвергать ежедневно бесполезному убийству войска наши, сохранение коих ныне более чем когда-либо нужно для Государя и России.

Поэтому с прискорбием в душе, но вместе с тем с полным убеждением, что исполняю священный долг, я решился очистить Севастополь и перевести войска на Северную сторону, частью по устроенному заранее мосту через бухту, частью на судах.

Между тем 27 августа в 10.30 утра неприятель, видя перед собой полуразрушенные верки, а редут Корнилова с засыпанными рвами, предпринял отчаянный приступ одновременно на бастионы: 2-й, Корнилов и 3-й, около трех часов спустя – на 5-й бастион и редуты Белкина и Шварца.

Из этих 6 атак пять отбиты со славой: некоторые из атакуемых пунктов, как то 2-й бастион, на который неприятель уже взвез было орудия по накинутым мостам, переходили по несколько раз из рук в руки и окончательно остались за нами; но редут Корнилова, более прочих укреплений разрушенный бомбардированием, был занят французами, направившими на него до 30 тысяч человек, и после огромных потерь, нами понесенных с начала боя, не мог быть исторгнут из их рук, ибо для этого нам надлежало бы взбираться по крутой покатости кургана, между развалинами разбросанных в беспорядке строений, а потом проходить по узкой плотине, через неповрежденный глубокий ров заднего фаса, занятого французами.

Таковое предприятие могло бы не привести нас к желаемому успеху и неминуемо стоило бы несметных потерь.

Сие было тем менее нужно, что, по вышеизложенным причинам, я решился во всяком случае оставить город. Затем, так как успех неприятеля ограничивался исключительно занятием редута Корнилова, я приказал, не предпринимая нападения на этот редут, оставаться перед ним для воспротивления неприятелю продолжать оттуда наступление в город, что и было исполнено в точности, несмотря на все усилия французов двинуться вперед из-за горжи редута.

С наступлением темноты я приказал войскам отступить по сделанной заранее диспозиции.

Опыты мужества, оказанные вами в сей день, поселили такое уважение к вам, храбрые товарищи, в самом неприятеле, что он, хотя должен был заметить ваше отступление по взрывам наших пороховых погребов, делаемых войсками нашими по мере оставления ими различных частей оборонительной линии, не только не преследовал их колоннами, но даже почти вовсе не действовал своей артиллерией по отступающим войскам, что мог бы сделать совершенно безнаказанно.

Храбрые товарищи! Грустно и тяжело оставить врагам нашим Севастополь, но вспомните, какую жертву мы принесли на алтарь отечества в 1812 году. Москва стоит Севастополя! Мы ее оставили после бессмертной битвы под Бородином. Трехсотсорокадевятидневная оборона Севастополя превосходит Бородино!

Но не Москва, а груда камней и пепла достались неприятелю в роковой 1812 год. Так точно и не Севастополь оставили мы нашим врагам, а одни пылающие развалины города, собственной нашей рукой зажженного, удержав за нами честь обороны, которую дети и внучата наши с гордостью передадут отдаленному потомству.

Севастополь приковывал нас к своим стенам. С падением его мы приобретаем подвижность, и начинается новая война, война полевая, свойственная духу русского солдата.

Покажем Государю, покажем России, что дух этот все тот же, коим отличались предшественники наши в незабвенную Отечественную войну. Где бы неприятель ни показался, мы встретим его грудью и будем отстаивать родную землю, как мы защищали ее в 1812 году.

Храбрые воины сухопутных и морских сил! Именем Государя Императора благодарю вас за ваше беспримерное мужество, за вашу твердость и постоянство во время осады Севастополя.

Долгом почитаю принести в особенности мою благодарность доблестным вашим начальникам:

Гг. генерал-адъютанту графу Остен-Сакену, начальствовавшему гарнизоном в продолжение 9 месяцев; генерал-лейтенантам: Шепелеву, Хрулеву, Павлову, Семякину; вице-адмиралам: Новосильскому и Панфилову; генерал-майорам: Мартинау, Пихельштейну, Лысенко 1-му; генерал-адъютанту князю Урусову, Шульцу, Хрущеву, Голеву, Сабашинскому, Шейдеману; свиты Его Величества: князю Васильчикову и Тотлебену; полковникам: Козлянинову 2-му, Геннериху, Гарднеру; капитанам 1 ранга: Зорину, Микрюкову, Перелешину 1-му, Перелешину 2-му; подполковнику Циммерману; капитан-лейтенантам: Ильинскому и Чебышеву, и всем гг. штаб- и обер-офицерам, участвовавшим в осаде.

Объем приказа не позволяет мне внести в него имена многих других генералов, штаб- и обер-офицеров, которым в большей или меньшей степени принадлежит честь содействия в великом подвиге обороны Севастополя; но каждый из них имеет право на признательность Монарха и Отечества.

Между этими сотрудниками я назову только главных деятелей из числа лиц, не находившихся в составе гарнизона: начальник и чины главного штаба вверенных мне войск: генерал-адъютант Коцебу, генерал-лейтенанты: Сержпутовский, Бухмейер, Ушаков, Бутурлин, генерал-майор Крыжановский. Из них инженер генерал-лейтенант Бухмейер оказал важную заслугу устройством превосходного плотового моста через бухту, обеспечившего отступление войск.

Воздавая заслуженную благодарность оставшимся в живых и достойным начальникам вашим, почтим, товарищи, память тех из них, кои пали с честью за веру и отечество на валах Севастополя. Вспомним в особенности незабвенные имена Нахимова, Корнилова, Истомина и вознесем мольбы наши ко Всевышнему, да ниспошлет Он мир и успокоение их праху и увековечит память о них, в пример грядущим поколениям россиян».

С отступлением наших войск на Северную и с занятием союзниками развалин города обе воюющие стороны стали укрепляться на новых местах. Как мы, так и союзники строили новые укрепления и батареи и изредка поддерживали перестрелку друг с другом.

В это время славная армия была обрадована пролетевшим по рядам ее известием о скором прибытии в Крым государя императора.

В начале сентября государь император изволил прибыть в город Николаев, где и оставался в течение шести недель, лично следя за ходом оборонительных работ этого города.

Высокое внимание монарха к крымской армии выказывалось на каждом шагу и ежеминутно. Каждый день государь посещал госпитали, благодетельствовал раненых и больных воинов и награждал отличавшихся. Желая видеть все войска славной армии, Он приказал некоторые полки и все морские экипажи, за исключением трех, двинуть в Николаев, и не было такой маленькой команды, к которой бы сам Царь не выехал навстречу при вступлении ее в город. В необыкновенно милостивых и душевных словах он благодарил войска за их славную службу престолу и Отечеству. Въезжая в средину рядов, государь милостиво разговаривал с каждым солдатом или матросом.

В октябре месяце обожаемый монарх наш посетил свою крымскую армию.

В два часа пополудни 28 октября колокольный звон бахчисарайской церкви и радостные

крики собравшейся толпы народа возвестили о прибытии государя императора и великих князей Николая и Михаила Николаевичей. У входа во храм государь был встречен духовенством с крестом и святой водой. По окончании службы его величество изволил отправиться в приготовленную для него квартиру в частном доме, так как помещение в бахчисарайском дворце было занято под военные госпитали.

Из Бахчисарая государь изволил выехать для смотра полков 10-й пехотной дивизии. Оставшись совершенно доволен бодрым видом солдат, он вызвал вперед офицеров.

– Я горел нетерпением, – сказал им император, – видеть храбрую крымскую армию.

«Ура, ура!» самое громкое было ответом на столь лестные и милостивые слова монарха.

Осмотрев войска, находившиеся в Бахчисарае и его окрестностях, государь император на следующий день изволил выехать в Севастополь в сопровождении великих князей и главнокомандующего. Он осматривал войска, расположенные на Северной стороне города, объехал вновь взводимые укрепления и, доехав верхом до Волоховой башни, «обозревал с нее окрестную местность, море и в достославной борьбе погибший город». За этим его величество изволил произвести смотр войскам, расположенным на Инкерманских высотах и Мекензиевой горе. Объехав 11-ю пехотную дивизию и остановясь посередине ее, он благодарил войска.

– Благодарю, ребята, за службу, – воскликнул он, – именем покойного Государя, именем отца моего и вашего – благодарю вас.

– Ура! ура! – долго-долго гремевшее и заглушившее голос царя, было ему ответом.

– Я счастлив, – продолжал государь, – что имею возможность лично благодарить вас за вашу геройскую службу; давно это было моим желанием.

Не пересказать, что было посреди войск после этих милостивых слов монарха.

Сойдя с лошади, император вторично пешком обходил батальоны, расспрашивал георгиевских кавалеров, за что именно и когда даны им кресты, справлялся о раненых и удостоивал каждого своим милостивым вниманием. Подойдя к Камчатскому полку, государь заметил, что в строю только один батальон. Командующий полком доложил, что второй батальон на аванпостах.

– Один батальон камчатцев, – заметил на это государь, – четырех стоит.

«Тут же, – пишет очевидец, – Его Величество изволил заметить под знаменем двух унтер-офицеров, старика и молодого, похожих друг на друга как две капли воды, богатырей весьма большого роста, с Георгиевскими крестами, с французскими саблями у пояса вместо тесаков и пистолетами за поясом».

То были Михайловы – отец и сын, волонтеры из новгородских военных поселений, добровольно пришедшие на службу в Севастополь. За отличную храбрость они произведены были в унтер-офицеры и пожалованы знаком отличия военного ордена.

– Отчего вы так вооружены? – спросил император, заметив на них французские сабли.

– Нам пожалованы сабли, – отвечали Михайловы, – князем Васильчиковым, за храбрость нашу.

– Вы волонтеры? – изволил спросить государь.

– Точно так, Ваше Императорское Величество, мы добровольно пришли в Севастополь, желая умереть за Ваше Величество и за веру православную.

– Спасибо вам за хороший пример, – сказал государь, – спасибо вам; не забуду вас, приходите ко мне в Петербург.

– Благодарим покорно, Ваше императорское Величество, – отвечали молодцы.

После церемониального марша Император вызвал офицеров на середину дивизии.

– Благодарю вас, – сказал он им, – за то, что вы всегда впереди.

Восторженные крики были ответом на милостивые слова монарха.

– Не пощадим себя, Государь! – кричали офицеры со всех сторон.

Осмотрев войска, расположенные на реках Альме, Каче, Бельбеке, у перевала в Байдарскую долину и уезжая из Крыма, император осчастливил их следующим высокозамечательным приказом от 31 октября 1855 года.

«Храбрые воины крымской армии! Приказом Моим от 30 августа Я выразил вам чувства, преисполняющие душу Мою искренней признательности к заслугам вашим, увековечившим славу защиты Севастополя. Но сердцу Моему недостаточно было благодарить вас заочно за те геройские подвиги мужества и самоотвержения, с которыми вы, удивляя даже врагов наших, перенесли тяжкое время почти годовой осады. Здесь, среди вас, желательно Мне было изъяснить вам чувства Моего к вам благоволения и искренней привязанности. Свидание с вами доставило Мне невыразимое удовольствие, а блестящее состояние, в коем Я нашел войска крымской армии при произведенных ныне смотрах, превзошло Мои ожидания. Мне отрадно было видеть вас и любоваться вами. Благодарю вас от души за службу вашу, за подвиги, коими вы себя ознаменовали, за доблести ваши, твердо в вас укорененные; они Мне ручаются в сохранении славы русского оружия и в непрестанной готовности храбрости Моего войска жертвовать собой за Веру, Царя и Отечество.

В память знаменитой и славной обороны Севастополя Я установил собственно для войск, защищавших укрепления, серебряную медаль на георгиевской ленте для ношения в петлице.

Да будет знак этот свидетельствовать о заслугах каждого и вселять в будущих сослуживцах ваших то высокое понятие о долге и чести, которое составляет непоколебимую опору Престола и Отечества.

Совокупное же изображение на медали имен незабвенного Моего Родителя и Моего да будет залогом чувств наших, одинаково к вам благосклонных, и да сохранит в вас навсегда нераздельную память об Императоре Николае Павловиче и о Мне. Я вами горжусь, как Он вами гордился: как Он,веряюсь вашей испытанной преданности и рвению к исполнению своего долга. Именем Его и Своим благодарю еще храбрых защитников Севастополя, благодарю всю армию».

С переходом наших войск на Северную союзники не предпринимали ничего решительного. Обе стороны, изредка перестреливаясь, стояли друг против друга. В это время между враждующими правительствами открылись переговоры о мире, продолжавшиеся до марта 1856 года. Вскоре после открытия мирных переговоров, а именно 17 февраля, было заключено перемирие, по которому обе враждующие стороны прекратили военные действия. 18 марта 1856 года были подписаны мирные условия – и война прекратилась.

Шестнадцать лет прошло с тех пор, как лежащий в развалинах Севастополь своей исполинской грудью двинул Россию на новый путь, проложенный ей волей Царя-Освободителя. Крепчая с каждым днем, отечество наше ушло далеко вперед в этот краткий промежуток времени. В нем все изменилось, один только неизменен тот город на Северной стороне Севастополя, который населен доблестью смелых сынов России, город, известный под именем братских могил.

Там, над кучей погребальных холмов, стоит храм, а над ним превыше всего высится святой крест – залог мира и любви к ближнему. Основанием храму служат могилы доблестей, дорогие сердцу каждого русского. Под своды столь священного храма стекаются и будут стекаться люди всех сословий и, вспоминая дивные события, озарившие наше отечество новой жизнью, с благоговением преклонятся перед останками богатырей-воинов, сложивших свои головы за счастье и благо родины. Дальний потомок слезой уважения почтит память павших героев и, смотря на ряды славных могил, составляющих первую ступень к светлой будущности нашего отечества, повторит слова архиепископа Иннокентия:

«Пади ниц, место бо сие свято есть!»

Император Николай I

Родился в 1796 г.; вступил на престол в 1825 г.; скончался в 1855 г.

Высочайшим манифестом императора, 9 февраля 1854 г. было всенародно объявлено о прекращении дипломатических сношений России с Францией и Англией. Манифест кончался следующим воззванием к России: «И так, против России, сражающейся за православие, рядом с врагами христианства становятся Англия и Франция. Но Россия не изменит святому своему призванию, и если на пределы ее нападут враги, то мы готовы встретить их с твердостью, завещанной нам предками. Мы и ныне не тот ли самый народ Русский, о доблестях которого свидетельствуют достопамятные события 1812 года? Да поможет нам Всевышний доказать это на деле. В этом уповании подвизаясь за угнетенных братьев, исповедующих веру Христову, единым сердцем всей России воззовем: “Господь наш! Избавитель наш! Кого убоимся! Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его!»

Получив донесение о бомбардировании Севастополя 5 октября, император писал князю Меншикову: «Слава Богу, слава героям-защитникам Севастополя! Первое покушение отбито со славой; будем надеяться на милость Божью и впредь. Благодарю всех и каждого за то, что мое доверие оправдывают. Мне ли не знать, что могут наши молодцы? Сухопутные и морские соперники в верности долгу, в христианской храбрости и в геройстве! Так искони было, так искони будет! Передай мои слова с моей благодарностью, могу сказать отцовской, потому что их всех люблю, как дорогих родных детей».

После Инкерманского сражения император писал Меншикову: «Не унывать! Начальствуя севастопольскими героями, имея в своем распоряжении 80 тысяч отличного войска, вновь доказавшего, что нет ему невозможного, лишь бы вели его как следует и куда должно – с такими молодцами было бы стыдно и думать о конечной неудаче. Скажи вновь всем, что я ими доволен и благодарю за прямо русский дух, который, надеюсь, никогда в них не изменится. Ежели удачи досель не было, как мы смели ожидать, то Бог милостив, она быть еще может. Милосердие Божие велико для тех, которые неизменно на него уповают».

Могучая натура императора не выдержала жестоких испытаний Крымской кампании; нравственное потрясение сломало железное здоровье его; надорванный организм не выдержал простуды, и императора не стало 18 февраля 1855 года.

Император Александр II

Родился в 1818 г.; скончался в 1881 г.

Вступление императора на престол 18 февраля 1855 года произошло при очень тяжелых для России обстоятельствах. Она вела борьбу с соединенными силами четырех европейских держав, в том числе трех первоклассных, и могла ожидать, что к ним присоединятся и другие государства. Война принимала неблагоприятный для нас оборот. Несмотря на свое миролюбие, император выразил твердую решимость продолжать борьбу и добиться почетного мира.

Получив донесение об отбитии защитниками Севастополя штурма 6 июня, государь писал 15 июня князю Горчакову: «Вы уже знаете о радостном впечатлении, произведенном на меня известием о геройском отбитии штурма. Воздав от глубины сердца благодарение Всевышнему, повторяю теперь вам и всем нашим молодцам мою искреннюю и душевную благодарность. Беспредельные защитники Севастополя покрыли себя в этот день еще новой и неувядаемой

славой. Скажите им, что я и вся Россия ими гордимся!»

Государь император, получив донесение о последнем в Севастополе бое 27 августа, достойно оценил заслуги богатырей севастопольских; удостоив их своим высоким вниманием, увековечил заслуги гарнизона следующим приказом Российским армиям и флоту: «Долговременная, едва ли не беспримерная в военных летописях, оборона Севастополя обратила на себя внимание не только России, но и всей Европы. Она с самого почти начала поставила его защитников наряду с героями, наиболее прославившими наше отечество. В течение 11 месяцев гарнизон Севастопольский оспаривал у сильных неприятелей каждый шаг родной, окружавшей город земли, и каждое из действий его было ознаменовано подвигами блистательнейшей храбрости. Четырехкратно возобновляемое жестокое бомбардирование, которого огонь был справедливо именуем адским, колебало стены наших твердынь, но не могло потрясти и умалить постоянного усердия защитников их. С неодолимым мужеством, самоотвержением, достойным воинов-христиан, они поражали врагов или гибли, не помышляя о сдаче. Но есть невозможное и для героев. 27-го этого месяца, после отбития шести отчаянных приступов, неприятель успел овладеть важным Корниловским бастионом, и Главнокомандующий Крымской армией, щадя драгоценную своих сподвижников кровь, которая в этом положении была бы уже без пользы проливаема, решился перейти на северную сторону города, оставив осаждающему неприятелю одни окровавленные развалины. Скорбя душевно о потере столь многих доблестных воинов, принесших жизнь свою в жертву отечеству, и с благоговением покоряясь судьбам Всевышнего, которому не угодно было увенчать их подвиги полным успехом, я признаю святой для себя обязанностью изъявить и в этом случае, от имени моего и всей России, живейшую признательность гарнизону Севастопольскому за неутомимые труды, за кровь, пролитую им в этой, почти целый год продолжавшейся защите сооруженных ими же в немногие дни укреплений. Но войдя снова в ряды армии, эти испытанные герои, служа предметом общего уважения своих товарищей, явят, без сомнений, новые примеры тех же воинских доблестей. Вместе с ними и подобно им все наши войска с той же беспредельной верой в Провидение, с той же пламенной любовью ко мне и родному нашему краю, везде и всегда будут тверже встречать врагов, посягающих на святыни наши, на честь и целостность отечества. Имя Севастополя, столь многими страданиями купившего себе бессмертную славу, и имена защитников его пребудут вечно в памяти и сердцах всех русских совокупно с именами героев, прославившихся на полях Полтавских и Бородинских, в битвах под Чесмой и Синопом!»

Великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич

В октябре 1854 г. Император Николай Павлович послал двух своих сыновей в Севастополь с тем, чтобы они разделили с войсками боевые труды и опасности.

Великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич участвовали в Инкерманском сражении 24 октября. В этот день после сражения они посетили Севастополь и побывали на бастионах и батареях, где передали защитникам царское спасибо. В это время почти все батареи были в действии, и в особенности на Малаховом кургане огонь был неумолкаемый; во всю дорогу гром ядер и свист штуцерных пуль провожали великих князей. На Малаховом кургане почти к их ногам упали два неприятельских ядра, третьим засыпало прислугу и, наконец, бомба перед их глазами разрушила здание. Гарнизон с восторгом смотрел на дорогих царю и России детей.

Князь Меншиков в своем донесении государю писал, что великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич явили себя на поле битвы вполне достойными высокого своего звания и служили примером настоящей воинской доблести. Присутствие их посреди огня

побуждало всех и каждого к исполнению священного долга царю и отечеству. За выказанные великими князьями воинские доблести князь Меншиков повергал государю о награждении их орденом Св. Георгия 4-й степени.

Лестный отзыв главнокомандующего о воинских доблестях юных сыновей царских доставил истинную отраду родительскому сердцу государя. Император пожаловал великим князьям Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу орден Св. Георгия 4-й степени.

Во второй раз великие князья приехали в Севастополь 15 января 1855 г. В это время усиление обороны Северной стороны получило большое развитие.

На великого князя Николая Николаевича было возложено заведование работами по возведению укреплений на северной стороне, а на великого князя Михаила Николаевича – вооружение этих укреплений. При неутомимой деятельности их высочеств постройка укреплений шла настолько успешно, что к концу февраля они были вооружены 191 орудием.

Заведование это продолжалось месяц времени, до отъезда великих князей в Петербург по случаю кончины императора Николая Павловича.

Великий князь Николай Николаевич

Родился в 1831 г.

После Крымской войны был генерал-инспектором по инженерной части и кавалерии.

Во время войны 1877–1878 гг. состоял главнокомандующим армией, действовавшей на европейском театре войны. Переправа через Дунай и взятие в плен Османа-паши вместе с армией доставили ему орден Св. Георгия 2-й и 1-й степени. По окончании войны произведен в генерал-фельдмаршалы. Скончался в 1891 г.

Великий князь Михаил Николаевич

Родился в 1832 г.

В 1852 г. назначен генерал-фельдцейхмейстером. В 1860 г. – главным начальником военно-учебных заведений.

С 1862 по 1881 год состоял наместником Кавказа и главнокомандующим Кавказской армией. При нем окончательно покорены кавказские горцы.

В 1864 г. награжден орденом Св. Георгия 2-й степени и золотым оружием, украшенным бриллиантами и изумрудом, за окончание Кавказской войны. В войну 1877–1878 гг. принудил к сдаче большую часть армии Мухтар-паши на Аладжинских высотах; вслед за этим взял штурмом крепость Карс. За войну 1877–1878 гг. награжден орденом Св. Георгия 1-й степени и чином генерал-фельдмаршала.

1902 г. – генерал-фельдмаршал, председатель Государственного совета, генерал-фельдцейхмейстер, председатель Александровского комитета о раненых.

Владимир Алексеевич Корнилов

Вице-адмирал, начальник штаба Черноморского флота^{[\[33\]](#)}.

После Альминского сражения до 11 сентября в Севастополе появляется хаотический беспорядок вследствие отсутствия приказаний и распоряжений от главнокомандующего. 11 сентября приказом князя Меншикова на адмирала Корнилова была возложена оборона Северной стороны Севастополя, где он готовится к встрече неприятеля со свойственным ему рвением.

Когда выяснилось, что Северная сторона безопасна от нападения неприятеля, Корнилов немедленно появляется на Южной стороне. 14 сентября по предложению командующего войсками в Севастополе, генерал-лейтенанта Моллера, он вступает в фактическое управление обороной, заняв должность начальника штаба гарнизона. Руководителем обороны Корнилов делается не по старшинству, а по способностям и мужеству принять на себя ответственность,

14 сентября, после крестного хода по всей оборонительной линии, Корнилов, объезжая войска, обращался к ним и говорил: «Царь надеется, что мы отстоим Севастополь; да нам и некуда отступать, позади нас море, впереди неприятель. Помни же – не верь отступлению. Пусть музыканты забудут играть ретираду; тот изменник, кто протрубит ретираду! И если я сам прикажу отступать – коли и меня!» Неумолкаемое «ура» было ответом войск на слова начальника.

По воле Корнилова, при полном доверии и сочувствии ему всех начальников в Севастополе закипела неимоверная деятельность. День и ночь свозились орудия и снаряды с кораблей; несколько тысяч человек по непосредственным указаниям саперного подполковника Тотлебена, в котором Корнилов нашел энергичного помощника, были заняты безостановочно земляными работами; в них участвовали все войска гарнизона, все вольные мастеровые и рабочие, городские обыватели, женщины, даже дети.

5 октября, в первый день бомбардировки, Корнилов освобождает арестантов, в том числе и закованных в кандалы. Тысячная толпа арестантов хлынула за Корниловым на Малахов курган и 3-й бастион, где с бесстрашием исполняла возлагаемые на них работы. В этот же день во время полного разгара артиллерийского боя, находясь на Малаховом кургане в 11.30 утра, Корнилов был смертельно поражен ядром в бедро. «Ну, господа, предоставляю вам отстаивать Севастополь; не отдавайте его, – сказал Корнилов окружающим и за сим потерял сознание. На перевязочном пункте он пришел в себя и причастился Св. Тайн. Умирая, он сказал бывшим при нем: «Скажите всем, как приятно умирать, когда совесть спокойна. Благослови, Господи, Россию и Государя, спаси Севастополь и флот».

Корнилов вдохнул в защитников Севастополя тот энтузиазм, храбрость и самоотвержение, которые долго уравнивали перевес средств, находившийся на стороне союзников. Одним словом, Корнилов должен быть признан творцом того воинского духа, который сроднился с гарнизоном и не покидал его до конца одиннадцатимесячной обороны.

Родился в 1806 г. Воспитывался в Морском кадетском корпусе. Участвовал в Наваринском сражении в 1827 г.

Павел Степанович Нахимов

Вице-адмирал, адмирал.

11 сентября 1854 г. назначен начальником морских команд на Южной стороне Севастополя, затем был помощником начальника Севастопольского гарнизона, а со 2 марта 1855 г. кроме исполнения этой должности был командиром Севастопольского порта и военным губернатором.

Перечисление этих должностей не дает, однако, верного представления о размере участия Нахимова в беспримерной защите Севастополя.

Нахимов был одним из главных создателей духа защитников Севастополя.

Человек с сильным и энергичным характером, скрываемым под скромным и простодушным видом, Павел Степанович с самого начала осады стал душой защиты города, потому что все его действия были направлены на общую пользу – на служение отечеству. Нахимов ежедневно обходил оборонительную линию, презирая все опасности. Своим

присутствием и примером он возвышал дух не только в морях, благоговевших перед ним, но и в сухопутных войсках, также скоро понявших, кто такой Нахимов.

Что касается административной его деятельности, то не было ни одной части, о которой не заботился бы он более всех. Он сам приходил к начальникам, хотя бы к младшим в чине, для того, чтоб узнать, нет ли затруднений, и предложить содействие. В случае несогласий он являлся примирителем, стараясь направить всех и каждого единственно к служению общему делу. Раненые офицеры и нижние чины не только находили в нем опору и покровительство, но всегда могли рассчитывать на помощь из его собственного небогатого кармана. Моряки называли его «отцом-благодетелем».

После занятия неприятелем наших передовых укреплений Павел Степанович был постоянно мрачен и страдал от нескольких контузий, но деятельность его не ослабла, он продолжал по-прежнему посещать самые опасные места, пренебрегая всеми просьбами, на все увещания поберечь себя он отвечал, что «ведь когда-нибудь да убьют меня». То, что он говорил, вскоре сбылось.

28 июня в 4 часа пополудни севастопольцев постигло страшное горе. Павел Степанович был смертельно ранен. В этот день, находясь на Малаховом кургане, он с банкета батареи впереди башни рассматривал в трубу неприятельские работы, после чего собрался уходить, как вдруг упал, пораженный пулей в висок, и тотчас впал в беспамятство, продолжавшееся до самой кончины 30 июня.

Смерть Нахимова, как весть о проигранном сражении, произвела всеобщее уныние. Не стало героя Синопа и одного из главных защитников Севастополя. Россия лишилась горячо любящего ее сына, оберегателя ее славы и могущества.

Нахимов был человек самой чистой и светлой души, горячего и любящего сердца. Человек на удивление храбрый, необыкновенно деятельный, неограниченно преданный своему делу, любящий своих подчиненных как родных братьев и детей и, в свою очередь, обожаемый ими.

Павел Степанович родился в 1802 г. Воспитывался в Морском кадетском корпусе. Участвовал в Наваринском сражении в 1827 г.

18 ноября 1853 г. на Синопском рейде одержал блистательную победу над турецкой эскадрой Осман-паши – эскадра была уничтожена. За Синопскую победу награжден орденом Св. Георгия 2-й степени.

Синопская победа сделала имя Нахимова народным.

Прах его покоится в Севастополе в «Соборе адмиралов» рядом с Корниловым и Истоминым.

Эдуард Иванович Тотлебен

Сапер, подполковник, полковник (27 сент. 1854 г.); флигель-адъютант (18 октября); генерал-майор свиты Его Величества (10 апреля 1855 г.); зачислен в корпус инженеров (6 мая); кавалер ордена Св. Георгия 3-й степени (15 июня); генерал-адъютант (15 сент. 1856 г.).

10 августа 1854 г. подполковник Тотлебен прибыл в Севастополь. Князь М. Д. Горчаков, предвидя высадку в Крыму и осаду Севастополя, послал его как деятельного, умного и боевого инженера в распоряжение князя Меншикова, который нуждался в боевых инженерах.

Деятельность Тотлебена в Севастополе началась с начала сентября, когда адмирал Корнилов возложил на него главное и общее заведование всеми оборонительными работами, подчинив ему весь состав инженерных и саперных офицеров. Предоставив Тотлебену право и средства управлять обороной, Корнилов настолько упрочил нравственный авторитет Тотлебена среди защитников Севастополя, что это право осталось за ним всецело и после

преждевременной кончины Корнилова. Под его, Тотлебена, руководством работа кипела. На глазах неприятеля в короткое время возведены валы для прикрытия орудий и людей. Против каждой неприятельской батареи Тотлебен умеет воздвигнуть новую у себя, да еще на большее число орудий. С самого начала артиллерийской борьбы Тотлебен берет на себя инициативу в направлении крепостного огня. Он указывает новые места для батарей, он же перемещает направление огня для сосредоточения его на тот или другой неприятельский пункт. Возведение новых крепостных батарей производится одновременно с постройкой осадных батарей. Нередко мы предупреждали противника: он еще не успел вооружить свою батарею, как наша батарея уже открывала по ней огонь.

Отбитию атаки 6 июня на Малаховом кургане немало способствовали полевые орудия, только что поставленные Тотлебенем на переднем фланге кургана. Но, кроме инженерного и артиллерийского управления обороной Тотлебен принимает постоянно непосредственное участие и руководство в деле размещения войск по оборонительной линии, расстановке аванпостов, равно как и в указании мест для резервов и мер к отбитию неприятельского штурма.

В видах успеха обороны Тотлебен несколько раз переходил в контр-апрошное наступление: для задержания быстрого приближения неприятельских подступов против 4-го бастиона и редута Шварца по приказанию Тотлебена была возведена система передовых ложементов, которые, по выражению Тотлебена, были, так сказать, глазами и ушами обороняющегося. Возведение этих ложементов значительно способствовало замедлению движения вперед неприятеля. Курган, находящийся в 250 саженях впереди Малахова кургана, с самого начала осады постоянно обращал на себя внимание Тотлебена, но он не занимал его, пока усилия неприятеля были направлены против городской стороны и 3-го бастиона, чтобы не растягивать нашу позицию несоразмерно с численностью войск. Когда же ясно обнаружилось намерение неприятеля занять курган, Тотлебен предупредил его на этом важном пункте. Но для этого надо было сначала утвердиться на высотах за Килен-балкой. После предварительных распоряжений приказано было занять и укрепить избранную Тотлебенем позицию. В сумерки 10 февраля Тотлебен с шт. – кап. Тидебелем произвели на месте разбивку редута, названного Селенгинским, а в наступившую ночь позиция была занята. На следующую ночь французы атакуют нашу новую позицию, но безуспешно. В ночь с 16 на 17 февраля Тотлебен заложил другой редут, названный Волынским, вблизи от Селенгинского. С укреплением позиции на Килен-балочных высотах явилась возможность занять курган впереди Малахова. В ночь с 26 на 27 февраля Тотлебен под огнем неприятеля заложил здесь Камчатский люнет.

Чтоб задержать подступы французов к 5-му бастиону, Тотлебен решился выйти контр-апрошем от Белкина люнета к Кладбищенской высоте и возвести другой контр-апрош у Карантинной бухты. Смелое наступательное траншейное действие было успешно произведено в ночь с 9 на 10 мая. На следующую ночь здесь завязался упорный бой. К сожалению, несмотря на настояния Тотлебена во чтобы ни стало удерживать эту позицию для приобретения нравственного перевеса над противником, пришлось уступить ее французам в ночь с 11 на 12 мая.

В подземной войне перед 4-м бастионом Тотлебен выказал блестящие знания и дарования и одержал полную победу над противником. Подземная победа немало повлияла на то, что главный пункт атаки в первую половину осады – 4-й бастион – не был взят.

Тотлебен принимает также участие в несчастном для нас Инкерманском сражении: когда при отступлении наших войск Тотлебен заметил, что нашей артиллерии (36 орудий), оставшейся без прикрытия, угрожает английская цепь, он немедленно распоряжается – останавливает роту Углицкого полка, рассыпает ее в цепь, ведет вперед батальон Бутырского полка и прикрывает артиллерию. Благодаря авторитетности и находчивости Тотлебена

артиллерия наша не досталась неприятелю.

Видимо, хранимый провидением, презирая все опасности и выходя постоянно невредимым из-под, нередко, жестокого огня в продолжение восьми месяцев, Тотлебен не избежал пролития своей крови. 8 июня между Малаховым курганом и батареей Жерве он был ранен пулей в правую ногу ниже колена навылет. Рана скоро приняла опасный характер, и он принужден был оставить южную часть города. Хотя Тотлебен и оставил за собой главное руководство оборонительными работами, но он лишен был возможности лично следить за приведением в исполнение своих предположений, а главное – своим присутствием поддерживать дух защитников. Отсутствие Тотлебена не могло не повлиять дурно на ход обороны.

Тотлебен соединял в себе знание военно-инженерного дела, плодотворную деятельность и необычайное самоотвержение, он сумел согласить все недоразумения, приобрести всеобщее доверие и с энергией стройно направлять все разнообразные действия обороны к одной общей цели.

Славное для русского оружия имя «Севастополь» внесло блестящие страницы в отечественную военную историю. С этим именем тесно связан дух и мощь военного таланта Тотлебена, которым справедливо гордится русская армия и вместе с ней и русский народ.

1818 г. – родился.

1832–1837 гг. – воспитывался в Главном Инженерном училище.

1848–1849 гг. – боевая школа на Кавказе при осаде Гергебиля и Чоха.

1854 г. – участие в осаде крепости Силистрии (награждение орденом Св. Георгия 4-й степени).

1859 г. – назначение директором Инженерного департамента.

1863 г. – назначение товарищем Его Высочества генерал-инспектора по инженерной части.

1877 г. – командование войсками под Плевной. Блокада Плевны, окончившаяся падением Плевны и пленением турецкой армии (28 ноября).

1878 г. (16 апреля) – назначение главнокомандующим действующей армией.

1879 г. (7 апреля) – назначение временным одесским генерал-губернатором, 1 сентября – командующим войсками одесского военного округа. 5 октября минуло 25 лет со дня первого бомбардирования Севастополя. В этот день генерал Тотлебен возведен в графское, Российской империи, достоинство.

1880 г. (18 мая) – назначение виленским, ковенским и гродненским генерал-губернатором и командующим войсками Виленского военного округа.

1884 г. (19 июня) знаменитый защитник Севастополя скончался. Прах его покоится на севастопольском братском кладбище.

Светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков

Адмирал, генерал-адъютант, главнокомандующий военными, сухопутными и морскими силами, в Крыму находящимися.

Главным начальником войск в Крыму и Черноморского флота был с начала Крымской войны.

В его командование произошли следующие военные действия: высадка неприятеля; Альминское сражение; обложение Севастополя; первая бомбардировка; Балаклавское сражение; Инкерманское сражение и атака Евпатории.

15 февраля император Николай I уволил князя Меншикова по болезни от должности главнокомандующего.

Родился в 1787 г.

В 1813 г. находился в свите императора Александра I. В турецкую кампанию 1828 г., командуя десантным отрядом, овладел крепостью Анапой. Потом, будучи начальником войск, подступивших к Варне, энергично повел осаду этой крепости, но, будучи ранен ядром в обе ноги, должен был оставить армию. В 1829 г. в звании начальника Главного морского штаба начальствовал над морскими силами империи. С 1830 г. был финляндским генерал-губернатором. В 1853 г. во время переговоров с Портой, предшествовавших Крымской войне, был чрезвычайным послом в Константинополе. Скончался в 1869 г.

Князь Михаил Дмитриевич Горчаков

Генерал-адъютант, генерал от артиллерии, главнокомандующий Крымской армией с 16 февраля 1855 года.

Князь Горчаков принадлежал к числу людей, никогда не отказывавшихся от назначения, смиренно покоряющихся обстоятельствам и готовых для пользы отечества пить чашу до дна, как бы ни был горек тот напиток, который в ней содержится. Самоотвержение князя было всегда отличительной его чертой, полнейшее отсутствие эгоизма и всегдашняя готовность, забывая себя, помочь другим, составляли всю прелесть его характера и особенность, исключительно ему одному принадлежавшую.

Известно, что, когда князь Михаил Дмитриевич узнал о затруднительном положении, в котором находилась малочисленная наша армия в Крыму после высадки неприятеля, он тотчас же, не ожидая ничьих приказаний, отправил часть войск своих из придунайских княжеств, несмотря на то что сам мог быть атакован многочисленнейшим неприятелем. Впоследствии, следя за событиями, он постоянно первый протягивал руку помощи князю Меншикову, посылал ему войска, своего генерал-интенданта, генералов, офицеров, порох, материалы, одежду, шанцевый инструмент и пр. «Севастополь, несомненно, вам обязан, – писал император Александр Николаевич 24 февраля, – что доселе в состоянии держаться против всех усилий союзников. Если бы не ваше благородное самоотвержение, с которым вы жаловали Крымскую армию и войсками, и всеми военными потребностями, может быть, он был бы уже в руках неприятеля».

Князь М. Д. Горчаков был назначен главнокомандующим в эпоху самую трудную для Севастополя и Крымской армии. Большая часть наших лучших и ближайших подкреплений была истощена; по бездорожью, в Крыму ощущался во многом недостаток; обозы двигались медленно, и стал ощущаться недостаток в порохе.

При таких обстоятельствах все, что человечески возможно было сделать для спасения чести и славы нашего оружия, не было упущено князем Горчаковым.

Одаренный с избытком всеми прекрасными качествами, свойственными человеку, он не вполне удовлетворял тому высокому званию, в которое был облечен. Военная искра, находчивость, смелость и быстрота соображения не составляли принадлежности князя Горчакова. Он был человек нерешительный. Окруженный многими советчиками, он ко всем им относился с доверием и потому не всегда сосредоточивал в себе единство действия.

Родился в 1793 г.

Делал кампании 1812, 1813 и 1814 гг. Участвовал в Турецкой войне 1828–1829 гг. За переправу через Дунай награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В Польскую войну 1831 г. в должности сначала начальника штаба 1-го пехотного корпуса, а потом начальника артиллерии армии участвовал в сражениях под Гроховом и Остроленкой и в штурме Варшавы. Во время Венгерской войны в качестве начальника штаба армии участвовал в бою под Вайценом. В

1854 г. при начале Восточной войны ему вверены были войска 3-го, 4-го и 5-го корпусов, действовавшие на Дунае и побережье Черного моря до Буга. По выводе войск из Валахии и Молдавии был главнокомандующим южной армией.

В 1856 г. назначен наместником Царства Польского и главнокомандующим 1-й армией. В этой должности оставался до смерти в 1861 г. Похоронен на Севастопольском братском кладбище.

Федор Михайлович Новосильский

Вице-адмирал.

В ожидании неприятельского приступа на вице-адмирала Новосильского было возложено начальствование над батальонами, сформированными из экипажей и назначенными для обороны Южной стороны. С начала обороны командовал вторым отделением оборонительной линии и находился на 4-м бастионе. Здесь он оставался безотлучно до половины июня месяца, то есть самое горячее для этого бастиона время, выдержав 4 бомбардировки. В июле был назначен командиром севастопольского порта. Награжден орденом Св. Владимира 1-й степени и золотой саблей, украшенной бриллиантами, с надписью «За храбрость».

Родился в 1808 г. Воспитывался в Морском кадетском корпусе. Участвовал в чине лейтенанта в 1829 г. в знаменитом бою брига «Меркурий» (командир Казарский) с 80-пушечным турецким кораблем. 18 ноября 1853 г. контр-адмирал Новосильский, имея флаг свой на корабле «Париж», командовал левой колонной при истреблении на Синопском рейде турецкого флота (награжд. Георгием 3-й степени и чином вице-адмирала). После Севастопольской войны был главным командиром Кронштадтского порта и, кроме того, военным губернатором. С 1866 г. был членом Государственного совета.

Скончался в 1892 году.

Владимир Иванович Истомин

Контр-адмирал.

С самого начала обороны Севастополя адмирал Истомин был начальником 4-й дистанции оборонительной линии; в эту дистанцию входили Малахов курган и линия между курганом и Киленбухтой, в 4-ю дистанцию вошли впоследствии и передовые укрепления. Со дня назначения (14 сентября) адмирал Истомин энергично принялся за возведение укреплений, работы подвигались быстро: в короткое время 4-я дистанция, в особенности Малахов курган, сделались неузнаваемыми. В бомбардировку 5 октября Малахова башня сильно пострадала, на ней подбиты почти все орудия и разбит каменный парапет, башня смолкла, но Истомин с успехом отстреливался из своих земляных батарей.

Живя на Малаховом кургане, Владимир Иванович не знал ни отдыха, ни покоя в продолжение 6 месяцев, по день смерти.

Малахов курган был для адмирала его кораблем, его домом, его любимым детищем. Подчиненные видели его первым на работе и последним на отдыхе, видели постоянно бодрствующим и всегда впереди, в самых опасных местах. По несколько раз в день он осматривал работы, ходил в цепь и в ложементы. Презрение к смерти составляло отличительную черту его характера.

В ноябре адмирал Истомин награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. Адмирал погиб 1 марта, возвращаясь на курган с Камчатского люнета, от ядра, оторвавшего ему голову.

Прах доблестного адмирала похоронен в соборе Св. Владимира, рядом с Лазаревым и

Корниловым.

Воспитывался в Морском кадетском корпусе.

Произведен в мичманы в 1827 г.

Участвовал в Синопском бою 18 ноября 1853 г., командуя кораблем «Париж».

Александр Иванович Панфилов

Контр-адмирал, вице-адмирал.

С начала обороны был начальником 3-й дистанции оборонительной линии, в которую входил 3-й бастион с примыкающими к нему батареями. 5 октября 3-й бастион, поражаемый огнем двух английских батарей, был в критическом положении: многие орудия были подбиты, несколько амбразур засыпано, казармы и бараки представляли кучу развалин, а площадка позади бастиона была изрыта снарядами. Несмотря на то, 3-й бастион вел самый живой огонь. Адмирал Панфилов, его помощники и прочие офицеры не отходили от орудий и служили примером для нижних чинов своей храбростью и неутомимой деятельностью.

Зимой укрепления 3-го бастиона значительно усилены благодаря попечению контр-адмирала Панфилова.

В течение 9 с половиной месяцев Панфилов командовал 3-м отделением оборонительной линии и все это время жил безотлучно на 3-м бастионе. Несмотря на все усилия англичан, ведших атаку против этого бастиона, наша артиллерия имела над неприятелем столь сильный перевес, что у англичан родилось убеждение в неприступности бастиона.

После смерти Нахимова Панфилов был назначен помощником начальника гарнизона по морской части, командиром порта и военным губернатором Севастополя.

При оставлении Севастополя в ночь с 27 на 28 августа адмирал Панфилов распоряжался перевозкой войск с Корабельной стороны, которую оставил в числе последних.

Награжден орденом Св. Георгия 3-й степени, золотой саблей с бриллиантами, орденами Св. Анны 1-й степени и тем же орденом с императорской короной.

Родился в 1808 г. Воспитывался в Морском кадетском корпусе. Участвовал в Синопском бою 18 ноября 1853 г.

После Крымской войны занимал последовательно должности: командира и военного губернатора в Николаеве, ту же должность в Свеаборге и должность члена Адмиралтейств Совета.

Скончался в 1874 г.

Александр Петрович Хрущев

Полковник, командир Волынского пехотного полка, генерал-майор, командир 1-й бригады 16-й пехотной дивизии.

При отступлении нашей армии после несчастного для нас Альминского сражения полковник Хрущев со своим Волынским полком прикрывал нашу армию он шел сзади всех и был готов принять на себя удар врага.

С октября по январь Хрущев просидел со своим полком на 4-м бастионе, в то время наиболее опасном месте в Севастополе.

В ночь с 9 на 10 февраля отрядом из Волынского полка и 3 батальонов Селенгинского полка под начальством генерал-майора Хрущева было заложено за Килен-балкой, в 400 саженях от неприятельской траншеи, укрепление (Селенги некий редут).

В ночь с 11 на 12 февраля неприятель атаковал вновь возводимое укрепление, но был отбит. В эту атаку на генерала Хрущева бросился с обнаженной саблей офицер-зуав, стоявший возле генерала рядовой Белоусов спас Хрущева, убив французского офицера. Успехом в этом деле мы обязаны распорядительности генерала Хрущева, храбрости полковника Сабашинского и стойкости волынцев и селенгинцев.

В ночь с 10 на 11 и 19 апреля генерал Хрущев в качестве начальника отряда, участвовал в боях перед редутот Шварца из-за контр-апрошей.

С начала июля генерал-майор Хрущев был назначен помощником начальника войск Городской стороны. В конце августа был начальником войск 1 отделения и 27 августа лично принял участие в отбитии штурма 5-го бастиона.

За Севастополь награжден орденом Св. Георгия 3-й степени, золотой шпагой с алмазами и орденом Св. Анны 1-й степени.

Александр Петрович был известен своей храбростью и хладнокровной распорядительностью. Он давно выказал свои блестящие дарования и был всегда там, где труднее и опаснее. Человек скромный, он никогда не напрашивался ни на какой подвиг, но зато, как бы трудно и опасно ни было назначение, он никогда от него не отказывался.

Про генерала Хрущева говорили, что, командуя много раз отдельными отрядами и в самых трудных случаях, он не только не проиграл ни одного сражения с неприятелем, но, напротив, всегда выходил победителем.

Этот лестный отзыв вполне соответствовал заслугам Александра Петровича.

О своей деятельности он никогда не говорил, но его подвиги были всем известны – только ему одному, как казалось, они не были известны. Имя его связано с боевой историей Волынского полка и с Севастопольской обороной.

Александр Петрович воспитывался во 2-м кадетском корпусе. Боевое поприще начал в Турецкую кампанию 1828–1829 гг.

Участвовал в подавлении Польского восстания в 1863 г. В 1866 г. назначен генерал-губернатором Западной Сибири и командующим войсками Сибирского военного округа. Член Государственного и Военного советов, генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Хрущев скончался в 1875 г.

Степан Александрович Хрулев

Генерал-лейтенант.

5 февраля отряд под начальством Хрулева неудачно пытался овладеть городом Евпаторией.

4 марта Хрулев назначен начальником войск Корабельной стороны Севастополя. В ночь с 10 на 11 марта под начальством генерала Хрулева с Камчатского люнета была произведена большая вылазка с целью удалить противника и уничтожить его ближайшие к нам работы; хотя вылазка и не принесла видимых результатов, но она имела моральное значение. Много крови стоило это дело, но ее потоки покрыты были торжеством Севастопольского гарнизона. Знаменитое ночное дело это сохранилось надолго в памяти камчатцев и днепровцев.

В ночь с 10 на 11 мая в бою на Кладбищенской высоте Хрулев командовал войсками.

6 июня, во время штурма, находясь в бою, выбил французов из батареи Жерве и из домов позади нее.

На штурме 27 августа генерал Хрулев пытался выбить французов из занятой ими передней части Малахова кургана, но безуспешно: раненный, он вынужден был удалиться с Малахова кургана. За Севастополь награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

Хрулев отличался беззаветной храбростью, отлично знал дух солдат, постоянно заботился

об их нуждах и пользовался их безграничным доверием.

Родился в 1807 г. В Польскую войну 1831 г. начал свое боевое поприще. В Венгерскую кампанию 1849 г. участвовал во многих сражениях, и за эту кампанию произведен в генерал-майоры. В 1853 г. принял участие в экспедиции против кокандцев. В 1854 г. участвовал в делах под Силистрией.

Скончался в 1870 г.

Вильгельм Христианович фон Буссау

Генерал-майор, командир 2-й бригады 15-й резервной дивизии.

Первые три полка этой дивизии вошли в состав Севастопольского гарнизона 20 июня, а четвертый полк – 2 августа. Во второй половине августа генерал фон Буссау был назначен начальником пехоты 4-го отделения оборонительной линии (Малахов курган с примыкающими батареями).

Во время штурма Малахова кургана 27 августа, в самом начале боя, генерал Буссау был убит, как сказано в сочинении Тотлебена; в сочинении же Дубровина говорится, что он был захвачен в плен. Существует предположение, что он был убит случайной пулей вскоре после захвата его в плен.

Граф Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен

Командир 4-го пехотного корпуса, начальник Севастопольского гарнизона, генерал-адъютант.

Генерал барон Остен-Сакен приехал в Севастополь в конце ноября 1854 г. Вступив в звание начальника гарнизона, он неутомимо трудился во все время обороны. В числе мер, принятых для улучшения внутреннего порядка в гарнизоне, были следующие: установление порядка в приеме и расходе пороха, так как найдено было, что расход его производился совершенно безотчетно, указание порядка уборки раненых и оказания медицинского пособия и ограничение домашнего расхода людей в полках.

На Пасху 1855 г. генерал-адъютанту барону Остен-Сакену пожаловано графское достоинство.

Родился в 1790 г.

Участвовал: в войнах России с Наполеоном; в Персидской войне 1826–1827 гг.; в кампании 1828–1829 гг. на Кавказе; в Польской кампании 1831 г. и Венгерской – 1849 г.

Во время бомбардирования г. Одессы 10 апреля 1854 г. командовал войсками города.

После Крымской войны был членом Государственного совета.

Скончался в 1881 г.

Князь Виктор Илларионович Васильчиков

Полковник, флигель-адъютант, генерал-майор Свиты Его Величества.

19 ноября 1854 г. князь Васильчиков вступил в должность начальника штаба Севастопольского гарнизона. Почти с первых дней назначения на должность он заслужил всеобщую любовь и уважение своей энергией и заботливостью о нуждах гарнизона.

Князь Виктор Илларионович всякий день, а зачастую и по два раза в день, объезжал оборонительную линию; князь бывал везде, где грозила опасность, проводил под открытым

небом ночи там, где ожидалось нападение, и при всех своих многочисленных занятиях, руководимый сердечной теплотой, находил время и средства облегчать стоны раненых и увечных.

В Севастополе он был безотлучно до конца осады. При отступлении на Северную сторону 27–28 августа 1855 года князь Васильчиков перешел по мосту в числе последних вместе с графом Остен-Сакеном и Хрущевым.

Родился в 1820 г. Воспитывался в Пажеском корпусе. Боевую службу начал на Кавказе в 40-х годах. Делал Венгерскую кампанию 1849 г. В 1853 г. находился в Дунайской армии.

1858 г. – товарищ военного министра.

1867 г. – по нездоровью оставляет службу.

В 70-х годах князь Виктор Илларионович скончался.

Константин Романович Семякин

Генерал-майор, командир 1-й бригады 12-й пехотной дивизии.

6 октября 1854 г. отрядом под начальством К Р. Семякина было произведено движение к высотам у деревни Комары с целью беспокоить неприятеля. В сражении при деревне Кадыкёй 13 октября генерал Семякин командовал средней колонной. Азовцы, предводимые генералом Семякиным и своим полковым командиром Крюднером, произвели блестящую атаку и овладели неприятельским укреплением. За это дело Семякин награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

При демонстрации, произведенной отрядом князя Горчакова 24 октября, генерал Семякин командовал одной из колонн.

1 ноября князь Меншиков назначает генерала Семякина начальником штаба армии.

19 апреля 1855 г. Семякин назначается начальником 1-го отделения оборонительной линии. Он почти постоянно находился на бастионах и батареях. Под конец защиты командовал всеми войсками на Городской стороне. Семякин мало говорил с солдатами, но войска видели его храбрость и хладнокровную распорядительность.

Имя его неразрывно связано с Севастопольской обороной. Константину Романовичу недостаточно было лично служить в Севастополе, он привлек туда для боевой службы двух юных своих сыновей и посадил их на 5-м бастионе. Зачисленные на службу юнкерами, они оставались на бастионе всю осаду и заслужили Георгиевские кресты.

Родился в 1802 г. Воспитывался во 2-м кадетском корпусе. Боевую службу начал в 1828–1829 гг.

Делал Польскую кампанию 1831 г., Венгерскую кампанию 1849 г.

В 1854 г. был в Дунайской армии.

1863 г. – помощник командующего войсками Киевского округа.

1865 г. – командующий войсками Казанского округа.

1867 г. – скончался.

Карл-Мауриц Алексеевич Мартинау

Генерал-майор, начальник штаба 4-го пехотного корпуса, потом начальник 12-й пехотной дивизии. В Севастополе находился последние 9 месяцев, до 27 августа. Участвовал в сражении на Черной речке 4 августа, где в начале боя произвел блестящую атаку с тремя полками командуемой им 12-й пехотной дивизии. 27 августа ранен в руку (была отнята). За 4 августа награжден золотой саблей с бриллиантами.

Родился в 1797 г. Делал кампании: 1828–1829 гг., 1831 г., 1849 г. и 1853–1854 гг. Скончался в 1863 г.

Портрет доставлен вдовой Вильгельминой Мартинау из г. Гельсингфорса.

Мориц Христианович фон Шульц

Генерал-майор, начальник 2-го отделения оборонительной линии и 4-го бастиона.

Перед появлением в Севастополе генерал Шульц был комендантом Александропольской крепости на кавказско-турецкой границе. В это время крепость эта была безопасна от неприятельского нападения. Боевого генерала тяготило бездействие, и он стремился в Крым для принятия участия в военных действиях. В этих видах он подает прошение об увольнении в отпуск для лечения ран. Получив увольнение, он едет в Крым и немедленно назначается начальником одного из главных пунктов осажденного Севастополя – 4-го бастиона, где к прежним ранам добавил еще одну рану и две контузии.

В Севастополе генерал Шульц находился с 24 мая по 27 августа. Артиллерия бастиона во время его командования действовала весьма успешно; главными основаниями генерала Шульца при направлении и ведении огня было сосредоточение его и верность наводки, не преследуя поспешности огня. Находясь постоянно под неприятельским огнем, он всегда сохранял полное хладнокровие.

25 мая он был контужен осколком бомбы в левую руку, 26 мая – ранен осколком бомбы в левую ногу и 27 августа контужен в голову осколком бомбы.

Награжден золотой саблей, бриллиантами украшенной, с надписью «За храбрость».

Родился в 1806 г. В Польскую кампанию 1831 г. прапорщик Шульц оказал особое отличие в сражении при Остроленке и при штурме передового укрепления Варшавы «Воля». В 1837 г. окончил курс военной академии.

С 1838 по 1855 гг. служил на Кавказе. В 1839 году штабс-капитан Шульц находился в отряде генерала Граббе, действовавшего на левом фланге кавказской линии, в Ичкерии и Салатавии. При возвращении отряда, когда горцы наседали, отличился, приняв участие в защите орудия; в эту схватку Шульц был ранен пулей в правое бедро навывлет. При осаде Ахульго Шульц 14 мая, срисовывая под ружейным огнем окопы горцев, был ранен пулей в правую щеку с раздроблением челюстей и пробитием неба. В последнем штурме Ахульго 22 августа Шульц ранен пулей в левую сторону груди навывлет с повреждением легких и одного ребра. За отличия, оказанные в 1839 г., Шульц награжден орденами Св. Георгия 4-й степени и Владимира 4-й степени и чинами капитана и подполковника. На Высочайшем приказе о производстве в подполковники император Николай 1 собственноручно прибавил: «Из подполковников в полковники».

В 1856 г. назначен комендантом крепости Динамюнде. В 1873 г. зачислен в запасные войска. В 1877 г. назначен состоять при Кавказской армии. Участвовал в кампании 1877 г. в азиатской Турции. В 1878 г. произведен в генералы от кавалерии. В 1882 г. уволен за болезнью от службы.

В 1888 г. скончался.

Князь Петр Дмитриевич Горчаков

Генерал от инфантерии, командир 6-го пехотного корпуса.

В Альминском сражении 8 сентября 1854 г. князь Горчаков командовал центром и правым

флангом расположения наших войск. Непосредственно распоряжаясь в бою, он находился под сильным огнем. Все лица, окружавшие его, были перебиты или переранены, под ним самим убита лошадь, а шинель его прострелена шестью пулями. 24 октября Чоргунский отряд под начальством князя Горчакова произвел демонстрацию на Сапун-гору для отвлечения части неприятельских сил от Инкерманских высот: подойдя к Сапун-горе на расстояние дальнего пушечного выстрела, князь Горчаков открыл огонь, не решаясь двинуться далее из опасения быть отрезанным войсками, расположенными у Балаклавы. Вскоре артиллерийский огонь как безвредный был прекращен с обеих сторон. Этим и закончилась демонстрация.

Неудача наша в Инкерманском сражении произошла, по мнению Н. Ф. Дубровина (История Крымской войны, т. II, стр. 243), не от нерешительности действий Чоргунского отряда, а от других обстоятельств.

Князь Горчаков обладал разносторонними познаниями. Дряхлость его не ослабляла рыцарской храбрости.

Онуфрий Александрович Квицинский

Начальник 16-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант.

С дивизией участвовал в Альминском сражении 8 сентября. В этом сражении тяжело ранен; фельдфебель 3-й роты Владимирского полка Алексей Николаев, увидев начальника дивизии лежащим в эполементах, понес его вслед за отступавшим полком, в это время генерал получил вторую рану. Генерал Квицинский пользовался доверием войск, он обладал выдающимися военными способностями и познаниями.

Родился в 1791 г. Скончался в 1863 г. Портрет доставил сын – генерал-лейтенант Иосиф Онуфриевич (С.-Петербург).

Лаврентий Семенович Кишинский

Генерал-майор, начальник 6-й артиллерийской дивизии.

В Альминском сражении 8 сентября был начальником артиллерии. В этом деле он выказал распорядительность. Энергическое и самоотверженное действие нашей артиллерии два раза задержало противника. Действию артиллерии надо приписать избавление нашей армии от решительного поражения. Войска наши имели возможность отступить стройно. В Альминском сражении генерал Кишинский был контужен.

Генерал Кишинский участвовал также в Инкерманском сражении 24 октября, где был контужен, и в сражении на реке Черной 4 августа 1855 г.

Павел Петрович Липранди

Генерал-лейтенант, начальник 12-й пехотной дивизии.

П. П. Липранди был одним из лучших боевых генералов нашей армии. Он имел боевую опытность и прекрасное военное образование. Он постоянно заботился о солдате и умел в затруднительных обстоятельствах сберечь здоровье подчиненных ему войск, снабжать их в изобилии довольствием и обеспечивать всем необходимым, эти качества доставили Павлу Петровичу популярность в армии. Солдаты и офицеры любили его и верили в его способности.

13 октября генерал Липранди одержал победу над англичанами и турками при селении Кадыкёй: он берет укрепленную 4 редутами неприятельскую позицию и остается на ней, при этом овладевает 11 орудиями, знаменем, лагерем и 60 патронными ящиками.

24 октября со своей 12-й пехотной дивизией находился в отряде князя Горчакова, производившего демонстрацию против тыла противника.

В сражении на Черной речке 4 августа 1855 г. начальствовал над левым отрядом в составе 31-го батальона при 70 орудиях.

Родился в 1796 г.

В Отечественную войну Липранди участвовал в 17 сражениях. Он делал Турецкую кампанию 1828–1829 гг. и Польскую 1830 г.

В эту последнюю войну он выказал особое отличие и награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. В 1853 г., будучи начальником 12-й пехотной дивизии, вступил в состав Дунайской армии. В 1854 г. был начальником Маловалахского отряда.

Генерал от инфантерии П. П. Липранди скончался в 1864 г.

Николай Дмитриевич Тимофеев

Артиллерии генерал-майор.

19 сентября 1854 г. генерал Тимофеев прибыл в Севастополь с подкреплением из отряда генерала Хомутова.

24 октября под начальством генерала Тимофеева была произведена вылазка с правого фланга оборонительной линии, цель вылазки – отвлечь часть сил противника, чтобы не дозволить ей принять участие в бою на Инкерманских высотах. Генерал Тимофеев с большим успехом исполнил это нападение, цель была вполне достигнута.

30 ноября был назначен начальником артиллерии гарнизона.

В мае 1855 г. начальство над 5-м отделением и передовыми редутами поручено было генералу Тимофееву.

26 мая, в бою за передовые редуты, он был тяжело ранен осколком в голову и вскоре умер от полученной раны.

Генерал Тимофеев был всеми любим и уважаем за его военные доблести.

Федор Григорьевич Левуцкий

Генерал-майор, командир 2-й бригады 12-й пехотной дивизии.

В сражении при с. Кадыкёй 13 октября 1854 г. командовал одной из колонн.

24 октября командовал колонной в отряде князя Горчакова, производившего демонстрацию. 4 августа 1855 г. участвовал в сражении на Черной речке, где был сильно контужен.

Петр Андреевич Данненберг

Генерал от инфантерии, командир 4-го пехотного корпуса.

Генерал Данненберг командовал войсками в Инкерманском сражении 24 октября. В диспозиции главнокомандующего было сказано, что генералу Данненбергу находиться сначала при отряде генерала Соймонова, а по соединении сего отряда с отрядом генерала Павлова принять общее над ними начальствование. Следовательно, он лишен был возможности перед выступлением отрядов дать начальникам их соответственные указания для согласования их движения в отношении времени и направления. На основании донесения главнокомандующего, неудача Инкерманского сражения приписана одному генералу Данненбергу. Обвинение это не может быть признано справедливым.

Родился в 1792 г.

Военное образование получил в училище колонновожатых.

Участвовал в походах 1812–1814 гг. и в Польской войне 1830–1831 гг. В 1853 г. делал кампанию в Дунайских княжествах.

После Крымской войны назначен членом Военного совета; на этой должности оставался до своей кончины в 1872 г.

Федор Иванович Соймонов

Генерал-лейтенант, начальник 10-й пехотной дивизии.

Генерал Соймонов в Инкерманском сражении командовал правой колонной. Незнание местности вызвало ошибочное движение Соймонова, последствием которого было скучение войск, дозволившее неприятелю причинить нам огромную потерю прежде столкновения с противником и удара на него в штыки. Обстоятельство это было одной из причин нашей неудачи. В начале боя генерал Соймонов был смертельно ранен. Сделанная Соймоновым ошибка не исключает его из числа лучших генералов нашей армии.

Прокофий Яковлевич Павлов

Генерал-лейтенант, начальник 11-й пехотной дивизии.

В Инкерманском сражении 24 октября 1854 г. командовал левым отрядом.

Во время штурма Севастополя 6 июня 1855 г. с якутцами принял участие в выбитии из Корабельной слободки французов, прорвавшихся через батарею Жерве.

В день штурма, 27 августа, начальствовал войсками 3-го отделения. За бой в последний день обороны награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

Александр Иванович Шепелев

Генерал-лейтенант, начальник 4-й пехотной дивизии.

В сражении на реке Черной 4 августа генерал Шепелев командовал пехотой резерва. После решения оставить Севастополь главнокомандующий поручил генералу Шепелеву общее начальствование над войсками Корабельной стороны, приказав ему, не возобновляя атак, не дозволить французам двинуться вперед. К 8 часам утра 28 августа переправа войск на Северную сторону была окончена. С последними войсками Корабельной стороны отплыл генерал Шепелев с адмиралом Панфиловым.

Александр Осипович Асланович

Генерал-майор, командир 13-й резервной бригады.

В начале осады был начальником 1-й дистанции оборонительной линии (от рейда до редута Шварца включительно).

Леонард Онуфриевич Бялый

Полковник, генерал-майор, командир Якутского пехотного полка, командир 1-й бригады 7-й пехотной дивизии.

Участвовал в сражениях:

Инкерманском – 24 октября 1854 г., где контужен осколком в бедро; за это дело награжден

чином генерал-майора.

26 февраля 1855 г., при заложении Камчатского люнета, в ночной вылазке.

4 марта, при отражении неприятеля от ложементов перед Камчатским люнетом.

5 марта, в отражении вторичной атаки неприятеля батальоном Якутского полка и двумя ротами Томского полка под личным его командованием. В этом деле контужен; за это дело награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.

6 июня, при отбитии штурма на правый фланг Малахова кургана и батарею Жерве. За это дело награжден золотой шпагой, бриллиантами украшенной, с надписью «За храбрость».

17 июня, во время нахождения на своей квартире в Севастополе, контужен осколком бомбы в голову.

Родился в 1807 г. Скончался в 1877 г.

Барон Павел Александрович Вревский

Генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Командированный в Крым императором, барон Вревский прибыл в главную квартиру 16 июня.

Со времени своего прибытия барон Вревский убеждал князя Горчакова в необходимости предпринять наступательные действия, двинувшись в тыл расположения противника.

28 июня главнокомандующим, по Высочайшему повелению, был созван военный совет для обсуждения вопроса о переходе в наступление. Большинство членов военного совета высказалось за наступление на правый фланг и тыл расположения неприятеля со стороны Черной речки. Князь Горчаков склонился на сторону большинства.

Наступление и атака Федюхиных высот были произведены 4 августа. В этом несчастном для нас сражении генерал-адъютант Вревский был убит.

Родился в 1808 г.

Николай Андреевич Реад

Генерал-адъютант, генерал от кавалерии, командир 3-го пехотного корпуса.

В сражении на речке Черной 4 августа командовал правым отрядом. В этом деле был убит.

Родился в 1792 г. Участвовал во многих сражениях 1812–1814 гг., а во время Польской войны 1831 г. – в бою под Прагой. В 1854 г. временно управлял Кавказом.

Карл Александрович Бельгард

Генерал-лейтенант, начальник 6-й пехотной дивизии.

В сражении на Черной речке 4 августа командовал колонной в отряде генерала Липранди.

Родился в 1807 г. Воспитывался в Пажеском корпусе. Участвовал в Турецкой войне 1828 г. С 1842 года в течение 8 лет был во многих делах с кавказскими горцами. В 1853 г. выказал особое отличие в сражении при Четати. Также отличился в 1854 г. под Силистрией.

Скончался в 1868 г.

Александр Карлович Баумгартен

Генерал-майор, командир Тобольского пехотного полка, командир 1-й бригады 10-й пехотной дивизии.

В составе Севастопольского гарнизона находился с 1 октября 1854 г. по 26 мая 1855 г.

Родился в 1815 г. Воспитывался в Пажеском корпусе; высшее военное образование получил в военной академии. В 1840–1841 гг. участвовал в военных действиях на Кавказе. В 1849 г. делал Венгерскую кампанию. Особое военное отличие выказал 25 декабря 1853 г. в Малой Валахии, при деревне Четати, за что награжден чином генерал-майора и орденом Св. Георгия 3-й степени.

1858–1861 гг. – начальник Николаевской академии Генерального штаба.

1861 г. – назначен членом Военного совета.

1872 г. – назначен председателем главного Военно-госпитального комитета. Занимал пост председателя Общества Красного Креста.

Генерал-адъютант, генерал от инфантерии Баумгартен скончался в 1883 г.

Николай Козьмич Тетеревников

Генерал-майор, командир 2-й бригады 8-й пехотной дивизии.

Участвовал в попытке генерала Хрулева овладеть Евпаторией 5 февраля. С мая месяца начальствовал над войсками Северной стороны Севастополя.

Людвиг Иванович Драке

Генерал-лейтенант, начальник 2-й артиллерийской дивизии (4-й и 5-й бригады).

В Севастополь прибыл в конце июля. Участвовал в сражении на речке Черной 4 августа.

Родился в 1803 г. Участвовал в кампаниях: Польской 1830–1831 гг. и Венгерской 1848–1849 гг.

Скончался в 1883 г., состоя в чине генерала от артиллерии.

Павел Евстафьевич Коцебу

Генерал-адъютант Коцебу в феврале назначен начальником штаба Южной армии и сухопутных и морских сил в Крыму. На этой должности он состоял до конца года.

Родился в 1801 г. Воспитывался в заведении колонновожатых в Москве. В 20-х годах принимал участие в экспедициях на Кавказе. В 1826–1827 гг. участвовал в Персидской войне. В 1828 г. – в Турецкой кампании. В 1831 г. отличился при взятии Варшавы. В 1839 г. на Кавказе бывал в стычках с горцами. В 1847 г. отличился при взятии аула Салты; в 1854 г. участвовал в военных действиях в Валахии и на Дунае.

В 1874 г. назначен варшавским генерал-губернатором и командующим войсками Варшавского округа.

Возведен в графское достоинство. В 1879 г. назначен членом Государственного совета.

Скончался в 1884 г.

Федор Карлович Затлер

Генерал-интендант Южной и Крымской армий, генерал-майор.

Ф. К. Затлер вступил в должность при тяжелых обстоятельствах: интендантская часть в Крыму не была организована, общего ответственного распорядителя по заготовлению предметов довольствия до него совсем не было; своевременный подвоз припасов был крайне затруднен

дурным состоянием и отсутствием дорог.

Ф. К. Затлер был чрезвычайно способный и опытный в деле довольствия войск. Князь М. Д. Горчаков высоко ценил его способности. Затлер улучшил дело снабжения войск провиантом и фуражом, насколько это было возможно при существовавшей обстановке. При общем неустройстве генерал-интенданту для пользы дела приходилось отступать от определенных законом правил, что подавало повод к злоупотреблениям со стороны чиновников. По окончании войны генерал Затлер был отдан под суд и по суду в 1859 г. исключен из службы с назначением денежного начета. Через 10 лет, в 1869 году, по Высочайшему повелению, Ф. К. Затлеру возвращены права, беспорочной службой приобретенные, и сложен казенный начет.

Родился в 1805 г. В 40-х годах был интендантом тогдашней, так называемой действующей армии.

Написал «Записки о продовольствии войск в военное время», «О госпиталях», «Об участии раненых» и другие (1860–1869 гг.).

Скончался в 1876 г.

Петр Кошка

Матрос 30-го флотского экипажа.

Немало было в Севастополе смельчаков солдат, матросов и казаков-пластунов, которые оказали подвиги храбрости. Имена некоторых из этих смельчаков известны, но не может подлежать сомнению, что подвиги многих из младшей севастопольской братии остались неизвестными. Из матросов выдавался своей смелостью Петр Кошка.

Он участвовал во многих вылазках, известен он был своими лихими проделками на единоличных его вылазках. Вот один из его подвигов. В одной вылазке против англичан был убит наш сапер, труп которого англичане врыли по пояс в землю около своей траншеи, в виде мишени для наших выстрелов. Такое поругание возбудило у нас негодование, Кошка отправился к трупу, под ружейным огнем выкопал его и принес на плечах на бастион, сам он при этом не был ранен, но в труп попало 5 пуль.

В вылазке с 19 на 20 января был ранен. Награжден знаком Военного ордена.

Архиепископ Иннокентий

Высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический, знаменитый русский богослов и церковный оратор, во время Крымской войны говорил своей пастве и войскам сильные по патриотическому духу проповеди. На празднике, даваемом 25 июня 1855 г. главнокомандующим князем Горчаковым Брянскому егерскому полку, по случаю наименования сего полка его, князя Горчакова, именем, Высокопреосвященный Иннокентий, благословляя полк и представителей от прочих частей Севастопольского гарнизона, сказал: «Не поучение говорить вам мы прибыли сюда, нет, мы явились учиться у вас, славные защитники града, учиться, как исполнять заповедь Христа Спасителя: “Оставь отца, мать твою и дом твой, возьми крест и гряди по Мне!” Впредь, поучая паству свою, мне не надобно далеко искать примеров добродетели, я скажу им: “Иди в град сей и поучись у первого встречного из братий твоих защитников веры и мест, откуда впервые разлилось православие на родину нашу, – пади ниц, место бо сие свято есть”».

С глубоким умилением слушали севастопольские воины эту высокую оценку своих подвигов и, возвратившись на бастионы, передавали товарищам благословение архипастыря.

Родился в 1800 году. В миру – Иван Алексеевич Борисов. С 1848 года – архиепископ

Херсонский и Таврический.
Скончался в 1857 году.

Арсений Гаврилович Лебединцев

Протоиерей, настоятель севастопольской Петропавловской церкви и благочинный церквей Севастопольского округа.

Во время обороны, невзирая на ежеминутную опасность, отец Арсений совершал ежедневно богослужение до августа 1855 г., когда кровля и своды храма и церковный дом были разрушены неприятельскими снарядами. Отец Лебединцев посещал с молитвой бастионы, утешал раненых, напутствовал умирающих и погребал павших.

Родился в 1818 г. Скончался в 1898 г.

Иеромонах Никандр

В Севастополе находился с сентября по 21 августа. Постоянно подавал пример самоотвержения.

Во время Синопского сражения 18 ноября 1853 года находился на корабле «Чесма».

Михаил Антонов Романский

Священник Лейб-Бородинского егерского полка.

В Севастопольском гарнизоне находился с 19 сентября по 21 октября 1854 г. В сражении на Черной речке 4 августа 1855 г. был на перевязочном пункте.

Родился в 1829 г. 1902 г. – протоиерей, настоятель Николаевского Адмиралтейского собора (г. Николаев-Херсонский).

Николай Иванович Пирогов

Профессор, хирург.

После Инкерманского сражения ярко выяснилось плачевное состояние дела лечения и ухода за ранеными и больными. Ввиду крайней необходимости безотлагательно улучшить это дело из Петербурга был послан в Севастополь известный хирург профессор Н. И. Пирогов, но не как начальник, а скорее волонтер. Пирогов прибыл в Крым в первой половине ноября 1854 г. Чтобы дать понятие о том, в каком положении было дело призрения раненых в это время, приведу выдержку из письма Н. И. Пирогова к своей жене: «Инкерманское сражение не было неожиданным, его предназначали и не позаботились об ожидаемых раненых. В этом сражении было раненых с лишком 6000 человек, и для них не приготовили ровно ничего; на нарах целые недели они не были перевязаны и даже почти не накормлены. Приехав в Севастополь на 18-й день после дела, я нашел с лишком 2000 раненых, скученных вместе, лежащих на грязных матрацах, пропитанных кровью, перемешанных, и, рассортировав их, целые 10 дней, почти с утра до вечера, должен был оперировать таких, которым операцию нужно было сделать тотчас после сражения».

Познакомившись с положением дел и пользуясь своим авторитетом и громким именем, Пирогов мог мало-помалу забрать в свои руки всю медицинскую часть и сделаться главнейшим и единственным распорядителем.

Главное внимание он обратил на сортировку раненых и больных и на дело призрения больных. Дело это, при своей неутомимой деятельности, он значительно улучшил, насколько это было возможно по существовавшим на месте условиям.

В научной и наставнической деятельности дарованиям и опытности Пирогова представилось широкое поле для введения новых целесообразных способов операций; тут открылась для него возможность уяснить значение лечения многих ран, распространить и провести в жизнь свои воззрения насчет показаний к операциям, насчет хирургической терапии и последовательного лечения. Деятельность его была преимущественно в Севастополе; кроме того, он работал в госпиталях Симферополя и Бахчисарая.

В Крыму Пирогов оставался до конца мая 1855 года. Во второй раз он приехал в Крым для трудов в госпиталях в сентябре и оставался до начала декабря.

Кипучая деятельность Н. И. Пирогова была во вторую бомбардировку, начавшуюся 28 марта и продолжавшуюся 10 дней, и в последующее за тем время. Главный перевязочный пункт был в городе, в Дворянском собрании. На Корабельной стороне раненых на перевязку приносили в Александровские казармы, а потом на Павловскую батарею и в смежные провиантские магазины. В Николаевской батарее был госпиталь на 600 больных. Трудно ампутированные помещались в Инженерном доме, а гангренозные и безнадежные – в домах Гущина и Орловского близ Артиллерийской бухты. В Екатерининском дворце, у Графской пристани, помещались раненые офицеры. На Северной стороне были 2 госпиталя, сухопутный – в бараках у Панаиотовой балки и морской – в Михайловской батарее.

Главнейшая работа Н. И. Пирогова была на перевязочном пункте в Дворянском собрании. Сотрудниками Пирогова в Севастополе были профессор Х. Я. Гюббенет, врачи Каде, Пабо, Тюрин, Бекере, Обермиллер, Хлебников, Реберг, Тарасов, Добров и Пастухов.

В полном ведении Н. И. Пирогова находились сестры попечения о раненых Крестовоздвиженской общины.

Родился в 1810 г. Высшее специальное образование получил в Московском университете и при Дерптском университете. В 1836 г. был профессором по хирургии. В 1841 г. был переведен в Медико-хирургическую академию профессором госпитальной хирургии и назначен заведующим хирургическим отделением госпиталя. В 1847 г. отправился на Кавказ; здесь на практике познакомился с военно-полевой хирургией и медицинской военной администрацией.

Н. И. Пирогов занимал посты попечителя учебного округа, сначала Одесского, потом – Киевского.

Скончался в 1881 г.

Николай Иванович Пирогов справедливо считается одним из величайших врачей девятнадцатого столетия. По сие время он признается самым выдающимся авторитетом по военно-полевой хирургии.

Христиан Яковлевич Гюббенет

Профессор хирургии Киевского университета Св. Владимира.

В Севастополе находился с 5 декабря до 27 августа. Был главным хирургом и оператором. Главнейшая его деятельность была на перевязочном пункте в Дворянском собрании.

Родился в 1822 г. Профессором Гюббенетом составлен очерк медицинской и госпитальной части войск в Крыму в 1854–1855 гг. Очерк этот составляет приложение к сочинению генерала Тотлебена «Описание обороны Севастополя» (1870 г.). Скончался в 1873 г.

Бронислав Сигизмундович Шёнфельд

Доктор медицины.

В Севастополе находился на главном перевязочном пункте, в доме Благородного собрания.

Во время бомбардировки 5 октября 1854 г. находился на батарее № 10.

Родился в 1830 г. Высшее образование получил в Императорском Московском университете. Отставной тайный советник Шёнфельд скончался в 1896 г.

(Портрет доставлен вдовой Варварой Евстафьевной.)

Антон Доминикович Миштольт

Старший врач 37-го флотского экипажа.

Во время обороны Севастополя находился на главном перевязочном пункте. Делал перевязку смертельно раненному адмиралу Корнилову. Лечил, совместно с профессором Гюббенетом, раненого генерала Тотлебена.

Награжден орд. Св. Анны 3-й и 2-й степ. и Св. Владимира 4-й степ.

Родился в 1826 г. Высшее образование получил в Университете Св. Владимира в Киеве.

1902 г. – отставной действительный статский советник. Проживает в г. Николаеве-Херсонском.

Владимир Сергеевич Кудрин

Младший врач 31-го флотского экипажа.

В составе Севастопольского гарнизона находился все время обороны. Сначала был при Морском госпитале, где и находился во время первой бомбардировки. Заступив на дежурство накануне начала бомбардировки, он был с 6 часов утра, когда началась бомбардировка, до 8 часов единственным врачом в госпитале, когда доставлялись туда раненые с 3-го бастиона и Малахова кургана. Госпиталь был под сильным огнем, так что немало было раненых из числа больных, а один из госпитальных флигелей сгорел на 3-й или 4-й день бомбардировки.

После того Владимир Сергеевич работал на главном перевязочном пункте в Александровской казарме, затем в отделении Морского госпиталя на Северной стороне, у Михайловской батареи, где занимал должность ординатора. В конце апреля был назначен врачом Михайловской батареи и заведующим офицерским лазаретом на этой батарее.

Родился в 1834 году. Высшее образование получил в Императорском Московском университете. 1903 г. – доктор медицины, действительный тайный советник, главный медицинский инспектор флота, почетный лейб-хирург, неперенный член медицинского совета Минист. внутр. дел и Военно-медицинского ученого комитета, почетный член Императорской Военно-медицинской академии.

Андрей Алексеевич Лаврентьев

Старший ординатор севастопольского Морского госпиталя.

С февраля 1855 г. заведовал офицерским отделением симферопольского госпиталя.

Родился в 1818 г. Воспитывался в Императорском Харьковском университете. В 1881 г. – начальник медицинской части Черноморского флота.

Отставной тайный советник Лаврентьев скончался в 1889 г.

(Сведения и портрет доставлены дочерью З. Лаврентьевой.)

I ряд сверху: 1) Антон Васильевич Реков. В Севастополе находился с 13 сентября. Ранен. Родился в 1830 г. 2) Кондрат Трофимов Суббота. Находился на 4-м бастионе. Контужен. Родился в 1830 г. 3) Мартын Ильич Реков. С 13 сентября по 27 августа на 3-м бастионе. Родился в 1835 г. 4) Трофим Кириллович Сарана. На 5-м бастионе. Ранен. Родился в 1827 г. 5) Марко Бульба. 6) Иван Кузьмич Кривой. С 13 сентября по 27 августа на Малаховом кургане. Родился в 1822 г. 7) Сергей Ефимович Гринько. На корабле «Салафаил», затем по июнь на 4-м бастионе. Контужен. Лишился глаза. Родился в 1828 г. 8) Таврило Иванович Дядик. На 3-м бастионе командором у орудия. Контужен в руку и голову с ожогом глаза. Родился в 1830 г.

II ряд: 9) Иван Терентьевич Щербановский. С 13 сентября по 27 августа на Язоновском редуте. Ранен. Родился в 1820 г. 10) Петр Павлович Руденко. В Севастополе с 13-го сентября по 27 августа на 6-м бастионе; контужен. Родился в 1836 г. 11) Семен Федоров Евтушенко. Находился на 4-м бастионе, где ранен в обе ноги. Родился в 1826 г. 12) Михаил Иванович Стукал. С 13-го сентября по 27 августа на 4-м бастионе. Контужен. Родился в 1827 г. 13) Андрей Михайлович Барабаш. На 4-м бастионе для доставки снарядов. Контужен. Родился в 1825 г. 14) Василий Иванов Занудько. На пароходе «Бесарабия». Родился в 1830 г. 15) Семен Семенов Павлюк. С 13-го сентября на 2-м бастионе вторым командором при орудии. 16) Ефим Васильев Свистун. На фрегате «Кулевчи». Родился в 1825 г.

III ряд: 17) Петр Михайлов Терновский. На корабле «Ягудиил», стоявшем у Пересыпи. Родился в 1833 г. 18) Григорий Данилович Фершал. С 13 сентября по 27-е августа на 4-м бастионе командором. Контужен в голову. Родился в 1828 г. 19) Григорий Мартынов Бороденко. С 13 сентября на пароходе «Херсонес», затем на Черной речке на батареях Д. и Е. Ранен. Родился в 1824 г. 20) Семен Степанович Черный. На пароходе «Одесса», перевозившем раненых с Инкерманского поля сражения; затем в Артиллерийской бухте. Ранен. Родился в 1833 г. 21) Гаврило Андреевич Клец. С 13-го сентября по 27 августа на 3-м бастионе. Бомбой оторвана рука. Родился в 1833 г. 22) Евтихий Матвеевич Лоик. На 4-м бастионе. Ранен. Родился в 1831 г. 23) Марко Андреев Клец. Находился на северной стороне. Родился в 1831 г. 24) Андрей Алексеев Константинов. На баркасе, перевозившем снаряды на Графскую пристань. Родился в 1823 г.

IV ряд: 25) Федот Иванов Усатый. На пароходе «Громоносец». Родился в 1826 г. 26) Пантелеймон Андреев Дорошенко. На фрегате «Сизополь» и транспорте «Соча». 27) Иосиф Гринько. 28) Иван Евстафьевич Дудниченко. С 13 сентября по 27 августа на Малаховом кургане. Контужен. Родился в 1818 г. 29) Семен Елисеевич Чуприно. На Малаховом кургане, на батарее № 4, где ранен. Родился в 1827 г. 30) Михаил Денисов Смоленский. В гребном отряде. Ранен. Родился в 1833 г. 31) Максим Матвеевич Лоик. На гребных судах, подвозивших снаряды. Родился в 1833 г. 32) Иван Акимович Калина. На Волынском редуте. Ранен осколком, и при разрушении блиндажа повреждена спина. Родился в 1818 г.

V ряд: 33) Федор Сидорович Хилобоченко. На 4-м бастионе. Контужен в голову, отчего лишился зрения. Родился в 1827 г. 34) Гаврило Трофимов Настобурка. На 3-м бастионе командором. Ранен. Родился в 1827 г. 35) Тимофей Федоров Горобец. На 5-м бастионе. Контужен. Родился в 1824 г. 36) Кондрат Иванович Череп. На 5-м бастионе. Ранен в лоб (лишился глаза) и плечо. Родился в 1827 г. 37) Григорий Макарович Резник. С 13-го сентября по август на 3-м бастионе. Контужен. Родился в 1829 г. 38) Семен Денисов Смоленский. На графской пристани в отряде для выгрузки снарядов. Ранен 2 раза. Родился в 1827 г. 39) Григорий Григорьев Стояненко. На 3-м бастионе, где ранен в ногу и голову. Родился в 1824 г. 40) Никита

Иванов Одношевный. Гребцом на перевозных баркасах. Родился в 1826 г. 41) Григорий Логгинов Топал. На 7-м бастионе. Родился в 1832 г.

Отставные вольные матросы, состоящие в цехе матросов:

А. Реков, М. Реков, Сарана, С. Гринько, Дядик, Щербановский, Евтушенко, Стукал, Барабаш, Фершал, Черный, Г. Клещ, Е. Лоик, Дудниченко, Чуприна, М. Лоик, Калина, Хилобоченко, Череп, Резник и Топал.

Из них А. Реков, Сарана, С. Гринько, Щербановский, Евтушенко, Стукал, Барабаш, Фершал, Черный, Дудниченко, Чуприна, Калина, Хилобоченко, Череп, Резник и Топал были приняты на службу из отставки, а в 1855 г. вторично уволены от службы.

Остальные 20 – отставные матросы, числящиеся в числе крестьян.

Из них Занудько, Павлюк, Свистун, Константинов, Усатый, М. Смоленский, Настобурка, Горобец, С. Смоленский и Одношевный были приняты на службу из отставки, а в 1855 г. вторично уволены от службы.

Все 41 человек проживают в местечке Никополе Екатеринославской губ.

Парижский трактат (заключен 18/30 марта 1856 г.)

Ст. I. Со дня размена ратификаций настоящего Трактата быть на вечные времена миру и дружеству между Его Величеством Императором Всероссийским с одной, и Его Величеством Императором французов, Ее Величеством Королевой Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, Его Величеством Королем Сардинским и Его Императорским Величеством Султаном – с другой стороны, между Их Наследниками и Преемниками, государствами и подданными.

Ст. II. Вследствие счастливого восстановления мира между Их Величествами, земли, во время войны завоеванные и занятые их войсками, будут ими очищены.

О порядке выступления войск, которое должно быть учинено в скорейшее по возможности время, постановлены будут особые условия.

Ст. III. Его Величество Император Всероссийский обязуется возвратить Его Величеству Султану город Карс с цитаделью оного, а равно и прочие части Оттоманских владений, занимаемые Российскими войсками.

Ст. IV. Их Величества Император Французов, Королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, Король Сардинский и Султан обязуются возвратить Его Величеству Императору Всероссийскому города и порты: Севастополь, Балаклаву, Камыш, Евпаторию, Керчь-Еникале, Кинбурн, а равно и все прочие места, занимаемые союзными войсками.

Ст. V. Их Величества Император Всероссийский, Император Французов, Королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, Король Сардинский и Султан даруют полное прощение тем из их подданных, которые оказались виновными в каком-либо в продолжение военных действий соучастии с неприятелем.

При сем постановляется именно, что сие общее прощение будет распространено и на тех подданных каждой из воевавших держав, которые во время войны оставались в службе другой из воевавших держав.

Ст. VI. Военнопленные будут немедленно возвращены с той и другой стороны.

Ст. VII. Его Величество Император Всероссийский, Его Величество Император Австрийский, Его Величество Император Французов, Ее Величество Королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, Его Величество Король Прусский и Его Величество Король Сардинский объявляют, что Блистательная Порта признается участвующей в выгодах общего права и союза держав Европейских. Их Величества обязуются каждый со своей стороны уважать независимость и целостность Империи Оттоманской, обеспечивают совокупным своим ручательством точное соблюдение сего обязательства и вследствие того будут почитать всякое в нарушение оного действие вопросом, касающимся общих прав и пользы.

Ст. VIII. Если между Блистательной Портой и одной или несколькими из других заключивших сей Трактат держав возникнет какое-либо несогласие, могущее угрожать сохранению дружественных между ними сношений, то и Блистательная Порта и каждая из сих держав, не прибегая к употреблению силы, имеют доставить другим договаривающимся сторонам возможность предупредить всякое дальнейшее столкновение через свое посредничество.

Ст. IX. Его Императорское Величество Султан в постоянном попечении о благе своих подданных, даровав фирман, коим улучшается участь их без различия по вероисповеданиям или племенам и утверждают великодушные намерения его касательно христианского народонаселения его Империи, и желая дать новое доказательство своих в том отношении

чувств, решился сообщить договаривающимся державам означенный, изданный по собственному его побуждению фирман.

Договаривающиеся державы признают высокую важность этого сообщения, разумея при том, что оно ни в каком случае не даст этим державам права вмешиваться, совокупно или отдельно, в отношения Его Величества Султана к его подданным и во внутреннее управление Империи его.

Ст. X. Конвенция 13 июля 1841 года, которой постановлено соблюдение древнего правила Оттоманской Империи относительно закрытия входа в Босфор и Дарданеллы, подвергнута новому с общего согласия рассмотрению.

Заключенный Высокими договаривающимися сторонами сообразный с вышеозначенным правилом акт прилагается к настоящему Трактату и будет иметь такую же силу и действие, как если бы он составлял неотделимую его часть.

Ст. XI. Черное море объявляется нейтральным; открытый для торгового мореплавания всех народов вход в порты и воды оного формально и навсегда воспрещается военным судам, как прибрежным, так и всех прочих держав, с теми только исключениями, о которых постановляется в статьях XIV и XIX настоящего договора.

Ст. XII. Свободная от всяких препятствий торговля в портах и на водах Черного моря будет подчинена одним лишь карантинным таможенным, полицейским постановлениям, составленным в духе, благоприятствующем развитию сношений торговых.

Дабы пользам торговли и мореплавания всех народов даровать все желаемое обеспечение, Россия и Блистательная Порта будут допускать консулов в порты свои на берегах Черного моря, согласно с правилами международного права.

Ст. XIII. Вследствие объявления Черного моря нейтральным на основании статьи XI, не может быть нужно содержание или учреждение военно-морских на берегах его арсеналов, как не имеющих уже цели, а посему Его Величество Император Всероссийский и Его Императорское Величество Султан обязуются не заводить и не оставлять на этих берегах никакого военно-морского арсенала.

Ст. XIV. Их Величествами Императором Всероссийским и Султаном заключена особая Конвенция, определяющая число и силу легких судов, которые они предоставляют себе содержать в Черном море для нужных по побережью распоряжений. Эта Конвенция прилагается к настоящему Трактату и будет иметь такую же силу и действие, как если бы она составляла неотделимую его часть. Она не может быть ни уничтожена, ни изменена без согласия держав, заключивших настоящий Трактат.

Ст. XV. Договаривающиеся стороны с взаимного согласия постановляют, что правила, определенные Актом Конгресса Венского для судоходства по рекам, разделяющим разные владения или протекающим через оные, будут впредь применяемы вполне к Дунаю и устьям его. Они объявляют, что это постановление отныне признается принадлежащим к общему народному Европейскому праву и утверждается Их взаимным ручательством.

Судоходство по Дунаю не будет подлежать никаким затруднениям и пошлинам, кроме тех, которые именно определяются нижеследующими статьями. Вследствие этого не будет взимаемо никакой платы собственно за само судоходство по реке и никакой пошлины с товаров, составляющих груз судов. Правила полицейские и карантинные, нужные для безопасности государств, прибрежных этой реке, должны быть составлены таким образом, чтоб оные сколь можно более благоприятствовали движению судов. Кроме этих правил, свободному судоходству не будет постановляемо никакого рода препятствий.

Ст. XVI. Для приведения в действие постановлений предыдущей статьи учредится Комиссия, в которой Россия, Австрия, Франция, Великобритания, Пруссия, Сардиния и Турция

будут иметь каждая своего депутата. Этой Комиссии будет поручено предназначить и привести в исполнение работы, нужные для очистки Дунайских гирл, начиная от Исакии, и прилегающих к оным частей моря, от песка и других заграждающих иных препятствий, дабы эта часть реки и упомянутые части моря сделались вполне удобными для судоходства.

Для покрытия расходов, нужных как для этих работ, так и на заведения, имеющие целью облегчить и обеспечить судоходство по Дунайским гирлам, будут постановлены постоянные с судов соразмерные с надобностью пошлины, которые должны быть определены Комиссией по большинству голосов и с неперменным условием, что в сем отношении и во всех других соблюдаемо будет совершенное равенство относительно флагов всех наций.

Ст. XVII. Будет также учреждена Комиссия из членов со стороны Австрии, Баварии, Блистательной Порты и Виртемберга (по одному от каждой из этих держав); к ним будут присоединены и комиссары трех Придунайских княжеств, назначенные с утверждения Порты. Эта Комиссия, которая должна быть постоянной, имеет: 1) составить правила для речного судоходства и речной полиции; 2) устранить все препятствия, которые встречает еще применение постановлений Венского Трактата к Дунаю; 3) предположить и привести в исполнение нужные по всему течению Дуная работы; 4) по упразднении общей, предназначаемой статьей XVI, Европейской Комиссии наблюдать за содержанием в надлежащем для судоходства состоянии Дунайских гирл и частей моря, к ним прилегающих.

Ст. XVIII. Общая Европейская Комиссия должна исполнить все ей поручаемое, а Комиссия прибрежная привести к окончанию все работы, означенные в предшедшей статье под №№ 1 и 2, в течение двух лет. По получении о том известия державы, заключившие этот трактат, постановят определение об упразднении общей Европейской Комиссии, и с этого времени постоянной прибрежной Комиссии передана будет власть, которой дотоле имеет быть облечена общая Европейская.

Ст. XIX. Дабы обеспечить исполнение правил, которые с общего согласия будут постановлены на основании изложенных выше этого начал, каждая из договаривающихся держав будет иметь право содержать во всякое время по два легких морских судна у Дунайских устьев.

Ст. XX. Взамен городов, портов и земель, означенных в статье IV настоящего Трактата, и для вящего обеспечения свободы судоходства по Дунаю, Его Величество Император Всероссийский соглашается на проведение новой граничной черты в Бессарабии.

Началом этой граничной черты постановляется пункт на берегу Черного моря в расстоянии на один километр к востоку от соленого озера Бурнаса; она примкнет перпендикулярно к Аккерманской дороге, по которой будет следовать до Траянова вала, пойдет южнее Болграда, и потом вверх по реке Ялпуху до высоты Сарацика и до Катамори на Пруте. От этого пункта вверх по реке прежняя между обеими Империями граница остается без изменения.

Новая граничная черта должна быть означена подробно нарочными комиссарами договаривающихся держав.

Ст. XXI. Пространство земли, уступленное Россией, будет присоединено к княжеству Молдавскому под Верховной властью Блистательной Порты.

Живущие на этом пространстве земли будут пользоваться правами и преимуществами, присвоенными Княжествам, и в течение трех лет им дозволено будет переселяться в другие места и свободно распорядиться своей собственностью.

Ст. XXII. Княжества Валахское и Молдавское будут под Верховной Властью Порты и, при ручательстве договаривающихся держав, пользоваться преимуществами и льготами, которыми пользуются ныне. Никакой из ручающихся держав не предоставляется исключительного над оными покровительства. Не допускается никакое особое право вмешательства во внутренние

дела их.

Ст. XXIII. Блистательная Порта обязуется оставить в этих Княжествах независимое и национальное управление, а равно и полную свободу вероисповедания, торговли и судоходства.

Действующие ныне в оных законы и уставы будут пересмотрены. Для полного соглашения касательно этого пересмотра назначена будет особая Комиссия, о составе которой Высокие договаривающиеся державы имеют условиться. Эта Комиссия должна без отлагательства собраться в Бухаресте; при ней будет находиться комиссар Блистательной Порты.

Эта Комиссия имеет исследовать настоящее положение Княжеств и предложить основания их будущего устройства.

Ст. XXIV. Его Величество Султан обещает немедленно созвать в каждой из двух областей нарочный для того диван, который должен быть составлен таким образом, чтобы он мог служить верным представителем польз всех сословий общества. Этим диванам будет поручено выразить желания народонаселения касательно окончательного устройства Княжеств.

Отношения Комиссии к этим Диванам определятся особой от Конгресса инструкцией.

Ст. XXV. Приняв мнение, которое будет представлено обоими диванами, в надлежащее соображение, Комиссия немедленно сообщит в настоящее место заседания конференций результаты своего собственного труда.

Окончательное соглашение с верховной над Княжествами державой должно быть утверждено Конвенцией, которая будет заключена высокими договаривающимися сторонами в Париже, и Хати-Шерифом, согласным с постановлениями Конвенции, дано будет окончательное устройство этим областям при общем ручательстве всех подписавшихся держав.

Ст. XXVI. В Княжествах будет национальная вооруженная сила для охранения внутренней безопасности и обеспечения безопасности границ. Никакие препятствия не будут допускаемы в случае чрезвычайных мер обороны, которые, с согласия Блистательной Порты, могут быть приняты в Княжествах для отражения нашествия извне.

Ст. XXVII. Если внутреннее спокойствие Княжеств подвергнется опасности или будет нарушено, то Блистательная Порта войдет в соглашение с прочими договаривающимися державами о мерах, нужных для сохранения или восстановления законного порядка. Без предварительного соглашения между этими державами не может быть никакого вооруженного вмешательства.

Ст. XXVIII. Княжество Сербское остается как прежде под Верховной Властью Блистательной Порты, согласно с императорскими Хати-Шерифами, утверждающими и определяющими права и преимущества оною при общем совокупном ручательстве договаривающихся держав.

Вследствие этого, означенное княжество сохранит свое независимое и национальное управление и полную свободу вероисповедания, законодательства, торговли и судоходства.

Ст. XXIX. Блистательная Порта сохраняет определенное прежними постановлениями право содержания гарнизона. Без предварительного соглашения между высокими договаривающимися державами не может быть допущено никакое вооруженное в Сербии вмешательство.

Ст. XXX. Его Величество Император Всероссийский и Его Величество Султан сохраняют в целости владения свои в Азии в том составе, в котором они законно находились до разрыва.

Во избежание всяких местных споров линии границы будут поверены и в случае надобности исправлены, но таким образом, чтоб от этого не могло произойти никакого в поземельном владении ущерба ни для той, ни для другой стороны.

На сей конец, немедленно по восстановлении дипломатических сношений между Российским Двором и Блистательной Портой, послана будет на место составленная из двух

комиссаров Российских, двух комиссаров Оттоманских, одного комиссара Французского и одного комиссара Английского Комиссия. Она должна исполнить возлагаемое на нее дело в продолжение восьми месяцев, считая со дня размена ратификаций настоящего Трактата.

Ст. XXXI. Земли, занятые во время войны войсками Их Величеств Императора Австрийского, Императора Французов, Королевы Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и Короля Сардинского, на основании Конвенций, подписанных в Константинополе 12 марта 1854 года между Францией, Великобританией и Блистательной Портой, 14 июня того же года между Блистательной Портой и Австрией и 15 марта 1855 года между Сардинией и Блистательной Портой, будут очищены после размена ратификаций настоящего Трактата в скорейшее по возможности время. Для определения сроков и средств исполнения этого имеет последовать соглашение между Блистательной Портой и державами, которых войска занимали земли ее владений.

Ст. XXXII. Доколе трактаты или конвенции, существовавшие до войны между воевавшими державами, не будут возобновлены или заменены новыми актами, взаимная торговля, как привозная, так и отвозная, должна производиться на основании постановлений, имевших силу и действие до войны, и с подданными этих держав во всех других отношениях поступаемо будет наравне с нациями наиболее благоприятствуемыми.

Ст. XXXIII. Конвенция, заключенная сего числа между Его Величеством Императором Всероссийским с одной и Их Величествами Императором Французов и Королевой Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии с другой стороны, относительно островов Аландских, прилагается и остается приложенной к настоящему Трактату и будет иметь такую же силу и действие, как если бы она составляла неотделимую часть его.

Ст. XXXIV. Настоящий Трактат будет ратификован, и ратификации оного будут разменены в Париже в течение четырех недель, а если можно, и прежде.

Статья дополнительная и временная

Постановления подписанной этого числа Конвенции о проливах не будут применяемы к военным судам, которые воевавшими державами употреблены будут для вывода морским путем войск их из земель, ими занимаемых. Эти постановления войдут в полную силу, как только этот вывод войск будет приведен к окончанию.

В Париже, в 30 день марта 1856 года.

Конвенция касательно проливов Дарданелл и Босфора

Ст. I. Его Величество Султан, с одной стороны, объявляет, что Он имеет твердое намерение соблюдать на будущее время постановления, неизменно принимавшиеся как древнее правило Его Империи, в силу которых всегда было воспрещено военным судам держав иностранных входить в проливы Дарданелл и Босфора, и что доколе Porta будет находиться в мире, Его Величество не допустит никакого иностранного военного судна в означенные проливы.

А Их Величества Император Всероссийский, Император Австрийский, Император Французов, Королева Соединенных Королевств Великобритании и Ирландии, Король Прусский и Король Сардинский, с другой стороны, обязуются уважать это решение Султана и сообразоваться с выше изъясненным правилом.

Ст. II. Султан предоставляет себе, как и прежде, выдавать фирманы для прохода легких под военным флагом судов, которые будут употребляемы, по существующему обыкновению, при миссиях дружественных с Портой держав.

Ст. III. То же самое изъятие допускается в отношении к легким под военным флагом

судам, которые каждая из договаривающихся держав имеет право содержать при устьях Дуная, для обеспечения исполнения постановлений о свободе судоходства по этой реке, и коих число не должно превышать двух для каждой державы.

Ст. IV. Настоящая Конвенция, приложенная к общему Трактату, подписанному сего числа в Париже, будет ратификована, и ратификации оной будут разменены в течение четырех недель, а если можно, и прежде.

Конвенция о русских и турецких военных судах в Черном море

Ст. I. Высокие договаривающиеся стороны взаимно обязуются не иметь в Черном море иных военных судов кроме тех, которых число, сила и размеры определены, как ниже следует.

Ст. II. Высокие договаривающиеся стороны предоставляют себе содержать каждая по шесть в означенном море паровых судов в 50 метров длины по ватерлинии, вместительностью не свыше 800 тонн; и по четыре легких паровых или парусных судна, которых вместительность не должна превышать 200 тонн в каждом.

Ст. III. Настоящая Конвенция, приложенная к общему Трактату, подписанному сего числа в Париже, будет ратификована, и ратификации оной будут разменены в течении четырех недель, а если можно, и прежде.

Конвенция об Аландских островах

Ст. I. Его Величество Император Всероссийский, согласно с желанием, изъявленным Ему Их Величествами Императором Французов и Королевой Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, объявляет, что Аландские острова не будут укреплены и что на оных не будет содержимо ни вновь сооружено никакого военного или морского заведения.

Ст. II. Настоящая Конвенция, приложенная к общему Трактату, подписанному сего числа в Париже, будет ратификована, и ратификации оной будут разменены в течение четырех недель, а если можно, и прежде.

Я прочел трактат, и вот впечатления, им во мне произведенные: Турция не существует более в Европе, она разделена и оставляется только на время в газетах, пока окажется возможность договорившимся державам привести в исполнение междустрочные условия и вступить во владение якобы благоприобретенным имуществом.

Кто же новые владельцы?

Об них можно только догадываться.

Франция и Россия.

Франция, Россия и Англия.

Франция, Россия, Англия и Австрия.

Франция и Англия.

Франция, Англия и Австрия.

Каждая из этих возможностей имеет за себя и против себя различные соображения. Разберем их одну за другою.

Турцию разделили Франция и Россия, потому что они сильнее прочих государств и могут удержать свою добычу, несмотря ни на какие сопротивления. Разделить вдвоем удобнее и выгоднее, нежели втроем или вчетвером, а Бонапарт умнее всех.

Франция и Россия могут удержать свою добычу, сказал я, но все-таки удержание будет им стоить великих усилий и жертв при сопротивлении Англии, Австрии и, следовательно, Германии, и конца войне, вражде не видать. Такое тревожное владение не слишком привлекательно, и третий выделок из турецких обширных владений лучше их всех обеспечит. Следовательно, вторая возможность – с Англией, сильной своими флотами, капиталами и связями, вероятнее первой.

Приобщение Англии может быть временное, если Бонапарт питает корсиканскую вендетту, а кто его знает! Война с Англией может быть начата им когда-нибудь и по разделении Турции с полною надеждою на успех при содействии России и, пожалуй, Америки.

А Австрия? Может быть, получила что-нибудь из милости на первых порах, а вероятнее отстранена; ибо действия в Италии показывают, что союзники к ней не расположены и сочувствия она не имеет нигде. Следовательно, четвертая возможность имеет менее всего в свою пользу.

А что имеет за себя пятая возможность, т. е. разделение Турции между Францией и Англией?

Проницательность английского правительства, которое, без сомнения, видело свои опасности и не могло начать войны, не могло предложить Наполеону такое деятельное содействие, не застраховавшись вполне на все возможные случаи. Может быть, они сковались между собою, и Англия, закоренелый враг и соперник России, вспомоществуемый духом Запада, увлекает Наполеона с собою, несмотря на естественные выгоды его с Россией.

Как бы то ни было, пьеса еще не вся; опустился занавес по окончании только одного действия. Игра не прекратилась, а игроки после партии обменялись между собою местами и расселись иначе, ожидая новой вздачи. Вопрос восточный не решен: продолжение впредь!

Настоящий мир есть во всяком случае временный, перемирие вследствие истощения средств у воюющих держав, по обороту общественного мнения или по другим внутренним обстоятельствам и признакам, коих мы, посторонние наблюдатели, ни заметить, ни оценить не можем.

Правительство и общество, и все мы прельщаемся мыслию о союзе с Францией, союзе

естественном и выгодном; но благоразумие велит нам смотреть в оба глаза и стоять бдительно на страже, потому что на карту положится много, очень много, и вопрос «быть или не быть» остается во всей своей силе, хотя, разумеется, с большою надеждой на спасение.

Не слишком ли мудрены все эти предположения? Не заходит ли здесь ум за разум? Не проще ли происходят дела? Все устали, а цель войны Англией и Австрией достигнута: русский флот истреблен, крепости уничтожены, границы отодвинуты от славян и даже Дуная, влияние русское на Востоке потрясено; наконец, официальные соглашения, консулы рассыпаны повсюду – довольно пока, а вперед что Бог даст, то и будет. *Après nous le deluge!*^[35]

Нет, этого не может быть: тысячи людей и миллиарды денег – не может быть, чтоб были положены Францией для одной славы, для препровождения времени, в угоду Англии и Австрии. Игра не стоила для нее свеч! Что-нибудь да кроется другое, к чему и должны мы быть готовы.

Обратимся теперь к настоящему трактату.

Настоящий трактат без тайных соглашений между кем бы то ни было не имеет никакого смысла и заключает в себе для России непременно побуждение к войне.

Трактатом закрывается вход в Черное море военным судам. Да об этом и говорить было нечего: в мирное время какая нужда военным судам ходить по Черному морю? Военные суда опасны в военное время, а в военное время может всегда пустить их Турция, как это теперь и случилось, – и тогда чем же вы прикажете России защищать свои берега без флота, без крепостей, без arsenals?

Турции она может не опасаться, но кто же поручится за морские державы, чтоб они не повторили когда-нибудь нападения по тем или другим причинам? Есть ли тут человеческий, не только политической смысл? Берегов своих Россия, ни какое другое государство, открывать не может, принимать меры для своей обороны по народному праву и по естественному инстинкту самосохранения должно и по отношению к своему народу обязано. Какое государство во всей истории налагало на себя руку? Укрепляет же Англия свои берега, несмотря на *entente cordiale*^[36] с Францией. Мы должны разрушить у себя Севастополь, а они могут утверждаться в Гибралтаре, Мальте и Корфу! Мы не смей строить судов, а Австрия основывает флот «для предстоящей борьбы на Востоке»!

Если Россия согласилась на противоположную меру, то разве только временно, по соглашению с Францией или без соглашения, по невозможности продолжать войну.

Возвращаемся к трактату. Россия и Турция обязаны иметь по шести военных судов в Черном море. А если турецкие корабли уведет какой-нибудь новый капитан-паша в Александрийскую гавань, на поклон египетскому паше, или сожжет по неосторожности, сгноит по небрежению, тогда что делать России? Не должна ли она будет уничтожить свои суда? Иначе с шестью пароходами она будет опасна для Турции так же, как прежде с неограниченным своим флотом.

Хорошо – Турция безопасна со стороны России, а со стороны западных держав, со стороны даже Египта, Греции, Ионических островов? Все они могут делать с Турцией что вздумается, имея флоты, которым противопоставить нечего. Если Турция может иметь флот на Средиземном море или в Египте, то она опасна для России. Если не может иметь там ничего больше, то, обеспеченная со стороны России, она будет отдана произволу любой морской державы. По какому же это праву, если ее самостоятельность составляет главную задачу и главное условие всей европейской политики?

Турция предохранена со стороны России; но почему же приносятся России в жертву Швеция, Дания и Пруссия, на кои она всегда нападать может, имея неограниченное число кораблей на Балтийском море?

Католики и протестанты, принявшие на себя покровительство и отстраняющие до сих пор

Россию от участия в устройении судьбы турецких христиан (равно как и от устройства княжеств), считают их исповедание ересью и ненавидят сильнее ислама. Спрашивается, каким образом они могут покровительствовать Православию?

С какой стороны вы ни посмотрите на трактат, со стороны науки или со стороны политики, он не выдерживает самой снисходительной критики, и надо удивляться, как европейские министры в XIX столетии могли подписать такую бессмысленную бумагу, пред глазами истории и даже орлиным пером!

На этом месте моего письма застало меня известие о сепаратном мире между Англией, Францией и Австрией в обеспечение целости Оттоманской империи против возможных покушений России.

Это что за событие? Кто кого обманывает? Нас или мы? Был ли этот трактат нечаянностью для нашей дипломатии, или она была предупреждена первоначально о трактате как о средстве успокоительном на время для Англии, Австрии и Турции? Не верится, чтоб впросак попали англичане, а не мы. Воровство искони у них, простота за нами.

Между тем английские и французские консулы, согласные между собою, возбуждают везде христиан, о чем я имею даже подлинные письма из Болгарии, кроме газет, – значит, они хотят овладеть Турцией, в отношении к чему мы должны принимать, не теряя минуты, свои меры.

Во всяком случае, это, по моему мнению, благодеяние Русского Бога, и вот в чем именно состоят великие Его новоявленные милости:

1. Священный союз, столько для России пагубный, уничтожен не ею, а самой Австрией.
2. Мы получили торжественное, осязательное и ясное удостоверение, что друзей Россия в Европе не имеет и полагаться ни на кого не должна, кроме единоплеменных славян и единоверных греков.

Наконец, 3. Мы избавляемся от унижительной все-таки опеки Наполеона, которого соблазнительное рождение 2 декабря с прочими романическими и мелодраматическими похождениями не слишком возвышает честь ему сопутствовать и разделять его судьбу, хотя и со звездою; Наполеона, которому верить страшно. Timeo Danaos alque dona ferentes!^[37]

А вот выгоды, кои мы можем извлечь из главного трактата:

Мы можем принимать живое и деятельное участие в судьбе славян в Турции, к которым боялся прикоснуться покойный граф Нессельроде со всеми своими раболепными агентами, чтоб не возбудить подозрений. Мы можем по преимуществу, если сами французы и англичане действуют в этом смысле, а наше участие всегда будет иметь более доверенности и более значения.

Польша обойдена европейскими державами вовсе, как будто бы не существовала, и следственно, подан Русскому правительству прекрасный случай сблизиться с нею и примириться.

Мы можем разослать также везде консулов: между славянами на Востоке, в Турции, Персии и даже Индии, консулов деловых, знакомых с языками, которые способны были бы высматривать все обстоятельства, вступаться во все дела, устраивать всякие связи.

Мы имеем время примириться с умеренной и левой стороной Европы посредством свободных мер и сообщения сведений о нашем быте.

Вот польза мира, в дополнение к урокам войны о необходимости образования и несостоятельности всей нашей прежней политики.

Следовательно, образ наших действий теперь определен, соединились ли мы с Францией, или остались одни.

С Францией России легче, выгоднее.

Одной России – честнее, чище, хотя труднее и опаснее.

Мы заключили новый Тильзитский мир, мы должны помнить во всяком случае, что Эрфуртская дружба кончилась нашествием «двадцати язык». Как Парижский трактат постыднее и тягостнее Тильзитского, так и нового нападения (если то будет) должно ожидать гораздо сложнее, грознее, обманчивее: все происшествия выходят теперь, как будто вторым изданием, *secondeédition, revue, corrigée et augmentée*^[38]. Севастопольская экспедиция должна служить образчиком, чего и в каком виде следует ожидать нам впереди.

Как бы то ни было, медлить нечего, а надо приниматься тотчас за дело. Самое время спешить; в один год происходит то, на что не доставало прежде ста лет, и постепенными улучшениями довольствоваться нельзя. На ловлю ехать – собак кормить поздно. Пожалуют вдруг гости, так не успеешь раскинуть лагеря даже при Дриссе. Надо вдруг приниматься за все: за дороги, железные и каменные, за оружейные, пушечные и пороховые заводы, за медицинские факультеты и госпитали, за кадетские корпуса и училища мореплавания, за гимназии и университеты, за промыслы и торговлю, за крестьян, чиновников, дворян, духовенство, за воспитание высшего сословия (да и прочие не лучше), за взятки, роскошь, пенсии, аренды, за деньги, за финансы, за все, за все.

Выбирай всякое занятие по силам и способностям, не прячься с талантами в угол, а выступай вперед, предлагай свои услуги, жертвуя своим самолюбием. Аще и гуменце у кого пострижено, не оставайся без дела, склавши руки.

Конституция нам не нужна, а дельная, просвещенная, диктаторская власть необходима. Зло пустило у нас такой корень, что без хирургической операции подчас ничего не сделаешь. Все места обросли каким-то диким мясом форм, привычек, незаконных доходов, преданий гнусных и освященных давностью даже в глазах порядочных людей.

Надо признаться во всех своих недостатках, ошибках, промахах и воспользоваться полученными тяжелыми уроками; надо оплакать унижение, до которого дошли, и напрячь все свои силы, чтоб снова восстать.

Но где взять людей? Обыкновенная пустая отговорка! Не люди не находят людей, а человек всегда найдет человека. Придворный персонал, переизвестный и переиспытанный, заматеревший в летах зрелых, не может, разумеется, доставить деятелей на все места. Вина нового не вливают в мехи старые. Но из семидесяти миллионов молодого, свежего, даровитого народа найдется на всякое место по благопотребному мастеру, и с подмастерьями. Кликните клич!

В другом письме я писал о средствах отыскания людей. Здесь скажу только, или лучше повторю, что гласность, гласность и гласность, образование, образование и образование, дельное, существенное, а не форменное, парадное, отвлеченное представляют два главные существенные средства управиться нам сперва со врагами внутренними и потом внешними, и вообще два главные средства для преуспевания гражданского и человеческого.

Первое лицо в Европе – это Людовик Бонапарт. Он умен, смел и счастлив – в этом надо согласиться. Но он не пользуется уважением ни у себя дома, ни за границей. Правительства смотрят на него с подозрением, а народы не питают доверенности к благородству его сердечных убеждений. Русский Государь, умеючи, может привлечь себе общественное мнение, и самый могущественный союзник для него – законная свобода, «законному порядку изменившу».

Имея на своей стороне этого союзника, мы приготовимся встретить грозящую беду, и с Высшей помощью опять воскликнем, как восклицали отцы наши после нашествия 1812 года: «Кто Бог велий, яко Бог наш! Ты еси Бог, творяй чудеса!»

Мая 8 1856 г.

Об авторе

Дубровин Николай Федорович.

Родился 26 ноября 1837 года. Скончался 12 июня 1904 года.

Историк, член-корреспондент Петербургской Императорской Академии наук по разряду историко-политических наук («История и древности российские») Историко-филологического отделения со 2 декабря 1877 года. Адъюнкт по тому же отделению с марта 1877 года. Экстраординарный академик с 4 декабря 1899 года. Непременный секретарь Академии наук с 4 сентября 1893 года по 12 июня 1904 года.

notes

Примечания

Все даты приводятся по новому стилю.

Десантом называются сухопутные войска, посаженные на суда для перевозки морем.

Это несправедливо – корабль, на котором находился Осман-паша, был сожжен.

Башня эта строилась на деньги, пожертвованные отставным подпоручиком Волоховым, оттого и названа его именем.

В первой линии стояли: левее всех второй батальон Минского полка; затем от него вправо по порядку: батальоны полков Белостокского, Брестского и Бородинского и две батареи № 1 и 2 16-й артиллерийской бригады. Во второй линии стоял Тарутинский полк, а в резерве Московский.

Ближе к мосту и в первой линии стоял полк великого князя Михаила Николаевича, правее его Суздальский полк; во второй линии стояли полки Углицкий и Владимирский.

Здесь были только 1-й, 3-й и 4-й батальоны этого полка, а 2-й, как мы видели выше, стоял в первой линии левее всех наших войск.

Дарья Александровна (по другим данным – Лаврентьевна) Михайлова в июле 1855 годы вышла замуж за рядового 4-го ластового экипажа М. В. Хворостова. Уехав с мужем в Николаев после 1857 года, впоследствии вернулась в Севастополь и до конца своих дней жила на Корабельной стороне.

Для потопления были назначены корабли: «Три святителя», «Уриил», «Селафаил», «Варна» и «Силистрия»; фрегаты «Флора» и «Сизополь».

Молоденькими назывались английские пули с чашечками.

Лебедушка – пуля глухая без чашечки.

Два батальона Камчатского полка, *три батальона* Днепровского, два Волынского, один Углицкого и один, составленный из моряков 35-го и 44-го экипажей.

Как оказалось, иеромонах Иоанникий был не только контужен, но и смертельно ранен. Скончался он в Северном укреплении. Мужественного монаха за отличие наградили орденом Св. Георгия 4-й степени (награда для священнослужителя редчайшая). Узнав о его геройской гибели, граф Шереметев даровал вольную матери и всем родственникам иеромонаха.

Одна из английских батарей.

Город в Крыму, занятый союзниками.

Значительность нашей потери против потери неприятеля происходила оттого, что в ожидании штурма нам приходилось держать много людей на батареях и на бастионах, тогда как неприятель в таком скоплении войск надобности не имел.

Полки: Муромский, князя Варшавского, Азовский, Подольский и Житомирский – все в четырехбатальонном составе.

10-й артиллерийской бригады № 1 и 14-й артиллерийской бригады № 4.

Мерлоном называется часть насыпи, находящейся между двумя амбразурами.

В каждом батальоне насчитывалось от 350 до 700 человек.

Прибавив к этому артиллерийскую прислугу при орудиях, во всем гарнизоне насчитывалось до 45 000 человек.

Два батальона Владимирского, два – Забалканского, три – Полтавского и два Суздальского полков.

Сюда сносились все безнадежные и смертельно раненные.

Одна из сестер милосердия.

Так называются ямы, вырывааемые впереди укреплений с целью задержать неприятеля.

Ефим Кузнецов, штуцерник 11-й егерской роты Камчатского егерского полка, из крестьян Калужской губернии, Перемышльского уезда, деревни Филатово.

Присыпка для стрелков с внутренней стороны насыпи или вала укрепления.

Так назван ныне храм, заложенный прежде во имя св. Владимира.

«Ежедневные потери неодолимого севастопольского гарнизона, – писал Государь, – все более ослабляющие численность войск ваших, которые едва заменяются вновь прибывающими подкреплениями, приводят меня еще более к убеждению, выраженному в последнем моем письме, о необходимости предпринять что-то решительное, *дабы положить конец сей ужасной бойне*, могущей иметь, наконец, пагубное влияние на дух гарнизона. В столь важных обстоятельствах, дабы облегчить некоторым образом лежащую на Вас ответственность, предлагаю Вам собрать из достойных и опытных сотрудников Ваших военный совет. Пускай жизненный вопрос этот будет в нем со всех сторон обсужден, и тогда, призвав на помощь Бога, приступите к исполнению того, что признается наивыгоднейшим». – *Прим. ред.*

Один из очевидцев приводит следующий диалог между генералом и солдатом:

— Лезервы нам дайте!

— А тебя кто послал?

— Товарищи.

— А офицеры где?

— А все поубиванные! – *Прим. ред.*

Участник этого боя А. А. Вязмитинов писал впоследствии: «Мы рвались вперед, опьяненные пылом боя и забывая, что пытаемся овладеть тем самым местом, с которого за полчаса перед этим сошли по невозможности на нем держаться... Для человека, не отуманенного свалкой, была бы ясна сумасбродность наших порывов, но мы не думали о том, были ли наши действия целесообразны или бесцельны. Одно время мы даже порывались, сломив бывших против нас зуавов, ворваться на Малахов курган, и нам в голову не приходило то, что четверем– или пятистам человекам почти так же невозможно выбить оттуда несколько тысяч французов, как невозможно фуражкой сшибить Исаакиевский собор». – *Прим. ред.*

Печатается по изданию: *Рерберг П.* Севастопольцы. Участники одиннадцатимесячной обороны Севастополя в 1854–1855 годах. Т. 1. – СПб. 1903.

Если не оговорено особо, воинские звания участников войны приводятся по состоянию на момент ее окончания.

Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – русский историк, писатель, академик Петербургской АН (1841). Сторонник норманнской теории происхождения русского государства. Во взглядах близок к славянофилам. Пропагандировал идею славянского единства.

После нас – хоть потоп! (*франц.*)

Сердечное согласие. (франц.)

Бойся данайцев, дары приносящих (лат.).

Издание второе, пересмотренное, исправленное и дополненное. (франц.)